

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

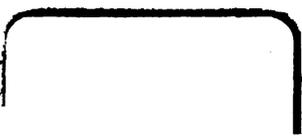
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Графу Алексею Федоровичу
Орлову

ИСТОРИЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ.

I.

۳۹۵

بسم الله الرحمن الرحيم

ИСТОРИЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ
ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

СЕНАТОРА Д. БУТУРЛИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

=
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 25-го дня 1838 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ

ГРАФУ

ИЛАРИОНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

ВАСИЛЬЧКОВУ,

ВЪ ЗНАКЪ ДУШЕВНАГО ПОЧТЕНІЯ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

КНИГА ПЕРВАЯ.

=

(1584 — 1605 годы.)

=

Начало XVII-го вѣка въ Россіи ознаменовано событіями чрезвычайными, кои шѣмъ болѣе изумляють насъ, что Исторія предшествовающаго полувѣка нисколько не пригошовляешъ къ онымъ. Русскій народъ, двадцать чепыре года сряду безмолвно работвпшвующій несповшвамъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, и съ покорностію, однимъ спрашперпцамъ свойшвенною, переносившій его мучительшва, вдругъ самъ разрываетъ всѣ узы законной подчиненности, и съ неимовѣрнымъ оспервененіемъ вдаешся въ ужасы самовольшва и безначалія. Духъ буйшва и раздора, предавая всѣ сословія изспуленію гнусвйшихъ спра-

Часть I.

1

стей, попрясаешъ самыя начала государственнаго образованія и очевидно влечешъ Россію къ конечному разрушенію ея самобытности. Но самая безмѣрность зла ужасаетъ спротивившихъ. На краю бездны Русскіе внемлютъ гласу погибающаго отечества. Сильный, единодушный порывъ уничтожаетъ въроломныя замыслы вѣнскихъ враговъ и внутреннихъ крамольниковъ, и спасенная Россія успокаивается на обновленныхъ основаніяхъ своихъ. Только внимательный разборъ подробностей происшествій того времени можетъ объяснить намъ причины сихъ дивныхъ переворошевъ, важнымъ слѣдствіемъ коихъ было измѣненіе въ общественномъ устройствѣ самаго многочисленнаго сословія въ Россіи.

18-го Марта 1584 года, смерть прекратила злодѣянства Грознаго. Казалось, Русскимъ оставалось только съ восторгомъ благодарить Всевышняго за избавленіе свое отъ кроваваго тирана. Но люди искренно преданные отечеству не безъ препятствій встрѣчали новое царствованіе. Известное въѣтъ слабоуміе Феодора, сына и преемника Іоаннова, давало поводъ опасаться, чтобы чрезъ безупрочно не погрязло величіе государства. Нельзя было не признаться, что свирѣпая, но мощная рука Царя Іоанна, не безъ пользы дѣйствовала къ довершенно великихъ начинаній глубо-

комысленнаго дѣда его, Великаго Князя Іоанна III-го, наспоющаго основателя Россійской Монархіи. Но чрезъ безсиліе недужнаго Θεодора, Россія могла снова ушрапшсь споль дорогою цѣною ею пріобрѣтенныя блага.

Впрочемъ событія, казалось, не оправдали сихъ опасеній. Θεодоръ, равнодушный ко всѣмъ почестямъ и обязанностямъ своего высокаго сана, любилъ только на семъ свѣтѣ колокольный звонъ и достпойную супругу свою, Царицу Ирину, родной братъ которой, Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ, находился уже въ боярскомъ званіи еще при жизни покойнаго Царя. Сему хитрому, честолюбивому вельможѣ, одаренному опъ природы необыкновенными способностями, не трудно было, чрезъ посредство нѣжно привязанной къ нему сестры, овладѣвъ совершенно Царемъ, и его именемъ управлять государствомъ. Ему обязана Россія, что четырнадцатилѣтнее Θεодорово царствованіе справедливо почитается одною изъ счастливейшихъ эпохъ въ ея исторіи. Внутреннее благоденствіе народа, укрощеніе опаснаго Черемискаго бунта, озабочивавшаго послѣдніе годы правленія Іоаннова, возвращеніе силою оружія опъ Шведовъ Ивангорода, Ямы, Копорья и Кексгольма, упроченіе и распространеніе завоеваній въ Сибири и, наконецъ, умноженіе зависимости Россійской церкви опъ

Цареградской, посредствомъ успановленія само-
бышнаго Пашріаршества въ Москвѣ, оказали пра-
вительственную мудрость Годунова и, казалось,
служили вѣрнымъ залогомъ прочности Россійскаго
могущества. Однако среди сихъ славныхъ подви-
говъ, два дѣйствія воли Годунова, одно пресупу-
нос, другое можетъ быть по погоданнымъ об-
стоятельствамъ необходимое, посвятали уже съ-
мена будущихъ золъ. Говоримъ о убіеніи Царевни-
ча Димитрія и о законѣ касательно укрѣпленія
крещьянъ.

Смерть Царевича была нужна Годунову для ис-
полненія дерзкихъ замысловъ его. Правитель, (самъ
Пашріархъ такъ называлъ Годунова), упоенный вла-
стію безмѣрною, съ ужасомъ рассчитывалъ, что
мгновеніе могло лишить его оной. Все зависѣло
отъ жизни Царя, кошорому слабое сложеніе пѣла
не обѣщало ни многолѣтія, ни попомощва. Един-
ственнымъ наследникомъ его былъ осьмилѣтній
братъ его, Царевичъ Димитрій, жившій съ ма-
терью своею, изъ фамиліи Нагихъ, въ данномъ ему
въ удѣлъ городѣ Угличѣ. При воцареніи Димит-
рія Годуновъ неминуемо содѣлался бы жертвою за-
коренѣлой ненависти къ нему Нагихъ. Къ есте-
ственному желанію отвратить грозящую ему
опасность, соединились еще въ сердцѣ Годунова
и обольщенія верховнаго сана. Уже Царь на дѣлѣ,

онъ хотѣлъ бытъ и Царемъ по имени. Одинъ Димитрій заграждалъ ему путь къ престолу: участь Царевича была рѣшена!

Замышляя погибель его, Годуновъ искалъ сперва обезславить его въ общемъ мнѣнн. Приверженцы Правишеля разсѣвали повсюду, что царственный опрокъ, оказываемою имъ въ играхъ и ^{Палатинъ и Флетчеръ.} разговорахъ люшостию, уже подобился звѣрскому опцу своему. Съ другой спороны, основываясь на происхожденн его опъ седьмого брака, православною Церковью запрсцаемаго, Годуновъ выславлялъ его незаконнорожденнымъ, и запрешилъ поминать его имя на Липургн. Позволишельно предполагать, что Правишель нѣкошорое время думалъ симъ средспвомъ опспраннть опаснаго соперника и безъ совершенн преспуленн, коему еще прошивуборспвовала его совѣспь. Но дальновидность его скоро указала ему ненадежность приняспыхъ мѣрѣ. Не прудно было угадать, что со смерспню Феодора исчезнетъ всякое сомнѣнн на счепъ законности рожденн Димитрія въ глазахъ народа, искренно привязаннаго къ поколѣнню спаринныхъ Государей своихъ. Опавалось или опказась опъ очаровашельной мечспы, или содѣлалась злодѣемъ. Годуновъ избралъ послѣднее.

Хошя Правишелю удалось закупнть Царевиче-^{Никоновская Лѣтопись.} ву мамку, боярнню Волохову, однако бдишельность

нѣжной мащери и вѣрной кормилицы не дозволила исполнить первопріяшлаго намѣренія, шайно извесить Димшрїя. Прибѣгнули къ злодѣйству опкрышному. Посланные опъ Годунова въ Угличь убійцы, Данило Бишяговскій и Никипа Качаловъ, съ помощію мамкина сына Осяпа Волохова, заръзали Царевича, 15-го Мая 1591 года около полудня, на крыльцѣ занимаемаго имъ дворца. Встрѣвоженный спрашною вѣспію, Углицкій народъ пошаме бросился ко дворцу, и въ испушеніи гореспи, при видѣ бездушнаго шрупа, убилъ шрехъ злодѣевъ и съ ними опца Бишяговскаго и еще шрехъ человекъ и одну женщину, подозрѣваемыхъ въ участіи прешупленія. Если взяшь въ соображеніе, сколь нужно было Годунову прервать всѣ нити, по коимъ можно было бы добрашься до воспощаго зачинщика, шо не легко оградишь себя опъ подозрѣнія, что онъ же былъ шайнымъ орудіемъ гибели своихъ гнусныхъ сообщниковъ, и что по наущенію его же приверженцевъ городскіе жители самоуправно опмстили за смерть Царевича.

Успокоенный касательно явныхъ пропивъ себя уликъ, Правитель еще превожился слухомъ о народной молвѣ, грозно указывающей на него, какъ на перваго виновника прешупленія, которое никому иному и полезно бышь не могло.

Дабы избавишься опъ спрашнаго нареканія,

ему не предшавлялось другаго средства, какъ спараться доказать, что самое преступленіе было вымышленное. Хотя ируднымъ казалось въ ложномъ видѣ высказавши происшествіе, коему свидѣтелемъ быть, такъ сказать, цѣлый городъ, однако Годуновъ отважился на сіе предпріятіе, и лукавство его и шутъ увѣчалось успѣхомъ, почти немощнымъ.

По повелѣнію его опправлены немедленно изъ Москвы въ Угличъ при слѣдователя, а именно: бояринъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, Окольниковъ и Царскій дядька Андрей Васильевичъ Клеининъ и дьякъ Вылузгинъ. Клеининъ былъ извѣстнымъ угодникомъ Правителя. Ничпожностъ Вылузгина сокрыла ошъ попомощва его образъ мыслей; нѣтъ сомнѣнія, однако жъ, что онъ избранъ былъ изъ числа преданнѣйшихъ слугъ Годунова. Но все покрывалось громкимъ именемъ Шуйскихъ. Никому безизвѣстно не было, что сіи горделивые попомки Государей Суздальскихъ явно враждовали Годунову, кошорый, плашя злобою за злобу, въ недавнемъ времени еще приказалъ удавить двухъ бояръ Шуйскихъ, Князя Андрея Ивановича, и племянника его, знаменишаго защитника Пскова, Князя Ивана Пешровича. За шѣмъ назначеніе Князя Василія Ивановича казалось дѣйствіемъ смѣлымъ, являющимъ безпрестрашеніе Правителя. Но онъ

уже успѣлъ преклонить на свою спорону Князя Василя Ивановича. Сей вельможа, самъ едва ли успулавшій Годунову въ лукавствѣ и честолюбіи, убѣдился, что, въ неравной борьбѣ съ обладателемъ государства, онъ только изгнотовилъ бы себѣ неминуемую гибель, и пошому рѣшился ошказашься ошъ семейной ненависти и сблизиться съ убійцею своихъ сродниковъ, въ ожиданіи ошъ него важныхъ для себя выгодъ и почестей. Годуновъ, желая упрочить примиреніе съ нимъ, выдалъ своаченицу свою, дѣвицу Екашерину Скурашову, за меньшаго его брата, Князя Димитрія.

Легко себѣ вообразить, что шаковыя слѣдователи дѣйствовали по направленію Годунова. Единодушное свидѣтельство Углицкихъ жителей было успранено, а основаніемъ розыска приняты

Собраніе Государственныхъ грамотъ показанія нѣкопорохъ лицъ, закупленныхъ или за-спраченныхъ. Царю донесли, сполицъ объявили,

что Царевичъ самъ заколося въ припадкѣ падучей болѣзни. Сей изворотъ пѣмъ пріятнѣе былъ для Годунова, что давалъ ему поводъ дать возчувствовашь гнѣвъ свой пѣмъ, кои искренно оплакивали Димитрія. Наказуя будшо бы небреженіе о Царевичѣ, Нагихъ разослали въ ошдаленные города, а вдовспвующую Царицу, посприженную по невогѣ

Морозовская Лѣтопись. и нареченную Мареою, заключили въ монастырь.

Угличане шаже не укрылись ошъ злобы Прави-

шеля: Ихъ укоряли въ пролишій мнимо-невинной крови убійць Царевичевыхъ. До двухъ сошъ изъ нихъ были казнены, другіе разсажены по шемницамъ, а большую часшь вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ. Запустѣніе древняго Углича оспалось для попомспва печальнымъ памяшникомъ месши и преспушленія Годунова.

Сибирскія
Лѣтописи.

Выказывая свое могущество погубленіемъ прошивниковъ своихъ, вмѣспъ съ шѣмъ Правитель убѣждался въ необходимости воспользоваться первымъ случаемъ, дабы умножишь во всѣхъ сословіяхъ число своихъ приверженцевъ благодѣянiami, щедрою рукою изліянными. Сей случай не замедлилъ предспавишься, и споль для него благовременно, чшо современники не усумнились приписашъ оной его же шайнымъ побужденіямъ. Москва загорѣлась 22-го Мая, не случайно, а по злоумышленію и, ушверждающъ, по повелѣнію Годунова. Пожаръ былъ ужасный. Уцѣлели шолько Кремль и Кишай. Сіе бѣдспвіе уже шѣмъ было полезно для Годунова, чшо опвлекало умы опъ шолковъ о смерти Царевича. Но Правитель симъ не удовольспвовался. Онъ явился среди опчаянныхъ Москвитянъ въ видѣ ангела ушѣшителя, сыпалъ деньгами, давалъ льгошныя грамошы, однимъ словомъ, не шолько всякій получилъ вужное пособіе, но даже для многихъ вознаграденіе превышало убышки. Не

Никоновская
Лѣтопись,
Палицынъ и
Маржереть.

минуемымъ слѣдствіемъ сей расщепливой распо-
чишельности было , что все нареканія противъ
Годунова умолкли, и имя его громко славилось въ

Никоновская сплющія.
Литовскія.

Такимъ образомъ Правитель приближался къ
своей цѣли, какъ вдругъ нечаянное событіе едва не
испровергло все его замыслы. Царица Ирина ока-
залась беременною, и 14-го Іюня 1592 года роди-
ла дочь Θεодосію. Но сія неожиданная соперница
не долго безпокоила Годунова: она скончалась въ
слѣдующемъ году, и преждевременная смерть ея
навлекла новое подозрѣніе на Правителя.

Другое дѣйствіе воли Годунова, не менѣе
смерти Царевича Димитрія пагубное для Россіи
во послѣдствіяхъ своихъ, было, какъ уже сказа-
но, укрѣпленіе крестьянъ.

Изнѣстари въ Россіи люди низшаго сословія
раздѣлялись на два сословія: *холопей*, находивших-
ся въ домашней службѣ не только у чиновныхъ
людей, но и у купцевъ и *крестьянъ*, упражнявших-
ся въ сельскихъ занятіяхъ. Холопя также были
двухъ родовъ: полные и кабальные. Полными на-
зывались тѣ, которые находились, и съ попом-
ствомъ своимъ, въ вѣчномъ и попомствѣнномъ
владѣніи у господъ своихъ. Кабальные же, также
съ происшедшими отъ нихъ, были крѣпки пому
господину, кому давали на себя кабалу только на

время его жизни; но смерти же его опять получали свободу. Всякій вольный человекъ, не исключая и крестьянъ, имѣлъ право не одного себя, но даже и дѣшей своихъ, записывать въ полные или кабальные холопы къ какому бы то ни было господину. Что касается до крестьянъ, то они всегда были людьми вольными, не имѣвшими впрочемъ собственности недвижимой. Они пользовались важнымъ правомъ, произвольно переходить ежегодно изъ одного селенія въ другое, рассчитавшись предварительно съ прежнимъ владѣльцемъ. Дабы не дѣлать помѣщальства въ сельскихъ работахъ, срокъ перехода положенъ былъ по окончаніи оныхъ, и ограничивался двумя недѣлями, а именно за недѣлю до осенняго Юрьева дня, и черезъ недѣлю послѣ онаго. Крестьяне, въ вознагражденіе за предоставляемые имъ участки земли, работали на владѣльца, и вмѣстѣ съ шѣмъ платили въ казну подать, кошорая обезпечивалась посвященнымъ на ихъ участкахъ хлѣбомъ.

Въ семь, такъ сказать, кочевомъ состояніи хотя крестьяне никогда благоденствовали не могли, ибо владѣльцы, не радѣя о временныхъ работникахъ своихъ, обременяли ихъ трудами непомерными, а сироты, увѣчные, преслѣваемые опасались безъ приюта и призрѣнія, основывая всю надежду свою пропитаться на прихотливыхъ по-

бужденіяхъ соспрананія чужихъ людей; однако жъ важныхъ государственныхъ неудобствъ не представлялось, пока Россія пребывала въ сптвенныхъ границахъ, и въ особенноти пока удѣльная система разрывала ее на мелкія владѣнія. Но когда съ водвореніемъ единой державы и разширеніемъ предѣловъ государства, кругъ перехода крестьянъ чрезвычайно увеличился, бродяжничество ихъ со дня на день спановилось вреднѣе. Это сіе дошло до высочайшей степени съ покореніемъ Казани и Астрахани, обезопасившимъ все проспранство земли, между Цною и Волгою лежащее. Сія обширная, плодородная спрана, рѣдко населенная Мордвою, Чувашиами и Ташарами, представляла важныя выгоды для новыхъ переселеній. Не трудно было сильнымъ вельможамъ и богатому духовенству пріобрѣсти часть пустопорожня земли, и переманивать на оныя поселанъ изъ внутреннихъ областей Россіи къ крайнему раззоренію бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, не имѣвшихъ возможности доставлять крестьянамъ своимъ льготы и выгоды, предлагаемыхъ выходцамъ жилищными людьми. Первымъ слѣдствіемъ сего было запусканіе селъ и деревень въ окрестностяхъ самой столицы, какъ свидѣтельствуетъ о томъ очевидецъ, Англійскій посланникъ, докторъ Флешчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1589 году. Годуновъ, съ

одной спороны предусматривая ослабленіе государства опъ могущаго произойти въ самыхъ нѣдрахъ онаго безлюдства, а съ другой желая угодишь мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, сославлявшимъ въ погдашнее время главную военную силу Россіи, прибгнугь къ мѣрамъ рѣшишельнымъ. Увлекаясь при мѣромъ сосѣдственныхъ земель: Липвы, Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ съ давняго времени крѣпостное право владѣльцевъ селеній распроспранялось и на жипелей оныхъ, онъ запрешилъ переходъ крестьянъ, а велѣлъ имъ оспавашься навсегда въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ они значились по переписнымъ книгамъ, сославленнымъ въ 1593 году. Впрочемъ и шущъ законъ не предоспавлялъ ихъ еще въ полное распоряженіе владѣльцевъ, шакъ чшо никто не могъ своего крестьянина, прошивъ воли его, обратишь въ полное или кабальное холопство *.

Симъ важнымъ постановленіемъ не ограничился Правитель въ преслѣдованіи бродяжничества. Въ 1597 году повелѣно всѣ крѣпости на поляхъ холопей, и всѣ кабалы на кабальныхъ записывашь въ книги въ Холопьемъ Приказѣ, и запрещено холопамъ выкупашься опъ кабалы взвсомъ шой

* *Примчаніе.* Самый текстъ сего перваго закона до насъ не дошелъ, а только дополненіе онаго, изданное въ 1597 году, и устанавлиющее пятилѣтнюю давность на возвращеніе владѣльцамъ бѣглыхъ ихъ крестьянъ. Смотри Приложение № I.

сушны, за кощоруо они закабалились. При семъ случаѣ сдѣланъ разборъ вольнымъ людямъ, служащимъ у господъ безъ кабалъ. Тѣмъ изъ нихъ, кощорые у него служили менѣе полугода, предосиавлено было на волю или закабалишься пому же господину, или искать другаго; но что касается до людей, служившихъ полгода или болѣе непрерывно у одного господина, то шаковому выдавалась на нихъ кабала, даже и безъ ихъ согласія, по той причинѣ, что они ихъ кормили, одѣвали и обували*.

Син распоряженія, спомъ спивснительныя для личной свободы людей низшихъ сословій, неминуемо должны были породить въ нихъ сильное недовѣданіе. Сожалѣніе ихъ о упрямыхъ правдахъ сохранилось даже до нашихъ временъ въ слѣдующей народной пословицѣ: *Вотъ тебѣ бабушка Юрьевъ день!* Годунову не лзя было не знать о всеобщемъ ропотѣ, но онъ полагалъ, что можетъ пренебречь недовѣльствіемъ народнаго класса, хотя и самаго многочисленнаго, но бѣднаго, безоружнаго и слѣдственно беззащитнаго. Увидимъ, что онъ обманулся въ своей расчепѣ, и что онъ самъ в Россіи дорого заплатилъ за сію ошибку.

Феодоръ тихо приближался ко гробу, не оспавляя по себѣ наследника, кощораго, но тогдашнему образу мыслей, можно было бы назвать закон-

* Смотри Приложение № II.

нимъ. Московскій Великокняжескій домъ гибнуть подъ ударами соборивенныхъ чадъ своихъ. Такъ какъ все помышленія глубокомысленныхъ Государей сего дома устремлялись къ водворенію единодержавія, и къ учрежденію преемственнонаследованія по праву предпочтвенія первородства, а не по старшинству въ родѣ *, но для достиженія сей важной цѣли, они даже не дорожили связями семейными. Самые ближніе кровные ихъ содѣлались жертвою мрачной политики. Иныхъ умерщвляли, другихъ предавали вѣчному започенію. Такъ сгубили: Василій Темный двухъ двоюродныхъ братьевъ, Василя Косого и Димитрія Шемяку, и шреняго правнучащаго, Василя Боровскаго съ тремя сыновьями его; Іоаннъ III роднаго внука своего, Димитрія Ивановича, и роднаго брата Андрея Углицкаго съ двумя сыновьями его, Василій Ивановичъ, правнучащаго брата Василя Шемяку Рыльскаго; Правнучаща Елены деверей

* *Примчаніе.* Въ старину въ Россіи, при открытіи наследства Великокняжескаго престола, дядя, какъ старшій въ родѣ, предпочитался племянникамъ, такъ что послѣ умершаго Великаго Князя наследовалъ не сынъ, а братъ покойнаго. Храбрый сподвижникъ героя Донскаго, Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, первый торжественно отказался отъ сего преимущества въ 1389 году въ пользу сына Донскаго; но 36 лѣтъ спустя, второй сынъ Донскаго, Князь Юрій Дмитріевичъ, оспаривалъ еще престолъ у племянника своего Василя Васильевича Темнаго.

своихъ, Князей Юрія и Андрея Ивановичей, и наконецъ самъ Царь Грозный двоюроднаго брата, Князя Владиміра Андреевича и двухъ сыновей его. Кромѣ того Великіе Князья не охотно позволяли братьямъ своимъ вступать въ бракъ, отъ чего въкошорые изъ нихъ умирали холостыми. При такихъ противныхъ распложенію дѣйствіяхъ, не удивительно, что царскій корень, хотя отъ природы одаренный довольно замѣчательною плодовитостію, изсякалъ, и что однокій Теодоръ оставался безъ сродниковъ, даже дальнихъ, по мужескому поговнію.

Впрочемъ, хотя племя Московскихъ Государей рѣшительно пресѣкалось, однако много еще было въ Россіи Князей, имѣвшихъ въ Рюрикѣ и Мономахъ общихъ съ ними родоначальниковъ, но никто и не мыслить, чтобы въ сихъ боковыхъ отрасляхъ, униженныхъ мѣстничесствомъ, могло еще сохраниться право на наследованіе престола Царскаго.

Въ наше время мало понимающъ мѣстничество. Испорикъ, не исключая и самого Карамзина, приписываютъ изобрѣшеніе сего чуднаго учрежденія единственно сумасбродному шцеславію славянской нашей аристокраціи, а вкорененіе онаго безопасному ослабленію Московскихъ Государей. Но кто же были сіи Государя? Лѣтописи указы-

ваюпъ намъ, что мѣспничеспво, начало свое воспріавшее при Іоаннѣ III *, размножилось при сынѣ его Василіѣ Ивановичѣ, а ушвердилось и содѣлалось настоящимъ государспвеннымъ учрежденіемъ при Васильевомъ сынѣ, Іоаннѣ Грозномъ, копорый письменнымъ закономъ указалъ оному правила и предѣлы. Можно ли съ правдоподобіемъ осуждать въ безпечности и послабленіи Государей, ошличившихся необыкновенною дальновидностію и чрезвычайною швердostí, часто доходившею даже до люшости, и не должно ли, напрошивъ того, полагать, что Государи сіи сами желали введенія мѣспничеспва, не безъ важныхъ на шо политическихъ причинъ, копорыя даже и угадашь не шрудно! Споишь шолько вспомнишь, что главнѣйшимъ государспвеннымъ дѣломъ того времени было водвореніе и упроченіе единодержавія. Покореніе Князей удѣльныхъ водворяло уже единодержавіе, но еще для упроченія онаго нужно было униженіе ихъ пошомковъ. Для доспженія

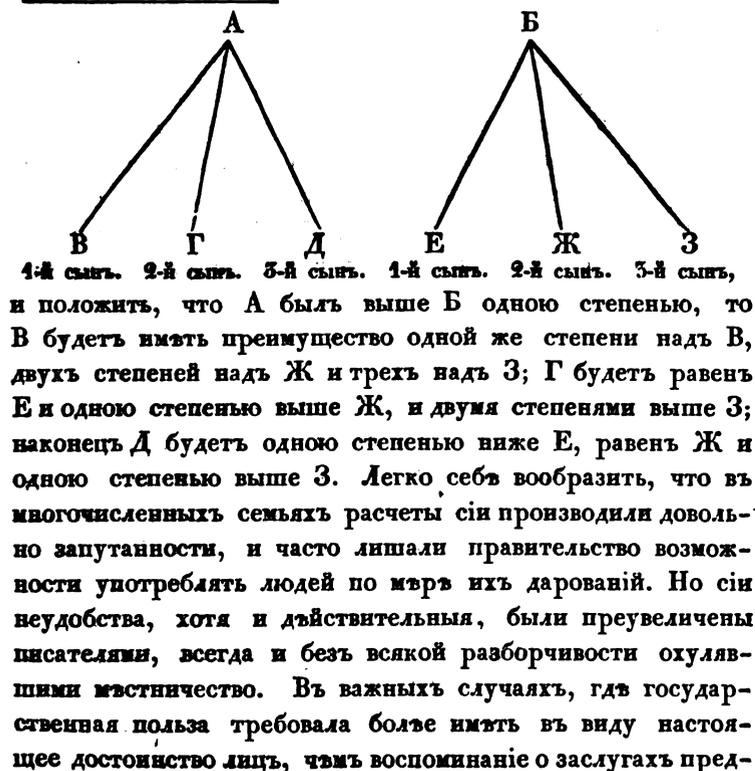
* *Примчаніе.* Замѣчательно, что первый примѣръ мѣспничества, о коемъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, данъ въ 1500 году, бояриномъ Юріемъ Захаревичемъ, прапрадѣдомъ Царя Михаила Феодоровича Романова. Сей бояринъ отказывался отъ начальства въ сторожевомъ полку, потому что не полагалъ себя меньше начальствовавашаго большимъ полкомъ, Князя Данила Щени, хотя сей происходилъ отъ Великихъ Князей Литовскихъ, а по бабкѣ своей былъ двоюроднымъ племянникомъ Государя.

сей цѣли Московскіе Государи, съ свойственною имъ проницательностію, избрали орудіемъ мѣстничества. Такъ какъ служба въ Московскомъ войскѣ была первою обязанностію покореннаго удѣльнаго Князя, шо неминуемо онъ долженъ былъ находиться подъ начальствомъ боярина, коему вѣрено было войско. Сію случайную подчиненность спарались обратишь въ постоянную. Если врожденное чувство, даже и въ наше время въ сердцахъ не совсѣмъ угасшее, по коему сынъ знатнаго сановника считаешъ себя выше сына чиновника, подъ начальствомъ отца его служившаго. Основываясь на семъ, мѣстничество поспановилю правиломъ, что когда кто начальствовалъ надъ кѣмъ, шо сынъ начальствовавшаго не можешъ безъ позора находиться на службѣ ниже сына того, кто былъ подчиненъ отцу его *. Такимъ образомъ въ

* *Примѣчаніе.* Мѣстничество было учрежденіе довольно многосложное. Военскія и придворныя должности раздѣлялись на разныя степени достоинства. Такъ напримѣръ первый воевода большаго полка, то есть главнокомандующій, почитался степенью выше перваго воеводы правой руки, а сей степенью выше перваго воеводы передоваго полка, и следовательно первый воевода большаго полка былъ уже двумя степенями выше перваго воеводы передоваго полка, и такъ далѣе. Также не всѣ сыновья одного отца пользовались одинакимъ старшинствомъ. Напротивъ того, если взять въ примѣръ двухъ отцевъ А и Б, изъ коихъ у А было три сына В, Г и Д, а у Б также три сына Е, Ж и З

новоучреждаемой въ XVI вѣкѣ аристокраціи для подавленія прежнихъ знаменитѣйшихъ родовъ, Квашнины, Бупурины, Воронцовы, Шеремешевы и многія другія дворянскія фамиліи, вступили на высшую степень достоинства передъ Князьями Долгорукими, Лобановыми, Гагаринными и прочими попомками Рюрика. Въ семъ положеніи могли ли сіи еще мечташь о правахъ своихъ на престолахъ Великокняжескій?

Однако не лзя пройти въ молчаніи, что родъ Князей Шуйскихъ, происходящій отъ Великаго

Князя Андрея Ярославича, впрочем брата Александра Невского, и следовательно сославляющий опратель, ближайшую всех прочих, опть Московской вѣшви, не упранилъ еще своей знаменитости и мало кому уступалъ въ первенствѣ. Предсависелемъ правъ сего рода по первородству былъ Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ, ко его природа какъ бы приугошляла къ высокому назначенію, одаривъ его свойствами необыкновенными, достойно развившимися къ чести и славъ опечесва. Но будущій герой былъ еще двѣнад-

ковъ, Царь останавливалъ дѣйствіе мѣстничества, приказывая служить *безъ мести*. Тогда никто не могъ отказаться поступить подъ начальство къ тому, надъ кѣмъ имѣлъ старшинство, но за то такого рода случаи записывались въ разрядахъ съ отиѣтою, чтобы оными никогда не руководствоваться, а считать ихъ дѣйствіями небывальными и следовательно оставлявшими всехъ чиновниковъ при прежнемъ ихъ старшинствѣ. Хитро-сплетенный механизмъ сего глубокообдуманнаго учрежденія дѣйствовалъ такъ удачно, что одного вѣка достаточно было для довершенія униженія Княжескихъ родовъ безъ всякихъ самопроизвольныхъ и угнѣтательныхъ мѣръ. Въ началѣ XVII столѣтія мѣстничество, будучи уже безъ цѣли и выкаывая одни неудобства свои, вѣроятно было бы уничтожено, если бы Царскій домъ не пресѣлся. Но даже помраченный блескъ фамилій, происходящихъ отъ Рюрика, могъ еще казаться опаснымъ для первыхъ Государей новой династіи Романовыхъ, и они долго не касались мѣстничества. Существованіе учрежденія, пережившаго свой вѣкъ, продолжалось до 1682 года, въ коемъ Царь Феодоръ Алексѣевичъ отиѣнилъ оное, съ согласія собранной для того Земской Думы.

цаши-лѣшнимъ сиротою , и имѣлъ только дальнихъ родственниковъ, изъ коихъ ближайшій, правнучашный дядя его, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, уже предавшійся Прависелю, не легко бы рѣшился опказаться опть ожидаемыхъ опть него милоспей для поддержанія правъ опрока , коего пользы мало касались до него.

Если обратитесь къ женскому поколѣнію Царскаго дома, то и въ ономъ Годуновъ не опасался уже соперничества. Ближайшею сродницею Царю Теодору въ семь поколѣній была его внучатная сесипра, вдовствующая Королева Ливонская, Марія Владиміровна, дочь Князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго. Послѣ смерти супруга ея, мнимаго Короля Магнуса, она съ малолѣшною дочерью своею, Евдокією, смиренно жила въ Курляндскомъ городѣ Пильпенѣ, купленномъ Магнусу опцемъ его, Королемъ Датскимъ. Но Годуновъ, еще въ 1587 году, успѣлъ и мать и дочь зазвать въ Москву, обвщая машери богато устроишь учаешъ ея и прінскашъ ей доспойнаго жениха. По прибытіи же ихъ въ столицу, объявили несчастной машери, что она должна поспричься , если не хочешъ бышь разлучена съ своею дочерью и окончишь дни свои въ пемницѣ. Марія избрала монастырь, угвѣшаясь Флечерь. мыслею, что удержишь при себѣ милое дитя. Но Евдокія могла ли избвжашъ участи , ожидавшей

Надгробныя
надписи въ
Троицкой
Лаврѣ.

пѣхъ, конхъ существованіе превзошло Годунова? Она скончалась въ 1589 году и, если вѣришь преданіямъ, по смерти ея была неспешвенна. Горестная мать, еще провела нѣсколько лѣтъ въ глубокой печали и наконецъ сама скончалась въ 1597 году. Послѣ нея остался ближайшимъ сродникомъ Феодору, по царскому женскому поколѣнію, его внучатный племянникъ, Князь Феодоръ Ивановичъ Мстиславскій, котораго бабка, Княгиня Наспасья, была дочь Царевича Казанскаго, Петра, и Царевны Еядокин, дочери Великаго Князя Иоанна III. Но Правитель не опасался Князя Мстиславскаго. Сей слабодушный вельможа, совершенно чуждый обольщеніямъ власполюбія, искренно спрашивался тяжкаго бремени вѣщеносцевъ, и твердо хопѣлъ всегда оспаваться первымъ подданнымъ. Къ тому же онъ споль боялся Годунова, что даже далъ ему обѣщаніе не всшупать въ бракъ. Хотя ссспра Мстиславскаго, Наспасья, при браствъ своемъ не могла имѣшь ни малѣйшаго права на пресполь, но она была въ замужствѣ за Симеономъ Бекбулатовичемъ, Царевичемъ Тацарскимъ, котораго Царь Иванъ Васильевичъ, при учрежденіи Опричины, объявилъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи, а пошомъ когда уничтожилъ Опричину, по вслѣлъ управляшь ему Тверью съ наименованіемъ Царя и Великаго Князя Тверскаго. Сш

чрезвычайныя почести, поддѣляемыя свойствомъ съ Царскимъ домомъ, придавали такую знаменитость Симеону, что, не смотря на довольно ограниченныя способности его, многіе помышляли о возведеніи его на царство по ожидаемой кончинѣ Теодора. Сія мысль, сообразная духу мѣспничества, въ особенностяхъ должна была нравиться великимъ боярамъ, которые охотнѣе подчинились бы тому, кто, нося хотя только имя Царя, стоялъ уже на высшей передъ ними степеніи достоинства, чѣмъ кому либо изъ среды ихъ же самихъ избранному и слѣдственно до шель имъ равному. Сіе расположеніе умовъ не могло укрыться отъ Годунова. По повелѣнію его, Симеонъ былъ изгнанъ изъ Твери и сосланъ въ одну изъ своихъ деревень; но и шель казался еще опаснымъ Правителю, который буди бы въ знакъ доброжелательства прислалъ ему на именины Испанскаго вина. Симеонъ выпилъ онаго и ослѣпъ, какъ самъ полагалъ, отъ смѣшаннаго съ виномъ ядовитаго зелья.

Маржеретъ и
Никоновская
Лѣтопись.

Сими злодѣяніями очистивъ себѣ шель, Годуновъ старался поселить въ умахъ понятіе, что по пресѣченіи царскаго корня, вѣнецъ никому приличнѣе поднесенъ быти не можетъ, какъ ближайшему родственнику послѣдняго Государя, безъ разбора о происхожденіи сего родственника. Многіе, вѣроятно, полагали дѣйствіе сего правила обра-

шипъ въ пользу дома Романовыхъ, вообще любимого въ народъ по воспоминанію о добродѣтельной матери Царя Феодора Иоанновича, Царицъ Анастасіи Романовой, изъ сего дома происшедшей Ближайшимъ родшвенникомъ Царя былъ двоюродный его братъ, а Царицы Анастасіи родной племянникъ, бояринъ Феодоръ Никишичъ Романовъ. Не такъ расчитывалъ Годуновъ! По наученію его, Царь духовнымъ завѣщаніемъ отказывалъ престолъ супругъ своей, Царицъ Ирину. Честолюбецъ зналъ, что смиренная Ирина не пожелаетъ царствовать, но для исполненія замысловъ своихъ ему нужно было положить державу въ руку ея хотя на нѣсколько дней. Такимъ образомъ послѣднимъ Государемъ былъ бы уже не Феодоръ, а Ирина, а у ней могъ ли быть родшвенникъ ближе брата ея родного?

Избирательныя грамоты на царство Бориса Годунова и Михаила Романова.

Все совершилось по желанію Правителя. 7-го Января 1598 года Феодоръ скончался и съ нимъ пресѣклось на престолъ царское поколѣніе, 735 лѣтъ сряду дававшее повелѣніемъ Россіи! Феодоръ, умирая, оставилъ, по словамъ важнаго современнаго акта, на скипетродержаніи *Россійскаго Царствія* Царицу Ирину. Въ сей рѣшительную часть Годуновъ бодрствовалъ. Онъ немедленно напомнилъ боярамъ, что должно присягнуть Царицъ. Никто не только не прошивился, но даже всѣ съ радо-

спію видѣли въ воцареніи Ирины удобнѣйшее средство къ удаленію роковой минушы, гдѣ должно будешъ занятыся опаснымъ и запруднительнымъ выборомъ новаго Государя. Чинновники и граждане, одинаковыми чувствами одушевленные, съ усердіемъ послѣдовали примѣру знашныхъ сановниковъ.

Не на долго успокоилась Москва. 15-го Января Царица объявила, что, желая приняты монашескій чинъ, опречаешся опъ престола и ввѣряешъ правленіе боярамъ и Пашріарху до шѣхъ поръ, пока успѣюшъ собраться въ Москвѣ всѣ чины Московскаго Государства для избранія новаго Царя. Напрасно духовенство, сановники и граждане заклинали Ирину именемъ сиротствующаго опещества не оставляшъ державы: она пребыла непреклонною и удалилась въ Ново-дѣвичій монастырь, гдѣ и посиприглась подъ именемъ Александры.

Годуновъ послѣдовалъ за ней, по видимому оставляя бразды правленія на произволъ судьбы, какъ бы самъ ница успокоенія послѣ упоминшльных шрудовъ. Но многочисленные приверженцы его не дремали! Они повсемѣсно внушали гражданамъ, что одна, на опышъ доказанная, государственная мудрость Бориса можешъ въ сихъ шрудныхъ обшпояшельствахъ сохранитъ величіе и спокойшвіе Россіи. Подспрекаемый сими ухищреніями, народъ шолпился въ Кремль вокругъ палашы, гдѣ

Донесеніе
Австрійскаго
гонца Шмалла.

засѣдали Паптріархъ и бояре. Вышедшій изъ оной Государственнѣйшій Дьякъ и Печашникъ Щелкаловъ предложилъ, чтобы всѣ цѣловами крестить на имя думы Боярской. Ему отвѣчали, что не хотѣли и знашь бояръ, и что присягали уже Царицѣ, купорую и въ черницахъ почитаютъ Государынею своею. Щелкаловъ доложилъ о семъ думѣ, и снова вышелъ къ народу объявляя, что Царица рѣшилась не хотѣть занимать дѣлами свѣтскими, и что если не присягнутъ боярамъ, то должно спрашивать смуть, отъ безначалія происходящихъ. Тогда всѣ возопили: *«И такъ да царствуетъ братъ ея!»* Паптріархъ Іовъ, обязанный высокимъ своимъ саномъ Годунову, былъ ему совершенно преданъ. Бояре же, легко угадывая, что все уже уговорено самимъ Борисомъ для исполненія давнишнихъ замысловъ, не смѣли противорѣчить. Положили немедленно войти въ соборъ въ монастырь, дабы просить Царицу, благословить на царство брата своего. Но сіе избраніе не казалось довольно торжественнымъ Борису. Желая получить державу не отъ одной Москвы, но отъ цѣлой Россіи, онъ лицемерилъ, клялся, что никогда не смѣлъ и помышлялъ о вѣнцѣ Мономаховомъ, говорилъ, что въ Россіи много вельможъ, превышающихъ его знаменитіемъ и мудростію, и наконецъ рѣшился отрёкся отъ престола, присовоку-

пнвъ впрочемъ, что не жагвешъ себя для службы
ошечеству и съ *Бояры радѣти и промышляти* Избиратель-
ныя грамоты
на царство
Бориса Го-
дунова.
радѣ не только по прежнему, но и свыше перваго.

Бояре поняли значеніе сихъ словъ: Борнсъ, дунова.
ошавляя за ними призракъ власти, не хотѣлъ ни
выпускать изъ рукъ своихъ суцность оной, ни
дашь породншься мысли, что и безъ него Госу-
дарство обойншься можетъ. Рѣшили, что въ
ожиданіи поснановленій сзываемаго великаго Зем-
скаго собора, Боярская дума будетъ управлшь
именемъ Царицы инокини. Александры. Само со-
бою разумѣется, что въ самомъ дѣлѣ вчего не
шворилось безъ соизволенія Годунова.

Между шѣмъ клеветы его дѣйствовали усерд-
но не только въ сполнцѣ, но даже и во всей Рос-
сн; ихъ спараніемъ разнеслась молва о впаденіи
Хана Крымскаго, и они внушали, что для защи-
шы ошечества ошѣ угрожаемой опасности непре- Маржеретъ.
мѣнно нужно ускоришь избраніемъ въ Цари мужа
опышнаго!

Государственнй Земскій соборъ оперыся въ
Кремль 17-го Февраля. Онъ сосполягъ изъ знаш-
нѣйшаго духовенства, бояръ, дворянъ и выбор-
ныхъ людей изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ, все-
го около пяти сотъ особъ *. Прѣнй не было.

* *Примчаніе.* Соборъ составляли: Патріархъ, 4 Мит-
рополита, 6 Архіепсконовъ, 3 Епископа, 23 Архимандри-

Патріархъ первый предложилъ избрать на царство Бориса Θεодоровича Годунова. Согласіе многочисленнаго собранія было громогласное и единодушное. Долго раздавалось одно имя Бориса. Многие искренно видѣли въ его воцареніи залогъ будущаго благоденствія Россіи. Другіе же, можетъ быть въ сердцѣ своемъ питали ненависть къ счастливому честолюбцу, и не безъ внушрренняго омерзенія содѣйствовали успѣху замысла, на злодѣяннн основанному; но какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, опасаясь обнаружить наспояція чувства свои, болѣе всѣхъ предавались воспоргу.

Дабы ошвратить въ народѣ всякое подозрѣніе на счетъ искренности опказа Годунова опъ престола, Патріархъ посвятилъ слѣдующіе два дня на моленія въ Успенскомъ Соборѣ, чшобы Всевышнему угодно было смягчить сердце Борисово, и склонить его не опказываться опъ бремени, опечесшвомъ на него налагаемаго. Только 20-го

та, 31 Игумень, 21 Старець, соборныхъ съ разныхъ монастырей, 11 Протопоповъ, 22 Боярина, 17 Окольныхъ, Печатникъ, Думной дворянинъ, Постельничей, Намѣстничей, стряпчій съ ключемъ, Бояринъ Земскаго дворца, Сокольничій, Ясельничей, 4 думныхъ дьяка, 42 стольника, 26 приказныхъ дьяковъ, 95 дворянъ, 21 стряпчій съ платьемъ, 34 выборныхъ изъ городовъ, 7 головъ стрѣльцкихъ, 4 бараша, 11 дворцовыхъ ключниковъ, 40 жильцевъ, 22 гостя, 5 гостиныхъ сотенъ старость и 16 черныхъ сотенъ сотниковъ; всего 474 особы. Смотри Приложенія № III.

числа Свяшишель съ главнымъ духовенствомъ и боярами отправился въ Дѣвичій монастырь, объявишь Годунову о рѣшеніи Земскаго собора. Но Борисъ еще не переставалъ хитришь. Онъ не только вторично опвергнулъ подносимую державу, но и клялся, что никогда не приметъ ее, и съ прищворнымъ гнѣвомъ выслалъ изъ монастыря духовенство и вельможъ.

Наконецъ 21-го Февраля насталъ послѣдній день сего игрища. На разсвѣтѣ духовенство съ крестами и хоругвями вышло изъ Кремля и, при колокольномъ звонѣ и пѣніи, церковнымъ ходомъ отправилось въ Дѣвичій монастырь. Помощъ шли бояре, дворяне, боярскіе дѣвши, приказные и выборные люди. За ними поднялась вся Москва. Всѣ пали передъ Царицею инокинею, прося ее, чтообъ повелѣла Борису не пропивишься волѣ Божіей и народной. Патриархъ объявилъ даже, что если желаніе народное не будетъ выполнено, то онъ не только Годунова оплучишь опъ Церкви, но что даже онъ самъ и всѣ Епископы сложушь съ себя свяшишельскій санъ, оспавяють кресты и хоругви въ Дѣвичьемъ монастырѣ и запрешають во всѣхъ церквахъ всякое священнодѣйствие. Царица долго колебалась; наконецъ благословила браша на царство. Годуновъ еще упорщивовалъ. Но Царица уже рѣшишельно шребовала опъ него повиновенія;

и онъ съ притворнымъ смиреніемъ и какъ бы не смѣя прошившись шой, которую еще почиталъ своею Государынею, объявилъ наконецъ, что исполнитъ желаніе народное. Радость была неописанная. Все плакали, обнимали другъ друга. Казалось, что новое царство прочно основывалось на торжественномъ единомысліи всехъ сословій. Но горе тому, кто безусловно полагается на любовь народную, споль прихотливую и споль переменчивую!

Еще при рода продолжалось счастье Бориса и благоденствіе Россіи. Въ дѣлахъ вѣшнихъ, Царь, не обнажая меча, умѣлъ сохранить достоинство своей державы и внушилъ всемъ сосѣдямъ своимъ должное къ себѣ уваженіе: Царь Иверійскій искалъ его покровительства онъ утѣсеній Султана Турецкаго и Шаха Персидскаго, Крымскіе Татары оспаривались въ улусахъ своихъ, не смѣя превозмочь набѣгами южные предѣлы Россіи. Шведы тщательнo спарались не давать повода къ новому разрыву. Одинъ Король Польскій медлилъ продолжитъ перемиріе, заключенное 15-го Августа 1587 года на 15 лѣтъ между Россією и Польшею, но когда срокъ перемирія сблизился, и онъ оказался подапливѣе. Присланные отъ него въ Москву послы подписали 11-го Марша 1601 договоръ, но силъ коего перемиріе продолжено еще на двадцать лѣтъ, считая съ испеченія прежнихъ пятнадцати.

Внутреннее управление Государства опличалось также счастливым слиянием твердости и крохотности. Трепещали одни злодѣи! Умѣренность въ налогахъ, свобода въ торговлѣ и общая безопасность, повсюду открывали новые источники промышленности и богатства. Казалось, что сіе цвѣтущее положеніе опечесства должно было усугубить любовь народную къ Борису. Явилось прошивное!

Для людей, одаренныхъ необыкновенными способностями, часто бываетъ камень прешыканія нескромное желаніе опереживать свой вѣкъ. Рѣдко сіе удается и не много Петровъ Великихъ въ Исторіи. Самому мудрому Борису суждено было испытать на себѣ, что истинно государственный человекъ не долженъ замышлять новизнъ, къ которымъ соопечесивенники его еще достаточно не пригопвлены. Вообще въ Россіи гнушались иностранцами и ихъ обычаями, а великое иновѣрческое богослуженіе было даже предметомъ набожнаго омерзения. Не смотря на то Царь, умѣвшій цвѣншить Европейское просвѣщеніе, прельснулся онымъ. Онъ не только ласкалъ иносемцевъ, но даже для удержанія ихъ въ Москвѣ, чеспилъ и награждалъ Беръ. ихъ болѣе чѣмъ вѣрнѣйшихъ своихъ Русскихъ слугъ, и наконецъ, въ угожденіе имъ, позволилъ выпронить въ Яузской слободѣ Люшеранскую церковь съ коло-

кольнею. Онъ также имѣлъ намѣреніе завести Уни-
верситетъ, а между тѣмъ, дабы пріохотить Рус-
скихъ къ наукамъ, послалъ 18 молодыхъ дѣтей
боярскихъ учиться въ Любекъ, въ Лондонъ и во
Францію. Не ограничиваясь симъ, онъ коснулся и
старинныхъ обычаевъ, и видѣлъ съ удовольствіемъ,
какъ при самомъ Дворѣ его пожилые люди, желав-
шіе ему подслужиться, подстригали себѣ бороды.
Спокусивъ спуская, Петръ I-й, Царскій сынъ и
внукъ, едва могъ себѣ позволить шаковыя дѣйстви-
вія. Но для новой династіи Годуновыхъ не бы-
ло другаго средства укорениться, какъ тща-
тельно справившись всѣми возможными нипыми
связавшись съ прошедшимъ, безъ всякихъ помышле-
ній о небываломъ. Борисъ, въ упоеніи самонадѣ-
янности, дошелъ чуднымъ успѣхомъ оправдывае-
мой, не постигъ наслощаго своего положенія и
безъ нужды подалъ поводъ недоброжелателямъ
своимъ возбуждать негодованіе въ народѣ. Не дол-
жно забывашь при семъ случаѣ, что не смотря
на блестящее состояніе Государства, было много
недовольныхъ. Истинно преданнымъ Царю можно
было только почтывать средній классъ народа, со-
стоящій изъ купечества, обогащавшагося подъ
свѣтлою его твердаго и умнаго управленія, и мел-
копомѣстныхъ помѣщиковъ, конхъ благосостояніе
обеспечивалось запрещеніемъ перехода крестьянъ.

Но самое запрещеніе сіе оспавляло въ сильномъ неудовольствіи какъ земледѣльцевъ, оплакивавшихъ упрощенную свободу, такъ и большихъ владѣльцевъ, видѣвшихъ въ новомъ постановленіи ограниченіе выгодъ своихъ. Вольные слуги, пропивъ воли въ холопство обращенные, также не могли доброжелательствовать Борису. Къ тому же и гордымъ вельможамъ неспешивенно было бы безъ досады преклонять колѣна передъ бывшимъ поварницею, коего большая часть изъ нихъ превосходили знаніемъ породы.

Извѣстившись о всеобщемъ ропотѣ, Царь изумился. Но видѣвшаго изысканія надежнѣйшихъ средствъ къ прекращенію неудовольствій, онъ обратился къ мѣрамъ, долженствовавшимъ усугубить оныя. Не довѣряя никому, онъ сталъ поощрять наушниковъ и доносчиковъ. Язва доносовъ, едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ золъ опягчающихъ человѣческія общества, кажется имъ нестерпимой, пошому что охлаждая гражданскія и семейственныя связи, она лишаетъ каждого естественнѣйшаго пріюта отъ кручинъ, съ жизнію сопряженныхъ. Легко себѣ вообразить, что ненависть къ Борису усилилась.

Знаменистѣйшею жертвою подозрѣній Царя содѣлалось семейство Романовыхъ. Борисъ уже и на

Часть I. 3

прешолъ тревожился еще мыслію, что по смерти его, молодой Феодоръ, сынъ его, можетъ найти опасныхъ соперниковъ въ Романовыхъ, отличавшихся собственною знатностію, сильно подкрѣпленную родственными связями съ первѣйшими фамиліями въ государствѣ. Сначала онъ искалъ сблизиться съ ними. Феодоръ Никипичъ былъ уже бояриномъ. Борисъ далъ еще боярство впрочемъ его брату Александру, а меньшую сестру ихъ, Ирину выдалъ замужъ за свойственника своего Ивана Ивановича Годунова. Но когда говоръ общаго негодованія дошелъ до него, то возмечшавъ, что шайными виновниками онаго были Романовы, онъ спалъ искапъ случая погубить ихъ. Подкупленный свойственникомъ Царя, Семеномъ Годуновымъ, слуга Романовыхъ, Баршеневъ, донесъ, что господа его умышляютъ извести Царя, и въ доказательство представилъ найденные въ кладовой у Александра Никипича мѣшки съ кореньями, пригопвленными какъ увѣрялъ онъ, для оправленія Бориса. Какъ будто бы злудѣйскіе припасы хранятся въ кладовыхъ? Не смотря на негѣпность обвиненія, дума боярская, въ угожденіе Царю, осудила Романовыхъ. Феодора Никипича и супругу его, Ксенію Ивановну, поспригли прошивъ воли, нарекли Филаретомъ и Мареою, и сослали въ дальніе монастыри. Опала распространилась и на всѣхъ

Дѣло о ссы-
лкѣ Романо-
выхъ.

ближнихъ ихъ. Также были разосланы по сѣвернымъ городамъ и монастырямъ: Феодора Никитича сынъ и дочь, пеща, чепыре браша, сестра двѣица и двѣ сеспры замужнія съ супругами ихъ, Князьями Сицкимъ и Черкасскимъ, и съ сыномъ послѣдняго. Сродники Романовыхъ, Князья Сицкіе, Шеспуновы, Карповы и Репнины подверглись такой же участи. Всѣхъ сихъ несчастныхъ вѣщны и помѣстья роздали другимъ, а дома и движимое имѣніе ихъ взяли въ казну. Не коснулись только одной изъ сесперъ Романовыхъ, Ирины Годуновой, уважая въ ней имя супруга ея.

Гибель сихъ знапныхъ вельможъ, очевидно невинныхъ, усилила раздраженіе умовъ прошивъ Царя. Впрочемъ, еще зло могло называться частнымъ; общее спокойствіе государства оставалось ненарушимымъ, подъ сѣнію твердаго управленія Бориса, и сіе обстоятельство, казалось, упрочивало державу въ сильной рукѣ его. Но часъ суда Божія уже наступалъ для вѣщности, злодѣйствомъ достигшаго верховнаго сана! Вся государственная мудрость его должна была сокрушиться передъ господившимся для цѣлой Россіи, однимъ изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, коими Провидѣніе въ неисповѣдимыхъ совѣтахъ своихъ казнило народы, и коихъ ни какая предусмотрительность человѣческая опровергнуть не можетъ!

Весною 1601 года, начались проливные дожди
Палтыцы. и продолжались непрестанно въ печеніи десяти
недѣль. Посѣянный хлѣбъ не созрѣвалъ. Устрада-
щенныя земледѣльцы всю надежду свою возлагали
на поздніе жары; вмѣсто того, 15-го Августа
сдѣлался сильный морозъ, побившій не только не
дозрѣвшіе колосья въ поляхъ, но и всякаго рода
плоды и овощи въ садахъ и лѣсахъ. Сжащенный по-
слѣдъ споль преждевременной спужы хлѣбъ, оказал-
ся не только въ маломъ количествѣ, но и безъ
надлежащей питательности. Хотя еще много бы-
ло запасовъ стараго хлѣба, но цѣна на жизнен-
ныя припасы чрезмѣрно возвысилась. Для бѣдныхъ
пропитаніе сдѣлалось затруднительнымъ. Общая
бѣда разорвала въ народѣ послѣднія узы предан-
ности къ Борису, уже не могущему славиться
счастливымъ царствіемъ. Волненіе и ропотъ споль
усилились, что Царь почелъ нужнымъ нѣсколько
ушѣшить земледѣльцевъ. Онъ зналъ, сколь нена-
вистнымъ для нихъ казалось запрещеніе вольнаго
перехода отъ одного владѣльца къ другому, но не
хотѣлъ опмѣнить постановленія, основаннаго на
важныхъ государственныхъ причинахъ, и привле-
кающаго къ нему сердца мелкопомѣстныхъ воен-
ныхъ людей. Дабы не лишиться своей державы сей
послѣдней опоры, онъ рѣшился допустить только
нѣкоторыя исключенія, лесныя для земле-

дѣльцевъ, но безобидныя для цѣлаго класса мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Въ Ноябрь 1601 года, Царь объявилъ, что позволяеть переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день и двѣ недѣли спустя онаго, но только опъ одного мелкопомѣстнаго помѣщика къ другому шаковому жъ, и съ шѣмъ еще ограниченіемъ, что одинъ владѣлецъ, изъ-за одного, могъ переманивать въ одинъ срокъ не болѣе двухъ крестьянъ. Впрочемъ сія льгота не касалась Московскаго уѣзда, гдѣ запрещеніе перехода оставалось во всей силѣ, такъ какъ и для крестьянъ Царскихъ и владѣльцевъ духовныхъ и великопомѣстныхъ во всемъ государствѣ. Не трудно угадать причину сей разности въ послѣднемъ отношеніи. У богатыхъ владѣльцевъ крестьяне были счастливы и спокойны; въ угнетеніи находились только земледѣльцы у мелкихъ помѣщиковъ, слѣдственно не было нужды измѣнять положенія первыхъ. Не такъ легко объяснить, почему льгота не распространилась на весь Московскій уѣздъ; Впрочемъ, съ нѣкопорою вѣроятностію можно предположить, что тамошніе мелкопомѣстные владѣльцы не смѣли, такъ сказать, подъ глазами правительства, во зло употреблять свою власть, и что съ другой стороны, народонаселеніе сего уѣзда находилось въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что пра-

вишельство не желало ни уменьшения, ни умножения онаго *.

Можетъ быть Борисъ успѣлъ бы возстановить спокойствіе въ государствѣ, если бы Небо переспало карать Россію. Но, къ сокрушенію ея, за первымъ неурожайнымъ годомъ послѣдовали два такіе же. Наши лѣтописцы приписываютъ вину неурожая 1602 года легкомыслію самихъ земледѣльцевъ. Въ Россіи всегда стараются засѣвать поля новымъ хлѣбомъ, считая, что оный способнѣе стараго для произращенія. Крестьяне, всегда руководимые старымъ обычаемъ, не усумнились и пусть послѣдовать оному, и употребили въ поствѣ новый хлѣбъ, щощій и совершенно лишешный расписельной силы. Ни гдѣ не было всходовъ. Что касается до неурожая 1603 года, то современники не объясняютъ намъ причину онаго. Изъ сего можно заключить, что настоящаго неурожая не было, но что мало собрали хлѣба единственно отъ того, что большая часть полей осталась не засѣяною, какъ отъ недоспашка зеренъ, такъ и отъ изнуренія шѣлесныхъ силъ пахарей.

Голодъ свирѣпствовалъ съ необычайною лютоствію. Современники, къ ужасу позднѣйшаго потомства, передали намъ сырашное описаніе но-

* Смотри Приложенія № IV.

сладшій онаго. Дороговизна на хлѣбъ сдѣлалась
непомѣрною. Чесвертъ ржи, обыкновенно прода-
ваемая отъ 12 до 15 копѣекъ, возвысилась до Маржерсъ,
Беръ, Пет-
рей и Пали-
цынъ. прехъ рублей, составляющихъ десять нынѣш-
нихъ серебряныхъ. Люди, нуждою доведенные
до отчаянія, явно попирали не только священ-
нѣйшія правила нравственности, но даже са-
мые законы природы и въ оспервененіи своемъ
уподобясь злѣйшимъ изъ звѣрей, пожирали другъ
друга. Всѣ связи общественыя и семейныя рас-
поргались. Господа изгоняли слугъ своихъ, мужья
покидали женъ и дѣтей, чѣобы не дѣлаться съ
ними скуднымъ пропитаніемъ. Дошло до того,
что челоувѣческое мясо продавалось въ пирогахъ
на Московскихъ рынкахъ. Но что всего ужаснѣе,
и что безъ содроганія написать нельзя: мащери
ли собственныхъ младенцевъ своихъ!

Правительственныя мѣры для отвращенія
сихъ бѣдшвій оказались не только недоспапоч-
ными, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и
вредными. Напрасно сраженный горестію Борисъ
являлъ себя царемъ сердобольнымъ и заботливымъ;
Россія уже не видала въ немъ ни прежняго благо-
разумія, ни прежней твердости. Онъ не щадилъ
сокровищъ своихъ, но употреблялъ ихъ не всегда
съ должною осмотрительностію. Такъ напри-
мѣръ, по повелѣнію его были учреждены въ Мо-

сквѣ, близъ деревянной городской стѣны, чепыре ограды, въ конхъ каждое упря раздавалось бѣднымъ каждому по одной московкѣ, а въ воскресные и праздничные дни по деньгѣ *. Сколь ни шягоспна была сія раздача для казны, пособіе для немущихъ было почти ничтожно, попому что на московку едва ли можно было купишь и полфунта хлѣба. Не смотря на то народъ, всегда жадный къ деньгамъ, добываемымъ безъ работы, кинулся толпами къ сполницѣ, сперва изъ окрешныхъ, а потомъ даже изъ дальныхъ мѣстъ. Туда спѣшили даже и шакіе, копорые на родинѣ своей могли бы кое-какъ прокормишь. Неминуемымъ слѣдствіемъ шаковаго спеченія было для Москвы умноженіе дороговизны, и нераздѣльныхъ съ оною бѣдствій. Наконецъ Царь нашелся вынужденнымъ прекрашишь раздачу денегъ. Тогда несчастные пришельцы, возвращаясь безъ малѣйшаго пособія, успиали прупами своими всѣ пуши, опъ сполницы ведущіе.

Впрочемъ если взяшь въ соображеніе какъ изобиліе прежнихъ лѣтъ, шакъ и по обстояельству, что кажешся неурожай не распространялся на восшочныя области государства, то не оспашешся сомнѣнія, что было еще много спа-

* *Примѣчаніе.* Тогдашній рубль дѣлился на 100 копѣекъ или денегъ, на 200 московокъ и на 400 полушекъ.

рыхъ запасовъ въ Россіи; но съ одной стороны корысполлюбіе шло ихъ, а съ другой, трудность подвоза предшавляла важныя препяшствія. Однако Борисъ успѣлъ, хотя опчаспи, преодолѣть оныя. Онъ приказалъ освидѣтельствовать царскія гумны, гдѣ нашлись давнишнихъ лѣпг огромныя скирды, копорые обмолотили и хлѣбъ дошавили въ Москву. Тамъ ежедневно продавалось бѣднымъ изъ царскихъ житницъ по нѣскольکو тысячъ четвертей за половинную цѣну. Вдовамъ же и сиротамъ, и въ особенности Нѣмцамъ, Царь велѣлъ оппустить значительное количество даже безденежно. Такое приспращіе къ иноземцамъ, во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ прошивное опсторожной полишикъ въ сихъ плачевныхъ обспощельствахъ, оказывалось еще болѣе оскорбительнымъ и ненавистнымъ. Не одни царскія гумны изобиловали еще хлѣбомъ; многіе помѣщики также не нуждались въ ономъ, и поощренныя высокою цѣною, вѣроятно изыскали бы средства къ перевозкѣ, если бы правительство не вмѣшивалось неумѣстно въ ихъ дѣйствія. Царь не разсудивъ, что благотвореніе можешъ бышъ внушаемо, а не предписываемо, вздумалъ принудить продавцевъ, изъ уваженія къ общему бѣдствію, опказаться опъ ожидаемыхъ ими выгодъ, и приказалъ опобрать у нихъ хлѣбъ за такую низкую цѣну, что

можешь быть иные не получили должного вознагражденія и за понесенныя ими самими издержки. Случилось, чего ожидать было должно: никто не только не смѣлъ выказывать болѣе своего хлѣбнаго имуществва, но даже всѣ скаратаи приложены къ сокрытію онаго.

Только нѣкопорые достойные вельможи, сжалившись надъ общею нищетою, спали еще продавать хранящійся въ ихъ житницахъ хлѣбъ дешевле существующей цѣны. Но какъ ихъ, такъ и царскія щедроты не принесли всей возможной пользы отъ неблагоразумія раздачи. Въспло того, чпобы изъ амбаровъ продавать немущимъ семействамъ только нужное количество хлѣба для ихъ дневнаго пропитанія, опускали имъ оный безъ разбора. Сребролюбіе воспользовалось сею оплошностію, и Московскіе барышники, посредствомъ бѣдныхъ людей, накупили нѣсколько тысячъ бочекъ муки, которую потомъ перепродавали цѣною немотѣрною.

Никоновская
Лѣтопись. Гораздо разсудительнѣе Борисъ поступилъ, приказавъ начать огромное каменное строеніе въ Кремлѣ, дабы посредствомъ работы доставить пропитаніе нуждающимся. Милостивъ царская изливалась не на однихъ живыхъ. Москва наполнялась мерзвыми тѣлами, коихъ хоронить было нѣкому. Учрежденные приспавы подбирали ихъ, омывали,

завершывали въ бѣлые саваны, обували въ красные Беръ-
кошны, и опвозили на прии за городомъ усироен-
ныя кладбища, гдѣ въ два года и чепыре мѣся-
ца, такимъ образомъ похоронено 127,000 пруд-Палицыгъ.
повѣ. Если къ сему присовокупимъ, что множе-
ство еще мѣлъ было погребасмо богобоязливыми
людьми при приходскихъ церквахъ, коихъ въ спо-
лицѣ тогда считалось болѣе 400, то смѣло ка-
жешся можно положить, что въ одной Москвѣ
до 200,000 человекъ сдѣлались жерпвою голода.

Но не одна столица бѣдспвовала. Царь не
оставилъ безъ приарвня и прочія мѣста своего
государства. Ивангородъ, Новгородъ, Псковъ, Смо-
ленскъ и другіе нуждавшіеся города получили важ-
ныя денежныя пособія. Казна царская, богашо на-
копленная въ семнадцатилѣтнее благоденспвіе
Россіи, явилася неспощимой.

Обыкновеннымъ слѣдспвіемъ голода бывають
повальныя болѣзни. И сего бѣдспвія не избѣжала
Россія: въ нѣкопорыхъ мѣстахъ, а въ особенно-
спи въ Смоленскомъ увздѣ, явилася слишкомъ для
нашего времени извѣспная холера (cholera morbus).
Правительспво вынужденнымъ нашлось учредитъ
заспавы для пресѣченія сообщеній съ заражен-
нымъ краемъ.

Наконецъ, благословенный урожай 1604 года
возспановилъ прешнее изобиліе, такъ что цѣна

Карамзинъ. чешверши ржи опъ шрехъ рублей упала до 10 копѣекъ *. Но памятникомъ голода оспалась на всегда нововведенная мѣра хлѣба. Прежде продавали оный шолько бочками, и чешвершиами и осьминами оныхъ. Съ голодныхъ же лѣтъ бочки вышли изъ упошребленія, а вмѣсто шого извѣспны-

* *Примчаніе.* Не извѣстно, почему Н. М. Карамзинъ полагаетъ, что голодъ прекратился еще въ 1603 году. Лѣтописи единогласно утверждаютъ, что оный продолжался не два, а три года, и ни одинъ современный писатель не противорѣчитъ сему. Беръ именно говоритъ, что бѣдствіе сіе продолжалось до 1604 года, и описывая прїездъ въ Россію въ Іюнь мѣсяцъ того года Императорскаго посланника, барона фонъ Логау, упоминаетъ объ усилахъ Царя, чтобы скрыть дороговизну отъ новопрїезжихъ; слѣдственно дороговизна сія еще существовала. Сходно сему и Палицынъ пишетъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ похоронено въ Москвѣ 127,000 жертвъ голода. Карамзинъ самъ принимаетъ сей расчетъ за неоспоримый, но какимъ же образомъ двадцать восемь мѣсяцевъ мерли отъ голода, когда оный продолжался только два года? Напротивъ того все объясняется, если взять въ соображеніе, что обыкновенно новый хлѣбъ въ Россіи собирается въ Августъ мѣсяцъ. Но отнюдь не лѣзя предполагать, чтобы въ ожиданіи новаго урожая, всякой оставался при послѣднемъ кускѣ своемъ, и чтобы смертность тотъ часъ же началась. Напротивъ того вѣроятно, что первую зиму еще люди находили средство пропитаться кое-какъ, тѣмъ паче, что и дороговизна могла сдѣлаться чрезмѣрною только тогда, когда по открытіи весны исчезла всякая надежда на новый урожай. Такимъ образомъ смертность должна была начаться въ Апрель 1602, и продолжаться до Августа 1604, что именно составляетъ двадцать восемь мѣсяцевъ.

ми спали четверики, то есть четвертая часть осьмины.

Несчастливая Россія долго еще не должна была наслаждаться спокойствіемъ. Самымъ пагубнѣйшимъ слѣдствіемъ прешерпѣннаго ею бѣдствія было ослабленіе всѣхъ нравственныхъ понятій. Развратъ распространился на всѣ сословія. Господа до того споль щипательно спаравшіеся умно-^{Палицынъ.} жашъ число своихъ холопей, распустили ихъ во время голода, иные по дѣйствительной невозможности прокормить ихъ, другіе изъ корыстолюбія, чтобы обогатиться продажею хлѣба, которыхъ, по долгу своему, обязаны были употребить на ихъ пропитаніе. Нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ снабжали холопей формальными оппускными, но многіе, не споль совѣспливые, изгоняли ихъ опъ себя безъ всякаго вида съ преспуною мыслию, возвращить ихъ опяшь къ себѣ въ подданство по минованіи дороговизны. Такимъ образомъ государство наполнилось бродягами, изъ коихъ многіе, забывъ страхъ Божій, обратились къ разбойничеству. Въ разныхъ мѣстахъ образовались большія шайки, изъ коихъ важнѣйшая, подъ предводительствомъ нѣкогого Хлопка, свирѣпствовала <sup>Никоновская
Лѣтопись.</sup> въ окрестностяхъ самой Москвы, и неоднократно разбивала посылаемые противъ нея сыскныя отряды. Царь наконецъ нашелся вынужденнымъ

прошивупоспавишь сямъ презрительнымъ врагамъ цѣлое войско, подѣ начальствомъ окольного Ивана Феодоровича Басманова. Хлопко не устращился вспуишь съ нимъ въ бой близъ Москвы. Съ обѣихъ споромъ сражались упорно, и Басмановъ былъ убитъ; но сія удача злодѣевъ обратилась имъ на нагубу. Царскіе войны, ожесточенные смертію начальника, бросились на нихъ съ новымъ стремленіемъ и наконецъ сломали ихъ. Самъ Хлопко Маржеретъ. защищался храбро, но въ изнеможеніи опъ многихъ ранъ былъ взятъ и съ 500 товарищами своими, онправленъ въ Москву, гдѣ всѣ они были казнены; многіе оспались на мѣспѣ сраженія. Прочіе же ушли на Украину, гдѣ умножили число, и безъ того уже значительное, шамоннихъ негодаевъ.

Еще Царь Иванъ Васильевичъ, желая для Палицынъ. укрьшенія границы Россіи опъ Польни и Ташаръ, населить какъ можно болѣе Украинскіе города людьми къ рашному дѣлу способными, предписывалъ шамоннимъ восводамъ не шревожипъ пѣхъ, кои будущъ укрьвашься въ сихъ городахъ, избѣгая заслуженнаго ими въ Россіи наказанія. Борисъ Феодоровичъ послѣдовалъ шой же полипикъ, и наводненная опважными злодѣями Украина, содѣлалась опаснымъ вершепомъ, гдѣ самая власпѣ правительспва не всегда находила должное послу-

паніе. Такъ напрімѣръ, напрасно Царь приказывалъ сыскивать и вѣшать удалившихся шуда общишковъ Хлюпка. Воеводамъ шрудно было исполнить повелѣніе сіе надъ преступниками, покровительствуемыми соспращіемъ подобныхъ имъ разбойниковъ. Безчтивіе уже посылало въ сей странѣ смена новыхъ и пагубившихъ бѣдешній для Россіи.

Всѣ ужасы, уже прешерпѣнные государствомъ, были, шакъ сказать, шолько преддверіемъ гонимой для него наслоицей бѣды. Около 1600 Маржеретъ года, пронеслась въ Москвѣ молва, что Царевичъ Димитрій, котораго полагали убиеннымъ въ Угличѣ, находишся въ живыхъ. Хошя одно имя невинной жершвы должно было казаться грознымъ для ея убійцы, но смерть Царевича была двѣшпвіемъ шполь явнымъ, шполь досповѣрнымъ, что Борисъ мало шревожился слухомъ, коего неосновательность была очевидна. Однако онъ старался узнать, что могло подать поводъ къ негъной баснѣ, и еще болѣе успокоился, когда добрался до презрительнаго испочника оной. Все казалось шолько дѣломъ безсмысленнаго суесловія молодаго монаха, жившаго у Патриарха.

Сей юноша, предназначенный изумлять попомшво дивными похождениями своими, и служившій орудіемъ Провидѣнія для казни преступнаго Бо-

Никоновская
Летопись.

риса, былъ сынъ бѣднаго сына боярскаго города Галича, и назывался Юріемъ Ошрепьевымъ. Оспавшись послѣ смерти отца своего почти безъ всякаго приюта, онъ постригся на 15-мъ году возраста, и принялъ имя Григорія. Но иноческій клобукъ не предохранилъ буйной головы его отъ порыва пламенныхъ спраспей свѣтскихъ. Нѣскольکو времени скипался онъ по разнымъ обипелямъ, и наконецъ основался въ Чудовъ монастырь, въ кельѣ у дѣда своего Замятни Ошрепьева, копорый давно уже памъ монашеспевовалъ. Будучи одаренъ природою способностями необыкновенными, умомъ пылкимъ и предприимчивымъ, и ошважноспію болѣе свойственной воину, чѣмъ монаху, онъ вмѣстѣ съ пѣмъ оказывался легкомысленнымъ, и заносчивымъ до безразсудности. Съ самаго младенчества своего съ успѣхомъ занимаясь книжнымъ дѣломъ, онъ выучился не только читашъ и число писашъ; но даже сочинялъ каноны Свѣтымъ, лучше старыхъ грамотѣевъ. Такія, по тогдашнему времени чрезвычайныя, познанія обратили на него вниманіе Паптріарха, копорый посвѣтилъ его въ дьяконы и взялъ къ себѣ для списыванія книгъ. Тутъ имѣлъ онъ случай познакомиться съ людьми, хорошо знавшими всѣ обспоятельствва, до царскаго дома ошносящіася. Черезъ нихъ могъ узнашъ, что по довольно обыкновенной игрѣ при-

роды, Царевичъ Димитрій носилъ на шѣлѣ нѣко-
норыя одинакіе съ нимъ признаки, а именно, что
у Царевича, какъ и у него, были бородавки на ли-
цѣ и одна рука короче другой *. Мысль дерзкая,
по первому взгляду вовсе сумасбродная, породилась
въ душѣ его. Онъ возмечталъ, что можетъ вы-
дать себя за убіеннаго Царевича и, съ помощію
одного самозванца, низложить Бориса, распола-
гавшаго еще всѣми силами обширнаго государства.
Въ уполнѣніи непоспѣжимой самонадѣянности, онъ
началъ оглашать съ свойственною ему въшрен-
ностию свои заплѣты, и часто въ разговорахъ сво-
ихъ съ Чудовскими монахами увѣрялъ ихъ, что
будетъ Царемъ на Москвѣ. Иноки, не воображая,
чтобы значеніе сихъ дерзкихъ словъ заключало въ

* *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ, кажется, сомнѣвается,
чтобы Царевичъ дѣйствительно имѣлъ на себѣ такіа при-
мѣты. Правда, ни одинъ изъ нашихъ лѣтописцевъ не упо-
минаетъ объ оныхъ. Но рѣдко лѣтописцы сіи занимались
описаніемъ наружнаго вида, не только Царскихъ дѣтей,
но даже и самихъ Царей, а съ другой стороны нельзя не
взять въ соображеніе, что если бы сіи признаки на Ца-
ревичѣ были выдумкою Самозванца, или его привержен-
цевъ, то по смерти Отрепьева бояре не преминули бы
противорѣчить воеводѣ Мнишку, который ссылался имен-
но на сіи примѣты, какъ на одну изъ главнѣйшихъ при-
чинъ, приведшихъ его въ заблужденіе на счетъ подлинно-
сти мнимаго Димитрія. Напротивъ того, увидимъ, что
сіе важное обстоятельство оставлено ими безъ всякаго воз-
раженія, и что во всѣхъ манифестахъ, выдаваемыхъ на ив-
обличеніе Самозванца, даже о семъ вовсе умалчивалось.

Часть I.

4

себѣ что либо важнѣе шушки, впрочемъ весьма непристойной, довольствовались пѣть, что сгбѣались надъ хвастуномъ и плевали ему въ глаза. Но Ростовскій Митрополитъ Иона, коему сіи рѣчи переданы были, судилъ о нихъ иначе. Онъ спалъ примѣчая за посплупками наглаго дьякона и убѣдился, что въ душѣ сго кроюща опасныя для общаго спокойствія замыслы. Сперва Митрополитъ счелъ долгомъ своимъ предупредить о семъ Патріарха; но Первосвященитель, коему Григорій нравился, не хотѣлъ въришь, чтобы онъ могъ зазнаться до такой степени, и въ самой негнпости взводимаго на него прсспупленія находилъ доказательство неосновательности извѣща. Тогда Иона рѣшился о всѣхъ замѣченныхъ имъ обстоятельствахъ донести самому Царю, который, соображая оныя съ носившимися уже слухами, хотя также не почелъ ихъ дѣломъ, заслуживавшимъ большое вниманіе, однако приказалъ дьяку Смирному Васильеву послать враля дьякона въ Соловецкую пустынь подъ крѣпкое начало. Васильевъ открылся о семъ повелѣніи дьяку же Семену Ефимьеву, который былъ родственникомъ Отреньевыхъ, и пошому просилъ Васильева не спѣшить исполненіемъ Царской воли, дабы дать Григорію время пригошвиться къ дальнему пути. Васильевъ, не воображая, чтобы молодой монахъ могъ быть

важнымъ пресупникомъ, не только согласился удовлетворить желанію поваряща своего, но даже въ послѣдствіи, среди другихъ заботъ, и совершенно забылъ о данномъ ему приказаніи. Пользуясь его безпечностію, Григорій ушелъ изъ Москвы и укрылся сперва въ монастырь Николы на Хронограѣ. Угрени; но не посмѣлъ оспаться въ споль близкомъ распояніи опъ сполицы, и удалился въ городъ Галичь, въ Желѣзнодорожскій монастырь, откуда перешелъ въ Муромъ въ Борисоглѣбскую обитель. Принимавъ такимъ образомъ въ монастыряхъ спранспвующихъ монаховъ ни сколько прошивно не было госпепримнымъ обычаемъ того времени. Къ тому же Григорій болѣе другихъ еще могъ свискивать благосклонность незнакомыхъ ему людей, пошому чшо былъ дѣйствительно краснорѣчивъ и имѣлъ наружность хопя не красивую, но довольно привлекательную. Борисоглѣбскій спронгелъ далъ ему лошадь и оппустилъ его обратно въ Москву.

Никоновская
Лѣтопись.

Проходя такимъ образомъ по разнымъ областямъ государства, Ошрельевъ могъ убѣдиться въ общей ненависти къ Борису, и шѣмъ болѣе Хронограѣ. укрѣпиться въ мысли, опъискивать престола подъ именемъ Царевича. Но разсудивъ, чшо въ сполицѣ оспавался ему не безопасно, и чшо только пригошовая исподоволь и дѣйствуя сна-

чала изъ-далека, онъ могъ ожидать успѣха въ дерзновенномъ предпріятіи, потому рѣшился не- кашь убѣжища въ Польшу, дабы тамъ подъ покровительствомъ всегда непріязненнаго для Рос- сіи правительства надежнѣе устроить ковы свои.

25-го Февраля 1602 года, онъ опять выѣхалъ изъ Москвы, въ сопровожденіи подговоренныхъ имъ двухъ Чудовскихъ, пьянству преданныхъ монаховъ: свя- щенника Варлаама Яцкаго и крылошанина Миса- ила Повадина. На нанятыхъ ими подводахъ они черезъ Болховъ и Карачевъ достигли Новгорода-

Челобитная черница Варлаама Царю Василью Ивановичу и Никоновская Лытопись.

Сверскаго, гдѣ въ Спасскомъ монастырѣ приня- ты были такъ милосердно, что Отрешева Архи- мандритъ помѣстилъ въ собственную свою келью. Ноживъ шугъ нѣсколько недѣль, Григорій спалъ просишься у Архимандрита вѣхать съ товарища- ми своими въ Пушнью, гдѣ, говорилъ онъ, будто имѣетъ сродниковъ. Архимандритъ не только оп- нуснилъ ихъ, но даже далъ имъ лошадей и прово- жатаго. Но не Пушню былъ цѣлю Отреше- ва: его намѣреніе было пройти въ Польшу, и для того онъ взялъ еще съ собою Днѣпровскаго Кіев- скаго монастыря монаха, Пимена, находившагося случайно въ Новгородѣ-Сверскомъ, и обѣщавшаго провезти его за границу. По выѣздѣ своемъ изъ города, монахи опогнали онъ себя провожатаго, который хотѣлъ ихъ направить на Пушневскую

дорогу, и вмѣсто того поѣхали по Кіевской. Провожашій, возвращаясь къ Архимандриту, донесъ ему объ обманѣ. Негодованіе Архимандриша было велико, но его ожидало еще большее огорченіе. Когда онъ ложился спать, то нашелъ въ изголовьѣ последи своей записку, оставленную пачъ Опреньевымъ, слѣдующаго содержанія: *«Азъ есмь Царевичъ Дмитрій, сынъ Царя Иоанна, и какъ буду на престолѣ на Москвѣ отца своего, и я тебя пожалую за то, что меня покоилъ у себя въ обители. Архимандритъ ужаснулся, но недоумѣвая какъ поступить въ сполъ неожиданномъ случаѣ, рѣшился никому не объявлять объ ономъ.»*

Между тѣмъ бродящіе монахи не смѣли прямою дорогою ѣхать въ Кіевъ, опасаясь пограничныхъ засавъ, и поворошили сперва на Спародубъ, откуда Пименъ провелъ ихъ лѣсными пропинами за Польскій рубежъ до села Слободки. Продолжая уже безопасно путь свой, черезъ замокъ Лоевъ и городъ Любечъ, они прибыли въ Кіевъ. Печерскій Архимандритъ Елисей принялъ ихъ въ свою обитель, гдѣ и прожили они три недѣли, по испещеніи конхъ отправились въ Острогъ къ Кіевскому воеводѣ, Князю Константину Острожскому, знаменитому поборнику православія Греческой Церкви противъ нововведенной Уніи, кошерую Польское правительство силилось распространить въ при-

надлежавшихъ ему Русскихъ обласяхъ. Опрещевъ не смѣлъ открышь почтвенному вельможѣ своихъ шайныхъ замысловъ, и ограничился только просьбою приняшь его съ поварницами подъ свое покровительство. Набожный Князь не отказался прирѣвъ бѣдныхъ монаховъ; дьяконъ Григорій служилъ при немъ на обѣднѣ, и голосъ его понравился ему. Бѣглецы монахи все лѣто провели въ Оспрогѣ, а при наступленіи осени, Князь послалъ ихъ въ Дерманскій монастырь. Но Опрещевъ не для того бѣжалъ въ Польшу, чтобы тамъ монашествовать. Онъ, покинувъ своихъ поварницъ,

Письмо Кн. перешелъ въ городъ Гацу и приспалъ къ Ана-Василу Острожскаго къ баншистамъ. Тутъ въ первый разъ свергнувъ съ Королю Сигизмунду III. себя иноческій клобукъ, онъ ходилъ въ школу, при-

Рукопись То-лежно занялся науками, зашвердилъ довольно хорошо

испорію, и усовершенствовался въ Польскомъ языкѣ. Онъ даже обучался и по Латынѣ, но не съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, мирныя шруды сія не долго занимали его. Въ бытность его въ Кіевѣ, онъ познакомился съ прїѣзжавшими сюда Запорожскими Казаками. Жизнь беззаботная и безнравственная ихъ удалой вольницы нравилась ему. Съ другой стороны онъ чувствовалъ, что гошова себя къ важному назначенію, ему непременно нужно пріучиться къ военному ремеслу. И такъ рѣшился, по веснѣ 1603 года, вѣхать къ Запорож-

цать, и разбойничать съ ними въ шайкѣ спар-
щины Герасима Евангелика. Воинственные наклон-
ности его скоро получили надлежащее развитіе:
онъ выучился мастерски владѣть оружіемъ и сдѣ-
лся опважнымъ наѣзникомъ.

Грамота Па-
триарха къ
Архимандриту
Сольвыче-
годскому и
рукописное
сказаніе еже
содѣяся въ
Москвѣ и о
Разстригѣ.

Однако, не смотря на все усилія его, чтобы
сдѣлаться достойнымъ высокаго имени, какое же-
лалъ онъ присвоить, нѣтъ сомнѣнія, что все про-
спранные замыслы его ограничились бы смѣха
достойнымъ пуспословіемъ, и что онъ ничего важ-
наго предпринять никогда не былъ бы въ состоя-
ніи, если бы не нашелъ себѣ сильной опоры въ
Езуитахъ, копорые, къ счастію его и къ несча-
стію Россіи, узнали о его тайной думѣ, и возна-
мѣрились воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для
исполненія собственныхъ своихъ видовъ.

Кому не извѣсны духъ любоначалія и рев-
ности къ обращенію въ папешство сего, впрочемъ
ученостию и глубокомысліемъ знаменишаго, собра-
сыва? Тогда находилось оно въ самомъ цвѣту-
щемъ положеніи, и Езуиты вліяніе и происки свои
распространяли почти на все государство обо-
ихъ земныхъ полушарій. Не спѣсяясь правилами
спрогой нравственности, они для достиженія цѣ-
ли своей избирали средства надежнѣйшія, безъ за-
зрвнія прибѣгая, судя по обстоятельствамъ, то
къ высочайшей добродѣтели, то къ злѣйшему

преспуленію, по кь достохвальнѣйшему праводушію, по кь гнуснѣйшему ухищренію. Могущество ихъ въ Польшѣ сдѣвалось неограниченнымъ со вспуленіемъ на пресполь Шведскаго Королевича Сигизмунда III-го, Государя преисполненнаго ханжества. Слѣдствія слѣпаго довѣрія Короля кь нимъ оказались пагубными для Малороссіи.

Болѣе двухъ столѣтій полуденная Россія находилась подь державою Государей Липовскихъ или Польскихъ; но Русскіе жили оной и подь чужимъ ярмомъ сохраняли свою народность, управлялись своими соопчиками, судились своими законами и на собственномъ языкѣ, и что всего важнѣе, безвозбранно исповѣдывали правовѣріе. Когда совершилось конечное соединеніе Липвы съ Польшею, при Королѣ Сигизмундѣ Августѣ, Русская земля и княженіе Кіевское были отдѣлены отъ Липвы и присовокуплены кь Польшѣ. При семъ случаѣ прежнія права Русскихъ были подтверждены данною Королемъ привилегією, въ коей, попоря слова прежнихъ привилегій, *что Русскіе присоединяются кь Полякамъ, какъ равные кь равнымъ и свободные кь свободнымъ*, торжественно обѣщалось сохраненіе равенства между Церквами Римскою и Греческою, и одинакое производство въ Сенаторскія и прочія достоинства людямъ обоихъ исповѣданій. Самъ Сигизмундъ III-й при

восшествіи своемъ на престолъ не смѣлъ опусту-
пить опть прежнихъ правилъ, и въ 1588 году на
сеймѣ коронаціи подтвердилъ всѣ старинныя пра-
ва православнаго Русскаго духовенства. Но Бауи-
ны, успѣвшіе овладѣть умомъ сего Государя, не
долго дозволили ему оспаваться при сей благо-
разумной вѣрошериности. Но несчастіе они на-
шли сообщниковъ въ самыхъ главнѣйшихъ санов-
никахъ Малороссійской церкви. Прелыщенные объ-
щаніями милоспей Королевскихъ, Епископы: Луц-
кій, Владимірскій, Хельмскій и Пинскій, Архіепи-
скопъ Полоцкій и самъ Митрополитъ Кіевскій
Михайло Рагоза, уговорились между собою присо-
единиться къ Римской Церкви на правилахъ давно
забытаго Флорентійскаго собора, и отправили въ
Римъ съ покорностию своею Епископовъ Влади-
мірскаго и Луцкаго. Чрезвычайно обрадованный Па-
па Климентъ VIII-й милоспиво принялъ ихъ, и
общалъ иходапайствовать у Короля право за-
сѣдать въ Польскомъ Сенатѣ всѣмъ Епископамъ,
которые согласяся опспать опть православія и
признавъ его власть. Но опспунники-священни-
ки много опспались, если полагали, что не трудно
имъ будетъ соврашиться съ души истинны едино-
вѣрцевъ своихъ. Предлагаемая ими *Унія* (такъ на-
зываешся соединеніе Греческой церкви съ Рим-
скою) была принята съ омерзениемъ какъ духовен-

Исторія Рус-
совъ.

опвомъ, шакъ и мірянами. Въ особенності, возсипали прошивъ вел: Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій, Михайло Копыстенскій, Епископъ Прешпльскій и Князь Ковшаншинъ Оспрожскій, Воевода Кіевскій. Напрасно клятвопресупный Митрополитъ надвѣлся на созванномъ днѣ въ Бреснѣ соборъ, подъ надзоромъ Польскихъ Пословъ, склонить или принудить всѣ Малороссійскія Епархіи къ принятію Уніи: вѣрные сыны Церкви не поколебались. Епископъ Львовскій доказалъ, что Унія принимала безусловно всѣ догматы Римскіе, оснавяя шолько одни обряды Греческіе, для обмана просподушныхъ. Соборъ раздѣлялся на два, предающихъ проклятію одинъ другого. Но не смопръ на явное покровишельство Польскаго сейма, къ споронъ приверженцевъ Уніи приспало весьма мало людей. Напротивъ шого, православіе удержало при себѣ несравненно большее число какъ духовныхъ, шакъ и вельможъ и проспыхъ мірянъ. Тогда Ситизмундъ, разгнѣванный неудачею и подспрекаемый Езуитами, рѣшился прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ. По повелѣнію его опнимали у православныхъ храмы ихъ и опдавали уніятамъ, насильно выгоняли народъ на уніяшкое богослуженіе, и во время онаго Польскіе Жолнеры, съ обнаженными саблями, вынуждали православныхъ при шисніи Символа вѣры гро-

могласно провозноситъ Римское прибавленіе искожде-
женіе Духа Святаго: *и отъ Сына*. Наконецъ шерт-
лѣніе Малоросіянъ испощилось. Тамонніе Каза-
ки принялись за оружіе подъ знаменами избранна-
го ими Гешмана Наливайки. Сначала дѣйствія его
ознаменованы были важными успѣхами; но нако-
нецъ Коронный напоольный Гешманъ Жолкъвскій
разбилъ Казаковъ совершенно. Самъ Наливайко
былъ взятъ въ плѣнъ и въ Варшавѣ живой сож-
женъ въ мѣдномъ быкѣ. По смерти сего мученика
православія Поляки съ жестокію шоржеспивовали
надъ несчастною Малоросіею. На сеймѣ 1597 го-
да, народъ Рускій объявляетъ *отступнымъ, вѣро-*
ломнымъ, бунтливымъ. Сшаривныя права его всѣ
были уничтожены. Православное шляхеспство он-
лучили ошъ всѣхъ должностей военныхъ и судеб-
ныхъ, и назвали холопами. Также ошобрали ошъ
православныхъ спаросшва и ранговыя имѣнія ихъ.
Малоросія наводилась Польскими воинами, кошо-
рые подъ предлогомъ подавія нужной помощи уні-
ашамъ, свободно безчинеспивовали. Одно корыспо-
любіе оспавило еще нѣсколько храмовъ для Гре-
ческаго исповѣданія. Они были ошданы на ошкупъ
Жидамъ, кошорые шолько за деньги позволяли
православнымъ исправляшъ шребы свои, и брали
съ нихъ ошъ одного до пяти шалеровъ за каждое
служеніе, и ошъ одного до пяти злонговъ за кре-

щеніе и похороны. Впрочемъ гоненія сіи не ослабили пвердоспи вѣры простаго народа, копорый по большей часпи не измѣнилъ своему долгу. Но честолюбивое шляхетство показало болѣе малодушія. Дабы не преграждать себѣ пути къ полученію староствъ и высшихъ государственныхъ должностей, господа рѣшились принять не только Унію; но даже и самую Римскую вѣру. Не согласуясь съ соотечественниками своими въ спашь еполь важной, какова еспь религія, имѣ неминуемо предстоило уже совершенно опшудиться опъ родины, что они и исполнили, замѣнивъ въ обществѣ своемъ Русской языкъ Польскимъ. Такимъ образомъ коренные Русскіе вельможи, изъ коихъ многіе происходили опъ племени Рюрика, къ спыду своему, содѣлались настоящими Поляками, и способствовали имѣ въ угнѣтеніи своихъ единокровныхъ.

Езуиты не одну Малороссію готовились одарить своимъ лжевѣріемъ. Они хорошо чувствовали, что нельзя было Восточной Церкви нанести сильнѣйшаго удара, какъ оппорженіемъ опъ нея Великороссійскихъ енархій. Съ нѣкоторыхъ лѣтъ помышленія ихъ были устремлены на сей предметъ, и одно время они нипались надеждою успѣвъ въ семъ важномъ предпріятіи. Въ 1581 году Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая окончанія па-

губной для него войны съ Стефаномъ Башоріемъ, Королемъ Польскимъ, прибѣгнувъ къ посредничеству Папы Григорія XIII-го, который послалъ Езуиша Антонія Поссевина, для примиренія воюющихъ Государей. Поссевинъ возмечталъ, что можетъ воспользовашься симъ случаемъ для присоединенія Россіи къ Римской Церкви. Къ живѣйшему удовольствію его, намеки его на сей счетъ были принимаемы Іоанномъ безъ гнѣва, и даже съ нѣкоторымъ доброхотствомъ. Но Грозный Царь перехитрилъ самаго лукаваго Езуиша. Пока имѣлъ нужду въ Поссевинѣ, то Іоаннъ оказывалъ податливость къ его ученію; но когда, опрѣ-часши спараніями его, миръ подписанъ былъ между Россією и Польшею, то Царь съ презрѣніемъ опровергнулъ дальнѣйшія домогательства его о вѣрѣ. Оскорбленные Езуишы выжидали съ неперпвнѣмъ удобнаго времени для возобновленія спараній своихъ съ лучшимъ успѣхомъ. Когда же они извѣстивше о замыслахъ мнимаго Димитрія, то съ свойственною имъ смѣлливостію, исчислявъ все выгоды, которыя изъ оныхъ извлечь могли, вознамѣрились всеми силами помогать ему. Самое самозванство его было для нихъ полезнымъ обстоятельствомъ. Имѣвъ дѣло съ природнымъ Русскимъ Царевичемъ, не такъ бы легко было имъ уговорить его пожертвованіемъ правовѣріемъ въ уваженіи обещанныхъ

ими пособій; но нельзя было ожидать такой совѣстливости опъ щеславнаго бродяги, уже покушавшагося на злое дѣло.

Всѣ свѣденія, получаемыя Езуитами изъ Россіи, согласовались въ томъ, что Государство находилось въ большомъ волненіи опъ прерывныхъ бѣдствій, и что множесто людей изъ ненависти къ Царю Борису ожидали только удобнаго случая къ возстанію противъ него. Имѣя въ виду не упустить споль благоприятныхъ обстоятельствъ, Езуиты положили прислушаться къ дѣлу безъ дальнѣйшаго оплагательства. Бвроятно по наущенію ихъ, Опреньевъ вошелъ въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому, вельможѣ знашному, но слабоумному и легковѣрному. Въ бытность его у Князя въ домѣ, въ Брагинѣ, онъ притворился опасно больнымъ, и призвавъ духовника, сказалъ ему:

Никоновская
Лѣтопись.

по смерти моей погреби меня честно, яко же Царскихъ дѣтей погребаютъ; а ся тебя тайны не скажу, а есть тому всему у меня письмо вскрытъ подъ моего постелею, и какъ отыду къ Богу, и ты сѣ письмо возьми и прочти его себѣ тайно, никому же о томъ не возвѣсти. Богъ уже мнѣ такъ судилъ. Священникъ немедленно передалъ слова сѣ Князю, который самъ пришелъ къ слугѣ своему, и не смоя на притворное сопровявленіе его, вынулъ изъ-подъ постели положен-

ную Ошрепьевымъ бумагу, въ коей онъ, называя себя Царевичемъ Димитриемъ, рассказывалъ нечестивую имъ басню о спасеніи своемъ въ Угличъ, гдѣ спараніемъ жившаго при немъ иностраннаго медика, по имени Симеона, убишь вмѣсто его, равесникъ его, мальчикъ поповскій сынъ, какъ будто цѣлый городъ Угличъ, гдѣ всѣ хорошо знали Царевича, могъ бышь приведенъ въ заблужденіе въ отношеніи къ плѣту, чепыре дня лежавшему въ церкви, куда допускали всякаго званія людей! Далѣе Ошрепьевъ утверждалъ, что медикъ, скривъ его, отдалъ на воспитаніе боярскому сыну, кошораго не называлъ и кошорый присовѣщивалъ ему искашь убѣжища между иноками, а что потомъ его выпроводили въ Польшу въ кошорые вѣрные бояре и дяди Щелкаловы. Вишневецкій слѣпо повѣрилъ нескладной бреднѣ. Тогда Ошрепьевъ, какъ будто убѣжденный въ невозможности долге скривашъ свое происхожденіе, показалъ Князю носимый имъ на груди золошой крестъ, драгоценными камнями украшенный, кошорый, какъ увѣрялъ, былъ данъ ему опцемъ его крестнымъ, Княземъ Ивановомъ Федоровичемъ Мстиславскимъ. Крестъ сей, вѣроятно гдѣ либо украденный или полученный отъ Езуитовъ, довершилъ оскверненіе Вишневецкаго, кошорый спалъ честнѣе прежняго слугу своего, какъ истиннаго Царевича.

Выписка изъ
Архива Иностранныхъ
дѣлъ.

Рукопись Толъяскаго.

Князь Адамъ познакомилъ его съ братомъ своимъ роднымъ, Княземъ Констаншиномъ, который зазвалъ его въ имѣніе свое Жалосць. Туда же явился первый жесвидѣтель подлинности Царевича: то былъ слуга сына Боярскаго Михнова, и назывался Петрушею. Въ 1601 году, Михновъ опшѣвзая въ Вильну при посольствѣ боярина Самыкова, взялъ его съ собою; но онъ обокравъ его, бѣжалъ и нашелъ убѣжище въ домѣ Канцлера Липовскаго, Льва Сапвги, гдѣ исправлялъ самыя низкія должности, называя себя Юрьемъ Петровскимъ. Сей негодяй увврялъ, что слуга прежде въ Убличѣ, (гдѣ въ самомъ дѣлѣ никогда не бывалъ), знаетъ хорошо Царевича и просилъ, чтобы ему показали его. Когда же исполнили желаніе его, то онъ указавъ на одинакія примѣпы, которыми Опреньевъ имѣлъ съ Царевичемъ, объявилъ, что видитъ въ немъ истиннаго Димитрія.

Дѣла Польскія въ Архивѣ.

Такого же рода смѣхоестойное предсказаніе произошло еще въ другомъ мѣстѣ. Князь Констаншинъ повезъ Опреньева въ Самборъ, къ посольству, Юрію Мнишку, Воеводу Сендомырскому, между холопами коего находился слуга, взятый Русскими подъ Псковомъ, и жившій нѣскольکو лѣтъ въ плѣну въ Москвѣ. Сей человекъ увврялъ, что видалъ тогда Царевича въ младенчествѣ, и что онъ точно походилъ на того, который шелъ

перь пазывался его именемъ. Какъ будто можно было распознать черты двухъ или трехъ-лѣтняго ребенка, на лицѣ юноши двадцати одного года?

Не смотря на нелѣпость сихъ свидѣтельствъ, данныхъ впрочемъ лицами ни малѣйшаго вѣролпшя не заслуживающими, Квлязь Конспанцинъ Вишневецкій и Юрій Мнишекъ не успѣдились выдавать ихъ за несомнѣнныя доказательства подлинности мнимаго Димитрія. Въ особенноти спарецъ Мнишекъ горячо заступался за самозванца, будучи привлеченъ къ нему ожиданіемъ важныхъ выгодъ и почестей для собственнаго семейства своего. У него была дочь Марина, юнал, прелестная дѣвица. Опрепьевъ, или дѣйснвяпсльно влюбился въ нее, или почелъ нужнымъ показываться спраспнымъ, дабы привязать къ судьбѣ своей одну изъ знатнѣйшихъ Польскихъ фамилій. Мнишекъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ мечталъ о возможности видѣть дочь свою на Московскомъ престолѣ, а Марина, не менѣ опца своего преданная гордостн и честолюбію, старалась также выказывать наклонность къ мнимому Димитрію.

Между тѣмъ Езуипы ревностно дѣйсвовали въ пользу Опрепьева, въ Краковѣ при дворѣ послушника своего, Короля Сигизмунда. Первымъ спараніемъ ихъ было доставить Самозванцу покровительство Папскаго Нунціа Рангони, копо-

Alessandro
Cilli Historie
di Moscovia.

рый сначала хоща и показывалъ видѣ, что не же-
лаешъ мѣшаться въ такое темное дѣло, но на-
конецъ будшо убѣжденный сильными доводами,
рѣшился принять участіе въ несчастномъ жре-
бѣ царственнаго изгнанника. Тогда Езуиты стали
за одно съ Нунціемъ внушать Королю, сколь сла-
вно, выгодно и даже душеспасительно будетъ для
него видѣть на Московскомъ престолѣ Государя,
который, обязанный ему своимъ величіемъ, доспа-
витъ Польшѣ прочный союзъ съ Россією и ко-
торый, оказывая гоповность къ принятію Рим-
ской вѣры, подаешъ великую надежду къ обраще-
нію въ папешство многочисленныхъ подданныхъ
своихъ. Сигизмундъ, съ свойственнымъ узоумію
упрямствомъ, не преставаелъ преклоняшъ ухо, къ
совѣшамъ Езуитовъ, хоща шакорые уже спонли
ему наследственнаго его государства, Швеціи, ко-
торая, вспрѣвоженная имъ по предмету исповѣ-
дываемой ею Люперанской вѣры, опложилась опъ
него и признала Королемъ своимъ дяю его род-
наго Карла IX-го. Король Польскій позволилъ увѣ-
ришь себя, что воцареніе мнимаго Димитрія по-
даешъ ему способъ общими силами Польши и Рос-
сіи снова возложитъ на главу свою упраченный
вѣнецъ Вазы. Подъ вліяніемъ сихъ леспныхъ меч-
таній, Сигизмундъ приказалъ Минску и Вишне-
вецкому представитъ предъ себя Самозванца.

Въ началъ 1604 года, Опреньевъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ Нунцій посѣпивъ его, объявилъ ему, что если желаетъ Королевской помощи въ отысканіи справедливыхъ правъ своихъ, то предварительно долженъ опречься онъ Греческой вѣры, принять Римскую и вручить себя покровительству Папскаго престола. Самозванецъ съ умилениемъ обещалъ все сіе исполнить, что чрезъ нѣсколько дней въ домъ у Нунція не только подтвердилъ на словахъ въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ, но даже далъ въ томъ письменное обязательство. Послѣ сего, Равонн угощалъ его пышнымъ обѣдомъ, но окончаніи коего отвезъ къ Королю на аудіенцію. Сигизмундъ принялъ Лжедимитрія споя опершись на сполникъ, и съ обыкновенною своею величавостію подавъ ему руку. Опреньевъ, поцѣловавъ оную, рассказалъ ему вымышленную испорцію свою и просилъ у него защиты и помощи. Тогда Коронный Оберъ-Камергеръ далъ знакъ ему и всѣмъ присутствующимъ на аудіенціи выйти въ другую комнату. Только Нунцій остался наединѣ съ Королемъ, который совѣщавался съ нимъ, какъ опречься. Потомъ снова призвали Самозванца. Сей вошелъ съ смиреннымъ видомъ, и положивъ руку на сердце болѣе вдохами, чѣмъ словами спарался свискать королевскую милость. Сигизмундъ съ веселымъ видомъ приподнявъ шляпу, сказалъ ему:

*

Да спасеть васъ Богъ, Дмитрій Князь Московскій! мы признаемъ васъ въ семъ высокомъ званіи, убѣжда-
ясь встѣмъ слышаннымъ нами и представленными
намъ письменными доводами, и въ знакъ нашего доб-
рожелательства назнакаемъ вамъ на ваши потребности
ежегодно 40,000 злотыхъ (поже нынѣшнихъ се-
ребряныхъ рублей); кромѣ того, какъ пріятелю,
принятому подъ наше покровительство позволяемъ
вамъ сноситься съ панами нашими и получать отъ
нихъ все вспоможеніе и заступленіе, какое только мо-
жете желать. Смущенный радостію, Ошрепьевъ
не нашелъ словъ, чшобы выразить свою призна-
тельность. Нунцій за него благодарилъ Короля, и
отвезъ его обратно въ домъ къ Сендомирскому
Воеводѣ, гдѣ обнимая его совѣщавалъ ему при-
няться за дѣло какъ можно скорѣе, и въ особен-
ности напоминалъ ему, что изъ благодарности
за оказанныя ему милости, онъ долженъ спѣшишь
принять Римскую вѣру и водворить какъ оную,
шакъ и Езуитовъ не только въ Государствѣ сво-
емъ, но даже сколь возможно будещъ въ дальнѣй-
шихъ странахъ Воспока.

Такимъ образомъ совершилось публичное при-
званіе Самозванца за истиннаго Царевича при дво-
рѣ Польскомъ; событіе важное для наглаго бро-
дига, ибо подавало ему неожиданныя средства къ
доспигенію своихъ до поль- несбыточныхъ пред-

начерпаній. Въ пылу своей признательности къ Езуидамъ, онъ рѣшился безъ дальнѣйшаго опла- Annæ Litteræ Societatis Je- vii, an. 1604. гательства принять ихъ вѣру; но условились не оглашать сего до удобнѣйшаго случая, дабы преждевременно не вооружить противъ него Русскаго народа, свято привязаннаго къ спаринному исповѣдованію своему. Опрещевъ, закрывая лицо, и переодѣвшись въ нищенское платье, пришелъ въ сопровожденіи одного Польскаго вельможи въ домъ Краковскихъ Езуитовъ. Тамъ онъ опресека еще Восточной Церкви, исповѣдывался Езуиту и принялъ причастіе изъ рукъ Папскаго Нунція, который также совершилъ надъ нимъ миропомазаніе. Пошомъ Самозванецъ, не преснавая слѣдовавъ совѣщанъ Нунція, собственноручнымъ письмомъ Гривенбрухъ. просилъ покровительства Папы Клименша VIII, который не замедлилъ ему опвѣчать весьма милосивно.

Король Сигизмундъ хоша на публичной аудіенціи и не обѣщалъ разспригъ самъ помогать ему силою оружія, но подспрекаемый Езуитами, онъ писалъ тайное желаніе принять дѣятельное участіе въ замышляемомъ Опрещевымъ походѣ противъ Бориса. Къ исполненію сего предспавлялись большія препяшствія. Государь Польскій, не будучи самодержавнымъ, не могъ безъ одобренія народнаго сейма опкрыть войну съ соседомъ, не

подавшимъ къ тому важнаго повода. Съ другой стороны Сигизмундъ опасался, что сеймъ не согласится на разорваніе недавно заключеннаго двадцатилѣтняго перемирія съ Россією, и не захочетъ возстановить противъ Польши новаго сильнаго врага, когда Поляки не могли еще управиться со Шведами, снлизшимися опята у нихъ Лифляндію. Въ сихъ обстоятельстввахъ Король вознамѣрился попытаться убѣдить главнѣйшихъ вельможъ своихъ въ томъ, что важныя государственныйя причины не дозволяютъ предложитъ на разрѣшеніе сейма воевать или нѣтъ съ Россією, и что несомнѣныя выгоды Республики Польской, пребуяутъ выступитъ немедленно въ походъ противъ Царя Бориса.

Немецкичъ. Знаменистѣйшимъ вельможею въ Польшѣ былъ тогда спарець Замойскій, Канцлеръ и великій Гешманъ Коронный: Король написалъ ему, что если Республика доставитъ царскій вѣнецъ Димитрію, то найдетъ въ немъ надежнаго союзника, на случай войны съ Турками; что съ другой стороны предсавивша возможность не только очиститъ Лифляндію, но даже возстановитъ власнъ Королевскую въ Швеціи, потому что тѣ же войска, которыя будутъ употреблены для препровожденія Димитрія до Москвы, могутъ быть опшуда усрмлены на Лифляндію и Финляндію;

что кромѣ того откроется для Польши обширный торгъ не только съ Россією, но чрезъ нее и съ Грузією и Персією, и что во всякомъ случаѣ нельзя было доставить лучшей рыцарской забавы пылкой, безпокойной молодежи Польской. Впрочемъ, Сигизмундъ изъявлялъ желаніе, чтобы совѣщанія о великомъ дѣлѣ сего производились въ тайнѣ, между Замоискимъ и Архіепископомъ Гвиздинскимъ Тарновскимъ, безъ доклада сейму, потому что слишкомъ часто на сихъ народныхъ сѣздахъ выгоднѣйшія для рѣчи Посполитой предложенія бывали отвергнуты единственно по недоброжелательству частныхъ лицъ, и что такъ какъ рѣши на сеймѣ не могутъ быть производимы безъ огласки, то Царь Борисъ будетъ предупрежденъ о замыслахъ противъ него дѣлѣ и такимъ образомъ получитъ возможность, сильно приготовившись къ борьбѣ призваніемъ на помощь къ себѣ Ташаръ и другихъ варварскихъ народовъ. Сигизмундъ худо зналъ Замоискаго, если надѣлся оказываемою ему довѣренностію выманить у него одобреніе своихъ замысловъ. Старый поборникъ Шляхетскихъ вольностей не измѣнилъ своимъ правиламъ. Онъ отвѣчалъ Королю, что не совѣщуетъ ему вступать въ ненадежный бой, и что во всякомъ случаѣ нельзя ничего предпринять безъ дозволенія сейма шѣмъ паче, что если дѣйствитель-

пельно дойдеть до войны съ Россією, но усилія ограниченныя и скороспѣшныя окажутся недоспапочными, а должно будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, соопшвѣнщующимъ важности цѣли, и выспавить въ поле огромное войско.

Другіе вельможи Польскіе, и между прочими Напольный Коронный Гешманъ Жолкѣвскій и Князь Василій Констаншиновичъ Оспрожскій были одного мнѣнія съ Замойскимъ. Всѣ они представляли Королю, что имѣя уже дѣло со Шведами неосмошрипельно было бы вдаваться безъ всякой нужды въ новую войну.

Езуиты вида неудачу съ сей спороны, спали тогда внушашъ Сигизмунду, что если вельможи не хошашъ опкрышо воевать прошивъ Бориса, то можно будетъ изъ-подъ руки вредить ему, и что Король имѣлъ на сіе все право, попому что самъ Борисъ дѣйспвовалъ не иначе. Въ доказаНарушвщъ. пельспво пому представляли, что не смошра на сущеспвующее перемиріе Царь пропустилъ черезъ Ингрію Шведскія войска, посланныя Карломъ изъ Финляндіи въ Лифляндію, и что кромѣ того Русскіе градоначальники во Псковѣ и другихъ мѣспвахъ имѣли приказаніе снабжать Шведовъ нужными для нихъ жизненными припасами. Не шрудно было склонить Сигизмунда на оплату Царю пою же монешюю. Король рѣшился, не оглашая

дѣйствіа правосудства, воспользовашься оказываемою охотою къ войнѣ нѣкошорыхъ Пановъ Лишовскихъ и многихъ Жолнеровъ, оспававшихся на Украйнѣ безъ службы, для соспавленія рапи изъ вольницы, которую сначала намѣревался подчинить Князю Збаражскому, воеводѣ Брацлавскому. Но такъ какъ Князь сей не скрывалъ убѣжденія своего въ шомъ, что мнимый Димитрій былъ Самозванецъ, то Король поручилъ все дѣло Мнишку, позволивъ ему употребить на онос доходы Сендомирскаго воеводства. Тогда Мнишскъ Карамзинъ опшвезъ обрашно разспригу въ Самборъ, гдѣ такъ какъ и въ окрестностяхъ Львова, начинались уже наборы войска для похода въ Россію.

По возвращеніи своемъ въ Самборъ, Опрепьевъ спалъ опкрыто домогашься руки Марины. Предложенія его были приняты съ воспоргомъ; однако гордый вельможа не намѣренъ былъ жерпвовапъ дочерью своею на удачу. Свадьба была опложена до упверженія Лжедимитрія на Московскомъ престолѣ, но между тѣмъ воевода Сендомирскій взялъ съ него запись, 18/28-го Мая собственною рукою его подписанную, по силѣ коей Самозванецъ съ щедростію, свойственною человеку, располагающему чужимъ добромъ, обѣщася шопчасъ послѣ своего воцаренія жениться на Маринѣ, и заплашитъ опцу ея Мнишку 1,000,000

злыхъ (поже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), кромѣ того онъ обязывался отдать въ удѣлъ будущей супругѣ своей Государства Новгородское и Псковское, съ свободою вводить въ оныя исповѣдуемую ею Римскую вѣру, которую и самъ признавалъ за свою съ увѣреніемъ, что ничего не упустишь для водворенія оной и во всей Россіи.

Но Мнишекъ не довольствовался успроеніемъ участи своей дочери. Встрѣчая неожиданную подапливостъ въ нарѣчномъ зятѣ своемъ, онъ, нѣсколько дней спустя, выманилъ у него, уже собственно въ пользу свою и въ пользу Государства Польскаго, новыя уступки, весьма разорительныя для Россіи. Второю записью, писанною также въ Самборѣ, $\frac{2}{12}$ -го Іюня, Самозванецъ отдавалъ будущему тестю своему Княжеству Сѣверское и половину Смоленскаго съ городомъ, а другую половину Смоленскаго Княжества (вѣроятно лежащую по правой сторонѣ Днѣпра) и шесть городовъ изъ Сѣверскаго уступалъ Польшѣ. Кромѣ того Самозванецъ обѣщался еще по вступленіи своемъ на престолъ, отдать Мнишку столько городовъ и земель изъ прилегающихъ къ Смоленскому Княжеству областей, сколько нужно будетъ для вознагражденія за убавленіе въ доходахъ Княжествъ Сѣверскаго и Смоленскаго, произшедшихъ отъ данныхъ Польшѣ уступокъ. Исполненіе сихъ су-

назбродныхъ обязательствъ вовлекло бы Россію въ шакія пожертвованія, къ кошорымъ самая несчастная война едва ли могла бы ее вынудить *.

Мнишекъ, разлакомленный выговоренною имъ богашою наградою, хопя и не щадилъ имѣнія своего, однако собирающаяся подъ знаменами его шляхша не соспавляла довольно значительнаго войска, чптобы съ одною сею помощію самозванецъ могъ поколебать престоль Бориса. Главнѣйшія надежды его въ семъ предпріятіи основывались на сподвижникахъ, коихъ ожидалъ найши въ нѣдрахъ самой Россіи. Но и въ семъ случаѣ, Польки много благопріятствовали ему. Пограничныя Польскіе начальники всемірно спарались разсѣ- Дѣла Польскія и Намѣстничь. вать по Сѣверской землѣ подметныя письма разсѣ- шриги, въ коихъ онъ, объявляя себя Царевичемъ Димитріемъ, призывалъ народъ къ возстанію противъ Бориса. Въ особенноти такимъ образомъ ревностно дѣйствовалъ въ его пользу Михайло Рапомскій, спаросста Оснерскій, копорый не только мушилъ жищелей Чернигова и окрестностей, но еще послалъ шляхшича Щастнаго Свирскаго къ Донскимъ Козакамъ, коихъ наклонность къ самозванцу была уже извѣсна.

Донскіе Козаки не соспавляли еще сего спрой-

* Смотри Приложение № V и № VI.

наго и воинственнаго общесства, въ наши времена споль усердно и храбро подвизавшагося за Россію. Тогда они шолько были сволючью людей безпріюшныхъ, ненавидящихъ всякую подчиненность и однимъ удалствомъ подобившихся знаменимымъ попомкамъ своимъ. Промышляя единственню разбоємъ, они много вредили Россійской торговлѣ съ Грузією и Персією, и даже самовольными нападеніями своими на Турецкія владѣнія весьма затрудняли мирныя сношенія, копорыя Россійское правительство желало сохранить съ Портою. Царь Борисъ, разгнѣванный ихъ неисповствами, принялся укрощать ихъ, и шѣмъ ожесточилъ ихъ прошивъ себя. Они льво ошказались ошгъ всякаго повиновенія и съ радостію встрѣпили пронесшуюся между ими молву, что Царевичъ Димитрій находится въ живыхъ. Дерзость ихъ возрасла до такой степени, что еще въ Январѣ 1604 года они осмѣлились напасть на Окольничаго Степана Степановича Годунова, проюроднаго брата Царя, посланнаго съ порученіемъ въ Астрахань. Козаки разбили провозавшій его конвой; Годуновъ самъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Многіе изъ его людей были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ, изъ коихъ нѣкопорыхъ Козаки послали къ Царю съ вѣстію, что они скоро придуть въ Москву съ Царевичемъ Димитріемъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ весьма естествен-
но, что шляхтичъ Свирскій получилъ добрый
пріемъ отъ Козаковъ. Они приговорили отпра-
вить поспѣшь въ Польшу къ Лжедимитрію
апамановъ своихъ Андрея Корелу и Михайлу Нь-
жакожа. Сіи посланные зашли еще Самозванца Архивскія
бумаги.
въ Краковъ, и видѣвъ, что при самомъ Королев-
скомъ дворѣ онъ принимается за истиннаго Ца-
ревича, не усумнились признавъ его за своего за-
коннаго Государя. Возвратившись же на Донъ, они
убѣдили товарищей своихъ готовиться къ похо-
ду за Димитрія.

Уже нѣкопорые изъ Русскихъ бѣглецовъ, въ
Польшѣ находящихся, прислали къ Самозванцу и
образовали первую его дружину Рускую, которая
была ему весьма нужна, дабы отвратишь отъ
себя нарѣканіе, что онъ съ одними иноплемённы-
ми силами намѣревается вступитъ въ Россію. Но
дружина сія была не многочисленна, и старавія
разсприги, чтобы умножишь ряды оной не всегда
были успѣшны. Многіе изъ Русскихъ выходцевъ,
гнушавсь обманомъ, не хотѣли принявъ участія
въ зломъ дѣлѣ. Между ними отличился въ особен-
ности сынъ боярской Яковъ Пыхачевъ и старый
разспригинъ поваричъ монахъ Варлаамъ Яцкій,
которые прибыли въ Краковъ для изобличенія Целобитная
Варлаама.
Самозванца передъ Польскими вельможами. Но на-

прасно Варлаамъ увѣрялъ, что мнѣшій Димитрій еснѣ монахъ Григорій Ошрепьевъ, съ конемъ вмѣстѣ онъ самъ бѣжалъ изъ Москвы въ Кіевъ. Король не хотѣлъ слушать истины, прошивной его желаніямъ, и приказалъ опсправить обоихъ обвинителей къ Самозванцу въ Самборъ. Тамъ Варлаама заключили въ шемницу, какъ испочпипельнаго клеветника, а Пыхачева казнили подѣ предлогомъ, что онъ подосланъ Борисомъ для умерщвленія Царевича.

Избавивъ себя такимъ образомъ отъ опаснаго свидѣтельства, разсприга не менѣе того весьма шрвожился мыслію, что наспоющее имя его содѣлалось извѣстнымъ. Для оппращенія худыхъ для него слѣдствій, могущихъ произойти отъ сего опкрытія, онъ прибѣгнулъ къ новому обману. При немъ находился вышедшій изъ Крыпецкаго Монастыря безродный монахъ Леонидъ, человекъ пьяный, но весьма преданный Самозванцу; которій вслѣлъ ему называться Григоріемъ Ошрепьевымъ. Такимъ образомъ онъ надѣлся опсправить отъ себя подозрѣніе, что самъ онъ былъ симъ Ошрепьевымъ.

Повесть о
Борисѣ Году-
новѣ и раз-
стригѣ и Мо-
розовская лѣ-
топись.

Не возможно, чтобы Царь Борисъ скоро не извѣстился о дерзкихъ проискахъ Самозванца, какъ въ Россіи такъ и въ Польшѣ. Въ первомъ смущеніи своемъ, онъ началъ самъ нѣсколько сомнѣваться

въ убіеніи испиннаго Димитрія. Мать Димитріе-Беръ.
ву, Царицу Марѳу, привезли въ Дѣвичій монастырь ^{Показанія}
подъ Москвою; Царь ѣздилъ къ ней съ Патриар- ^{Хрущева.}
хомъ, допрашивалъ ее, дѣлалъ по всюду почтѣй-
шіе розыски, и убѣдился, что несчастная жертва
его власнолюбія дѣйствительно пала за пред-
дашь гѣмъ предъ шѣмъ подѣ нанесенными ей въ
Углицѣ ударами. Между шѣмъ посланные въ Польшу
лазутчики донесли, что опважнѣй обман-
щикъ, дерзнувшій принять на себя имя Царевича,
былъ ни кто иной, какъ Чудовскій дьяконъ
Григорій Ошрепьевъ, который избѣжалъ ссылки
въ Соловецкій монастырь, единственно по небре-
женію дьяка Смирнаго, не исполнившаго Царскаго
о немъ указа. Борисъ не хотѣлъ однако наказати
дьяка за сіе: ослушаніе, дабы не придашь важно-
сти случаю, который спарался еще предсав-
лять ничтожнымъ. Но злоба Царская прошивъ
въпренаго чиновника не угасала. Съ лицемѣремъ, ^{Никоновская}
прошивнымъ достоинству Государя, не смѣя ка- ^{Лѣтопись.}
рашь его за наслоящее преспушеніе, онъ спалъ
подыскивавшись подѣ него. Смирнаго, обвиненаго
въ расхищеніи дворцовой казны, застѣли до смерти.
Положеніе Бориса было запруднительно. Если
благоразуміе предписывало гошовишься къ ошвра-
щенію угрожающей опасности, то съ другой сто-
роны шакже полезнымъ казалось не выказываешь

никакого безпокойства, дабы не возвысись въ глазахъ въспревоженнаго народа соперника, коего дошолъ можно было еще полагать доспойнымъ одного презрѣнія. Въ семъ недоумѣніи, Царь рѣшился ограничиться мѣрами двуличными. Хотя зараза въ Смоленскомъ уѣздѣ слабѣла, но учрежденныя между Москвою и Смоленскомъ заставы, были прощянушы до Брянска, дабы зашруднить сообщенія съ Лишвою. Кромѣ того Царь приказалъ Окольнічимъ Петру Щеремешеву и Михайлу Салтыкову собрать войско подъ Ливнами, подъ предлогомъ полученныхъ извѣстій изъ Крыма о замышляемомъ нападеніи Тапартъ на Русскіе предѣлы. Выборъ Ливенъ для сборнаго мѣста войска былъ дѣйствительно удаченъ, ибо опшуда легко было обратиться или на Донъ прошивъ Козаковъ, или къ Днѣпру прошивъ Польши.

Показанія
Хрущева.

Но Царь еще надѣялся, не обнажая меча одною силою истины, побѣдитъ разспригу, разувѣривъ его приверженцевъ. Для сего онъ опправилъ къ Донскимъ Козакамъ дворянина Хрущева, а боярамъ своимъ приказалъ послать къ Польскимъ вельможамъ разспригина дядю роднаго, Смирнаго Отреспьева, для изобличенія племянника въ присутствіи ихъ. Посылки сіи не имѣли и не могли имѣть успѣха, пошому что ополчающіеся на Россію злодѣи искали не истины, а одной собшвен-

Дѣла Польскія и показанія Хрущева.

ной выгоды. Польскіе вельможи не хотѣли показашь Смирному Опреньеву Самозванца, опзываясь, чшо имъ до него не было ни какого дѣла и чшо они ему ни въ чемъ помогашь не намѣрены. Хрущева порученіе кончилось еще хуже. Козаки схватили его и окованнаго опправили къ Самозванцу. Успрашенный Хрущевъ измѣнилъ своему долгу. Представленный Лжедимирию, онъ повергся къ стопамъ его увѣряя, чшо по сходству его съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ узнаетъ въ немъ истиннаго Государя своего. Разсприга съ любопытствомъ спрашивалъ его о расположеніи умовъ въ Россіи и о намѣреніяхъ Царя Бориса. Хрущевъ въ опвѣпахъ своихъ спарался единспвенно угодишь Самозванцу, и говорилъ много долженствующихъ ему нравиться небылицъ.

Король Сигизмундъ, самъ не смѣя воевашь проптивъ Царя Бориса, не менѣ шого возбуждалъ проптивъ него новыхъ враговъ. Посылая въ Крымъ гонца Черкашенина, онъ писалъ съ нимъ къ Хану Казы-Гирею, чшо Царевичъ Димитрій гошовится вспунить въ Россію, для поддержанія законныхъ правъ своихъ, и чшо Полякамъ пріятно будетъ, если Ташары спанушъ помогашь ему въ семъ предпріятіи.

Между шѣмъ жипели окрестностей Львова и Самбора терпѣли большія припѣсенія и обиды

Часть I. 6

**Рукопись
Жолтескаго.** опть развратной шляхты, собравшейся подъ хоругвию *Ажедиширія*. Всѣ желали какъ можно скорѣе избавитися опть ней. Но наборъ производился медленно, хошя *Мнишекъ* и не щадилъ денегъ. *Самозванецъ*, въ неперпвнн своемъ, рѣшилса не дожидашься, чшобы все ополченіе было готово, и 15-го *Августа* 1604 года выѣхалъ изъ *Самбора* въ сопровожденіи двухъ *Езуишовъ*, *Николая Черниковскаго* и *Андрея Лавицкаго*. Разсприга, 30-го жъ мѣсяца, прибылъ въ *Глиннаны*, гдѣ назначенъ былъ смошрѣ войску. Оное состояло ньюлько изъ 500 человекъ пѣхоты и 1,400 всадниковъ, раздѣленныхъ на пять хоругвей, а именно: *Царскую*, *Пана Мнишка Старосты Саноцкаго* *, *Пана Дворжицкаго*, *Пана Фредро* и *Пана Неборскаго*. Хошя *Король* и поручилъ все дѣло спарому *Мнишку*, но необузданная вольность гордой шляхты шребовала ея согласія на избраніе начальника. На собравномъ въ *Глиннанахъ* *Колѣ* (сходкѣ), *Воевода Сендомирскій* провозглашенъ *Гепманомъ* войска, а подъ нимъ назначены два *Полковника* *Паны Жулицкой* и *Дворжицкой*.

Грессенбрухъ

Изерле.

Маскѣвичъ.

**Рукопись
Ротмистра
Борша изъ
Пулавской
Библиотеки.**

3-го *Сентября* войско двинулось изъ *Глинянъ* по направленію къ *Кіеву*. Много другихъ шляхетскихъ хоругвей, не докончившихъ еще своего обра-

* *Примчаніе.* Сей былъ сынъ *Юрія Мнишка*, *Воеводы Сендомирскаго*.

зованія, получили приказаніе, по совершенномъ изгошвленіи, слѣдовавъ шѣмъ же путемъ и спѣшивши соединеніемъ съ прочими поварищами своими. Приближаясь къ Кіеву, Самозванецъ и Мнишекъ были вспревожены появленіемъ войска Князя Оспрожскаго, изъ нѣсколькихъ тысячъ чловѣкъ состоящаго. Зная, сколь Князь сей желалъ сохраненія мира между Польшею и Россією, они опасались нападенія его, и почли нужнымъ принять мѣры чрезвычайной оспорожности. Войны ихъ проводили ночи безъ огня и держали лошадей своихъ осѣданными. Но Оспрожскій не имѣлъ намѣренія вооруженною рукою дѣйствовать противъ людей, конхъ предпріятіе хоша имъ не одобряемое, было тайно покровительствуемо самимъ Государемъ его. Онъ имѣлъ шолько въ виду охраненіе жилищей Кіевскаго воеводства отъ грабительствъ Самозванцевыхъ сподвижниковъ, и для того приказалъ войску своему довольствоваться наблюденіемъ за ними во время слѣдованія ихъ до Днѣпра.

Разсприга, прибывшій въ Кіевъ 7-го Октябрия, встрѣпилъ шупъ неожиданное препятствіе. По повелѣнію Оспрожскаго всѣ перевозы на Днѣпръ были сняты. Нѣскольکو дней прошло въ омысливаніи паромовъ, и шолько 13-го числа совершилась переправа въ чепьрнадцати верснахъ выше

Кіева, близъ устья Десны. Уже Самозванецъ былъ
Пасрле. обрадованъ прибытіемъ перваго подкрѣпленія изъ
Россіи, состоящаго изъ 2,000 Козаковъ, приве-
денныхъ съ Дону Свирскимъ. Такимъ образомъ въ
войскѣ, съ коимъ онъ готовился переслупить за
границу, считалось до 4,000 человекъ.

Переправляясь за Днѣпръ, разстрига началъ
дѣйствовать рѣшительно. 16-го Октября онъ
Диспань по-першелъ за Русскій рубежъ и спалъ лагеремъ за
хода Минш-ка въ Россію. Сваромьемъ, а 17-го за Жукинымъ. Вспущеніе его
въ предѣлы Россіи неслуханно возмутило строп-
тивый народъ Сѣверской земли. Вездѣ чернь, не-
навидѣвшая Бориса, радостно принимала Само-
званца съ хлѣбомъ и солью. Первымъ Русскимъ
укрѣпленнымъ мѣстомъ былъ въ сей сторонѣ за-
мокъ Муромскъ. Еще Опрепьевъ споялъ въ прид-
цани верстахъ отъ онаго, какъ уже тамошніе
жители прислали ему сказать, что покоряюща
его власни. Разстрига спѣшилъ воспользоваться
ихъ добрымъ расположеніемъ и 19-го числа, вы-
ступя изъ-подъ Жукина, остановился при Полчо-
вѣ, десять верстъ не доходя замка. Тутъ Муром-
ляне представили ему связанныхъ воеводъ своихъ,
Бориса Лодыгина и Елизаря Безобразова. Само-
званецъ почелъ нужнымъ ознаменовать милосерді-
емъ первыхъ царскія дѣйствія свои. Не имѣняя въ
Карамзинъ. виду воеводамъ вѣрности ихъ къ Борису, онъ

единственно жалѣвъ объ ихъ заблужденіи и приказалъ освободить ихъ. 21-го числа Опрепьевъ вступилъ въ Муромскъ.

Вѣсть о вторженіи врага въ Россію изумила Бориса. Хитрость было уже не время. Предстояла необходимостъ противуставить силу силъ. Царь приказалъ собрать войско въ Брянскъ, но и шутъ еще или дѣйствительно не постигая важности объспоятельствъ, или прихвораюсь не вѣрующимъ оной, онъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ усиліямъ чрезвычайнымъ. Въ погдашнее время въ Россіи ополченія были двухъ родовъ: большія, состоящія изъ пяти или иногда и шести полковъ, и впороспешенныя, раздѣлявшіяся на три полка. Собиравшееся въ Брянскъ войско было прехъ полковое, и состояло подѣ главнымъ начальствомъ боярина Князя Димитрія Ивановича Шуйскаго, Разрядная книга. кошорый имѣлъ при себѣ во впорыхъ въ большомъ полку Князя Михайлу Феодоровича Кашина, въ передовомъ были Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ, а въ спорожевомъ бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ и Князь Феодоръ Звенигородскій. Кромѣ того посланы знатные чиновники въ пограничные города; въ Путивль: Михайло Михайловичъ Салпыковъ, да съ нѣмъ осадный воевода Князь Василій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ, а въ Черниговъ: Бояринъ

Князь Никиша Романовичъ Трубецкой, Окольниковъ Пешръ Θεодоровичъ Басмановъ и Голова Андрей Воейковъ; но сіи при чиновника уже не могли достигнуть своего назначенія.

Борисъ и
Паска.

Самозванецъ не перялъ времени. Оставя въ Муромскѣ малой опрядъ для охраненія замка, онъ, 22 Октябръ, двинулся вдоль праваго берега Десны, и 25-го споялъ уже лагеремъ въ семи верстахъ отъ Чернигова, а двухъ тысячный Козацкій опрядъ, составившій его передовую дружину подспунилъ подъ самый городъ, достапочно снабженный пушками и имѣвшій крѣпкій замокъ. Жители сначала хотѣли защищаться и убили многихъ Козаковъ, пышавшихся войши силою. Но когда узнали что Муромскъ сдался добровольно, то и они положили не прошивиться Царевичу. Напрасно начальствующій въ городѣ, Князь Иванъ Андреевичъ Ташевъ, надѣялся еще удержаться въ замкѣ, съ бывшими при немъ 300 спръльцами и 20 орудіями. Чернь, пригласивъ на помощь Козаковъ, соединенными силами хлынула къ замку. Тогда спръльцы, увлеченные общимъ примѣромъ, отворили ворота и выдали воеводу своего. Ташевъ оказался спольже малодушнымъ, сколь и Хрущевъ; онъ вошелъ въ службу къ Самозванцу, и сдѣлался вѣрѣйшимъ изъ его Клевреповъ. Впрочемъ Черниговцы получили достойное наказаніе за свою шап-

кось. Впущенные ими Козаки грабили городъ, какъ будто взяли оный присупомъ. Извѣщенный о томъ Разсприга, немедленно послалъ къ Козакамъ двухъ Польскихъ Пановъ для прекращенія безпорядковъ, могущихъ охладить наклонность къ нему обывателей другихъ городовъ. Но Паны сѣ уже нашли все ограбленнымъ. Самозванецъ, самъ прибывшій на другой день въ Черниговъ, приказалъ возвращать похищенное, однакожь Козаки успѣли скрыть часть своей добычи, и хозяева не все утраченное получили обратно.

Разсприга остановился въ Черниговѣ, чтобы дать отдохновеніе своему войску, въ коемъ оказывался нѣкошорый ропотъ. Въ особенноти шлахта жаловалась, что за неимѣніемъ денегъ, обносилась и нуждается въ продовольствіи. Къ счастью Самозванца въ замкъ напмось въ сборѣ 3,000 рублей (10,000 нынѣшнихъ серебряныхъ). Онъ роздалъ ихъ Полякамъ.

По осмидневному ошдыхѣ, Ошрепьевъ выступилъ опять въ походъ по направленію къ Новгороду-Сверскому. Передовые Козаки подъ начальствомъ Поляка Бучинскаго, явились подъ симъ городомъ 9-го Ноября. Но шущъ встрѣшили мяшешники первое важное сопрошвление. Князь Трубецкой, Басмановъ и Воейковъ, ошправленные Царемъ въ Черниговъ, не могли опередить шамъ

Самозванца, и рѣшились защищать Новгородъ-Сѣверскій. Хотя Бояринъ Трубецкій былъ гораздо чиновнѣе Окольничаго Басманова, но послѣдній управлялъ всѣмъ. Въ смутное время часпо истинное достоинство беретъ верхъ, и обыкновенные люди охотно уступаютъ искуснѣйшимъ власнѣ и оповѣщенности. Басмановъ отличался сколько же честолюбиемъ, сколько и храбростію, твердостію и знаніемъ рапнаго дѣла. Онъ предупреждая измѣну обывателей, ввелъ ихъ всѣхъ въ замокъ, самъ заперся въ ономъ съ бывшими при немъ 600 спрѣльцовъ, а городъ велѣлъ выжечь.

Козаки, принятыя пальбою изъ замка, основались, а Бучинскій съ малою свитою подѣвхалъ къ спѣнѣ для начашія переговоровъ, къ которымъ Русскіе, кидая шапки свои въ верхъ, казалось приглашали его. Басмановъ самъ находился на спѣнѣ и спросилъ его, чего онъ потребуешь? Полякъ объяснился такимъ образомъ: *я присланъ моимъ всемилоостивѣйшимъ Государемъ, сыномъ блаженной памяти Великаго Князя Іоанна Васильевича, Дмитріемъ Іоанновичемъ. Небесный промыслъ сохранилъ его отъ смерти, приготовленной въ Углицѣ измѣнникомъ Борисомъ: онъ здравствуетъ и чрезъ меня, слугу своего, объявляетъ, что если вы, подобно жителямъ Чернигова и Муромска, покоритесь ему и ударите челомъ, какъ законному Госу-*

дарю, то будете помилованы; если же не согласитесь на сіе, то знайте, что встѣхъ васъ предасть онъ смерти, и мужей и женъ, и старыхъ и малыхъ; самымъ младенцамъ въ матерней утробѣ не будетъ пощады. Басмановъ ошвѣчалъ: Государь нашъ и Великій Князь Борисъ, теперь въ Москвѣ: онъ повелитель всей Россіи! Тотъ же, о комъ говоришь ты, есть измѣнникъ и негодяй; скоро онъ будетъ на колѣ со встѣми его клеветами! Спѣши удалиться туда, откуда пришелъ ты, если хочешь остаться въ живыхъ. Сія рѣчь мало понравилась Бучинскому, который расположивъ отрядъ свой на горѣ, куда Русскіе пули не достигали, спѣшилъ самъ извѣстить Самозванца, что путь одною лестію успѣть не можно.

Разсприга самъ подспунилъ подъ замокъ 11-го числа, и расположившись, на пепелище города послалъ нѣсколькихъ Польскихъ Пановъ и Муромскихъ Русскихъ уговаривать къ сдачѣ осажденныхъ, но Басмановъ не хотѣлъ вступать въ дальнѣйшіе переговоры и приказалъ спрѣлять по посланнымъ.

Видя его упорство, Самозванецъ приступилъ къ формальной осадѣ, хотя не имѣлъ при себѣ доспапочнога снаряда для сего предпріятія. Спали копать пранши и плескъ шуры, за копми выславили 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконешовъ. Поляки, подъ покровительствомъ

почти ничтожной пальбы изъ сихъ башарей, вздумали 14 числа ишпи на приспунъ. Гусары ихъ * подспунили къ замку и охотники изъ нихъ слезши съ лошадей, двукратно бросались къ снѣнѣ. Осажденные опшрѣливались такъ удачно, что непріатель оба раза былъ опраженъ съ урономъ. Не смѣя болѣе дѣйствовать открыпо, Поляки подѣлали деревянные срубы, копорые поспавя на сани, въ ночи съ 17 на 18, двинули къ замку, а сами шихо шли позади, заслоняясь, оными. За гусарамн слѣдовали еще 300 человекъ съ соломою и хвороспомъ, чемъ должны они были завалишь ровъ замка, и попомъ поджечь сіи припасы въ надеждѣ пожаромъ одолѣть осажденныхъ. Такимъ образомъ Поляки безвредно подошли ко рву, но ипуть всирѣпили споль мужеспвенное сопропивленіе со спороны вѣрныхъ воиновъ, Басмановымъ одушевленныхъ, что предпріііііі ихъ не имѣло успѣха. Тщесно въ яроспи своей продолжали они шпурмъ во всю ночь. Рѣшительпо опбитые, они вынуждены были наконецъ опспунпнъ съ немалюю пошерю.

Неудача сія, повергла Лжедимитрія въ чрезмѣрную гореспъ. Сопроривленіе ничтожной крѣ-

* *Примчаніе.* Польская конница была двухъ родовъ: *Гусарамн* назывались латники или нынѣшніе кирасиры, а легкая конница означалась подъ именемъ *Плтигорцевъ*.

посни, каковою былъ Новгородъ-Сѣверской, казалось ему разрушеніемъ всѣхъ мечпаній его. Въ порывѣ досады своей, онъ укорялъ Поляковъ, и говорилъ, что не находилъ въ нихъ ожидаемаго имъ удалства. Обидившіеся Поляки отвѣчали, что штурмовавъ городъ, не сдѣлавши прежде пролома въ стѣнѣ, было дѣломъ сумазброднымъ. Обоюдныя неудовольствія возрасли до такой степени, что шляхша хотѣла уже возвратиться въ Польшу. Къ счастью разсприги, чрезвычайно благоприятныя для него извѣстія, полученныя имъ въ то самое время, когда онъ самъ началъ предаваться опчаянію, ободрили всѣхъ приверженцевъ его и побудили ихъ не оставлять начатаго предпріятія.

Пламень бунта быстро распространялся по всей полуденной Россіи. Самозванцевы лазутчики, коимъ способствовала очевидная склонность къ нему простаго народа, проникали по всюду и раз-Хронограммъ.сѣвали манифеспы его, въ коихъ онъ оглашая себя Царевичемъ Димитріемъ, чудеснымъ промысломъ Всевышняго спасеннымъ отъ удара, изгнываемаго ему Годуновымъ, напоминалъ присягу, данную отцу его Царю Іоанну, и увѣщевалъ всѣхъ опещать отъ злодѣя Бориса и покориться его законной власти. Чернь съ умиленіемъ слушала сіи манифеспы и съ радостію опказывалась отъ

послушанія ненавистнаго ей Бориса. Одни чиновные люди сохраняли еще нѣкоторую приспѣшность. Правда многіе изъ нихъ, выданные Самозванцу, служили уже ему, по вину ихъ можно еще было приписать страху и принужденію. Первымъ добровольнымъ измѣнникомъ оказался одинъ изъ попомковъ Рюриковыхъ, Князь Василій Михайловичъ, Мосальскій-Рубецъ. Начальствуя во впоорѣжъ въ Пушнѣвѣ, онъ вмѣсто того, чѣмъ обуздывать жиделъ и воиновъ, самъ возмутилъ ихъ, связалъ главнаго начальника Окольничаго Михайлу Михайловича Салтыкова и присягнулъ разспригъ со всѣми людьми своими, кромѣ 200 Московскихъ спрѣльцевъ, прѣбывшихъ вѣрными, копорыхъ обезоружили, а голову и сопниковъ ихъ послали къ Самозванцу. Пушнѣвъ, многолюдный и обнесенный каменною оградою, (чѣмъ означало важность мѣста, потому чѣмъ тогдашнія укрѣпленія городовъ Россійскихъ были почти вездѣ деревянныя), считался главнымъ городомъ въ Сѣверской землѣ. Молва о покореніи онаго Самозванцу разнеслась съ немовѣрною скоростію, и подала поводъ къ новымъ измѣнамъ. Пагубному примѣру послѣдовали Рыльскъ, Сѣвскъ, Комарицкая волость, Борисъ-городъ, Бѣгородъ, Осколъ, Валуйки, Курскъ, Кромы, Ливны, Елецъ и Воронежъ, такъ чѣмъ въ Южной полость Россіи, на проптяженіи 600 верстъ отъ

Никоновская
Лѣтопись и
Грѣвѣбрухъ.

Дневникъ
Марини.

Запада къ Востоку, всѣ признавали разспригу за законнаго своего Государя.

Обрадованный симъ неожиданнымъ успѣхомъ, Самозванецъ приложилъ новыл старанія къ овладѣнію Новгородомъ-Сѣверскимъ. По повелѣнію его привезли изъ Пупивля пилы орудій осадныхъ и 8 полевыхъ, кои 1-го Декабря открыли огонь по замку. Почпи цѣлую недѣлю, спрѣльба сія продолжалась непрерывно денно и ночью. Деревяныя стѣны замка часто были пробиваемы, но Басмановъ не унывалъ, хотя въ одинъ день выбѣжало отъ него 80 чловѣкъ, и хотя собранное подъ Брянскомъ Царское войско ничего не предпринимало для его избавленія. Начальникъ сего войска, Князь Димитрій Шуйскій, въ извѣщеніи своего бездѣйствія писалъ въ Москву, что ненадежно сразиться съ Лжедимитріемъ безъ важнаго надъ нимъ превосходства силъ, и что попому онъ въ необходимости проситъ подкрѣпленія.

Борисъ и дья-
чникъ Марья-
ны.

Никоновская
Летопись.

Опложеніе обширныхъ областей, робость высланнаго противъ враговъ войска и болѣе всего непонятное ослѣпленіе народа, вездѣ и даже въ самой Москвѣ оказывающаго несомнѣнную склонность къ Самозванцу наконецъ убѣдили Бориса въ дѣйствительности угрожающей ему бѣды. Видя неумѣстность дальнѣйшаго выказыванія прищворной самонадѣянности, онъ рѣшился употребить

на уничтоженіе злодѣя всѣ еще весьма сильныя средства, конми могъ располагать самодержецъ Россійскій. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславской получилъ приказаніе собрать новое войско въ Калугѣ и вмѣстѣ съ шѣмъ обнародовано общее земское ополченіе, ошъ коего не избавлялись даже мѣвнїа духовенства, какъ и прочїа, по мѣрѣ владѣемой земли. Сими ратными приготовлениями не ограничилось правительство. Царь и Патріархъ во всѣхъ храмахъ и на всѣхъ шоргахъ приказывали провозглашанъ церковное проклятіе надъ Ошрепьевымъ, какъ надъ злымъ ерешкомъ, шщившимся похишишь Царство Московское, испребишь православную Христіанскую вѣру и внеспи прокляшую Папешкую. Въ Москвѣ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій на лобномъ мѣстѣ шоржественно увѣрлялъ народъ, что будучи главнымъ лицемъ сѣвдшвеннаго наряда о убїенїи Димитрія, онъ самъ хоронилъ его шѣло, и пошому лучше всѣхъ можешъ свидѣшествовать, что дѣйшвишельно въ Угличѣ убилъ былъ никто иной, какъ самъ Царевичъ. Но рѣчи сїи и подобныя Патріарха и другихъ Боярѣ дѣлали мало впечатлѣнїа надъ предубѣжденными слушателями, кошорые промежъ себя шолковали, что шакъ говорили имъ по наущенїю Бориса, кошорому нечего инаго и дѣлашь было, какъ скривашъ истинну.

Хронографы
и грамоты
Патріарха къ
Сольмъчегод-
скому Архи-
мандриту.

Царь среди всѣхъ окружающихъ его опасностей, сохранялъ еще присшойную величавость въ отношеніи иностранныхъ державъ. Карлъ IX Король Шведской, естественный врагъ Польши, вызвался прислать ему вспомогательное войско, но Борисъ отвѣчалъ, что Россія при Царѣ Іоаннѣ въ одно время воевавшая съ Турками, Ташарами, Поляками и Шведами, сама управилась съ своимъ злодѣемъ. Впрочемъ Царь самъ не желая помощи отъ иностранцевъ, также искалъ опяять оную и у Самозванца. Въ семъ намѣреніи онъ послалъ къ Королю Сигизмунду дворянина Огарева съ грамотою, въ коей описывая все происхожденіе Опрельева, доказывалъ его самозванство прибавляя что если бы даже и дѣйствительно онъ былъ Димитріемъ, то и шупъ не имѣлъ бы ни какого права на престолъ, ибо Царевичъ, рожденный отъ седьмаго брака, церковью не признаваемого, не могъ почитаться законнымъ наследникомъ. Огаревъ имѣлъ порученіе жаловаться на помощь, даваемую Поляками разспригъ, на побужденіе Ташаръ прошиеть Россіи, на возмущеніе Козаковъ Липвиномъ Свирскимъ и на занятіе Княземъ Вишневецкимъ, вопреки перемирія, городища Прилуки, которъ Россія считала своею собственностию. Въ заключеніе, онъ долженъ былъ шребовать рѣшительнаго отвѣта: чего желаетъ Польша, войны или

Нарушевичъ
и отвѣты Сигизмундовыхъ пословъ въ 1608 году.

мира съ Россією? Вспрѣвоженный сею настоячивостію, Сигизмундъ прибѣгнулъ къ лицемѣрнымъ увѣреніямъ, что хочешь свято наблюдашь перемиріе, и что если нѣкоторые Поляки, во зло употребляя дарованныя имъ законами вольности, въ чемъ либо нарушили поспановленія сего перемирія, то будутъ спрого наказаны.

Дѣла Польскія.

Духовенство Россійское съ своей стороны, всячески, старалось предостеречь отъ обмана духовенство Польское. Патріархъ, Митрополишь и всѣ Архіепископы и Епископы, послали къ оному гонца Бунакова съ грамошою, гдѣ всѣ они священнымъ словомъ своимъ, изобличали Опрельсва въ самозванствѣ. Кромѣ того Патріархъ послалъ отъ себя въ Кіевъ гонца Пальчикова съ письмомъ къ Князю Оспрожскому, коего онъ увѣщевалъ, приказашъ поймашъ разспригу и прислашъ сго въ Москву. Но совершившіяся событія упресли опѣшы на оба сіи посланія. Учасшь государсва уже завистъла отъ успѣха войны.

Князь Мспиславскій, собравъ на скоро нѣскольکو войска въ Калуѣ, повелъ оное въ Брянскъ на соединеніе съ войскомъ Князя Димипрія Шуйскаго; совокупныя силы сіи сосшавили сороко-тысячное ополченіе, раздѣленное на пять полковъ. Мспиславскій принялъ главное начальсво, имѣя при себѣ во вшорыхъ въ большомъ полку Князя Ан-

дря Андреевича Теляшевскаго; въ другихъ полкахъ начальствовали: въ правой рукѣ Князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій и Князь Михайло Феодоровичъ Кашинъ; въ лѣвой рукѣ Василій Пешровичъ Морозовъ и Князь Лука Осиповичъ Щербатовъ; въ передовомъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ; наконецъ въ спорожевомъ Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ. Мстиславскій выступилъ немедленно на выручку Новгорода-Сверскаго, и на пути, достигнувъ Трубчевска, писалъ воеводѣ Сендомирскому пребуя, чшобы онъ немедленно оставилъ Самозванца и вышелъ съ Поляками своими изъ Россіи, не имѣющей брани ^{Дѣла Польскія.} съ Польшею. Но Минскъ не отвѣчалъ, ибо еще надѣялся на счастье нареченнаго зятя своего.

18-го Декабря Россійское войско достигло рѣки Узруя, въ восьми верстахъ отъ Новгорода-Сверска, и переправилось чрезъ сію рѣку не смотря на сопротивленіе Самозванцевой передовой стражи, которая вынужденною нашлась опустынить до его лагеря.

Хотя Лжедимитрій и былъ уже подкрѣпленъ прибытіемъ изъ Польши послѣднихъ шамъ образующихся шляхетскихъ ротъ, и вступленіемъ къ нему въ службу многихъ бродягъ Сѣверскихъ, однако со всѣмъ тѣмъ нельзя полагать, чшобы онъ

имѣлъ при себѣ болѣе 15,000 человекъ, изъ коихъ шрещья часть Поляковъ, и слѣдственно силы его казались весьма недоспапочными, чтобы прошившись наспуающему на него сорокоптысячному непріятелю. Но онъ хорошо постигъ, что онъ одной слѣпой опваги долженъ былъ ожидать удачи въ чудномъ предпріятіи своемъ, и потому вознамѣрился, не смощря на чрезвычайное неравенство силъ, вспунить въ сраженіе, надѣясь впрочемъ, что измѣна поддавшихся ему городовъ будетъ имѣть вліяніе и на самихъ воиновъ Мстиславскаго, и что они не охотно подымутъ оружіе прошивъ того, котораго обширная часть Россіи признавала уже за истиннаго Государя своего.

Рукопись
Борна.

Въ слѣдствіе сей рѣшимости 20-го Декабря онъ вывелъ войско свое изъ лагеря на обширную равнину, гдѣ споялъ Мстиславскій. День проведенъ въ маловажныхъ спычкахъ и бесполезныхъ переговорахъ. Только Басмановъ частными вылазками перевозилъ пшль Самозванца, который для удержанія его вынужденъ былъ опрадитъ нѣскольکو сотъ Козаковъ.

Мстиславскій 21-го числа подспунилъ къ непріятельскому лагерю. Лжедимитрій опять смѣло вышелъ ему на встрѣчу и готовая къ бою, пошелъ нужнымъ воспламенить усердіе своихъ смощ-

движниковъ, выдвинувъ рѣчью, въ коей держалъ Паскв.
призывая Царя Бориса къ суду Божию. Хотя
измѣны, на копорую считалъ Самозванецъ, и не
оказалось, однако недоумѣніе разливалось въ ря-
дахъ Царскихъ воиновъ и приводило ихъ въ ша-
кое оцѣпѣніе, что сраженіе продолжалось не
долго. Правда Москвитяне опразднили первое напа-
деніе Польской конницы, но сія искра храбрости ^{Борисъ и}
скоро угасла. Правое Царское крыло не выдержало ^{Маржереть.}
новаго написка свѣжихъ Польскихъ хоругвей и
опрокинулась на Большой полкъ; сей шакже дрог-
нулъ, не смотря на благородныя усилія главнаго
вождя, Князя Мстиславскаго, который не щадилъ
себя, и ошягченный многими ранами, палъ съ ко-
ня; подослѣвшая къ нему на помощь дружина
спръльцовъ едва успѣла спасти его ошъ пѣвна.
Въ шожее время, Польская пѣхоша выписнула дру-
гихъ Царскихъ спръльцовъ изъ занимаемой ими
лощины. По свидѣтельству очевидца, казалось,
что у Россіанъ не было рухъ для стли, и Дзедзи-
мипрій върояшно одержалъ бы побѣду совершен-
ную, если бы въ рѣшишельную минушу пусшилъ
въ дѣло запасныя войска свои, но по неопытно-
сти онъ не сдѣлалъ сего, и шакимъ образомъ
далъ возможность Царскимъ воеводамъ, послѣ
двухъ или шрехъ-часнаго боя, ошснущишь хотя
не безъ урона, но по крайней мѣрѣ съ сохранені-

Длевинскъ
Мишка и
Борисъ.

емъ соспавъ войска. Самозванецъ преслѣдовалъ ихъ на пространствѣ девяти верстъ. Сіе постыдное дѣло стоило Русскимъ до 4,000 человекъ убитыхъ; Поляковъ пало только 120.

Впрочемъ одержанная Самозванцемъ побѣда ни сколько не была рѣшиительною, а полѹуспѣха не доставочно было, чтобы улучшить его положеніе. Царская армія отошла не далеко, и остановилась въ четырнадцати верстахъ отъ мѣста сраженія въ лѣсу, гдѣ прикрылась окопами и застѣками. Лжедмитрій не смѣлъ, такъ сказать подъ ея глазами, продолжать осаду Новгорода-Сѣверска, не смотря на ожидаемое имъ сильное подкрѣпленіе. Старые товарищи его, Запорожцы, привлеченные надеждою богатой добычи, шли къ нему на помощь въ числѣ 12,000 человекъ, изъ коихъ 4,000 пѣшихъ прибыли въ станъ его на другой день сраженія. Прочіе 8,000 конныхъ, съ 14 пушками, также находились уже въ близкомъ разстояніи. Но если такимъ образомъ, число разспригина войска значительно увеличилось, съ другой стороны настоящая сила онаго, ослабѣвала, потому что Поляки, соспавлявшіе лучшую его дружину, отказывались долѣе служить ему. Иноземцы сіи, изъ одной корысти принявшіе его сторону, роптали на предспояціе имъ труды и неоспешно прсбовали обѣщаннаго имъ жало-

ванья. Лжедимишрїева казна не досташочна была для удовольстворенія ихъ. Въ сихъ шрудныхъ обшпояшельствахъ, Самозванецъ рѣшился дать опдохновеніе войску своему на зимнихъ кварширахъ, въ изобильной съспными припасами Комарицкой волости. Въ семъ намѣреніи, 2-го Января 1605 года, онъ оставилъ Новгородъ-Сѣверскій и переправясь черезъ Десну, направился на Сѣвскъ.

Между шѣмъ неудовольствіе Поляковъ возрастало ежедневно, и уже на впоромъ переходѣ опъ Новгорода-Сѣверска они оказывали мало охоты углубляться далѣе въ Россію. Тогда шоварищи хоругви Пана Фредро, кричавшіе болѣе всѣхъ прочихъ, велѣли шайно сказаць Самозванцу, что если онъ однимъ имъ дастъ жалованье, то они останутся въ его службѣ, а что глядя на нихъ и другія хоругви не покинутъ его. Разсприга къ несчастію своему повѣрилъ имъ, но хопя раздача имъ денегъ была сдѣлана не гласно и въ ночное время, другія хоругви узнали объ оной, и шогда возмущеніе сдѣвалось всеобщимъ. Напрасно Самозванецъ скакалъ изъ хоругви въ хоругвь, увѣщевая недовольныхъ повременішъ еще возвращеніемъ въ Польшу. Его не слушали и буйство дошло до шаккой спешени, что Поляки сорвали съ него соболью шубу и что одинъ изъ нихъ осмѣлился даже сказаць ему: *Ей, ей быть тебѣ на столбѣ.*

Разгнѣванный **Алѣксѣй** наказалъ его пощечи-
ною, но шубу свою не иначе получилъ обратно,
какъ послѣ того, когда Русскіе его приверженцы
выкупили оную за 300 злотыхъ (позже нынѣш-
нихъ серебряныхъ рублей). Бунтъ окончился тѣмъ,
что старый **Мнишекъ**, который былъ тогда бо-
лѣнъ, вынужденнымъ нашелся обѣщать самъ вестъ
обратно въ Польшу соотечественниковъ своихъ.
Такимъ образомъ большая часть **Шляхшы** 4 Ян-
варя оставила **Алѣксѣя** и направилась мимо
Пупыля на **Пыряшинъ**. При **Самозванцѣ** оста-
лось всего на всего не болѣе 1,500 **Поляковъ**.
Мало утѣшенный прибытіемъ остальныхъ **Запо-
рожцевъ**, онъ засѣлъ въ **Чемлинскомъ** острогѣ,
откуда попомъ перешелъ въ **Сѣвскъ**.

Разряды
1605 года.

Царскіе воеводы столь поражены были пре-
терпѣнною ими неудачою подѣ **Новгородомъ - Сѣ-
верскимъ**, что отъ стыда даже не смѣли до-
нести **Борису** о происшедшемъ. Когда же **Само-
званецъ** снялъ осаду **Новгорода - Сѣверска**, то они
сами отступили къ **Спародубу**. Царь, извѣщенный
споровой о подробностяхъ несчастной битвы,
въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, послалъ чашника
Вельмина - **Зернова**, укоряя **Князя Димитрія**
Шуйскаго и поварицей его въ неспросительномъ
молчаніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ **Борисъ** почелъ
благоразумнымъ не умножать унынія въ рапныхъ

людяхъ, и для того не только удержался отъ за-
служенныхъ ими утрековъ, но даже припворясь,
будно невзвѣспень о малодушныхъ ихъ дѣйстві-
яхъ, поручилъ Вельямину сказать милостливое
слово всему войску и засвидѣтельствовать при-
знательность свою почтенному Князю Мспи-
славскому, для излѣченія коего послалъ изъ Мо-
сквы доктора и аптекаря.

Храбрые защитники Новгорода-Сѣверска так-
же не оспались безъ награжденія. Князь Трубец-
кой и Басмановъ, призванные въ Москву были
весьма чеспимы, а въ особенностяхи Басмановъ, ко-
шорому Царь изъ своихъ рукъ далъ золотое блю- Беръ и Ни-
до, въсомъ въ 6 фунтовъ, насыпанное червонцами коновская
Лѣтопись.
и сверхъ того 2,000 рублей (6,666 нынѣшнихъ
серебряныхъ) и много серебра изъ Царской казны.
Но первѣйшимъ занятіемъ Царя было пославить
военныя силы свои въ такое положеніе, чшобы Разрядъ
успѣхъ былъ несомнѣннымъ. Для сего, онъ отпра- 1605 года.
вилъ еще подкрѣпленія къ главному войску, а
вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ Федору Ивановичу
Шеремешеву собирать новый запасный корпусъ
въ окрестностяхъ Кромъ. Мѣры сіи казались до-
статочными, но Борисъ безпокоился мыслию, что
до выздоровленія Князя Мспиславскаго верховное
начальство въ главномъ войскѣ находилось въ ру-
кахъ Князя Дмитрія Шуйскаго, уже на опытѣ

оказавшаго свою ничпожностъ. Впрочемъ Царь не хопѣлъ обидишь вельможу сего, который былъ ему своякомъ, и попому рѣшился назначишь спаршаго брата его роднаго, Князя Василя Ивановича, прибыльнымъ воеводою въ большомъ полку, чпо давало ему въ войскѣ первое мѣсто послѣ Мспиславскаго.

Боршь и
Маржереть.

Князь Василю Ивановичъ, въ сопровожденіи многихъ спольниковъ и спрлпчихъ, опправился изъ Москвы и нашель войско близъ Спародуба. Хопя оное уже проспиралось до 70,000 человекъ, однако воеводы не шолько ничего не предпринимали, но даже какъ бы сами скрывались среди лѣсовъ. Новый вождь объявилъ имъ волю Царскую, немедленно ишпи на непріателя, и всѣ двинулись къ Сѣвску. Узнавъ о приближеніи ихъ, Ажедимитрій совѣпвовался съ Польскими и Козацкими спарщинами. Поляки представляли, чпо пакъ какъ было еще болѣе несоразмѣрности въ силахъ, чѣмъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ *, шо

* *Примчаніе.* Отрепьевъ не имѣлъ при себѣ болѣе 23,000 человекъ подъ ружьемъ. Н. М. Карамзинъ даетъ ему только 15,000, но онъ основываетъ сей расчетъ на показанія Бера и Паерле, которые очевидно всѣ увеличиваютъ число Царскихъ войскъ и убавляютъ таковое жъ Самозванцевыхъ. Достоверно то, что въ Сѣвскѣ было при Ажедимитріѣ 12,000 Запорожцевъ и 1,500 Поляковъ, какъ показываетъ очевидецъ, служившій тогда въ числѣ Польскихъ Полковниковъ, Паць Боршь. Кроме того другой

казалось благоразумнѣе уклоняшься опть споль неравнаго боя, и сколь возможно медлишь двѣспвіями въ ожиданіи удобнѣйшаго случая. Но Запорожскіе Апаманъ и Полковники были прошивнаго мнѣнія, и предлагали смѣло итти на встрѣчу Царскимъ воннамъ, въ надеждѣ смушишь ихъ самою опвагою предпріятія. Такъ какъ Запорожцы соспавляли знашнѣйшую часпъ войска Лжедимипрія, то онъ почсълъ необходимымъ послушашься ихъ, къ чему еще былъ побуждаемъ воспоминаніемъ Новгородъ-Сѣверской удачи.

Въ слѣдствіе сего Самозванецъ двинулся 20-го Января изъ Сѣвска вдоль лѣваго берега рѣки Сѣвы, и подъ вечеръ встрѣпилъ Царское войско, тѣсно расположенное въ селѣ Добрунѣ. Разсприга, хошя рѣшившійся на бой, искалъ однако нападеніемъ въ расплохъ нѣсколько вознаградишь неравенство силъ; въ семъ намѣреніи онъ приказалъ преданнымъ ему Добрунскимъ жипелямъ ночью зажечь село, а самъ гошовился внезапно ударить на разспроенныя прсвогою Царскія войска. Но Борисо-

очевидць, Маржереть, пишетъ, что разстрига въ бытность свою въ Комарицкой волости собралъ, сколько могъ Русскихъ воиновъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земледѣльцевъ, коихъ приучилъ владѣть оружіемъ. Не безъ вѣроятія полагать можно, что онъ имѣлъ въ сборѣ до 10,000 Русскихъ воиновъ.

вы воеводы оспереглись, и зажигатели не могли совершить своего предиріяшя.

Оставалось сразиться въ открытомъ полѣ. На разсвѣтъ 21-го Января Царская конница выступила по обѣимъ сторонамъ селенія, сильно заняшаго пѣхоною: Князь Мстиславскій, можетъ быть не совершенно еще изцѣлившійся отъ полученныхъ ранъ, но не желавшій уступить одному Князю Василю Шуйскому честь победы, довольно вѣрояпной, сѣлъ на коня и распоряжалъ войскомъ. Лждимитрій съ своей стороны предполагая нанести главные удары правому крылу Царскаго войска, самъ съ палашемъ въ рукахъ повелъ на оное Польскія хоругви и свои Русскія дружины. Въспѣвъ съ шѣмъ онъ опрядилъ конныхъ Запорожцевъ въ право, для удержанія лѣваго Царскаго крыла, а пѣшимъ Запорожцамъ приказалъ съ тяжелыми орудіями оспановиться за горою, въ нѣкопоромъ распояніи позади дѣйствующихъ войскъ, коимъ они должны были служить резервомъ; распоряженія довольно замѣчательныя, открывающія замысловатое намѣреніе, въ случаѣ успѣха ошбросить Царское войско на рѣку Сѣву. Разсприга, съ обыкновенною своею словоохотливостію, говорилъ войску рѣчь почти одинаковаго содержанія съ произнесенною имъ подѣ Новгородомъ.

домъ - Сѣверскимъ , но не всегда нечестивая наглость оспашеся безъ заслуженнаго наказанія.

Послѣ небольшой спычки между передовыми опрядами, открылась пушечная пальба, въ слѣдъ за коей Самозванецъ приказалъ Полякамъ спустившись въ лощину, прикрывающую правое Царское крыло, и спарашься опрѣзать оное опѣ селенія, Боршъ въ центръ находящагося. Семь Польскихъ хоругвей, подѣ предводительствомъ Гепмана Дворжицкаго *, выстроились въ одинъ рядъ и бросились впередъ спремглавъ, будучи поддерживаемы послѣднею осьюю хоругвью Польскихъ гусаръ и всею Русскою коницею, копорой приказано было надѣшь сверхъ лапгъ бѣлыя рубахи, для различія опѣ Царскихъ всадниковъ. Князь Мещиславскій, не выждавъ нападенія, самъ двинулъ на встрѣчу непріятелю правое крыло свое, въ головѣ коего находились двѣ дружины иноземцевъ, подѣ начальствомъ Лифлянца Фонъ Розена и Француза Маржереша. Поляки неслись съ шакою яростію, что иноземцы послѣ кратковременнаго сопротивленія были опрокинуты, а глядя на нихъ и вся Царская конница праваго крыла обратилась въ бѣгство. Тогда Дворжицкой, повернувъ въ право, направился

Маржереть и Боршъ.

* *Примѣчаніе.* Послѣ отъезда Мнишка, Дворжицкой былъ назначенъ главнымъ начальникомъ оставшихся при Отрепьевѣ Польскихъ войскъ.

на селеніе, занимаемое Царскою пѣхопою, которая допусшивъ непріятеля на весьма близкое разстояніе, сдѣлала по немъ залпъ изъ 10 или 12 тысячъ ружей. Спрѣльба сія хоть не довольно мѣшкала, чтобы много вредить Полякамъ, привела однако ихъ въ большое замѣшательство, которое обратилось въ совершенное разсиройство, когда одинъ изъ соотечественниковъ ихъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что конные Запорожцы, въспревоженные прескомъ и дымомъ ружейной пальбы, оставили мѣсто сраженія и не бывъ ни кѣмъ пѣсными, опростыю побѣжали по Рыльской дорогѣ. Смущенная сею неожиданною робостію Днѣпровскихъ удалцевъ, конница Польская и Русскихъ злодѣевъ также обратила пылъ и понеслась въ слѣдъ за Козаками, оставивъ на жертву Запорожскую пѣхопу, которая немедленно была окружена и совершенно испреблена, послѣ мужественнаго сопротивленія. Бѣглецы безоглядно промчались до города Рыльска, находящагося въ 80-ти верстахъ отъ мѣста сраженія. Ихъ преслѣдовалъ шестипысячный опрядъ Царской конницы, но только на пространствѣ 8 верстъ.

Петрей. Впрочемъ блисшательная побѣда сія стоила не дорого; уронъ Царскаго войска состоялъ только изъ 500 Россіянъ и 25 иностранцевъ. Непріятель потерялъ 15 знаменъ и шшандаршовъ, 13 орудій и

до 6,000 человекъ убитыми, кромѣ понавшихся въ плѣнъ. Самъ Димитрій находился въ величайшей опасности. Раненый въ ногу конь его уже опазывался нести его; спасеніемъ своимъ онъ былъ одоженъ Князю Ташеву, который выпроводилъ его до Рыльска. Никоновская Лѣтопись.

Запорожскіе Козаки также искали убѣжища въ Рыльскѣ, но шамошніе жипели, упрская ихъ Беръ въ измѣнѣ Димитрію и въ шрусости, не только не согласились впускить ихъ къ себѣ, но даже спрѣяли по нимъ. Не лучше имъ сдѣланъ былъ приемъ и въ Пупивлѣ, почему и рѣшились они оставить Россійскіе предѣлы и возвратиться въ Запорожье.

Царскіе воеводы опправили къ Борису съ донесеніемъ объ одержанной побѣдѣ Чашника Михайлу Борисовича Шенна, и также послали въ Москву плѣнныхъ Поляковъ и Запорожцевъ. Русскіе же измѣнники, попавшіеся въ плѣнъ, были повѣшаны передъ войскомъ. Никоновская Лѣтопись.

Самозванецъ отдохнувъ два дня въ Рыльскѣ переѣхалъ въ Пупивль. Не смотря на легковослеленную его самонадѣянность, положеніе, въ которомъ онъ находился, казалось ему самому опчаяннымъ. После претерпѣннаго пораженія, оставались при немъ только горсть людей, съ конями не лзя было ему надѣяться еще продолжать вой-

ну. Правда Свверскій народъ не опсшавалъ опъ него и гошовъ былъ еще служнишъ ему, но за недоспашкомъ денегъ, новые набранцы оставались бы безъ оружія и безъ пропитанія. Въ сей крайности, Опреньевъ замышлялъ уже опказавшись опъ предпріятія исудачнаго, тайно уйши въ Польшу. Но Русскіе приверженцы его не позволили ему исполнить сего намъренія. Учаспъ Добрунскихъ плъвниковъ показывала имъ, что нельзя было имъ ожидать пощады опъ Бориса, и они рвшились до конца опыскивать успъха, хотя почти вовсе немовърнаго, но въ комъ находили для себя единственнй залогъ безнаказанности. Они объявили Лжедимирию, что не вынускаптъ его изъ Пунивля, и что ему предспонитъ пить одинакую чашу съ ними и спаспсь или погибнуть всъмъ вмъспъ. Даже грозили ему, если онъ не ободрипся, выдаптъ его Царю и пъмъ еще попыпашся выспужиптъ себъ помилованіе. Разсприга, шакимъ образомъ вынужденнй продолжашъ свое самозванство, снова ревностно принялся за дъло. Первымъ спараніемъ его было удержашъ при себъ опспашки разбишаго войска. Поляки гошовились уже разошпшипся по домамъ. Онъ уговорилъ большую часпъ изъ нихъ еще не покидаптъ его, и шакъ какъ они въ несчастпвой быпвъ переломали или небросали всъ копья, что онъ приказалъ имъ

Хронографъ
и отваты
Польскихъ
Пословъ въ
1606 году.

сдѣлашь новыя. Между тѣмъ онъ не упустилъ также изыскиванъ средствъ къ возстановленію силъ своихъ, какъ извнѣ такъ и внутри Россіи. Въ семъ намѣреніи, онъ послалъ Князя Ташева просить у Короля Сигизмунда немедленнаго вспоможенія. Для умноженія же числа своихъ приверженцевъ въ Россіи, онъ издалъ новыя манифесшы, гдѣ нѣсколько просираннѣе прежняго рассказывалъ вымышленную испорію свою, но новыхъ доказа- Пасрл. шельствъ въ подлинности оной ни какихъ не предсказавъ, а ссылаясь, какъ и прежде, на свидѣтельство людей все умершихъ, какъ то, Князя Ивана Мстиславскаго, дьяка Андрея Щелкалова и Липовскаго Канцлера Сапѣгу. Впрочемъ нашлось много людей легковѣрныхъ, копорые, слыво вѣря нравящейся имъ баснѣ, свѣшили въ Пушивль, дабы предложить услуги свои тому, кого считали несчастною жертвою властолюбія ненавистнаго имъ Бориса. Въ особеннсти разсприга утѣшенъ былъ возвращеніемъ къ нему въ Пушивль 4,000 Донскихъ Козаковъ. Незвѣстно куда они ходили изъ подѣ Новгорода - Сѣверска, но достовѣрно только то, что ихъ не было при Самозванцѣ подѣ Добрыничами. Что же касается до посылки Князя Ташева, то она не имѣла успѣха. Король Сигизмундъ, видя худой оборотъ дѣлъ Опрещева,

Отвѣты
Польскихъ
Пословъ въ
1606 году.

не хотѣлъ податъ повода Россіи негодовать на Польшу, и отказался принять Ташева.

Разрядныя
книги и Беръ.

Между швѣмъ Шейнъ нашелъ Бориса на богомольѣ въ Троицко-Сергіевомъ Монастырѣ. Извѣстія, привзенныя имъ, чрезмѣрно обрадовали Царя, который пожаловалъ вѣспника въ Окольнічій и немедленно послалъ чрезъ любимаго спольника своего, Князя Мезецкаго золошья * воеводамъ и 10,000 рублей (33,333 нывѣшнихъ серебряныхъ) для раздачи войску. Можеть бытъ здравая полишка прѣбовала бы, чшобы при семъ случаѣ Государь обуздаль спрогоспѣ, по крайней мѣрѣ прѣждевременную, оказываемую воеводами надъ Русскими пѣвными. Должно было предвидѣть, чшо не минуемымъ слѣдспвіемъ оной будешъ ошдалишь всякую мысль покорности въ сподвижникахъ Самозванца, и принудить ихъ къ

* *Примчаніе.* Присылка золотыхъ сихъ поселила раздоръ между воеводами. Начальникъ лѣвой руки, Василій Петровичъ Морозовъ, не принялъ Царскаго дара потому что второй воевода большаго полка Князь Андрей Андреевичъ Телятевскій, котораго онъ считалъ моложе себя, получилъ золотой одинаковаго достоинства съ присланнымъ ему. Онъ былъ отозванъ, но на мѣсто его назначенный Замытля-Сабуровъ, также обижался быть только начальникомъ полка лѣвой руки, когда Князь Василій Васильевичъ Голыцынъ, коему онъ не уступалъ въ старѣйшинствѣ, начальствовалъ надъ болѣе почетнымъ передовымъ полкомъ.

опчаянному сопротивленію. Но Борисъ былъ зло-
памятенъ и жестокосердъ. Въ уносніи давно не-
шерпѣливо ожидаемой имъ побѣды, онъ не только
далъ волю воеводамъ, но даже пребывалъ опъ нихъ
большей суровости, полагая дѣло уже совершенно
конченнымъ и что оспавалось ему только пѣ-
шишься казнями пѣхъ, копорые осмѣлились споль
нагло попревожись его спокойствіе.

Житіе Де-
митрія Царе-
вича, св. Ди-
митрія Рос-
товскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что все могло бы быть кон-
ченнымъ, если бы воеводы живо воспользовались
пораженіемъ врага, но они дѣйствовали вяло и
какъ будто нехотя. Царское войско подступило
подъ Рыльскъ на другой день выѣзда Самозванца
изъ сего города. Жили, воспламененные началь-
никами своими, Княземъ Григоріемъ Роцкою-Долго-
рукимъ и Яковомъ Зміевымъ, злыми привержен-
цами разсприги, не хотѣли сдаваться. Воеводы
рѣшившись добывать городъ формальною осадю,
приказали плесать шуры, копать траншеи и спа-
вить башарей, изъ коихъ открыли огонь. Ры-
ляне также сильно опспрѣливались и просили
помощи у Самозванца, копорый послалъ имъ 500
Поляковъ и 2,000 Русскихъ. Опрядъ сей, поль-
зуясь безпечностію Царскихъ воеводъ, успѣлъ
ночью тайно пробраться въ городъ и значитель-
но усилилъ упорство осажденныхъ. Наконецъ
Царскіе воеводы, послѣ пятнадцати - двенаго
Часть I.

Никоновская
Летопись и
Борисъ.

спояшія, сняли осаду Рыльска и ополедь въ Комарицкую волость, расположились шамъ близъ Рагодешскаго острога, дабы до весны дашь ошдохповеніе войску, весьма упомянутому зимнимъ Маржеретъ. походомъ. Оспавался еще въ полъ полько Шеремешевъ, который шопичасъ по полученіи имъ извѣстія о Добруньской побѣдѣ, собралъ предводительствуемый имъ запасный корпусъ и съ опынымъ обложилъ городъ Кромы, коего жители, послѣдую примѣру Рылянъ, изготовились къ оборонѣ.

Обыватели Комарицкой волости изъясляли большую преданность Самозванцу, когда онъ съ войскомъ своимъ споялъ у нихъ, и сею измѣною безъ сомнѣнія заслужили наказаніе. Но благомыслящее правительствовало, исполняя печальный долгъ, — карать преступниковъ, умѣешь бышь спрогимъ безъ люпошти. Не шакъ поступили Царскіе воеводы. Ожеспоченные прешерпѣнною ими подъ Св. Дмитрій Рыльскомъ несудачею, они звѣрски вымѣщали за Ростовскій, Беръ и Шаерде. оную надъ несчастными Комарицкими жителями.

Вся волость была немилосердо опустошена; жителей мучили и убивали. Не только крестьянъ, но женъ ихъ и дѣтей вѣшали за ноги на деревьяхъ и попомъ стрѣляли въ нихъ изъ ружей, какъ въ цѣль. Пишутъ, что такимъ образомъ погибло до нѣсколькихъ тысячъ душъ.

Сими неисповсвами можешъ бышь воеводы желали еще выслужисья у злобнаго Царя. Но Борисъ, горестно удивленный опспупленіемъ войска опъ Рыльска, былъ внѣ себя опъ досады. Опложивъ благоразуміе, оказанное имъ послѣ несчастной Новгородъ-Сѣверской битвы, онъ послалъ въ Рагодешской оспрогъ Окольнічаго Петра Никипича Шеремешева и думнаго дьяка Афанасья Власьева, объявивъ свой гнѣвъ не только воево-^{Никоновская} дамъ, но и всему войску, оставляя на ихъ опвѣп-^{Лѣтопись.} ственности бѣдспвія, могущія пронзойпи опъ ихъ нерадѣнія, коему обязанъ былъ разсприга своимъ спасеніемъ. Между пѣмъ пребовалъ, чшобы вмѣспо опдохновенія, шли немедленно подъ Кромы на соединеніе съ опрядомъ Шеремешева, и совокупными силами непремѣнно взяли сей городъ. Ослушась еще не смѣли, но лѣшописцы наши замѣчаюпъ, что вся рашь оскорбилась укорнымъ словомъ Царя, и что съ пѣхъ поръ многіе, до шолъ вѣрные, спрашась жеспокой опалы, спали помышляпъ, какъ бы избыпъ Бориса и поддапъся Самозванцу.

Сосредоточеніе всѣхъ силъ Царскихъ подъ Кромами соспавляло ополченіе болѣе чѣмъ во спю тысячъ человекъ, противъ усилий коихъ казалось вовсе невозможнымъ усполпъ ничпожному городу. Но защитники оаго, въ испупленіи

спраспей, обыкновенно междуособными раздорами возжигаемыхъ, и не помышляли о сдачѣ, а гоповились къ опчаянному оппору. Впрочемъ, судя по малолюдспву ихъ, опважная рѣшимость едва ли бы служила имъ спасеніемъ, если бы Самозванецъ не успѣшилъ прислать къ нимъ на помощь 4,000 Донскихъ Козаковъ и Русскихъ. Въ семъ случаѣ Царскіе воеводы оказали шакую же оплошность, какъ подѣ Рылскомѣ. Вспомогательный опрядъ, спаравшійся ночью пробраться въ Кромы, былъ замѣченъ когда уже находился подѣ спѣнами осажденнаго мѣста, и Царскія войска могли только шѣснить хвостъ непріятеля, и не воспрепятствовали ему войти въ городъ.

Огорченные сею неудачею, воеводы рѣшились нещадить городъ, и выставили сильныя батареи изъ пушекъ и морширъ. Осажденные не робѣли и съ усердіемъ подвергались трудамъ и опасностямъ, слѣдуя примѣру начальниковъ своихъ, Григорья Акинфіева и Донскаго Ашамана Корелы. Въ особенности доблестью и искусствомъ оплычался Корела, шакъ что между современниками онъ прослылъ чародѣемъ. Не шадѣясь на деревянную спѣну, составляющую единственное укрѣпленіе города, онъ приказалъ обвесить оный валомъ со рвомъ, а подѣ валомъ подѣлашъ землянки, гдѣ осажденные находили вѣрное убѣжище отъ навѣсныхъ ударовъ. Сими оборонитель-

Боршъ.

Петрей.

Веръ.

ными мѣрами не довольствовались Козаки: они изорва, прокопали нѣсколько конпръ-апрошъ, опкуда часто выползали и шревожили башарей и шраншей осаждающихъ. Когда же Царскія дружины собирались для нанесенія имъ сильнаго удара, то они уходили въ норы свои, куда не смѣли за ними слѣдовать Царскіе воины.

Князь Мспиславскій съ поварипцами, спыдясь наконецъ шеряпъ бесполезно людей и время подъ спѣвнами маловажнаго города, приспустили къ рѣшишельному дѣйсвію. Подосланные ими воины Никоновская
Лѣтопись. ночью зажгли деревянную городскую спѣну. Пожаръ сдѣлался ужасный; спѣна сгорѣла, а осажденные, гонимые пламенемъ, покинули городъ и искали убѣжища въ оспрогѣ. Царскія войска безпрепятственна засѣли на валу, пакъ чшо городъ можно было почеспъ взяпымъ; оспавалось шолько покорипъ оспрогъ, гдѣ непріятель за шѣсношою мѣспа не долго бы въ соспоявіи былъ держашься. По несчастію, одинъ изъ воеводъ, Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ, уже выступалъ на позорное поприще измѣны, на коемъ долженъ былъ доставипъ печальную извѣспность имени своему, и навмечъ на себя прокляпіе опечеспва. Безъ приказа главныхъ вождей и безъ совѣпа шоварипщей своихъ, онъ свелъ съ вала засѣвшихъ шамъ воиновъ, и велѣлъ имъ опспуипшъ въ шраншей,

какъ говорятъ лѣтописцы *нароа тому околно-*
му Гришкѣ. Такимъ образомъ осажденные, по упущеніи пожара, получили возможность выпши изъ оспрога и снова заняшъ городской валъ.

Узы подчиненности до такой степени находились ослабленными въ Царскомъ войскѣ, что Мстиславскій и Шуйскій, не подумали, или не посмѣли наказашъ Салпыкова. Они даже не удалили его опъ себя, и злодѣй сохранилъ важное мѣсто, предоставляющее ему способы замышляшъ новыя измѣны.

Послѣ сего неудачнаго покушенія, воеводы не предпринимали болѣе ничего важнаго. Впрочемъ нѣсколько времени спустя войско находилось въ такомъ печальномъ состояніи, что несправедливо было бы осуждашъ вождей въ бездѣй-
Хронографъ ствіи. Необыкновенная суровость поздней зимы имѣла пагубное вліяніе на здоровье Царскихъ воиновъ. Жестокій поносъ свирѣпствовалъ въ нихъ спанъ и причинилъ большую смертность. Царь съ свойственной ему заботливостию, прислалъ
Никоновская изъ Москвы нужныя лекарства, коихъ спасительное дѣйствіе прекратило болѣзнь.
Летопись.

Безплодное стояніе Борисовыхъ воеводъ подъ Кромами умножало въ народѣ недовѣріе къ правительству и склонность къ Самозванцу. Даже въ Москвѣ громко шолковали, что само Провидѣніе

видимо покровительствуетъ Димитрію, котораго одолѣть не могутъ неистощимыя силы, выснавленныя проптивъ него. Ожесточенный Царь люто наказывалъ большивыхъ: многимъ рѣзали языки, *Хронографъ*. Другихъ даже предавали смерти. Суровость сія могла воздержатъ нескромныхъ, но не перемѣнила расположенія сердець, съ непонятнымъ ослѣпленіемъ влекомыхъ къ Лжедимитрію. Особенно въ Сѣверской землѣ всѣ единодушно признавали Разспригу за истиннаго Царевича. Напрасно Борисъ пышался еще разъ вразумить шамошній народъ. По повелѣнію его при монаха, знавшіе Ошрепѣва, когда онъ былъ діакономъ, ошправились въ Пущивъ съ грамошами ошъ Царя и Паптріарха къ *Паске* духовенству и обывашелямъ, въ коихъ увѣщавали схватитъ Самозванца и съ приверженцами его ошправитъ въ Москву. Инокн, прочитавъ грамошы, сами съ своей спороны заклинали народъ невѣришь гнусному обману, и говорили, что Лжедимитрій никакъ иной, какъ старый ихъ поваритъ Ошрепѣвъ. Разсприга велѣлъ немедленно поймашь ихъ, и подвергнушь пышкѣ. Двое, которые были помоложе, выдержали муку, но шрепшій, уже спарикъ, оказалъ малодушіе. При самомъ началѣ вшпанія, онъ обѣщавъ повинитъся во всемъ; и просылъ переговоритъ съ Самозванцемъ на единѣ. Разсприга согласился допустить его до себя, и

сгвдспвіемъ ихъ свиданія было то, что двое изъ окружающихъ Лжедимишрія сановниковъ, оговоренные спарымъ монахомъ, были выданы народу и разспрѣяны на площади, подъ предлогомъ, что вели шайную переписку съ Борисомъ и обѣщали ему отправить Лжедимишрія. Доноситель былъ щедро награжденъ, а его непреклонныхъ поварихей заключили въ шемницу.

Третій мѣсяць уже прошелъ послѣ Добруньской бѣшвы, а важнаго перевѣса не было ни на шой ни на другой споронѣ. Правда, дѣла Самозванца, оправившагося послѣ спрашнаго пораженія, видимо улучшились, и онъ не ушрашилъ ни одного изъ передавшихся ему городовъ, но совѣмъ шѣмъ, онъ не былъ еще въ сосшояніи снова выступить въ поле и вынужденнымъ находился осшавашься въ Пушнвль, въ оборонительномъ положеніи. Казалось, что междуособію суждено было длиться, какъ вдругъ внезапное событіе, произвело нечаянный переломъ. Ничто не предвѣщало близкой кончины Царю Борису. Онъ имѣлъ опъ роду шолько 53 года, былъ бодръ, и здоровье его казалось надежнымъ; хощя онъ съ давнихъ лѣшъ и спрадалъ подагрою, но всемъ извѣспно, что сей недугъ не пропивенъ долголѣшю. Не смощря на шо, могила уже гошовилась для него. По ушру, 13-го Апрелья, онъ еще зани-

мался дѣлами, попомъ объдалъ, но когда вспалъ <sup>Никоновская
Лѣтопись.</sup> изъ-за сполы, но вдругъ почувствовалъ сильную немощь. Едва успѣли причастить его и поспричь подъ именемъ Боголѣпа. Послѣ двухъ - часовыхъ спраданій онъ скончался. Скоропоспѣжная смерть сія, породила разные толки. Многіе полагали, что Царя оправдали Самозванцевы приверженцы; другіе думали, что самъ Борисъ, опчаяваясь осилѣшь Лжедимишрїя, принялъ ядъ. Но можно ли допустить, чтобы Борисъ, нѣжно любившій дѣшей своихъ, рѣшился прекрашить жизнь свою, не принявъ никакихъ мѣръ къ ихъ спасенію? Нельзя также не замѣшить, что когда по низверженіи разспригн, всенародно обвиняли его не только въ дѣшвишельныхъ, но даже и въ вымышленныхъ злодѣяніяхъ, никогда однако не упрекали смертью Бориса, что не преминули бы сдѣлать, если бы оспавалось малѣйшее сомнѣніе на счетъ соучастія его въ оправленіи Царя. По симъ причинамъ долгъ безприспрасшнаго Историка есть держаться разсказу Маржереша, кошорый смерть Бориса приписываетъ апоплексіи.

Память Царя Годунова сохранилась въ народѣ, какъ злоспнаго и коварнаго хищника престолола. Только въ наше время нѣкоторыя писатели спараюшя оправдать его въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ, намѣкая, что лѣтописцы неспра-

ведливо очернили его въ угодность враждебной Годуновымъ фамилии Романовыхъ. Но не одни лѣтописцы наши описываютъ злодѣянія Борисовы. Самые имъ нѣжно честимые иноземцы, какъ напримеръ Беръ, Маржерешъ и другіе одинакимъ образомъ съ Русскими изъясняются объ немъ, Послѣ столь единогласнаго свидѣтельства современниковъ, прошивурѣчь оному двѣсни лѣтъ спустя было бы гоняться за бездоказанною новизною.

Впрочемъ каковъ ни былъ Борисъ, смерть его была бѣдою для Россіи, ибо предвѣщала поржество гнуснаго самозванства. Если Борису, при всей государственной опытности его, не удалось сокрушить Лжедмитрія, по можно ли было ожидать лучшаго успѣха отъ юношеской руки шестнадцатилѣтняго сына и преемника его, Θεодора Борисовича? Напрасно новый Царь, прекрасный плѣдомъ и душой, оплечался умомъ и познаніями чрезвычайными. Качества сіи не замѣняли зрѣлости и швердости, необходимыхъ правителямъ въ смутное время, для обузданія волнующихся стращей. Мать Θεодорова, вдовствующая Царица Марья Григорьевна, коей предсposable руководствовашъ любезнаго ей сына, сама столь же мало, какъ и онъ, имѣла навыка въ дѣлахъ.

Однако въ столицѣ вспуленіе на престолъ

Лѣтопись
Кубасова.

Теодора совершилось спокойно. Спроштивость умовъ еще воздерживалась невольнымъ уваженіемъ къ уваженному правительству, повиновашься коему не легко разучишься. При семъ случаѣ съ большою пользою дѣйствовалъ Патриархъ, искренно преданный дому Годуновыхъ. Притѣру и увѣщаніямъ его ни кто еще не смѣлъ проповѣдываться. Москва присягнула юному Царю, хотя не единодушно, по крайней мѣрѣ, единогласно.

Но утверженіе Теодора на престола зависѣло не столько отъ согласія столицы, сколько отъ покорности войска, собраннаго подъ Кромами. По несчастію Царица и сынъ ея не довѣряли знавшимъ боярамъ, начальствующимъ надъ онымъ, и опасались, чтобы они не вздумали, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, оплодотвориться отъ ненавистнаго для ихъ гордости повиновенія, къ коему покойный Царь привелъ ихъ единымъ спрехомъ своего могущества. Положили опознать Князя Мстиславскаго и обоихъ Шуйскихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, что юному Царю необходимо окружить себя совѣтниками мудрыми. На мѣсто Мстиславскаго назначили главнымъ начальникомъ Боярина Князя Михайла Пешровича Кашырева-Росшовскаго, мужа честнаго, но не дальновиднаго, коему для совѣта и руководства придали, въ качествѣ вѣдѣлаго воеводы большаго под-

Никоновская
Лѣтопись.

ка, Басманова, уже на дѣлѣ оказавшаго себя вождемъ смѣлымъ и вѣрнымъ *. Самое обстоятельство, что Басмановъ не былъ вельможею родовитымъ, казалось залогомъ его преданности въ томъ предположеніи, что онъ, возчувствуя цѣну неожиданной имъ милости, будетъ всевѣрно стараться заслужить оную. При опускѣ его къ войску Царица и Царь говорили ему, что на него полагають всю надежду свою, и просили его служить имъ, какъ служилъ Царю Борису. Басмановъ обѣщавъ, клялся, что не пощадитъ усилий, дабы направитъ всѣхъ на путь истинный, и увѣреніями своими успокоивъ царшвеннаго юношу. Но вскорѣ несчастный Феодоръ и горестная мать его должны были испытать, что часто правители ошибаются, полагаясь на непоколебимую признательность выведенныхъ ими временщиковъ.

Съ Капшуревымъ и Басмановымъ посланъ былъ также подъ Кромы Мишрополипъ Новгородскій Исидоръ, для приведенія къ присягѣ всего войска.

* *Примѣчаніе.* Слѣдствіемъ сего назначенія было также перемѣщеніе другихъ воеводъ. Бывшій второй воевода большаго полка, Князь Телятевскій, принялъ начальство надъ сторожевымъ полкомъ, а командовавшій симъ послѣднимъ, Окольниковъ Годуновъ, поступилъ въ первые воеводы передоваго полка вмѣсто Князя Василья Голицына, ко- ему передали, оставшееся за отозваніемъ Князя Дмитрія Шуйскаго праздымъ, начальство надъ полкомъ правой руки.

Они уже не нашли въ спанѣ Мстиславскаго и Шуйскихъ. Опозваніе сихъ первыхъ вельможъ въ Государствѣ было совершено съ такою оскорбительною для нихъ недовѣрчивостію, что предписывая имъ немедленно ѣхать въ Москву, папани Маржереть еще опъ нихъ смерть Борису. Войско извѣстилось объ оной только 17 Апрѣля, по прибытіи новыхъ вождей и Митрополита, которые имъ немъ Θεодора обѣщали всѣмъ богатыя милости по отправленіи сорочинъ Борисовыхъ. Сдѣлалось большое волненіе. Благомыслящихъ людей печалило предчувствіе опасностей, угрожающихъ опечеству; многіе напрошивъ того не скрывали преступной радости, внушаемой имъ надеждою на ^{Никоновская} ^{Лытопись.} исполненіе коварныхъ замысловъ. Однако всѣ цѣловали крестъ Θεодору, ивые искренно, другіе нехотя и единственно опъ того, что не успѣли условишься въ дѣйствіяхъ съ своими единомышленниками.

Шашкое расположеніе умовъ не только въ Государствѣ, но даже въ самомъ войскѣ, не могло укрыться опъ пронцашельности Басманова, и погружало его въ глубокую думу. Сей мнимый поборникъ правды, былъ только низкимъ честолюбцемъ. Въ Новгородѣ - Свверскомъ онъ вѣренъ былъ не долгу своему, а еще неприкосновенному могуществу Борису. Теперь же предусма-

возможности удержаться на престоле, и что ему Розену безумно было бы, гонясь за призракомъ чести, обрекать себя на гибель столь же бесполезную, сколь и неминуемую. Если Розенъ еще нѣсколько колебался, то единственно о томъ что думалъ, что воеводы ищутъ только испытать его преданность къ Теодору; но удостоверясь наконецъ въ действительности намѣренія ихъ предаться Лжедмитрію, онъ тотчасъ же общалъ имъ дѣйствовать съ своею дружиною съ ними заодно.

Между тѣмъ какъ сіи ковы соплешались подъ Кромами, въ Пушкыи разсприга ждалъ съ непрерывнымъ, какія слѣдствія будетъ имѣть смерть Борисова, о коей первое извѣстіе онъ получилъ 27 Апрѣля отъ выбѣжавшаго къ нему изъ Царскаго сѣна дворянина Бахмешева. Сперва онъ не вѣрилъ столь для него радостному событію, но въ скоромъ времени со всѣхъ споронъ получаемыя вѣсти подтвердили показаніе Бахмешева. Также приверженцы его доносили ему, что вездѣ низкаго состоянія люди, изъ ненависти къ памяти Борисовой, гнушались повиняться его сыну и что даже въ сѣнѣ подъ Кромами многіе не шали своей склонности оплодиться отъ Годуновыхъ. Въ сихъ общоятельныхъ онъ чувствовалъ, что для ускоренія перелома въ свою пользу,

Письмо Самозванца къ Мишки отъ 11 Мая 1605.

полезно было бы ему снова выступить в поле. Но хотя Рапомский, староста Островский, и привел ему новое подкрепление изъ Польши, всего на всего было при немъ только 2000 Поляковъ и 10,000 Русскихъ воиновъ. Силы сіи для наступ- Боризъ.
пательныхъ дѣйствій казались недоставочными Самозванцу, ушравившему послѣ Добруньской неудачи прежнюю самонадѣянность свою. Самъ не смѣя еще выступить изъ Пушिवля, онъ рѣшился выдвинуть только по направленію къ Кромамъ опрядъ, состоящій изъ шрехъ хоругвій Польскихъ и 3,000 Русскихъ воиновъ, подъ начальствомъ Поляка Запорскаго.

Городъ Кромы лежишь на лѣвомъ берегу рѣки того жъ имени; на томъ же берегу находил- Пасрле.
ся и главный станъ осаждающихъ войскъ. На противоположной же споронѣ рѣки стоялъ только опрядъ для наблюденія дорогъ, изъ Пушिवля ведущихъ. Татарская конница, посланная опъ сего опряда для разѣзда, донесла о приближеніи Запорскаго. Сіе извѣстіе произвело въ станѣ нѣкоторое смятеніе, которымъ Басмановъ не преминулъ воспользоваться для приведенія въ исполненіе своего поспыднаго намѣренія. По повелѣнію его, 7 Мая Розень съ иностранною дружиною переправился за рѣку Крону и выступился

Часть I. 9

на обширной равнинѣ, прилегающей къ правому берегу сей рѣки. За нимъ слѣдовали Русскіе полки, уже пригошевленные къ измѣнѣ своими начальниками. Когда и они окончили переправу, то Басмановъ явился на мосту, громогласно провозгласилъ Государемъ Царя Димитрія, и обращаясь къ воинамъ, еще не подговореннымъ, звалъ ихъ изъ нихъ, копорые желаютъ служить сыну Царя Иоанна, соединиться съ вѣрными его дружинами, уже переправившимися за рѣку. Почти всѣ бросились къ мосту. Напрасно Окольничій Годуновъ старался прошивиться сему стремленію; его схватили и связали. Еще вѣрные своему долгу, пресподушный Князь Кашыревъ-Росповскій и Князь Теляшевскій, видя малое число оставшихся при нихъ воиновъ, сѣвши опешупишь съ ними до самой Москвы. Жители Кромскіе, съ удивительною швердосшію выдержавшіе прехъ - мѣсячную осаду, съ радосшію отворили ворота новымъ друзьямъ своимъ.

Посягнувъ на дѣло прошивное долгу и чести, Басмановъ дѣйшвовалъ смѣло и опкрышо; онъ понималъ, что впредь участь его дѣлалась нераздѣльною съ учашію Самозванца, и попому рѣшил^{Николовская} предашься ему шѣломъ и душою. Но роб^{Лытошмсь.}кій Голицынъ еще лукавшвовалъ. Онъ самъ ве-

лъль связашь себя, дабы въ случаѣ неудачи Лжедимишрїя, еще можно было бы ему приписать принужденію признаніе его за своего Государя. Но живымъ поступкомъ симъ онъ не успѣлъ обмануть ни попомштво, ни современниковъ, а только подалъ поводъ Басманову опередить себя въ милосши у Самозванца.

Первымъ спараніемъ измѣнниковъ было послашь въ Пушивль къ Лжедимишрїю съ повинною, опъ имени войска и Государштва, Князя Ивана Васильевича Голицына съ выборными людьми опъ всѣхъ уздовъ. Легко себѣ вообразилъ воспоргъ Самозванца. Дополъ называясь только Царевичемъ, онъ не усумнился болѣе приняшь имя Царя, которое ему давали уже восемьдесятъ тысячъ Русскихъ воиновъ. Милосшиво принявъ присланныхъ изъ - подъ Кромъ, онъ послалъ повелѣніе войску ожидать его подъ Орломъ, а самъ выступилъ изъ Пушивля 15-го Мая, съ бывшими при немъ Польскими и Русскими дружинами. На пуши привѣтшвовали его измѣнившіе воеводы, сперва Салпыковъ и Басмановъ, а попомъ Князь Василий Голицынъ и съ нимъ прїѣхалъ также Щеремешевъ, кошорый, во время осады Кромъ, начальшвовалъ въ Орлѣ. Воеводы сіи проводили Самозванца до Орла, гдѣ собранное войско приняло его съ радосп-

Письмо
Отрешова къ
Мнишку отъ
14/21-го Мая
1605 года.

Отвѣты
Польскихъ
Пословъ.

ными восклицаніями. Тъ, кои и неохотно пере-
Никоновская давались разспригъ, не менѣе прочихъ изъявляли
Льтопись. ему свое усердіе, дабы не подвергнуться злой уча-
сти несчастныхъ, доносчиками изобличенныхъ въ
преданности къ Θεодору, которыхъ разослали по
пемницамъ. Бывшій начальникъ передоваго полка,
Окольничій Годуновъ, также подвергся заключе-
нію. Наказавъ такимъ образомъ своихъ пропив-
никовъ, Самозванецъ немедленно приказалъ распу-
стить недѣли на двѣ или на три всѣхъ вояновъ,
Маржереть. имѣющихъ подмосковныя помѣстья. Прочимъ же
далъ повелѣніе двинуться къ Москвѣ подъ глав-
нымъ начальствомъ Князя Василія Голицына, и
спараться пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ
въ столицу, если шамъ еще будутъ пропивившися
его воцаренію. Самъ Лжедимирирій, имѣя при себѣ
Борисъ. 2,000 Поляковъ, слѣдовалъ за войскомъ, но не со-
всѣмъ довѣряя еще оному, на каждомъ ночлегѣ
оспанавливался за 5 или за 6 верстъ отъ глав-
наго спана и всегда около его квартиры сто По-
ляковъ содержали ночной караулъ. Сии мѣры пред-
осторожности могли бытъ не совсѣмъ бесполез-
Никоновская ными, ибо дѣйствительно многіе изъ дворянъ,
Льтопись. ѣздившихъ съ Княземъ Иваномъ Голицынымъ изъ
подъ Кромъ въ Пушывъ, узнали въ мнимомъ Ди-
мирирѣ Чудовскаго дьякона, и въ шайныхъ бесѣ-

дахъ съ горестію оплакивали, что вѣднсь въ споль наглый обманъ.

Теодоръ еще царствовалъ въ унылой Москвѣ, но вѣнецъ Мономаховъ уже спадалъ съ юной главы его. Правительственная дума его, въ безпамятствѣ опчаявѣ, не принимала никакихъ мѣръ, ни для замедленія шествія Самозванца, ни для опысканія вѣрнаго убѣжища для Царскаго семейства, и заботилась единственно объ удержаніи въ повиновеніи Московской черни, коей грозное молчаніе предвѣщало близкую бурю. Уже гонцы Лжедмитріевы прѣзжали почти ежедневно въ столицу съ возмущительными грамошами, но ихъ подспергали, ловили и предавали смерти. Беръ.

Не смотря на то, разсприга надѣялся еще взволновать столицу. Ему казалось нужнымъ, для упроченія своей державы, быть призваннымъ первопреспольнымъ городомъ, какъ законный Государь, а не врываться въ оный силою оружія, на правѣ безчиннаго побѣдителя. Для сего онъ отправилъ еще дворянъ, Наума Плещеева и Гаврилу Пушкина, но не въ самую Москву, а въ полторы Пиковская
Лытовскъ и
Беръ версты отъ оной лежащее Село Красное, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, имѣвшіе въ столицѣ многихъ друзей и родственных-

ковъ. Съ сими посланными Самозванецъ писалъ, что онъ еще не винишь Москвитянъ, которые, будучи обманушы Годуновыми, медлящъ признавашь его, но что онъ надѣялся, что наконецъ и они, по примѣру всей Россіи, откроютъ глаза; что покорносшь ихъ будетъ награждена, для бояръ прибавкою вошчинъ, для дворянъ и приказныхъ людей разными милоспями, для торговыхъ людей убавленіемъ пошлинъ и подапей, для всего народа благоденспвіемъ и пишиною. При помѣ Лжедимитрій напоминалъ имъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго сопрошивленія съ ихъ спороны, они не избѣгнушь заслуженнаго наказанія*.

Красносельцы приняли чеспно Плещеева и Пушкина, съ умиленіемъ чипали привезенную ими грамоту и вызвались шумною толпою проводить ихъ въ столицу. Сіе происходило 1-го Іюня. Несчастный Феодоръ еще надѣялся смирить красомольниковъ, и выслалъ пропивъ Краснаго Села воинскую дружину. Но въ пѣхъ, кои еще и не измѣняли ему, не было уже ни бодрости ни усердія. Оробѣвшіе войны его не дошли до Села и безъ боя обрашии пылъ. По ихъ слѣдамъ Красносельцы ворвались въ Москву, и дойдя до лоб-

* Смотри Приложенія № VII.

наго мѣста, спали сзывать народъ для прочтенія Лжедимишрїевой грамошы. Московскіе обыватели спѣшили на сборище, гдѣ сподвижники Самозванцевы проговарали имъ, что бояре и войско не передались бы Димишрїю, если бы онъ не былъ истиннымъ Царевичемъ, что настало время повиниться ему и что долѣе прошившись было бы только безумно жертвовашъ собою, даже безъ пользы для ненавистнаго дома Годуновыхъ, ибо Москва, защищаемая только горстью воиновъ, ушекскихъ изъ подъ Кромъ, не могла успоашъ противъ великихъ силъ, направляющихся на нее. Убѣщавія подѣйствовали. Всѣ согласились провозгласить Димишрїя, иные повинаясь внутреннему убѣжденію, другіе имѣя только въ виду общенную безопасность.

Въ то время, какъ такимъ образомъ возмущался народъ на лобномъ мѣстѣ, Феодоръ съ матерью и сестрою, прелестною Ксениею, препешали во дворецъ, окруженные значными сановниками Государства, еще вѣрными данной юному Царю присягѣ, но съ ужасомъ предусматривающими уже неминуемое поржество Самозванца. Бодрствовалъ одинъ Патриархъ! Онъ заклиналъ Бояръ иппи вразумить народъ, и направилъ его на путь долга и правды. Внемя ему Князь Мстиславскій, Маржереть.

Беръ. Князь Шуйскій, Бѣльскій и другіе вышли на лобное мѣсто и шщепно пытались усовѣснить взволновавшуюся чернь. Грозный вопль мяшежа заглушалъ рѣчи ихъ. Имъ кричали: *Не гибнуть намъ за Годуновыхъ! Да здравствуетъ Дмитрій! Мы были во тѣль кральшней! Красное солнце наше восходитъ!* Съ сими словами, буншовщики хлынули ко дворцу. Ещс Кремлевскія спѣны могли бы остановишь ихъ спремелніе, но въ безпамятствѣ спраха никто не помыслилъ зашворишь крѣпосныя ворота. Не встрѣчалъ нигдѣ сопротивленія, буйныя толпы ворвались во дворець, схватили Царя, Царицу и Царевну, но среди самага неисповсѣва свосвольничества, сохраниая ещс нѣкоторое уваженіе къ прежнимъ повелителямъ своимъ, отвели ихъ безвредно на старый дворъ Годунова. Воздержносшь сія пѣмъ болѣе была замѣчашельна, чшо ненавистшь народная къ памяти Царя Бориса сущесшвовала во всей силѣ. Никоновская
Лѣтопись. Всѣ родспвенники его, Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы были заключены; дома ихъ разломали, имѣніе разграбили не шолько въ сподлицѣ, но даже пошомъ и въ помѣспьяхъ и вошчинахъ ихъ. Имѣніе иноспранныхъ медиковъ шакже подверглось расхищенію, единспвенно опъ шого, чшо покойный Царь любилъ и жаловалъ ихъ.

Беръ.

Наконецъ Бояре, уже двѣшвующіе именовъ Димитрія, ушншили мяшежъ. Вся Москва цѣловала крестъ Самозванцу, и 3-го Іюня боярская ^{Розрядная книга.} дума выслала къ нему съ покорносцію сполнцы Боярь: Князя Ивана Михайловича Воропынскаго и Князя Андрея Андреевича Теляшевскаго, Околыничаго Пешра Шеремешева и думнаго дьяка Власьева. Посланные сіи нашли разспригу въ Тулѣ, уже извѣщеннаго о событіяхъ Московскихъ, чрезъ полученныя имъ донесенія опъ Плещеева и Пушкинна. Самозванецъ принялъ на себя видъ законнаго Государя, справедливо раздраженнаго ^{Никоновская Лѣтопись.} слишкомъ продолжншельнымъ упорсшвомъ своихъ подданныхъ. Первымъ наказаніемъ для прибывшихъ вельможъ служило то, что Ошрешевъ прежде ихъ допустилъ къ рукъ своей присланныхъ къ нему съ Дону Козаковъ. Когда же позволилъ явиться предъ собою предсшавнтелямъ думы Боярскай, то грозно упрекалъ ихъ въ непокорносці, а Князя Теляшевскаго не хопѣлъ даже просшншь за то, что подъ Кромами онъ не приспалъ къ измѣннвшнмъ въ пользу его воеводамъ. Онъ приказалъ посадншь его въ шюрму, и позволилъ въ глазахъ своихъ Козакамъ бншь его почши до полусмерпн.

Опираясь на покорносшь войска и сполнцы, Ошрешевъ уже могъ вездѣ двѣсшвовашь какъ Царь

законный. По повелѣнію его въ опдаленнѣйшіе города Россіи разослали указы, для приведенія всѣхъ людей къ присягѣ Царицѣ инокинѣ Марѣѣ Теодоровнѣ, и сыну ея Царю Димитрію Іоанновичу *. Ни гдѣ не встрѣнилось ни малѣйшаго сопротивленія, и цѣлая Россія безпрекословно цѣловала крестъ дерзкому бродягѣ.

Однако Самозванецъ еще медлилъ въспуленіемъ своимъ въ Москву. Его тревожила мысль, что шамъ будешь встрѣченъ Патриархомъ, которому лично былъ извѣстенъ. Также не мало заботило его и то, что не ловкіе клеветы его въ день возмущенія позволили народу оспавить въ живыхъ Царя Теодора. Если бы разсприга дѣйствительно былъ настоящимъ Димитріемъ, то могъ бы великодушно миловать Теодора, котораго въ глазахъ его былъ бы только невиннымъ сыномъ его злодѣя, но для Самозванца существованіе законнаго Государя представляло ежедневную опасность, ибо только явленіе настоящаго Димитрія могло справедливо уничтожить права на престолъ Теодора, законно наследовавшаго послѣ отца, което избраніе было единогласнымъ дѣломъ цѣлой Россіи. Къ тому же, прекрасныя качества Теодора при-

* Смотри Приложенія № VIII и IX.

влекали къ нему сердца всѣхъ, коихъ не ослѣпѣла закоснѣлая ненависть къ Царю Борису. Опретъевъ не былъ права свирѣпаго, не любилъ проливать крови, но въ семъ случаѣ желаніе упрочить свое владычество заглушало въ душѣ его гласъ совѣсти и челоуѣколюбія. Онъ рѣшился убіеніемъ Θεодора избавиться отъ докучнаго соперничества.

Принявъ сіе гнусное намѣреніе, Самозванецъ отсправилъ передъ собою въ Москву Басманова съ часпю войска. Но сердце челоуѣческое вмѣщаетъ въ себя различныя степенн злодѣйства! Басмановъ могъ быть измѣнникомъ, а не палачемъ! Онъ взялъ на себя шолько удерживать въ повиновенн сполнцу. Для свлпошашства же и царубѣйства Мжедицшрѣй избралъ споль же низкаго душою, споль высокаго родомъ Кнзя Василья Голицына, и ему придалъ въ споварищн подобнаго ему въ безспыдствѣ, Кнзя Василья Рубца-Мосальскаго, кошорый въ Пушивлѣ первый изъ чиновныхъ людей добровольно предался Самозванцу. Съ нимъ же былъ посланъ дякъ Сущуповъ, челоуѣкъ одинакихъ съ ними спойствѣ. По прибытнн споемъ въ Москву, злодѣи занялись спачала изгнаніемъ Папспрарха. Посланные ими люди ворвались въ Успенскій соборъ, гдѣ спященнодѣйствовалъ Іовъ, и не воздерживаясь спяшпспю мѣспа, въ самомъ алтарѣ

Никоновская
Летопись.

спали рвань съ него свяшительскую одежду. Іовъ не унизилъ высокаго сана своего непристойною слабостію. Снявъ самъ съ себя панагію, онъ положилъ ее у чудотворной иконы Владимірской Богоматери, и со слезами возопилъ: *О всемилостивая пречистая владычица Богородица! Сія панагія и санъ святительскій возложенъ на мя недостойнаго во храмъ твоємъ, Владычица, у честнаго образа твоего чудотворной иконы; сею азъ ерѣинный испрѣвляхъ слово сына твоего Христа Бога нашего девятнадцать лѣтъ; сія православная христіанская вѣра нерушима была; нынѣ же, ерѣхъ ради нашихъ, видимъ на сію православную христіанскую вѣру находяще еретию, мы же ерѣинные молимъ, умоли пречистая Богородица сына своего, Христа Бога нашего, утверди сію православную христіанскую вѣру непоколебимо. Сіе упредительное воззваніе пропивъ гоповящихся для правовѣрія напастей еще болѣе озлобило прошивъ свяшителя Лжедвимипріевыхъ слугъ, копорые одѣвъ его въ черную рясу проспаго монаха, позорно паскали по храму и по площади, и наконецъ посадивъ въ шельгу, послали на обѣщаніе въ Спаридкій Богородицкій монастырь.*

Совершивъ посшдный подвигъ надъ Папріархомъ, Князя Голицынъ и Мосальскій не замедли-

ли исполнишь и ужасный приговоръ надъ царскимъ семействомъ. Взявъ съ собою Михайлу Молчанова, Андрея Шлефедина, да шрехъ спръльцевъ, они отправились на Годуновъ дворъ, гдѣ нашли Царя, Царицу и Царевну сидящихъ вмѣстѣ. Ихъ немедленно развели по разнымъ комнапамъ, и принялись за злодѣйское дѣло. Царица пошчасъ же была удушена, но молодой Феодоръ защищалъ жизнь свою какъ разъяренный левъ. Долгое время онъ боролся прошивъ ченырехъ убійць и палъ мершвъ пошько шогда, когда получилъ ударъ, опнившій у него всѣ силы *. Царевну Ксенію, которой дивная красота возбуждала сладоспрасшіе часпо видавашаго ее въ Чудовъ монастырь Самозванца, была сбережена для похощи палача ея несчастнаго семейства, и опшедена безвредно въ домъ позорнаго Рукописное известіе о Самозванцѣ. угодника Лжедимишрѣва, Князя Мосальскаго. По убіеніи державнаго юноши и его мапери, безбожнѣй Князь Голицынъ спарался разгласишь въ народъ, что они сами со спраха оправили себя. Но поелику Самозванецъ не инако могъ извлечь

* *Примѣчаніе.* Вотъ точныя слова лѣтописца: Царевичъ много часу давши, якоже не младости в тѣ поры далъ Богъ ему мужество, тѣ же ихъ злодѣи убоица ужасошеса, яко единъ съ четырма боряшеса; единъ же отъ ихъ злодѣи убоица взлъ его за таенне... и раздавъ.

пользу опъ смерши Θεодоровой, какъ удосновъ-
ривъ въ оной всю Россію, по и вынуждены были
выспавишь всенародно шрупы несчастныхъ жерпвъ,
шакъ что всякой могъ убъдишься, что смершь
Петрей. имъ приключилась опъ давленія. Самый прахъ
Царя Бориса не оставленъ въ покоѣ; шгдо его
Никоновская Лытошск. было выкопано изъ Архангельскаго собора, пере-
ложено въ простой гробъ, и вмѣстѣ съ швами
супруги и сына погребено въ Варсонофьевскомъ
монашпврѣ на родовомъ кладбищѣ Годуновыхъ.
Заключенные со дня мяшежа, родспвенники Го-
дуновыхъ, были разосланы по Низовымъ и Сибир-
скимъ городамъ. Только Семена Годунова, сослан-
наго въ Переславль Загъскій, памъ удушили. Ся
казнь служила ему наказаніемъ за то, что при
Царѣ Борисѣ онъ былъ главнымъ орудіемъ гоне-
ній на Романовыхъ, къ кониъ Самозванецъ выка-
зывалъ любовь свою, уважая въ нихъ родспвен-
ную связь съ брапомъ, будшо милымъ сердцу
его, Царемъ Θεодоромъ Ивановичемъ.

Очистишь шакимъ образомъ сполицу опъ
всѣхъ прошивникоѣ своихъ, расприга рѣшился
ишши къ оной. На пуши въ Серпуховѣ онъ въ
Боршъ. великолѣпныхъ шашрахъ угощалъ обѣденнымъ спо-
ломъ до 500 знашныхъ особъ. Пошомъ 16-го Іюня
перешелъ въ село Коломенское, гдѣ дневалъ нѣ-

сколько дней, чтобы предварительно развѣдать о расположеніи Москвитянъ, коимъ не прешавалъ Беръ. еще не довѣрять. Но опасенія его казались совершенно несомнѣтельными. Сановники Московскіе спѣшили къ нему въ Коломенское съ хлѣбомъ, солью и богатыми дарами. Лазутчики его также единогласно извѣщали, что столица ждетъ его съ радостнымъ исперпѣніемъ.

Самозванецъ рѣшился наконецъ вступить въ Москву 20-го Іюня, но и среди торжественнаго шествія своего онъ для личной безопасности принималъ мѣры, копорыя обнаруживали невольное смущеніе преступной души. Правда, его окружали шестидесять Русскихъ вельможъ, но впереди и Петрей. сзади ѣхали дружины Цольской конницы; пошомъ слѣдовали иностранные войско, Козаки, и наконецъ Русскіе спирѣльцы замыкали шествіе во все время, коего гонцы скакали безпрестанно взадъ и впередъ по всѣмъ улицамъ, и ежеминутно доносили Лжедмитрію о состояніи столицы. Но все кипѣло радостно и усердіемъ. Во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола. Народъ толпился на улицахъ, по коимъ проѣзжалъ Самозванецъ; кровли домовъ и церквей усыпаны были зрителями. При появленіи Лжедмитрія, народъ кланялся въ землю и кричалъ: *Здравстуй отецъ нашъ! Государь и Вели-*

кой Князь Всероссийскій! Даруй Боже тебѣ многія лета! Да оспѣнитъ тебя Господь на вѣсѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебя отъ семь мѣртъ. Ты наше солнце красное! Самозванецъ оповѣчалъ: *Здравствуйте, мои дѣти, встаньте и молитесь за меня Богу!* Время было прекрасное, но въ ту самую минушу, какъ Самозванецъ чрезъ живой мостъ и Москворѣцкія ворота выѣхалъ на площадь, поднялся страшный вихрь, такъ что лошади едва не попадали. Народъ, въ ужасѣ, принялъ сіе за худое предзнаменованіе для новаго царствованія. Однако шествіе продолжалось и Самозванецъ достигнулъ лобнаго мѣста, гдѣ ожидало его духовенство съ крестами и иконами, сошелъ съ коня, приложился къ святынямъ и приказалъ пѣшь молебень, въ продолженіи коего, къ соблазну и первому негодованію Москвитянъ, Поляки, не слѣзшіе съ лошадей, прубили въ прубы и ударяли въ бубны. Пошомъ разсприга пошелъ въ Кремль и въ Царскихъ палатахъ сѣлъ на престолъ мнимаго опца своего Іоанна Грознаго. Провожавшее его Польское войско помѣщено было все вмѣстѣ на Посольскомъ дворѣ. Лжедмитрій, не опспранившій еще опъ себя недовѣрія къ Москвитянамъ, желалъ иноземцевъ сихъ имѣшь всегда у себя подъ рукою. Только въ послѣдствіи

Никоновская
Лѣтопись.

Борисъ.

времени, изъ уваженія къ жалобамъ Поляковъ на прешерпяваемую ими пѣсношу, позволилъ нѣкоторымъ изъ нихъ перейти на особыя квартиры.

Впрочемъ подозрѣнія Самозванцевъ имѣли нѣкоторое основаніе. Не возможно, чтобы въ продолженіи шествія его, почти черезъ весь городъ, ни кто изъ Московскихъ жителей не узналъ въ немъ дьякона Опретѣева. Уже многіе шептали между собою, что по явному поущенію Божию, Русскіе за грѣхи свои подпали подъ иго наглаго обманщика. Хотя шаковые полки еще прошиву-^{Николовская} рѣзущіе общему мнѣнію и не оглашались, но не менѣе того лазутчики Лжедимириевы довели ихъ до его свѣдѣнія. Самозванецъ опасаясь, чтобы рано или поздно истина не разъяснилась, далъ порученіе Окольничему Богдану Бѣльскому, предупредивъ ^{Лѣтопись.} Беръ-грозный гласъ ея новымъ лживымъ свидѣтельствомъ. Бѣльскій, старый любимецъ Царя Іоанна Васильевича, былъ человекомъ щеславнымъ и гибкосовѣстнымъ. Онъ вышелъ на лобное мѣсто въ сопровожденіи другихъ вельможъ, и напомнивъ народу, что по избранію Царя Іоанна былъ пѣстуномъ малолѣтнаго Царевича Димитрія, кляпвенно увѣрялъ, что Самозванецъ былъ истиннымъ сыномъ Іоанна, спасеннымъ по особенной Божеской милости, и наконецъ поцѣловавъ вислицей на груди его образъ Николая Чудотворца, воскликнулъ:

Часть I.

10

Брегите и чтите своего Государя. Слушатели единогласно оповѣщивали: Богъ да сохранитъ Царя Государя и погубитъ всѣхъ враговъ его. Сильнымъ крикомъ въ ролюмномъ спарца дошпойно заключилось позорное поржештво сего несчастно незабвеннаго дня, въ кошорый Русскіе, шакъ сказашь на раменахъ своихъ, внесли удалаго злодѣя въ священныя черпоги дравнихъ своихъ Державцевъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

(1605 — 1606 годы.)

Съ перваго взгляда казалось бы, что человекъ, изъ низкаго состоянія достигнувшій верховнаго сана, уже долженъ почитать себя преодолевшимъ главнѣйшія препятствія, сопряженныя съ сего многопруднымъ предпріятіемъ, и что ему остается только спокойно наслаждаться шяжко добытымъ величіемъ. Но Исторія какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ, почти всегда являетъ намъ противное. Она многими примѣрами удостоверяетъ, что скорѣе можно покинуть престолъ, чѣмъ удержаться на покищенномъ. Впрочемъ, сіе довольно объясняется и тѣмъ, что никто безъ особенной отважности и славной дерзости, не

можешь безмѣрно возвыситься, а самыя свойства сія исключаютъ благоразуміе, необходимое для упроченія верховной власти и, напрошивъ того, внушая чудному счастливцу опасную самонадѣянность, ведутъ его къ опрометчивости и свое нравію, всегда пагубнымъ для правителей. Одинакія причины должны имѣть и одинакія послѣдствія: участь Лжедимитрія предугадывается.

Всякое новое царствованіе, каково бы оно ни было въ послѣдствіи, всегда начинается похвально. Первые дѣйствія Самозванцева правленія шѣмъ болѣе означены были милостями, измѣнными почти на всѣ сословія, что онъ самъ говаривалъ, что въ его понятіяхъ державцамъ представляющагося только два способа для укрѣпленія своей власти: удерживать всѣхъ въ повиновеніи чрезмѣрною суровостію, или милостями и щедростями спарашься привлечь къ себѣ людей, не жалея для сего никакихъ сокровищъ, и что онъ, во побужденію сердца своего, избралъ послѣднее средство.

Письмо Бу-
чинскаго къ
Разстрига
отъ Января
1606.

Не только мнимые родственники новаго Царя, Нагіе, и также Романовы, но и всѣ прочія жертвы мнимительнаго и подозрительнаго Царя Бориса были возвращены изъ ссылки. Невольно посприженнаго въ монахи Филарета Никитича Хропограва Романова поселили въ Митрополиты Ростов-

скіе и Ярославскіе. Слѣпой Царь Симеонъ Бекбу-
лашовичъ былъ вызванъ въ столицу и принялъ <sup>Разрядныя
книги.</sup>
съ великою честию. Самые рождественники Годуно-
ва испытали важное облегченіе въ своей участи.
Ихъ не только освободили отъ заключенія, но
даже дали имъ воеводскія мѣста въ Сибири и
другихъ опустелыхъ городахъ. Басмановъ первый
получилъ боярство. Потомъ многіе изъ знаменитыхъ
особъ были пожалованы въ бояре, другіе въ
Окольничіе. Всѣмъ служивымъ людямъ удвоили
денежное жалованье. Торговля была объявлена со- ^{Беръ-}
вершенно свободною, какъ для Русскихъ, такъ и
для иностранцевъ. Приказамъ повелѣно вершить дѣ-
ла безъ всякихъ посулъ. Объявлено, что самъ
Царь будетъ въ каждую Среду и Субботу у себя
на крыльцѣ принимать челобитныя отъ всѣхъ
людей. Лжедмитрій не только самъ хотѣлъ хва-
литься справедливостію, но даже оказывалъ го-
товность исправлять неправды прежнихъ лѣтъ.
Такъ напримѣръ, мнимый опецъ его, Царь Иванъ
Васильевичъ, по злобному своему нраву своему мало <sup>Письмо Бу-
чинскаго къ
разстригъ отъ
Января 1606.</sup>
забогившійся о священной неприкосновенности
частной собственности, забиралъ у многихъ лицъ
деньги, которыхъ никогда возвращаемы не были
не только самымъ Грознымъ Царемъ, но даже и
въ правленіе Бориса Годунова. Самозванецъ прика-
залъ выдавать всѣ суммы сіи, кому онъ принадле-

жали. Слѣдуя принятому намѣренію, но возмѣжності задобривашь всѣхъ, онъ хошѣлъ было угодить и духовенству, призвавъ Епископовъ въ Государственную думу, кошорую предполагалъ преобразить на подобіе Польскаго Сената. Но сдѣланное уже имъ на сей предметъ предначертаніе не было произведено въ исполненіе, вѣроятно пошому, что онъ еще опасался на первыхъ порахъ, въ сиполь важномъ дѣлѣ, огорчить Русскихъ оскорбительнымъ для нихъ народной гордостіи подражаніемъ Польскому устанавленію.*

* *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ полагаетъ напротивъ того, что дѣйствительно Сенатъ былъ учрежденъ Лжедмитріемъ. Мнѣніе сіе основано только можетъ быть на существованіи въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ росписи (Смотри Приложенія № X.) Московскимъ Сенаторамъ, писанной по Польски въ Іюнь 1605 года рукою Разстригина Секретаря, Яна Бучинскаго, и еще на томъ обстоятельстве, что Беръ называетъ Сенаторами Самозванцевыхъ думныхъ Советниковъ. Но если взять въ соображеніе, что ни одинъ изъ Русскихъ лѣтописцевъ не упоминаетъ о преобразованіи думы, и что даже въ 1606 году указы писались отъ имени однихъ Бояръ, то не лзя ли полагать, что роспись Бучинскаго оставалась проэктомъ безъ исполненія, и что Беръ называлъ тогдашнихъ Бояръ Сенаторами, только изъ подражанія Полкамъ, такъ переводившимъ Русское слово Боярина, и съ коими онъ дружилъ болѣе, чѣмъ съ Русскими. Только дѣйствительно при Дворѣ введены были нѣкоторыя новыя должности, какъ наприкладъ *Великаго Мечника*, каковое наименованіе дается и въ Государственныхъ бумагахъ того времени Князю Щуйскому-Скопину.

Одни низкаго сословія люди не видали ошъ Самозванца облетченія въ участи своей. Но Дзедимирій имѣя въ особенноти въ виду привязашъ къ себѣ военныхъ людей, не хотѣлъ лишитъ ихъ великихъ выгодъ, предоспаваемыхъ имъ законами Годунова о креспьянахъ и холопахъ. Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя объявленъ былъ боярскій приговоръ, кошорый хоша ушверждалъ крѣпостное право владѣльцевъ, но по крайней мѣрѣ обуздывалъ ихъ наклонноти къ несправедливымъ припизаніямъ. По силѣ сего приговора, бѣжавшіе креспьяне возвращались безпрекословно прежнимъ владѣльцамъ, кромѣ покинувшихъ жилища свои въ голодные 1602, 1603 и 1604 годы, пошому что на родинѣ не чѣмъ было имъ пропиташься. Таковыя оспавались за шѣми владѣльцами, въ домахъ или имѣніяхъ коихъ нашли доспашочное призрѣніе въ нужное время. Также если креспьянъ какого владѣльца, поступившій въ голодные года къ нему въ холопи, спалъ бы опбывашъ холопства подѣ предлогомъ, что ему въ креспьянствѣ было чѣмъ прокормишья, но что его закалилъ владѣлецъ насильно, шо повѣлвалось разыскивашъ, записана ли кабала въ городѣ въ книгѣ? Если записана, шо челобитчикъ оспавался въ холопствѣ по шей причинѣ, что не жаловался о насильи при явкѣ кабалы; напрошивъ

же того, не явленнымъ кабаламъ не позволено давати вѣры, и въ такомъ случаѣ холопъ обращался по прежнему въ крестьянство: Впрочемъ, уже введенная въ обыкновеніе пятидесятная давность, на опысканіе бѣглыхъ крестьянъ, была утверждена во всей ея силѣ *.

Осрѣшеніе Юва оставяло празднымъ первосвященительское мѣсто въ Россіи. Самозванцу нужно было видѣть на ономъ челоѣка уклоннаго, который бы согласился содѣлаться соучастникомъ пайныхъ замысловъ его противъ православія. Выборъ его палъ на Игнація, Архіепископа Рязанскаго. Сей паспырь, льстивый и двуязычный Грекъ, былъ прежде Архіепископомъ Кипрскимъ; но изгнанный Турками, онъ нашелъ сперва убѣжище въ Римѣ, а потомъ пріѣхалъ въ Россію, гдѣ по особенному благоволенію Царя Бориса, поручили ему Рязанскую Епархію. Въ возмездіе дому Годуновыхъ за сіе благодѣяніе, онъ первый изъ священителей выѣхалъ въ Тулу на срѣшеніе Самозванцу. Возведенный на Патриаршій престолъ, онъ съ робкимъ молчаніемъ царедворца смотрѣлъ на всѣ соблазны, коими Самозванцу суждено было огорчать правовѣрныхъ.

Смотри Приложение № XI.

Но ни посвященіе надежнаго Папріарха, ни какое либо государственное дѣло, не были тогда для Димитрія предметомъ главнѣйшихъ заботъ. Все вниманіе его было устремлено на успѣхъ пачапыхъ имъ тайныхъ сношеній съ Царицею инокинею, Марѳою Федоровною, матерью наспо- ящаго Царевича Димитрія. Признаніе ея Само- званца за своего сына было для него необходи- мымъ условіемъ прочности его воцаренія. Подо- сланнымъ отъ него людямъ велѣно было напо- мнить Царицѣ ожидающія ея почести, а съ дру- кой стороны внушить ей, что если она отпра- жиня изобличитъ его во лжи, то неминуемо об- речетъ на вѣрную гибель не только себя, но и весь свой родъ. Прельщеніями и угрозами увлечен- ная Царица, наконецъ согласилась способствовать обману. Обрадованный Самозванецъ послалъ къ ней въ Выксинскій монастырь—звать ее въ спо- лицу, — Великаго Мечника, Князя Михайлу Василье- вича Скопина - Шуйскаго, съ блеспящею свиткою. Часъ перваго свиданія обманщика съ мнимою ма- терью для обвихъ споронъ былъ труднымъ ис- пытаніемъ. Осторожность пребокала не даванъ оному свидѣтелей, но шакже не благовидно было бы Самозванцу не встрѣчатъ Царицы. Для согла- шенія сихъ противоположностей, онъ выѣхалъ 18-го Іюля въ Село Тайнинское, гдѣ по приказанію

Окружная
грамота Ца-
рицы Марѳы
21-го Мая
1606 года.

11

нію его былъ разбишь шаперъ близъ большой до-
роги. Царица одна, введенная въ шаперъ, ожидала
уже въ ономъ Царя, который также одинъ до-
шелъ къ ней. Тушъ подпоря сѣ обѣщанія и угро-
зы, онъ уговорилъ ее выказывать къ нему при-
творную вѣжностъ. Оба вышли изъ шапра обви-
мая другъ друга къ умилению легковѣрныхъ зрителей,
копорыхъ собралось великое число. Царица сѣла
въ карешу, а Самозванецъ съ обнаженною головою
шелъ возлѣ нея пѣшкомъ около шрехъ верстѣ, опи-
ралась на подножку карешы. Потомъ онъ сѣлъ на
лошадь и поскакалъ впередъ, дабы встрѣтить ея
на порогъ Царскихъ Палатъ. Въ послѣдствіи, Ца-
рица перешла въ богато изгопволенные для нея
покои въ дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ,
гдѣ получила царское содержаніе и была ежеднев-
но посѣщаема мнимымъ сыномъ своимъ. Черезъ
три дня послѣ ея пріѣзда, Самозванецъ вѣнчался
на царство въ Успенскомъ соборѣ, съ обыкновен-
ными обрядами.

Девичья
Мария.

Беръ.

Палатки.

Хотя повидимому все споспѣшествовало Дми-
трию, однако много еще заботъ ему пред-
стояло для сокрытія истины. Насподная мать
его, Варвара Ошрепьева, родной братъ и дядя
Смирной Ошрепьевъ, не обинуясь всему Галину
объявляли о гнусномъ обманѣ. Смирной за сіи ра-
чи былъ сосланъ въ Сибирь, но гласъ природы

не заглушался еще въ сердцѣ Самозванцевомъ; онъ не оштрафился распространить мѣстѣ свою на родительницу и на единоутробнаго своего *, и безнаказанно сѣхъ лицъ придавала еще болѣе вѣсѣ ихъ уликамъ.

Не въ одномъ семействѣ Отрепьева нашлись смѣлые поборники правды. Среди самой Москвы, явился монахъ, всевародно удословляющій, что давно знаетъ Отрепьева, котораго учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ, и что сей же именно человекъ овладѣлъ Царскимъ престоломъ подъ именемъ Димитрія. Монахъ былъ схваченъ и тайно умерщвленъ въ пюрѣмѣ. Петръ.

Сколь ни важны были свидѣтельства сіи, но

Н. М. Карамзинъ, полагаясь на современное сочиненіе (*légende de la vie et de la mort de Demetrius*) иностраннаго купца, жившаго тогда въ Москвѣ, утверждаетъ, что мать и братъ Самозванцевы были заключены въ темницу, но иноземецъ могъ только вѣрно описывать что происходило въ его глазахъ, а не въ отдаленныхъ мѣстахъ Государства. Келарь Авраамій Палицынъ, коего свидѣтельство гораздо достовернѣе, упоминая о рѣчахъ Варвары Отрепьевой и ея сына и деверя, прибавляетъ только, что Смирной былъ сосланъ и *принялъ много озлобленія отъ своего племянника*. Троицкій монахъ, не упускающій ни одного случая поносить Самозванца, часто даже съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, не преминулъ бы поставить на видъ жестокое обращеніе его съ самою матерью своею. Но Палицынъ сего не думаетъ, и слѣдственно Варвара Отрепьева оставлена въ покоѣ.

сившія на себѣ безсомнѣнный отпечатокъ самоопроверженія, недоступнаго для клеветниковъ, со-всѣмъ пѣтъ, происходя отъ людей не знавшихъ, они мало беспокоили Дзедимишрїя, котораго гораздо болѣе тревожили разглашенія, дѣлаемые въ сполицѣ по наущенію Князя Василя Ивановича Шуйскаго. Сей вельможа, болѣе всѣхъ прочихъ убѣжденный въ самозванствѣ разсприги, могъ согласишься признашь его за своего Государя единственно по необходимости покориться первому порыву всенароднаго увлеченія. Но въ сердцѣ своемъ онъ не преставаъ пишаъ надежду, что въ скоромъ времени сила истины разсѣпъ чадъ непоняшнаго предубѣжденія. Удрученный спыдомъ и гореспію, онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность, способствовать ожидаемому имъ спасительному противудѣйствию, въ чемъ могъ успѣшь болѣе всякаго другаго, потому что имѣлъ вліяніе на Московскихъ гражданъ, которые вообще любили его за его привѣтливость, и уважали въ немъ необыкновенныя способности ума высокаго, соединенныя съ великимъ богатствомъ и знаменипоспїю происхожденія. Многочисленные приверженцы его спали распространяшь въ народѣ полки о самозванствѣ Царя. Внушенія сіи были дѣланы даже безъ надлежащей осмотрительности, такъ что дошло объ нихъ до свѣдѣнія Басманова, ко-

порый спѣшилъ предостеречь Лжедмитрія. Раз- Сказанія же
гласнѣеи сѣвашили и пышали: многихъ изъ нихъ содѣся.
разослали по пемницѣмъ, но двухъ болѣе прочихъ
наобличенныхъ въ дерзкихъ рѣчахъ пропивъ обла- Никоновская
дашеля престола, а именно дворянина Пестра Тур- Лѣтопись.
генева и мѣщанина Осдора Калачника казнили Палачи.
смерщю. Калачникъ, гошовель положишь голову
на плаху, съ пвердосщю говорилъ народу: *се при-
яму есте образъ антихристовъ, и поклонистесь по-
сламному отъ сатаны, и тогда разумъте, егда
еси отъ него погибнете.* Но еще не разувѣренная
чернь ругалась ему и кричала, что по дѣломъ по-
гибаетъ клеветникъ.

Оспивалось наказашъ главнаго виновника опас-
ной молвы, Князя Шуйскаго. Но мужъ сей споялъ
на споль высокой спешени въ общемъ мнѣннн,
что Самозванецъ, для безпрепятственнаго совер-
шенія надъ нимъ казни, почелъ нсобходимымъ при-
бѣгнушь къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, какъ при по-
спановленнн приговора, шакъ и при исполненнн
онаго. Шуйскій предспалъ предъ соборомъ, со-
спавленномъ, какъ въ шо время водилось шолько
при рѣшеннн великихъ Земскихъ дѣлъ, изъ Духо-
венства, Бояръ и выбранныхъ людей всѣхъ сосло-
вій. Всѣ единогласно признали Шуйскаго винов- Маржеретъ.
нымъ въ оскорбленнн Царскаго Величества дер-
кою клеветною, и приговорили его къ опсѣченню

головы. Въ назначенный для казни день осужденный введень былъ на лобное мѣсто, кѣмъ Хронографъ. окружали вооруженные Спрѣльцы и Поляки и гдѣ уже палачъ гонимыя сѣкиру и плаху. На Кремлевскихъ стѣнахъ и башняхъ выславлены были шаже вонны съ оружіемъ въ рукахъ. Народъ роняся по площади. Бояре Салшыковъ и Басмановъ, разъяжая между шолпами, читали слѣдующее провозглашеніе: *Сей Великій Болгаринъ, Князь Василій Шуйскій, миль природному своему Государю Царю и Великому Князю Димитрію Іоанновичу всея Россіи измѣляетъ, и разсѣваетъ неприимныя рѣчи, не хотя меня на Государствѣ Царемъ видѣти, и остужаетъ со естми Болгары и людьми Московскаго Государства, и со естми православными Христіаны; называетъ меня еретикомъ, Гршикою Отрепьевымъ, Разстригою, и за то его осудили мы смертію казнити, да умереть. Ибо сіе не мною, не ново уложилось, но отдревле, отъ прародителей нашихъ, что за измѣну казнити, не щадя ни дяди, ни брата, ни сродниковъ своихъ, ни великихъ Болгары. Слушашеси, удержанные въ повиновеніи присупшвиемъ войскъ, однимъ унылымъ молчаніемъ выражали свое негодованіе. Шуйскій не оказывалъ рѣбоспи. Когда палачъ спалъ раздѣвашъ его, то онъ еще громко воскликнулъ: *Братья! умираю за Вѣру Христіанскую и за сася! Уже онъ влязъ**

голову на плаху, какъ вдругъ въ Спасскихъ верошахъ раздаешся крикъ: «стой! стой!» Выбъжавшій изъ Кремля Нѣмецъ, съ Царскою грамотою въ рукахъ, объявляешъ, что Царь, по ходатайству Поляковъ, даруешъ жизнь преслупнику. Радость была всеобщая.

Въ самомъ дѣлѣ не Полякамъ Шуйскій обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Напрошивъ шого, многіе изъ нихъ, изъ самыхъ приближенныхъ къ Лжедимирию, предусматривали большую опасность въ помилованіи споль важнаго врага. Но за Князя Василія Ивановича явился ходатай, котораго предспашельства не могъ опшвергнушь и самъ Самозванецъ. Царица Инокія Марфа, вынужденная пошворствомъ своимъ упрочивашъ богопрошивный обманъ, шомилась душевною шоскою; для уменьшенія шягошвившаго ея совѣсть грѣха, она рѣшилась по крайней мѣрѣ не допускать до казни знашнѣйшаго свидѣтеля истины и шребовала опъ мнимаго сына своего смягченія жребія несчастнаго Шуйскаго. Лжедимирию не смѣлъ пропшвиться ея желанію, но вмѣстѣ съ шѣмъ оиъ разгласилъ, что умноштившися по просьбѣ Поляковъ, вѣроятно, чтобы участіе Царицы въ семъ дѣлѣ скрышь опъ народа, которому дѣйшвшительшо могло казашься шпраннымъ видѣшь мать, заботящуюся о избавленіи злѣйшаго и опаснѣйшаго

Часть I. 11

Письмо Яна Бучинскаго къ разстрѣль, въ Январѣ 1606 года.

Маржеретъ и Николовская льтошсь.

врага сына своего. — Князь Василій Ивановичъ съ двумя родными братьями своими, Димитріемъ Хропограемъ и Иваномъ, были сосланы въ пригороды Галицкіе, а имѣніе ихъ отобрано въ казну.

Представился еще другой случай, гдѣ также Царица вмѣнила себѣ въ священную обязанность противиться волѣ Самозванца. Тѣло настоящаго Царевича Димитрія похоронено было въ Угличѣ въ соборной церкви. Сія почестъ несомнѣнна была съ воцареніемъ мнимаго Димитрія, который призналъ необходимымъ для себя, вырыть тѣло и похоронить на общемъ кладбищѣ, какъ простаго поповскаго сына. Но не дерзая исполнить сего безъ соизволенія Царицы, онъ просилъ ее не противиться столь нужному для его спокойствія дѣйствию. Царица ужаснулась и рѣшительно отказалась предать на поруганіе оспалки милаго ея сердцу отрока. Всѣ усилія Самозванца, чтобы поколебать ея упорство, были безуспѣшны, и онъ вынужденнымъ былъ отказаться отъ своего предпріятія. Впрочемъ, одно намѣреніе попревожистъ прахъ сына, такъ ожесточило мать, что она стала искать шайнаго средства, важнымъ свидѣтельствомъ своимъ, изобличить въ самозванствѣ гнуснаго обманщика. При ней находилась у ней воспитанная молодая Лифляндка Розень, взявшая въ плѣнъ ребенкомъ во время Лифляндской

Пестрей и рукописей Жолтваскаго.

войны. Сія дѣвушка вошла въ сношеніе съ жившимъ въ Москвѣ Шведомъ, который по убѣжденію ея повѣхалъ въ Польшу съ порученіемъ Царицы, извѣстивъ Короля, что похищитель Московскаго престола не есть ея сынъ, хотя она для своей безопасности явно и признала его за такового.

Около того же времени случилось большое смѣшеніе въ столицѣ. Прибывшіе съ Самозванцемъ Поляки много безчинствовали, полагаясь на пошворство Царя. Одинъ изъ ихъ поварницей шляхтичь Липскій, уличенный въ преспушеніи, былъ Боршъ схваченъ и приговоренъ къ наказанію кнупомъ. Но когда, по шогдашнему Русскому обыкновенію, осужденнаго водили по улицамъ, Поляки бросились опбивать его. Сдѣлалась сильная драка, въ которой съ обѣихъ споронъ было много убитыхъ и раненыхъ. Такъ какъ число Русскихъ поспешенно увеличивалось, то Поляки укрылись въ занимаемомъ ими посольскомъ дворѣ, который немедленно былъ окруженъ нѣсколькими десятками тысячъ разъяренныхъ Московскихъ обывателей. Все предвѣщало кровопролитіе, еще ужаснѣе прежняго. Для опвращенія сей бѣды, Царь послалъ объявить гнѣвъ свой Полякамъ и требовать отъ нихъ выдачи зачинщиковъ своевольства, угрожая имъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, приказать подвесить пушки для разгромленія ихъ убѣжища. Поляки опвѣчали,

*

чно ожидали болѣе благодарности опъ того, кого вывели на плечахъ своихъ, и что лучше желяють всѣ погибнуть, чѣмъ самимъ выдать на вѣрную смерть кого либо изъ своихъ соотчичей. Тогда Лжедмитрій вѣпорично послалъ склоняющ ихъ къ оказанію необходимой податливости, представляя имъ, что только выдачею зачинщиковъ можно надѣяться усмирить мятежную чернь, и что впрочемъ онъ обѣщаетъ въ скоромъ времени возвратишь безвредно виновныхъ. Тогда Поляки выдали прехъ поварищей: Держбицкаго, Щигельскаго и Шелиборскаго, конхъ посадили въ пѣсную пемницу. Московскіе обыватели, получивъ удовольствореніе, коего домогались, разошлись по домамъ, а на другой день всѣхъ прехъ поварищей отправили обратно къ Полякамъ.

Сіе происшествіе достапочно показывало Лжедмитрію, что не легко будетъ подданнымъ его уживишь съ приведенными имъ иноземными госпями. Увлекаясь сроднымъ ему самонадѣвіемъ, онъ возмечталъ, что можетъ обойтишь и безъ иносранной спражи, и вѣришь охраненіе своей особы однимъ Русскимъ, конхъ надѣялся совершенно привлечь къ себѣ щедрошами своими и кропосптію правленія. Въ слѣдствіе сего онъ оставилъ у себя на службѣ только роту Пана Доморацкаго, прежде бывшую его собственною, и распустилъ всѣ про-

Възвѣтъ изъ
Москву
Польскихъ
пословъ въ
1606 году.

ція Польскія хоругви, заплашивъ съ каждаго коня гусарамъ по 40 злотыхъ, а пяхнгорцамъ по 37 злотыхъ (поже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Но не многіе изъ Поляковъ сохранили сіи деньги.

Письмо Яна Бучинскаго къ разстригѣ, Января 1606 года.

Прочіе, получивъ по шогдашнему времени весьма значительное жалованье, еще на Москвѣ все прожопали, пропили или проиграли въ кости, и воропились ни съ чѣмъ въ свое опечесство, жалуясь на скупость Царя, хотя самѣ были виновниками своей нищеты.

Самозванецъ, имѣя въ виду задобрить Русскихъ милосердіемъ необычайнымъ, рѣшился прекратишь ссылку Шуйскихъ, даже прежде нежели они доспигли назначенныхъ для жительства ихъ мѣстъ. Имъ возвращали взятое у нихъ имѣніе и всѣ прежніе чины и почести. Послабленіе опасное для Самозванца, который не разсудилъ, что безвредно для себя миловашъ преспушниковъ принадлежишь однимъ законнымъ Государямъ и соспавляешъ исключительное преимущество ихъ священнаго права.

По крайней мѣрѣ, если Лжедмитрій полагалъ утвердишь пресполь свой на любви народной, должно было ему тщательнѣе оберегашъся своего легкомыслия, и въ особенноти спарашъся не выказывашъ ни опвращенія къ обычаямъ Русскимъ, ни наклонности къ Польскимъ. Напрошивъ шого,

онъ вездѣ и всегда пренебрегалъ опечеспвенными обрядами, и упражненія и пошѣхи свои успронвалъ на иноземный образецъ. Русскіе слышали съ Беръ и На-
рушевичъ. омерзѣніемъ, что у него во время спола гремѣла музыка, что онъ почти всегда одѣвался по Польски, въ шляпину, не молился иконамъ садясь за обѣдъ, и не умывалъ рукъ по окончаніи онаго. Удивлялись также тому, что онъ не ходилъ въ баню по Суббошамъ и не спалъ послѣ обѣда, а вмѣсто того выходилъ изъ дворца, самъ другъ, для посѣщенія аптекарей, серебряниковъ или какихъ другихъ ремесленниковъ. Самое удалство его мало нравилось. Онъ упражнялся въ пляскѣ, живо вскакивалъ на бѣшеныхъ лошадей, билъ самъ медвѣдей. Все сіе было неприличнымъ въ глазахъ людей, привыкшихъ къ спешенной величавости прежнихъ Царей, которые не иначе переходили изъ одного покоя въ другой, какъ поддерживаемы подъ руки кѣмъ либо изъ окружающихъ ихъ многочисленныхъ царедворцевъ, а когда садились на коня, то всегда два боярина подносили сѣмью, чтобы облегчить шрудъ Государя. Не удивительно, что слѣдствиемъ спола рѣзкой переменъ было общее охлажденіе къ Лжедимирию, и что не усмапривая въ немъ ничего, означающаго Царское происхожденіе, спали называшъ его *Польскимъ свистуномъ*.

Впрочемъ не одна наружность была позорна въ Самозванцѣ. Онъ и въ поступкахъ и дѣйствіяхъ большей важности оказывался безразсуднымъ и развратнымъ до безконечности. Къ величайшему соблазну своихъ подданныхъ онъ приказалъ опшесить Езуитамъ, для свободнаго священнодѣйствія по Римскому обряду, обширный дворъ по близости дворца. Въ Боярской думѣ, гдѣ засѣдалъ почти ежедневно, хопя и опличался нѣкошорымъ Бероошвроуміемъ, но вмѣстѣ съ шѣмъ приводилъ въ сильное негодование боярѣ, беспрешанными упреками за ихъ невѣжество и совѣсами училъся у иноземцевъ. Вообщемъ съ вельможами онъ обходился неосмотрительно: нногда дружилъ съ ними безъ надлежащаго приличія, за шо часто ругалъ ихъ и бивалъ палкою, и шо и другое къ явному нарушенію Царскаго достоинства. Любострасніе сгошакже не знало ни какихъ границъ; онъ безче-
Хромокраевъ.
опшилъ даже юныхъ монахинь, и въ довершеніе не-
исповснвъ своихъ, взялъ себѣ въ наложницы не-
счастную жертву своего власшлюбія, Царевну
Ксесвію. Еще справедливо обвиняли его въ чрезмѣр-
ной расшочительности. Издержавъ въ первые три
мѣсяца своего правленія до семи съ половиною
милліоновъ рублей (до 25 милліоновъ нынѣшнихъ
серебряныхъ рублей) онъ не переспавалъ сыпать
денъгами, и шо не для государспвенныхъ нуждъ, Нарушсвичъ.

Письмо
Мипшка къ
Александрит-
рію изъ Кра-
кова, отъ 25
Декабря 1606
года.
Письмо Бу-
чинскаго къ
Самозванцу,
Января 1606
года.

а для удовлетворенія собственныхъ прихотей; шрапился на музыканшовъ и другихъ угодныхъ ему шунеядцевъ, и самъ любилъ роскошь необычайную. Какъ будто пренебрегая прежнимъ жилищемъ Царей, онъ выспроилъ въ Кремль, на берегу Москвы рѣки, деревянный дворецъ, великолѣпно убранный, насупротивъ коего вышавилъ огромнаго мѣднаго Цербера, съ бряцающими челюстями. Сіе изображеніе адскаго чудовища ужасало набожныхъ Россіянъ, и усилило уже начинавшее распространяться въ нижнихъ сослодіяхъ мнѣніе, что пресполомъ овладѣлъ чародѣй.

Дневникъ по-
словъ Поль-
скихъ 1606
года.

Хронографъ.

Къ довершенію безразсудныхъ дѣйствій своихъ, Самозванецъ гоповилъ исполнить данное имъ Мнишку обѣщаніе, вспушнвъ въ бракъ съ дочерью его Мариною, хотя легко могъ предвидѣть, что выборомъ невѣсты иновѣрной и принадлежащей къ народу, всегда враждебному Россіи, онъ крайне возспановитъ противъ себя своихъ подданныхъ. Но не преспавая пренебрегашъ мнѣніемъ Россіянъ, онъ назначилъ посланникомъ въ Польшу надворнаго казначея Аванасія Власьева, для шоржешвеннаго испрошенія согласія Короля на обрученіе его съ Мариною, и для немедленнаго совершенія сего обрученія, по силѣ даннаго ему полномочія.

Прежде еще отъѣзда Власьева изъ Москвы,

прибытъ шуда посланникомъ отъ Короля Сигизмунда секретарь его, Александръ Гонсвѣскій Спасина Велижскій. Кромѣ поздравленія Лжедмитрія съ возшествіемъ на престолъ и увѣдомленія о намѣреніи Короля, вступившъ въ бракъ съ Австрійскою Эрцгерцогинею Конспанціею, Гонсвѣскій имѣлъ еще порученіе увѣдомить Самозванца о пронесшемся въ Польшѣ слухѣ, что Борисъ Годуновъ еще живъ и находится въ Англии. Объявляя всякое нужное содѣйствіе Польши, для внутренняго успокоенія Россіи, онъ требовалъ взаимности со стороны Царя въ отношеніи къ Польшѣ, и просилъ его не дружитья со Швеціею и предоставить Полякамъ такой же свободный торгъ во всей Россіи, каковымъ пользуются Русскіе въ Польшѣ. Посланнику отвѣчали, что слухъ о Годуновѣ не имѣетъ никакой основательности, что Польскимъ купцамъ будетъ свободный пропускъ по всему Государству, но что нельзя еще вполне удовлетворить желанію Короля касательно Швеціи, потому что хотя Царь и гнушается пресупными дѣйствіями похитителя Шведскаго престола, однако не можетъ присупить къ настоящему разрыву съ нимъ, пока не увѣрился въ истинной пріязни къ себѣ Короля Сигизмунда, который, уменьшая шишуль Государя Россійскаго, подавалъ поводъ сомнѣваться въ своемъ добро-

Тайная рѣчь
Гонсвѣскаго
и отвѣтъ на
оную.

жадательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, Король въ письмѣ своемъ не называлъ Лжедимишрїя Царемъ, а только Господаремъ и Великимъ Княземъ *. Сіе щвътъ богѣ оскорбляло Самованца, что даже иишуль Царскій казался не довольно пышнымъ для сего, вчаспїемъ возжелѣвшаго пришельца. Онъ самъ себя называлъ непобѣдимымъ Цесаремъ, и домогался сего именованїя и оиъ иноснранныхъ дворовъ.

Въ слѣдъ за Гонсѣвскимъ прїѣхалъ также въ Москву съ поздравленїемъ оиъ Папы Павла V посланникъ, Графъ Александръ Рангони, племянникъ Папскаго Нунція въ Польшѣ, первоначально споль много содѣйствовавшаго успѣху предпрїятїя Лжедимишрїева. Необычайная довѣренность Короля Сигизмунда къ его дяди была уже довольно завѣсна Самованцу, и пошому онъ рѣшился, не обвинуясь, объяснившись съ Графомъ по предмету сношенїй своихъ съ Польшею и просишь его шайно предспавишь Королю, что не смотря на возникшїя между ними взаимныя неудовольствїя, онъ ни когда не забудетъ прежнїа Сигнамундовы милоспїи, что Король съ своей стороны не долженъ шребовашъ условленной уступки городовъ, до шѣхъ поръ, пока не ушвердился власпъ новаго Царя досташочно для безопаснаго и безпрѣятспвеннаго исполненїя сей спашпїи, неминуемо долженспву-

* Смотри Приложенїя № XII.

ющей огорчили Россіянъ, и наконецъ, что хотя онъ и помышленія не имѣлъ воевать съ Польшею за шишуль, но никогда не откажется отъ слѣдующей ему почести, и будешь ожидать справедливаго удовлетворенія отъ дружескаго къ себѣ расположенія Короля *.

Между тѣмъ Власевъ, уже отправившійся въ Польшу, продолжалъ путь свой, и прибывъ въ Краковъ 30-го Октябля, остановился въ домѣ у ^{Девянкъ} воеводы Сендомирскаго. 4-го Ноября онъ имѣлъ ^{Марини.} торжественную аудіенцію у Короля, коему вручивъ грамоту Самозванцеву, свидѣльствовалъ о желаніи Государа своего вступить въ тѣсный союзъ съ Польшею въ особенности прошивъ Турокъ; на второй же аудіенціи, данной ему черезъ три дня спустя, онъ просилъ Сигизмунда, позволить бракъ Лжедимитрія съ Мариною Миншквою, на что Король пошчасъ же изъявилъ свое согласіе.

Но такъ какъ въ то же время прибылъ въ Краковъ посланный изъ Москвы отъ Царицы Марыи Шведъ, то Сигизмундъ не упалъ отъ Мни- ^{Жолтвскаго} ^{рукопись.} шка привезенное имъ извѣстіе объ опреченіи самой Царицы отъ мнимаго сына. Не смотря на важность сего свидѣльства, честолюбивый вое-

* Смотри Приложенія № XIII.

Диспантъ
Маринъ.

Намъ свѣтъ.

вода пренебрегъ онымъ, и напрошивъ того рѣшился поспѣшить обрученіемъ своей дочери. По прѣздѣ Власьева, Марины еще не было въ Краковѣ. Она съ машерью своею прибыла туда 9-го Ноября, а 12-го совершилось обрученіе съ большою пышностію, въ присутствіи самого Короля. Священнодѣйствовалъ, по Лашинскому обряду, Кардиналъ Маціовскій, Епископъ Краковскій. При семъ случаѣ Власевъ, по происхожденію своему человекъ не знашній, не умѣлъ сохранишь достоинство высокаго сана, въ который былъ облеченъ по прихоти или по довѣрію Самозванца, и оказывалъ подобоспращіе, простиравшееся до грубѣйшей простоты. Такъ на примѣръ, на обычный вопросъ Кардинала, не давалъ ли прежде Царь обѣщанія жениться иной невѣстѣ, онъ отвѣчалъ: *А какъ какъ знать? о томъ не имѣю ни какого порученія.* Только по наспоянію прислужниковъ своихъ рѣшился примолвить: *Если бы обѣщали другой невѣстѣ, то не смѣлъ бы меня сюда.* Когда дошло до перемѣны колца, то посланникъ вынулъ изъ малаго ларчика перстень съ голубымъ алмазомъ, величиною съ хорошую вишню, и подалъ Кардиналу, который надѣлъ оной Маринѣ на палецъ. Кардиналъ хотѣлъ также невѣстѣ перстень надѣсть на палецъ представляющаго лице Димитрія, посланника. Власевъ, не

шолько не дозволилъ сего, но даже отказался принять перстень въ голыя руки, а просилъ Епископа опустивъ оный въ шопъ же ларчикъ, въ кошорокъ принесенъ былъ Царскій алмазь. Продолжая причудничать, посланникъ, когда по приглашенію Кардинала долженъ былъ взять руку Марины, хотѣлъ непременно обернуть свою въ чистый плашокъ, и не безъ труда успѣли увѣрить его, что обрядъ требовалъ, чтобы онъ съ невестою сплелъ рука въ руку. По совершеніи обрученія, посланникъ кланялся въ землю передъ невестою. Богашство поднесенныхъ имъ при семъ случаѣ даровъ взумило самыхъ роскошныхъ Поляковъ *.

Послѣ обрученія, воевода Сендомирскій угощалъ всѣхъ присутствующихъ великолѣпнымъ обѣдомъ. Намѣстича. За особымъ споломъ съѣли Король, невеста, Сигизмундова сестра Королева Шведская, Королевичъ Владиславъ, Русскій посланникъ, Папскій Нунцій и Кардиналъ Маціевскій. Прежде кушанья всѣмъ имъ подали воды для умовенія рукъ; одинъ Власевъ не хотѣлъ умыться. Также замѣтили, что онъ ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣба съ солью, и щцательно оберегался, чтобы плашь его не касалось плашья сидѣвшей подлѣ него Марины. Напрасно Король посылалъ уговаривать его, чтобы

* Смотри Приложенія № XIV.

дѣлъ; онъ оспозвался, что неприспойно холопу вѣспъ при шакихъ высокихъ особахъ, и что ему и по велика честь смошрѣшь, какъ они кушаютъ. За обѣдомъ слѣдовали пляски, копорья началъ самъ Король съ невѣсною. Наконецъ Воевода Сендомирскій приказалъ дочери своей преклонить колѣна передъ Королемъ и благодарить его за всѣ его милости. Сигизмундъ, вспавъ съ своего мѣспа, и скинувъ шапку, поднялъ Марину. Попомъ надѣвъ опяшь шапку, говорилъ ей слѣдующую рѣчь: *Ваша милость отъѣзжаетъ въ чужую землю, къ иноземному народу, къ обрученному жениху, который, по Божіей волѣ и по нашей милости, достигъ тамошняго престола! Когда, ваша милость, будете тамъ, прошу васъ, ради Бога, не оставляйте умножать и укрѣплять хвалу Божію и миръ съ нами и съ тою державою, въ которой вы родились и въ которой оставляете отца, братьевъ, сестеръ и родственниковъ своихъ. Ваша милость и будущему супругу своему напоминайте, чтобы онъ не забывалъ нашу благосклонность и наше содѣйствіе, исполнялъ данныя намъ и нашей державѣ обѣщанія, утвержденныя его присягою, и не только во всю жизнь оказывалъ бы намъ благорасположеніе и дружество, но даже передалъ бы чувства сіи и могущимъ родиться у него дѣтямъ. Невѣсна ошвѣчала: Стану молить Бога, дабы будущій господинъ*

мой супругъ, умѣлъ угодить Богу и умножатъ его хвалу и служеніе, и властью съ тѣмъ оказывалъ Королю, вашей милости, и державѣ Польской должную признательность за изліяныя на него милости и одолженія... Тупыя слезы прервали ея слова. Кардиналъ Маціовскій продолжалъ благодарить Короля, опть имени ея и воеводы Сендомирскаго.

На другой день былъ отпущекъ посланнику. Канцлеръ Лишовскій объявилъ ему, что Король черезъ него поздравляетъ Царя съ благополучнымъ обрученіемъ, а что въ разсужденіи союза прошивъ Турокъ, нужно будетъ, по дальнѣйшимъ сношеніямъ обстоятельнѣе уговориться. Власевъ, не смотря на свое невѣжество и на преданность свою Акедимирію, былъ Русскимъ въ сердцѣ и ненавидѣлъ Поляковъ. Такъ какъ при отпущекъ его, Канцлеръ называлъ Государя Россійскаго только Великимъ Княземъ, то Власевъ не упустилъ жаловаться на сіе. Также онъ оскорблялся и тѣмъ, что на канунъ невѣста Царская кланялась въ землю Королю. Ему отвѣчали, что пока Марина не покинетъ Польскаго края, она не преспанетъ быть подданною Короля.

23-го Ноября Марина отправилась въ Промникъ, замокъ, лежащій въ 5-ти верстахъ отъ Кракова, гдѣ должна была оставаться, пока опецъ ея

не успроишь дѣлъ своихъ въ Краковъ. Напрасно Власевъ увѣщевалъ Миншка не медлить отъѣздомъ своимъ въ Россію; воевода опшзывался неимѣніемъ денегъ на подъемъ и на расплашу съ многочисленными заимодавцами своими. Хотя посланникъ имѣлъ повелѣніе самъ провожашъ невѣсту до Москвы, однако для удобности въ перевздѣ уговорились, чшобы онъ одинъ отправился впередъ и ожидалъ Миншковъ въ Слонимѣ, куда они обшзали прибыть пошчасъ по полученіи ожидаемыхъ ими отъ Самозванца пособій. На первый

Письмо Миншка къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Декабря 1605.

случай Власевъ рѣшился самъ ему дать 14,000 Польскихъ злотыхъ (поже пшнвшнихъ серебряныхъ рублей) да суконъ и мѣховъ, взятыхъ у Русскихъ купцовъ въ Люблинѣ, на 12,400 злотыхъ.

Съ своей стороны, Лжедмитрій еще до полученія извѣстія о совершеніи обрученія, послалъ въ Краковъ съ секретаремъ своимъ, Яномъ Бучинскимъ, 200,000 злотыхъ для врученія ихъ воеводѣ Сендомирскому. Кажется, что разсприга, не смотря на вшренность свою, самъ постигалъ, чшо благоразуміе прешовало, чшобы Марина, по прибытіи своемъ въ Москву, хотя по наружности, сообразовалась съ обычаями и церковными обрядами Русской земли. Въ данномъ Бучинскому наказѣ, онъ предписывалъ ему наспанывать, чшобы невѣста его не убирала себѣ волосъ, и чшобы Папскій Нунцій доз-

Грамота Лжедмитрія къ Миншку изъ Москвы отъ 5-го Ноября 1605.

Наказъ Бучинскому.

волею ей въ день вѣнчанія принявъ причастіе отъ Патріарха, постышья въ Середу въспо Субботы и ходишь иногда въ Греческую церковь, что не могло ей служишь препяшствіемъ исполняшь во внутренности покоевъ своихъ всѣ обряды исповѣдываемой ею Лашинской вѣры.

Бучинскій, прибывшій въ Краковъ 24-го Декабря, не успѣвъ склонить Рангони на просимую Самозванцемъ спиходительность. Хотя Езуиты, всегда руководимыя свѣтскою мудростию, и охотно допускають единовѣрцевъ своихъ къ свящухульному лицемѣрью, когда сіе оклзывается для нихъ нужнымъ или выгоднымъ, но вѣролпно въ семъ случаѣ они почли несобходимымъ вынудить Лжедимитрія явнымъ дѣйствіемъ сдѣлашь первый присупъ къ обѣщанной имъ перемѣнѣ вѣры въ своемъ Государствѣ, и такимъ образомъ снова возбудишь видимо охладѣвшую въ немъ ревность къ папешству. Въ самомъ дѣлѣ разсприга, принявшій Римскій законъ не по убѣжденію, а единственнo въ угодность лицъ, отъ коихъ зависѣла тогда его участь, не шоренился исполненіемъ опаснаго предпріятія. Можетъ бышь, видя искреннюю и глубокую преданность Русскихъ къ старинному своему исповѣданію, рѣшился бы онъ и совѣтъ оставишь ихъ при ономъ, но боялся оскорбишь Короля Сигизмунда и лишишь пре-

споль свой надежнѣйшей опоры, копорую находилъ только въ содѣйствіи Польши. По крайней мѣрѣ искалъ выиграть время, и на всѣ подстрекашества Римскаго духовенства опшывался что такое великое дѣло не можешь бытъ совершено безъ предварительныхъ приугошвленій.

Письмо Самозванца къ Папѣ Павлу V-му изъ Москвы отъ Декабря 1605 и Нунція Рангош къ Самозванцу изъ Кракова отъ 3-го Февраля 1606.

Недовольные сею медлительностію Езуиты склонили Нунція опшвѣчать Самозванцу, что онъ долженъ непременно, силою самодержавной власти своей, оградить нарѣченную супругу отъ всякаго принужденія по предмету исполненія обрядовъ исповѣдуемой ею вѣры.

Дневникъ Маршала.

Лжедмитрій, извѣстившись о обрученіи Марины, послалъ съ благодарительными письмами къ Королю и къ Миньку гонца, Ивана Безобразова, копорый прибылъ въ Краковъ 4-го Января, началъ исполненіемъ главнаго своего порученія. Но гораздо важнѣйшее дѣло было еще тайно ввѣрено Безобразову. Онъ пользовался всею довѣренностію Князя Шуйскаго, по совѣту коего Самозванецъ отправилъ его въ Польшу. Шуйскій, полагаясь на его благоразуміе и на приверженность его къ себѣ, приказалъ ему довести до свѣдѣнія Короля о неудовольствіи Бояръ противъ Самозванца. Въ слѣдствіе сего, Безобразовъ просилъ тайно переговорить съ Канцлеромъ Липовскимъ Салтгою, но Король нашелъ, что важности

Рукопись Жолкевскаго.

сана, занимаемаго Сапѣгою, слишкомъ обращала на него общее вниманіе, и что пошому шрудно было бы сокрышь свиданіе съ нимъ ошѣ Бучинскаго и Русскихъ чиновниковъ, въ Краковѣ находящихся. Уговорились, чтообы вмѣсно Сапѣги, гонецъ открылся ворошившемуся изъ Москвы Гонсѣвскому. Безобразовъ объявль ему, что Шуйскіе и Голицыны негодуюшъ на Короля, давшего имъ въ Государи челоѡвка нрава легкомысленнаго и свойспвъ низкихъ; кошорый предаваясь суровосши, распушспству и распочншельносши, какъ будшо самъ спараяспся оказашъ себя недоспойнымъ Царскаго вѣнца; что они рѣшились изыскивашъ средспва избавишся ошѣ него, и что наконецъ онъ шакъ имъ несноснымъ казался, что лучше бы хопѣли вмѣсно его видѣшъ на Московскомъ прешполѣ Сигизмундова сына, Королевича Владислава. Сіе неожиданное предложеніе породило, на пагубу Россіи, въ умѣ Сигизмунда мысль со временемъ воспользовашся онымъ для удовлетшворенія врожденнаго въ немъ шщеславія. Однако онъ не посмѣлъ еше, по первому вызову, войши въ дальнѣйшія сношенія по сему предмету съ Русскими вельможами, и пошому приказалъ опвѣчашъ имъ, что прискорбно ему слышашъ, какъ неиспово ведешъ себя пошѣ, кошораго дошолъ онъ почишалъ наспоаящимъ Димитріемъ, что онъ нисколь-

ко не намѣренъ препятствовать имъ дѣйстви-
вашь проптивъ него, какъ заблагоразсудитъ, и
что наконецъ, касательно сына своего, шакъ шакъ
онъ самъ имѣетъ за правило не увлекаться вла-
столюбіемъ, шо желаетъ, чтобы шакowego же
умѣренностію руководствовался и Владиславъ,
предавая впрочемъ будущность волю Божіей. Изъ
сего двусмысленнаго опъзыва Безобразовъ заклю-
чить долженъ былъ, что по крайней мѣрѣ Си-
гизмундъ не будетъ стоять за Самозванца, —
обстоятельство важное для успѣха въ замышля-
емомъ заговорѣ.

Хотя Король, Сапѣга и Гонсѣвскій не нару-
шили даннаго ими обѣщанія, не оглашать вѣ-
ренной имъ шайны, но какъ сіе довольно обыкно-
венно бываетъ въ дѣлахъ шакого рода, слабій и
неопредѣлишесльный опголосокъ Русскихъ жалобъ,
раздался по Кракову, и дошелъ даже до Бучинска-
го, который писалъ Дзедимирію, что худая
молва разносилась о немъ въ Польшѣ, что гордые
паны сильно негодуютъ на него за домогатель-
ства его о новомъ шинулѣ, и что одинъ изъ
нихъ, а именно воевода Познанскій, не обвиняетъ
говорятъ о смѣходостойной надменности, съ ка-
кою онъ самъ себя называлъ *непобѣдимымъ* и

Письмо Бу-
чинскаго къ
Дзедимирію
изъ Кра-
кова отъ Ян-
варя 1606.

также о томъ, что въ самой Москвѣ уже дога-
дываются, что онъ за человекъ.

Казалось что значная сумма денег, привезенная Бучинским Мишку, не оставляла никакого предлога воеводѣ еще мѣшкачь своимъ опѣвдомъ въ Россію. Дѣйствительно, Марина выѣхала изъ Промиска 11-го Января 1606 года, но вмѣсто того чинобы направилъсь прямымъ путемъ, черезъ Сандомиръ, Люблинъ и Брестъ къ Слониму, гдѣ ее ожидалъ Власевъ, она повѣхала съ опцемъ своимъ въ имѣніе его Самборъ. Открылись обоюдныя неудовольствія. Самозванецъ оскорблялся, что невѣста его не опѣвчаетъ на его письма и не оказываецъ ни малѣйшей готовности поспѣшатъ къ нему. Мишкь съ своей стороны жаловался, что присланные деньги не достапочно ему для уплаты долговъ своихъ, и выговаривалъ разспригъ, что держитъ у себя въ наложницахъ Царевну Ксенію. По послѣднему предмету Лжедимириій шѣмъ охотнѣе согласился сдѣлать ему должное удовлетвореніе, что онъ скучалъ уже Ксенію. Постриженная подъ именемъ Ольги, она была отправлена въ монастырь, гдѣ печальная жизнь ея продолжалась еще 16 лѣтъ. Безъ невольнаго содроганія нельзя помыслить объ ужасныхъ превратностяхъ ея судьбины. Одаренная отъ природы необычайною красотою и привлекательными свойствами ума и сердца, она цвѣла беззаботно подъ сѣнію родительской любви. Все предвѣщало ей блистатель-

Дневникъ
Маринья

Письмо Ста-
пислава Бу-
чинскаго къ
Мишку изъ
Москвы отъ
27-го Декаб-
ря 1605.

Грамота
Лжедими-
риіа тому же
изъ Москвы
отъ 29-го Ян-
варя 1606.

Письмо
Мишка къ
Самозванцу
изъ Кракова
отъ 25-го Де-
кабря 1605,
изъ Минска
отъ 4-го

Апрѣля и изъ
Борисова отъ
8 го Апрѣля
1606.

Надгробная
надпись въ
Троицко-
Сергіевомъ
монастырѣ.

ную будущность. Уже попечительный Борисъ располагался навсегда упрочить ея благоденствіе, присканіемъ для нее доспойнаго жениха. Выборъ его палъ на юнаго Герцога Іоанна, роднаго брата Христиана IV Короля Датскаго. Герцогъ, саношный и радушный вишязъ, понравился Царевнѣ, которая весело ожидала брака. Но не на радость обречена была Ксенія! Первымъ испытаніемъ было для нее болѣзнь и кончина жениха. За симъ ударомъ рока слѣдовали еще лютеѣшіе. Переживъ гибель отца, матери и брата, прелестная дѣва вынужденною была позорно удовлетворять пресупнымъ желаніямъ убійцы милого сердцу ея ближнихъ. Кпо можетъ исчислить душевныя перзанія ея въ объятіяхъ злодѣя! Къ довершенію ея бѣдсвій, смерть не спѣшила положить конецъ ея спраданіямъ, и осужденная влечетъ жизнь свою еще многіе годы, она долго помилась воспоминаніями о постыдной и горестной участи своей. Неисповѣдимый гнѣвъ Божій спрашно разражался надъ несчастнымъ семействомъ злодѣйски власполюбиваго Бориса.

Однако Мнишекъ все еще оспавался въ Самборѣ, или дѣйствительно занимаясь необходимыми пригшвленіями, для снаряженія огромной своей свиты, или успрашенный и до него доходившимъ опголоскомъ Московскихъ шолковъ. Власевъ,

богѣ мѣсяца бесполезно ожидавшій его съ невѣ-
спію въ Слонимѣ, рѣшился наконецъ самъ ѣхать
къ нему въ Самборъ, дабы лично объяснить, что ^{Давидъ} ^{Маринъ}
дальнѣйшее мешканье, раздраживъ Самозванца, мо-
жетъ быть вредно для общенныхъ его выгодъ.
На сей разъ его увѣщанія не остались безуспѣш-
ными. Марина выѣхала изъ Самбора 20-го Фе-
враля, въ сопровожденіи опца, брата, Власьева,
Бучинскаго и множества родныхъ и знакомыхъ
своихъ.

Хотя весенняя распушица и трудность продо-
вольствія для многочисленной свиты всѣхъ сихъ
пановъ, представляли большія препятствія въ пу-
ти, однако огромный обозъ подвигался довольно
поспѣшно по направленію Люблина, Слонима,
Минска и Орши. Дорогою Мнишекъ получилъ
еще изъ Россіи 35,000 злотыхъ (по же нынѣш-
нихъ серебряныхъ рублей), да кромѣ того Само-
званецъ прислалъ Маринѣ 5,000 червонцевъ. — Въ
слѣдъ за невѣспію, Король Сигизмундъ отправилъ ^{Письмо Са-}
дакже въ Москву великихъ пословъ своихъ, Ни- ^{мозванца къ}
козя Одесницкаго Кашчеляна Малагоскаго, и ^{Бучинскому}
бывшаго уже въ Россіи, Александра Гонсѣвскаго, ^{изъ Москвы}
^н ^{отъ 28-го}
^{Февраля}
^{1606.}
спаросшу Велижскаго.

Пока все сіе происходило въ Польшѣ, безраз-
судность Лжедмитрія все богѣ и богѣ умно-
жала негодованіе Русскихъ и подозрѣнія ихъ на счетъ

его самозванства. Съ безпокойствомъ замѣчали
что онъ посѣщая другія церкви и обители, ни
когда не бывалъ въ Чудовъ монастырь, къ коему
вѣрные предки его имѣли всегда особенное благоговѣніе. Также шептали между собою, что Пафнуцій, Митрополитъ Крутицкій, бывший Архимандритомъ въ Чудовъ, когда монашествовалъ тамъ Опрельевъ, хорошо узналъ подъ Царскимъ вѣнцомъ юнаго инока своего, но молчалъ единственно отъ страха.

Légende de la
vie et de la
mort de De-
metrius.

Александръ, извѣщенный о неблагопріятномъ для него народномъ говорѣ, и соображая оный съ полученными имъ предостереженіями изъ Польши отъ Мишка и Бучинскаго, призналъ необходимымъ оплошиться прежнюю довѣрчивость свою. Не смѣя уже полагаться на любовь подданныхъ, онъ вздумалъ, для удержанія ихъ въ повиновеніи, усилить власть свою особенною преданностію къ себѣ военныхъ людей. Въ семъ намѣреніи, онъ сталъ опмѣнно ласкать и награждать стрѣльцевъ, въ Москвѣ находящихся. Но и сего не почиталъ онъ достапчнымъ для личной безопасности своей. Стрѣльцы были Русскіе, и потому, не смотря на всѣ милости его, могли бытъ увлечены общимъ мнѣніемъ своихъ соотечественниковъ. Еще надежнѣе ему казалось окружить себя иноземными пѣлохранильцами. Въ Январѣ

Беръ и Мар-
жереть.

1606 года онъ набралъ 300 Нѣмцовъ и раздѣлилъ ихъ на три сотни, изъ коихъ одна стрѣлковая, была подъ начальствомъ Француза Маржереша; другіе двѣ состояли изъ алебардчиковъ, и имѣли начальниками Лифляндца Кнупсена и Шотландца Вандемана. Всѣ они получали большое жалованье, были богато одѣшны и смѣнялись черезъ сущи, такъ что ежедневно половина изъ нихъ находилась бесплатно при Лжедмитріѣ. Даже когда Самозванецъ ѣздилъ по улицамъ, то и пущъ всегда являлся окруженнымъ семи иноземными Палачами, которые не допускали къ нему и самихъ Русскихъ бояръ, вынужденныхъ слѣдовать за ними.

Разсприга, полагая, что совершенно обезопасилъ свою особу, почти ни о чемъ болѣе не спалъ помышлялъ, какъ о весельи и забавахъ. Во дворцѣ не преспавали пляски, музыка и игра въ зѣрнь. Всякой день долженъ былъ казаться праздничнымъ. Въ угожденіе ему не только вельможи, но даже и простолюдины вынуждены были не по сословію своему шарапиться на наряды. Никто въ скромной одеждѣ къ нему доступна не шлъ; даже и на улицахъ онъ не любилъ встрѣчать людей не въ богатыхъ нарядахъ. Самозванецъ думалъ, что наружная веселость означаетъ благоденствіе народное.

Маргаретъ. Легкомысліе его по крайней мѣрѣ не всегда оказывалось злоправнымъ. Годуновъ, во все время своего могущества, не дозволялъ женицца Князь-ямъ Федору Ивановичу Мстиславскому и Василию Ивановичу Шуйскому, дабы не умножась уваженія, копорымъ они пользовались въ народѣ, и копорое и безъ того уже казалось ему нѣсколько опаснымъ. Князья сии, хотя въ преклонныхъ лѣтцахъ, скучали своимъ одиночествомъ. Они просили Самозванца не преняшесивовашь имъ вшупищъ въ бракъ. Ажедминпрій имъ охоще согласился удовлетворить ихъ желанію, чтоо при семъ ошкрывался новый случай къ любимымъ имъ пршеспвамъ. Князь Мстиславскій взялъ въ супружешшо двоюродную сешпру Царицы Марѣы, а Князь Шуйскій помолвилъ на Княжнѣ Буйносовой, также свойшвенницѣ Нагихъ.

Ушвопая въ забавахъ, Самозванецъ не менше чтоо помышлялъ и о воинской славѣ. Успяхъ борьбы его съ Борисомъ, хотя единшвенно основанный на измѣнѣ, такъ усшилъ врожденную въ немъ самонадѣянность, чтоо онъ дѣйствительншо почишалъ себя непобѣдимымъ, и хотѣлъ всему свѣщу выказашь свое богашырешшо. Въ то время Турецкая Имперія была еще во всей полнотѣ своего могущества, и сношенія ея съ Россією, хотя не со-всѣмъ пріязненныя, не подавали однако повода къ

вному разрыву. Не смотря на сіе Лжедмитрій, изъ одного самоквальства, гошвился объявить войну Опшюманской Поршѣ, не жалѣя важныхъ пожертвованій, конемъ безъ нужды подвергалъ свое государство. Разосланы были повелѣнія для сбора, но веснѣ, значительнаго войска у Ельца, куда уже ^{Палачи.} везли множество пушекъ. Другая рать, плавная, назначалась для спуска по Дону. Выспѣ съ шѣмъ, Лжедмитрій искалъ содѣйствія прочихъ державъ, естествоственныхъ съ Турками. Порша уже вела войну съ Шахомъ Персидскимъ за Грузію, и съ Римскимъ Императоромъ за Венгрію и Сѣмьградскую землю; но Императоръ оказывалъ большую наклонность къ примиренію. Лжедмитрій назначилъ посольство къ Шаху, чшобы уговориться съ нимъ о обоюдныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго непріателя, а съ другой стороны онъ писалъ къ Папѣ, ^{Письмо Рагони къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Февраля 1606.} прося его ходатайства не только на удержаніе Императора отъ преждевременнаго мира, но даже на побужденіе его къ заключенію шѣснаго насупашельнаго союза съ Польшею и Россією, для подавленія вѣчнаго врага христіанства. Но Польскій Король уклонился отъ участвія въ семъ предпріятіи подъ предлогомъ, чшо по врожденному опшращенію не легко Полякамъ дружить съ Нѣмцами, и чшо не вѣроятно, чшобы всѣ Имперскіе чины согласились принять обязательство не только со-

вокупными силами поддерживать Императора, но даже ни въ какомъ случаѣ опдѣльно ошъ Польши не мириться съ Поршою, безъ каковаго завѣренія Польша подверглась бы опасности—быть оставленною на жертву Туркамъ. Папскій Нуцій Рангони, извѣщая Самозванца о семъ Сигизмундовомъ опзывъ, писалъ къ нему, что въ сихъ обшопельствахъ Папа находитъ полезнымъ ограничиться обращеніемъ Русскихъ и Польскихъ силъ на испребленіе Крымскихъ Татаръ, чѣмъ, шакъ сказашъ, обрѣжуща крылья у Порты, и слѣдственно нанесешся ей сильный ударъ, съ соблюденіемъ прямыхъ выгодъ обшихъ участвующихъ въ семъ подвигѣ Государствъ, копорымъ не предспавлялось другаго средства для обезопасенія навсегда предѣловъ своихъ ошъ безпреспанныхъ хищническихъ нападений гнусно-безпокойныхъ сосѣдей сихъ. Въ семъ же смыслѣ Рангони объяснялся и съ Поляками на собранномъ въ Краковѣ сеймѣ. Должно признаться, что Папское предложеніе было основано на благоразумныхъ и дальновидныхъ соображеніяхъ, но оно, кажешся, не поправилося разспригъ, копорый въ затѣваемомъ имъ предпріятіи искалъ не наспоющихъ выгодъ Россіи, но выказыванія на обширномъ поприщѣ своихъ рашныхъ качествъ.

Намѣреніе его было начать походъ взлпшемъ

Азова. Дабы ознакомить главных Русских военачальников съ осаднымъ искусствомъ, онъ приказалъ обвѣстить ледяною крѣпостью Вязюмской Бергъ-монашпырь, лежащей въ 57-ми верстахъ отъ Москвы, и прибылъ шуда съ Нѣмецкими пѣхотниками, двумя опрядами Польской конницы и всеми боярами и значными чиновниками Русскими. Защищать крѣпость поручено было Русскимъ, а Самозванецъ самъ повелъ Нѣмцевъ на приступъ. Съ обѣихъ сторонъ свѣжые комы должны были замѣнять оружіе; но Нѣмцы, избалованные всегда оказываемою имъ Лжедимириемъ пощачкою, превратили пошву въ кровавую драку. Они вытѣснѣ съ свѣгомъ спали бросать въ Русскихъ камни, и переранили многихъ бояръ. При столь неравномъ бою, не трудно было одолѣть защитниковъ крѣпости. Разсвѣта первый ворвался въ оную, и воскликнулъ: *Дай Боже взять со времени твою же образы и Азовъ!* Подали всѣмъ пива, меду и вина, а между тѣмъ Самозванецъ велѣлъ готовиться къ продолженію рашной пошвы, но ему донесли, что Рускіе, ожесточенные варолюмомъ Нѣмцевъ, зажапося для одищеніи длинными ножами. Успрашенный Царь приказалъ прекратить эту игру и возвратился въ Москву. Пренебрегая ослѣдними признаками народнаго

къ себѣ охлажденія, Ажедимишрій, какъ будто
умышленно, изыскивалъ новыя средства къ воз-
бужденію противъ себя всѣхъ сословія. Самое много
въ Россіи тогда уважаемое духовенство не избѣ-
ло его притѣсненій, сопряженныхъ съ явнымъ и
оскорбительнымъ нарушеніемъ правъ собственности.
Арбапскіе и Чернопольскіе священники были
выгнаны изъ своихъ домовъ, для помѣщенія въ
оныхъ Нѣмецкихъ пѣлохранителей, коихъ Са-
мозванецъ хотѣлъ имѣть даже и въ службы по
близости Кремля. Но симъ частнымъ угнѣщеніемъ
духовныхъ лицъ не ограничился Ажедимишрій. На
приготовленія къ замышляемому имъ походу тре-
бовались издержки, для коихъ уже не доставало
безупечно испощенной имъ Царской казны. Для
полненія оной, сперва онъ занималъ безвозврати-
но деньги въ богатыхъ монастыряхъ, а наконецъ
рѣшился захватить монастырскія имѣнія. По при-
казанію его всѣ общины были осматрѣны, и со-
ставляемы вѣдомости о ихъ доходахъ и о цѣнно-
сти ихъ вѣщинъ, изъ коихъ за ними оставлены
только необходимыя для содержанія монаховъ, всѣ
прочія были отобраны въ казну, а доходы съ нихъ
обращены на жалованье собирающемуся войску.
Мъры сіи, совершенно противныя духу време-
ни, умножали раздраженіе умовъ противъ Само-
званца и придавали новый вѣсъ разносившейся о

Грассенбрухъ,
Légende et
Беръ.

немъ худой молвъ. Лжедмитрій, уже оплохнѣвшій прежнею милосердіею, тайно, но жестоко, наказывалъ грѣхъ, кои называли его разспригою. Многихъ изъ нихъ заключали въ шенницы; другихъ Палицы же шопили въ ночное время. Но безпреспанно являлись новые обличители, которые, съ безспрашнемъ повшорая рѣчи прежнихъ, волновали народъ, указывая въ особенності на наклонности Самозванцеву къ пренебреженію церковныхъ обрядовъ и правъ духовенства. Даже среди самихъ стрѣльцовъ, весьма имъ ласкаемыхъ, нашлись люди, которые порицали его въ разореніи православной вѣры. Одинъ изъ нихъ шоварищей донесъ о шомъ Басманову, а Басмановъ самому Лжедмитрію, который, призвавъ во дворецъ Стрѣльцевъ всѣхъ приказовъ, поставилъ передъ ними обвиняемыхъ, числомъ семь человекъ, и жаловался на ихъ дерзновеніе. Тогда Стрѣлецкій голова Григорій Микулинъ, подученный Самозванцемъ, воскликнулъ: *Осободи, Государь, мнѣ, я ч ть твоихъ Государевыхъ* Никоновская Лѣтопись, и показаніа Буцискихъ въ Мѣя 1606.

измѣтниковъ не только это головы покусано, и черва изъ нихъ своими зубами повилакано. Сказавъ сіе, Микулинъ магнулъ стрѣльцамъ, которые въ доказательство своей преданности бросились на несчастныхъ, и всѣхъ семерыхъ изрубилъ въ куски. За сей достойный палача подвигъ Микулинъ былъ пожалованъ въ думные дьяки.

Въ то же время подвергнулся опалъ просподу-
нный слѣпецъ, Царь Симеонъ. Сей Ташаринъ по
роду, былъ Русскимъ по сердцу и по духовному
убѣжденію. Благодарность къ Самозванцу, ворошив-
шему его изъ ссылки, заглумалась въ немъ омер-
зевіемъ, внушаемомъ ему опшупленіями Лжеди-
мишрїа ошъ обрядовъ церковныхъ и свѣпекнхъ
Русскаго народа. Онъ въ бесѣдахъ своихъ, увѣще-
валъ посвѣщавшихъ его, не предаваться папѣжскимъ
новизнамъ и крѣпко споялъ за православіе. Раз-
гнѣванный Самозванецъ сослалъ его въ Кирилловъ
монашпырь, гдѣ онъ былъ посирженъ подъ име-
немъ Спсфана.

Никонская
Лѣтопись и
Грамота
Лжедмитрія
въ Кирилловъ
монашпырь
отъ 29-го
Марта 1606.

Спругоспн сіи не удерживали ревннпелей о
вѣрѣ, копорые по примѣру первыхъ спрадалъцевъ
за правду, смѣло проповѣдывали оную. Замѣчатель-
нѣйшимъ изъ нихъ явлїа дьякъ Тимофей Осн-
повъ; сей мужъ по добродѣтели своей всѣмъ ува-
жаемый, гошовая на опшважное двѣспвіе, говая
и причастнлся Свншыхъ пщнцъ. Пошомъ пошелъ
во дворецъ и донущенный до Самозванца, всенаро-
дно воскликнулъ: *Ты во истнну Гришка Отрепъ-
евъ, разстрига, а не непобднмый Цесарь, ни Царь
сынъ Днмитрій, но аръху рабъ и еретнхъ. Лжеди-
мишрїй, пылая яростію, приказалъ немедленно
умерщвншь Осипова.*

Паднщнхъ

Расположеніе умовъ было уже такъ непрїязненно

для Самозванца, что не только смелые спраспо-
шерцы, но даже самые уклонные царедворцы какъ
бы напрашивались на гнѣвъ его. Вѣрнѣйшимъ при-
знакомъ близкаго паденія правителей бываетъ то,
когда заслуженная опъ нихъ опала возвышаетъ
людей въ общемъ мнѣнн, и дѣлается предметомъ
желаннй честолюбцевъ. Думный дворянинъ, Михай-
ло Игнашьевичъ Тапищевъ, всегда считался пре-
даннымъ изъ слугъ Лжедимишрн, но и онъ, Маржереть и
сказанн еже
содѣлся. послѣ умерщвленн спрѣльцевъ, совершенно пере-
мѣнилъ свое обхожденн съ нимъ, и спалъ оказы-
валъ ему прошивность. Вскорѣ представился Та-
пищеву случай прерѣканнмъ своимъ выславнмъ
Самозванцеву безразсудность съ весьма невыгодной
споронн. За обѣденнымъ споломъ, коимъ въ Чет-
вертъ на шестой недѣль великаго поспа разспри-
га угощали многихъ знатныхъ особъ, подали жа-
реную шеляшину. Князь Василнй Ивановичъ Шуй-
скнй, копорнй также самъ спарался давать воз-
можную гласность неприличнымъ поступкамъ
Лжедимишрн, сказалъ ему, что ѣсть мясо въ
поспѣ прошивно церковному правилу, и что кро-
мѣ шого Русскнн во всякое время гнушаются шеля-
шнмъ мясомъ. Такъ какъ Самозванецъ прннжался
возражать Шуйскому, что Тапищевъ заступился
за Князя, и говорилъ такъ дерзко, что выведен-
ный изъ шерннн Лжедимишрн, приказалъ вы-

гнашь его и даже намѣревался сослать на Вятку. Но Басмановъ, съчасию спаравшійся исправлять по возможности ошибки Лжедимирия, представилъ ему, что наказаніе Ташинцева неминуемо будетъ принято Русскими въ видъ новаго овыня гоненій на приверженниковъ въ уставамъ православной церкви и къ обычаямъ народной старины. На сей разъ Самозванецъ послушался его, и въ день праздника Пасхи Ташинцевъ получилъ прощеніе.

Хотя прощесствія сіи пайно волновали степь, но по наружности она пребывала спокойною, такъ какъ и большая часть Государства, кроме восточныхъ областей онаго, гдѣ открылись важныя неуспройства. Терскіе Козаки, возбужденные примѣромъ шоварицей своихъ, Донцовъ, получившихъ много добычи во время восстанія своего за Лжедимирия, вздумали также искать счастья въ грабительствѣ, въ большомъ размѣрѣ произведенномъ. Сначала думали они идти на Куру-рѣку, громить Турецкихъ подданныхъ,

Грамота Царя Василья Ивановича въ Соль-Вычегодскую изъ Москвы отъ 19-го Октября 1607 и Дѣла Польскія въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

а если удачи шуть не будетъ, то предложивъ услуги свои Персидскому Шаху Аббасу. Но вскорѣ мысли ихъ получили другое направленіе. Мущинаше ихъ зачинщики говорили: *Государь насъ хотѣлъ жаловати, да лихи болре, переводятъ жалованье бояря, да не дадутъ жалованья. Слѣдствіемъ снхъ на-*

уцеленій было, что присла изъ удалѣйшихъ Казаковъ, подъ начальствомъ Апамана Федора Бодырина, условились между собою дать себѣ собиравшаго Государя, именемъ коего они надѣялись придать своимъ безчинствамъ въкопорый видъ законности въ глазахъ просвѣоумной черни. Для исполненія сего новое самозванство казалось имъ вѣрнѣйшимъ орудіемъ, и пошому они спали разглагольствіе, что въ 1592 году Царьца Ирина родила сына Петра, но что Годуновъ, коего власнолюбивые замыслы распространялись появленіемъ законнаго наследника престола, подмѣнилъ Царевича девочкою Феодосією, зокоръ послѣ того скончалася. Митиенники нѣсколько времени колебались въ выборѣ лица, долженствующаго представлять мнимаго Царевича. Два молодые Казацкіе новарники, Аспраханецъ Дмитрій и Муромецъ Ильа, были признаны способными къ сему дѣлу. Но Дмитрій отспрашилъ отъ себя опасную почеснь, опшываясь, что шакъ какъ онъ не бывалъ никогда въ Москвѣ, шо и не имѣетъ никакого понятія ни о тамошнихъ дѣлахъ, ни о Царскихъ обычаяхъ. Уважая сіи причины, общимъ приговоромъ положили Ильа бышь Царевичемъ. Сей юнона, уже съ младенчества вовлеченный въ жизнь вредпринимчивую и спрансивующую, былъ незаконнорожденный сынъ Муромскаго жипселя, Ивана

Коровина. Послѣ смерти его опца и машери, Нижегородскій купецъ Грозилниковъ взялъ его къ себѣ въ Нижній въ сидѣльцы. У Грозилникова онъ осшавался при года, въ шеченіи кошораго времени былъ посыланъ въ Москву, и жилъ тамъ пять мѣсяцевъ. Послѣ того онъ нѣсколько лѣтъ находился въ спруговыхъ батракахъ на Волгѣ, Камѣ и Вяшкѣ, между Нижнимъ, Аспраханью и Хлыновымъ, а въ 1603 году ходилъ въ Казакахъ до Тарковъ при войскѣ окольникаго Бупурлина, посланнаго прошивъ Шамхала Кумыцкаго. Въ Таркахъ онъ нанялся въ спрѣльцы на мѣсто заболѣвшаго племянника одного спрѣлецкаго пяпидесятника. Въ слѣдующемъ году, по возвращеніи въ Терскій городъ изъ сего похода, для Россіянъ и ихъ вождя споль же славнаго сколь и пагубнаго, Илья вошелъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у кошораго и зимовалъ. Лѣпомъ же онъ побхалъ въ Аспрахань и тамъ опянь вспунивъ въ Казаки, опсправился на Терекъ въ опрядѣ Казачьяго Головы Аѳанасія Андреева. Всѣ сіи пожденія ясно показываюптъ, что Илья опъ роду не могло бытъ менѣ 20-ти лѣтъ, а мнимому Царевнчу еще не минуло бы и 14. Но сія лѣпосчислительная несообразность не остановила Бодырина Казаковъ, кошорые опсвели Царевича своего къ Казачьему Апаману, Гаврилъ Пану, живущему въ городѣ на Быспрой, по близоспи

Терскаго города. Терскій воевода, Пепръ Головинъ, извѣстившись о появленіи сего новаго Самозванца, послалъ приглашашъ Казаковъ, чшобы опослалъ его къ нему въ городъ, но Козаки не выдали его и напрошивъ шого немедленно удалились, спушившись на спругахъ до моря, гдѣ осшановились на оспроу, лежащемъ прошиву устья Терска. Тупъ къ первымъ шремъ снамъ мяшежникамъ приспали и всѣ прочіе Терскіе Казаки, съхавшіеся на оспровѣ изъ Юрпъ своихъ. Напрасно довода Головинъ увѣщевалъ ихъ, не обнажашъ граицы и оставишъ по крайней мѣрѣ половину Казаковъ на Теркѣ; они не послушались и всѣ числомъ до 4,000, направились къ Аспрахани. Такъ какъ ихъ не впустили въ сей городъ, шо они миновавъ оный, поплыли вверхъ по Волгѣ, упражнясь въ разбойничестве. Въ особенноти много прешерляли отъ нихъ купцы, шоргующіе черезъ Аспраханъ съ Персією, такъ чшо добычу ихъ цѣнили въ 300,000 рублей (1,000,000 нынѣшнихъ серебряныхъ). Лжедимитрій съ безпокойствомъ расшисывалъ, чшо появленіе новаго обманщика можетъ поселишъ недовѣріе къ прежнему, и пошому почишалъ необходимымъ немедленно искоренишъ соперника. Но Самозванецъ не посмѣлъ открышо дѣйствовашъ прошивъ Самозванца. Разсприга прибѣгнулъ къ лукавству: онъ послалъ

Трепьяка Юрлова, званъ Царевича въ сполнцу и объявивъ ему, что приказано взять нужная мѣры для обезпеченія его продовольствія на пути. Юрловъ заставилъ его въ Самарѣ. Безразсудные Казаки повѣрили, что Опрещевъ гошовъ удалился пресположить съ минимымъ племянникомъ своимъ, и сѣвши наверхъ по Волгѣ двинулись къ Москвѣ.

Описание
Марины.

Въ сіе время сполнца находилась въ ожиданіи пріѣзда Царской невѣсты. Осьмого Апрѣля, Марина вспунила въ предѣлы Россіи, и на мосту ручья, образующаго границу, была встрѣчена чепырьмя Русскими чиновниками. Хотя многіе изъ сопровождавшихъ ее Польскихъ пановъ воропались съ дороги, успрашенные весеннимъ распушествомъ, однако въ свитѣ ея было еще болѣе двухъ тысячъ, по большой часини вооруженныхъ людей, что предспавляло видѣ довольно значительнаго воинскаго опрѣда *. Не довзая Смоленска, въ де-

* *Примѣчаніе.* Прилагаемъ списокъ всѣхъ особъ, въѣхавшихъ въ Россію съ Мариною:

	челов.	лошад.
1. Марина, при ней	251	251
2. Отецъ ея Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій, при немъ	445	411
3. Воеводинъ братъ, староста Красноставскій, при немъ	107	115
4. Воеводинъ зякъ, Князь Константинъ Вишневецкій, при немъ	215	255
5. Воеводинъ сынъ, Янъ Мнишекъ, Староста Сандокій, при немъ	415	411

ревнѣ Лубнѣ, Марии была привѣншпвована давно
ожидавшими ее въ Смоленскѣ бояриномъ Княземъ
Василемъ Михайловичемъ Рубцомъ-Мосальскимъ и

6. Восводнѣ племянникъ, Павелъ Мни- шекъ, Староста Луховскій, при немъ .	87	96
7. Панъ Тарло, Хорунжій Пржемыслскій, съ супругою, при немъ	21	69
8. Панъ Мартинъ Стадницкій, при немъ .	36	33
9. Панъ Георгій Стадницкій, при немъ . .	21	24
10. Панъ Самуилъ Баль, при немъ	29	30
11. Панъ Павелъ Тарло, при немъ	9	10
12. Панъ Намоевскій, Постолий Коронный, при немъ	15	13
13. Францискъ Пожаскій, Каноникъ Плоцкій, Секретарь Королевскій, при немъ . .	16	17
14. Панъ Вольскій, при немъ	20	19
15. Панъ Броневскій	8	7
16. Панъ Станиславъ, Пожаскій Подкоморій, при немъ	11	12
17. Панъ Корытко, при немъ	10	10
18. Панъ Любомирскій, при немъ	12	12
19. Панъ Ясеновскій, при немъ	11	12
20. Панъ Петръ Домарацкій, при немъ . .	9	15
21. Пять монаховъ, при нихъ	16	16
22. Панья Тарлова, старостина Сохачевская, при ней	50	45
23. Панья Казановская, при ней	19	19
24. Панья Гербуртова, при ней	24	17
25. Еще при Воеводѣ Мицкѣ Арманъ и кущовъ	12	16

Всего 1869 1935

Кромѣ того болѣе 300 человекъ и столько же лоша-
дей, не принадлежащихъ собственно къ свитѣ, вѣли так-
же при обозѣ.

Царицынымъ свойшвенникомъ Михайломъ Александровичемъ Нагимъ. Съ сими сановниками Лжедимитріемъ прислалъ невѣстѣ своей 54 бѣлыя лошади съ бархатными шорами, и шри карешы, обитыя внутри соболями. Царица съѣла въ одну карешу, запряженную двѣнадцатью лошадьми; другая кареша съ десятиью лошадьми слѣдовала за нею, а въ шрепшѣй, съ осмью лошадьми, ѣхали сопровождавшія ее дамы. Оспальныхъ лошадей вели въ поводахъ. Марина продолжала путь свой черезъ Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьму не безъ труда, по причинѣ полноводія, хоша дороги и были исправлены по возможности. Польскіе послы

Дневникъ
Польскихъ
пословъ Оль-
сницкаго и
Гонсавскаго.

перѣехали границу шолько 16-го Апрѣля, и направились шѣмъ же путемъ; при нихъ также находилась многочисленная вооруженная свита.

Дневникъ
Марины.

На пути Поляки много буянили и обижали Русскихъ жишелей, такъ что воевода вынужденъ былъ назначить судей, для обузданія спрощивыхъ. Но сія мѣра не имѣла успѣха, и къ своему вольству пріобыкшіе люди мало слушали судей. Такимъ образомъ весьма еспешвенно, что между необузданными Поляками и огорченными Русскими жишелями усилилось врожденное отвращеніе.

Девятнадцатаго Апрѣля невѣста достигла Вязьмы. Тупъ воевода распался съ дочерью своей и повѣхалъ впередъ съ сыномъ, зящемъ и ще-

мянникомъ, взявъ съ собою небольшое число слу-
жителей. Симъ исполнялъ онъ желаніе Лжедими-
трія, приглашавшаго его ускорить прибытіемъ
въ синолицу, дабы уговориться о приготоуленіяхъ
къ свадьбѣ, и о необходимыхъ при оной обрядахъ.

Воевода прибылъ въ Москву 24-го числа. Самъ
онъ и сопутствующіе ему три знашныя Поляка
ѣхали верхомъ на высланныхъ опъ Царя велико-
лѣпно убранныхъ лошадяхъ. Еще за двѣ версты
опъ города выѣхалъ къ нему на встрѣчу верхомъ
Бояринъ Басмановъ, въ богашомъ гусарскомъ
плащѣ, копорый съ окружающею его многочислен-
ною полпою знашныхъ людей и Московскихъ дво-
рянъ, проводилъ новопривзжихъ до изгошовленнаго
для нихъ дома.

На другой день былъ торжественный пріемъ
воеводъ у Лжедимитрія. Разсприга сидѣлъ на Паерле и
спронъ, въ одеждѣ, унизанной жемчугомъ, съ ал- Дневникъ
Марины.
мазнымъ и лаловымъ ожерельемъ, на коемъ висѣлъ
изумрудный крестъ; въ правой рукѣ онъ держалъ
скипетръ, а голова его была украшена высокою
короною, осыпанною драгоценными камнями.
Тронъ изъ чистаго серебра съ позолотою, вышн-
ною въ три локтя, находился подъ балдахномъ,
соснавленномъ изъ чешырехъ щиповъ, крестеоб-
разно положенныхъ, надъ коими возвышался кру-
тлый шаръ, поддерживающій двуглаваго орла изъ

чиснаго золота. Надъ креслами висѣла икона Богоматери, украшенная драгоценными каменьями. У подножія престо на углахъ лежали серебряныя львы, величиною съ союга, на концы упирались круглыя столбы. Огнь щипомъ надъ передними столбами, висѣли съ каждой стороны по ивнени изъ жемчугу и драгоценныхъ каменевъ, въ числѣ концы находилос иконазь, величиною болѣе гречкаго орѣха. На двухъ высонихъ серебряныхъ ножкахъ стояли грены, касаясь столбовъ. Ведущія изъ шрону шри спупени были покрыты золотною парчею. Съ обвихъ споронъ стояло по два рынды, съ желѣзными бердышами на золотыхъ рукояткахъ, въ бархатной бѣлой одеждѣ, подбитой и обложенной горноу спаями, въ бѣлыхъ сапогахъ и съ золотыми цѣпками на груди. По лѣвую руку Царя стоялъ Князь Михаилъ Шуйскій - Скопникъ съ обнаженнымъ мечемъ, въ парчевой одеждѣ, подбитой соболями, а за Царемъ Власьева сынъ въ богатомъ каштанѣ, шивя въ рукахъ плашокъ. Справа сидѣлъ въ креслахъ Патриархъ, въ черной бархатной расѣ, выложенной по краямъ въ ладонь шириною жемчугомъ и драгоценными каменьями. Передъ нимъ служила держаль на золотомъ блюде кресць и серебряную чашу съ святою водою. Низе Патриарха цомъщались на лавкахъ семь Архіепископовъ и Епископовъ, а за ними бояре и дворяне, кои цик-

же сидѣли и на лѣвой споротѣ ирона. Передъ
сѣбе ковры покрывали полъ и скамьи.

Минишевъ, увидѣвъ презрѣннаго ивъ принеель-
ца во всемъ блескѣ Царскаго Величества, неволь-
но смутился, и только по вѣкопоротѣ молчаній
поклонился Лжедмитрію и подъявлялъ его руку.
Потомъ говорилъ ему рѣчь, гдѣ превозносилъ его
достоинство и счастье своей дочери, не упустилъ
однако дѣлать намеки на прежнюю ничтожность,
изъ коей онъ вывелъ его своимъ спараніемъ и
попеченіемъ. Разсприга заливался слезами. За него
Минишку опавчалъ Власевъ. После чего Самозва-
нецъ, подозвавъ воеводу, самъ приглашалъ его къ
себѣ на обѣдъ, на которій и родственники его
съ ихъ свинюю были званы Басмановымъ. Сполю-
вая, обитая Передскою голубою пиканью, съ пар-
чевыми занавѣсами у оконъ и дверей, была вся
установлена до самого потолка золотомъ или серебря-
ною посудомъ, а изъ огромнаго серебрянаго сосуда
вода кравами ллалась въ при шаза. Царскіи кресла
были покрыты черною пиканью, вышитомъ золотомъ
и узорами. Лжедмитрій сидѣлъ одинъ за споломъ,
серебрянымъ съ позолотомъ, нарышымъ ска-
першью, вышитомъ золотомъ. По лѣвую спорону
опъ него, за другимъ споломъ, посадили воеводу и его
родственниковъ. За прешымъ споломъ, нарышымъ
нарышымъ Царскаго, помѣстили Польскихъ служи-

шелей, черезъ челоуька съ Русскими чиновниками, назначенными ихъ угощать. Но Бояре Русскіе сидѣли особо, по правую сторону Самозванца. На сей разъ пиршество происходило со всею снротосшю старинныхъ придворныхъ обычаевъ, съ однимъ только измѣненіемъ, что чепыремъ Панами подали шарелки, конхъ не водилось давать никому. Такъ какъ сіе происходило въ Пашницу, то кушанье все было рыбное. Хлѣба на столѣхъ не находилось, но когда съли, то Царь разослалъ каждому по большому куску калача. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Поляки удивлялись, что спольники исполнили должность свою безъ доклоновъ и даже не снимая шапокъ, а только слегка наклоняя голову. По окончаніи стола закусокъ не подавали, а только принесли небольшое блюдо съ сливами, которыя Царь своеручно раздавалъ спольникамъ въ награжденіе за ихъ службу.

Дневникъ
Марини.

Въ слѣдующій день Паны послѣ обѣда были приглашены во дворецъ, гдѣ играли сорокъ музыкантовъ Яна Минциви. Подавали множество напшнковъ и веселились до самаго вечера. Разспригана нѣсколько разъ переодѣвался то по гусарски, то по Русски. Гусарскій нарядъ его состоялъ изъ парчеваго полукафшанья и краснаго бархатнаго дошана, усыпаннаго жемчугомъ, съ краснымъ шелковымъ плащомъ и сафьянными башмаками. Бназь

Вышневецкій плясалъ передъ нимъ съ Яномъ Минишкомъ. Самозванецъ наградилъ музыканшовъ съ свойспвенною ему распочительностію. Онъ приказалъ выдать имъ 2,000 злотыхъ (сполько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей.)

28-го числа, Лжедимишрій съ гостями своими ѣздилъ на охоту на одинадцашую версту по Смоленской дорогѣ. Выпускали многихъ звѣрей и наконецъ медвѣдя. Такъ какъ ни одинъ изъ Пановъ не опсважился сразиться съ нимъ, то самъ разсприга пошелъ на него, и однимъ ударомъ рогапины убилъ его и саблею опсѣкъ ему голову. Ударъ рогапиною былъ шакъ силенъ, что руколяшка оной разлешѣлась въ дребезги. Послѣ сего подвига, всѣ обѣдали по близости въ палашкахъ, пригошовленныхъ для невѣсты. Великолѣпныя ^{Въездъ} спавки сіи, расположенныя на живописныхъ ^{Польскихъ} лугахъ, прилегающихъ къ рѣчкѣ Съшунѣ, были окру- ^{Пословъ въ} жены плошяною оградю, представляющею видъ ^{Москву, въ} замка, съ чешырнадцашью раскашами и шремя ^{1606 году.} ворошами. Посрединѣ находились для Марины пяшь нардныхъ шапшовъ, и осмнадцашъ другихъ намешовъ для сопутниковъ ея.

Среди пировъ и забавъ, занимались и дѣломъ, для коего воевода былъ вызванъ въ Москву. Изъ начашыхъ переговоровъ съ Русскимъ духовеншвомъ,

снирый Мининъ убѣдился о необходимости не-
много удовлетворить наспарленія Нунція Ран-
гони. Положили, чтобы для наружности Ма-
рина кедла въ Греческія церкви, приняла при-
частіе отъ Паптріарха и посѣлилась въ Среду
вмѣсто Субботы. Но по прочимъ спашьямъ она
должна была сохранятьъ обряды своей вѣры, и да-
же позволялось ей имѣть Лапинскую церковь во
внутреннихъ покояхъ ея. Паптріархъ Игнацій
изъявилъ согласіе на сихъ условіяхъ не толь-
ко благословишь бракъ Марины, но даже и вѣн-
чать ее на царство, каковая почестъ доподъ
никогда Царицамъ предоставляема не была. Прочее
духовенство безмолвствовало, кромѣ Ермогена, Ар-
хіепископа Казанскаго и Іоасафа Епископа Коломен-
скаго, которые смѣло говорили, что если невѣ-
ста не перекрестится въ Греческую вѣру, то
бракъ не можно будетъ почиташъ законнымъ.
Непреклонные священники обратили на себя гнѣвъ
разсприги, который приказалъ выслать Ермогена
въ Казань и шатъ, лишивъ его сана, заключивъ
въ монастырь. Такую же участь Самозванецъ го-
швилъ и Іоасафу.

Сказаніе еже
содѣяся.

Дневникъ
Марины.

Между шьямъ Марина, достигшая Вязьмы, ос-
тавалась шатъ нѣсколько дней, и только 29-го
Апрѣля перешла въ вышры, на Сышуні раско-

ложены, гдѣ ожидала окончательныхъ приговоро-
вѣній къ прицѣпленію ея въ сподвицѣ.

Въездъ какъ ея, такъ и Польскихъ Пословъ назначенъ былъ 2-го Мая. Самъ Лжедимишрій, Въездъ Польскихъ пословъ, Дневникъ ихъ, Дневникъ Марины и Пасрле. скрываясь въ проспой одеждѣ, распорядилъ встрѣчу. На Москвѣ рѣкѣ былъ наведенъ живой мостъ, въ маломъ разстояніи отъ коего, на правомъ берегу рѣки, раскинули два клѣпчатые богатые шапра. Отъ шапровъ до моста спояли въ двѣ шеренги, по обѣимъ сторонамъ дороги, 300 Нѣмецкихъ пѣлохранишелей Самозванца, а позади ихъ 700 спрѣльцовъ въ красной одеждѣ, испещренной разноцвѣтными кипайками, на Нѣмецкій образецъ. Отъ моста же до городскихъ ворошъ, выпянулась Доморацкаго конная рота Польскихъ копѣйчиковъ, изъ 730 человекъ состоящая. Польскіе Послы въѣхали за часъ передъ Мариною. У ворошъ деревянной ограды Скородума *, ихъ привѣщивали назначенные къ нимъ въ приспавы Князь Григорій Конспаншиновичъ Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ, копорые и проводили ихъ до опшведеннаго для ихъ жишельсва посольскаго двора. Вскорѣ послѣ шого, Марина, съ пышною Польскою свисою своею, подъѣхала къ мосту и

* *Примчаніе.* Скородумомъ назывался вѣтшій городъ, известный нынѣ подъ именемъ Землянаго.

вошла въ одинъ изъ изготовленныхъ шапровъ, гдѣ предсавлялись ей до 300 Русскихъ бояръ и другихъ знашныхъ сановниковъ, одѣшыхъ въ парчевые кафшаны. Князь Мспиславскій опъ имени всѣхъ ихъ говорилъ поздравительную рѣчь, послѣ коей подвезли великолѣпную карешу, которую Лжедимишрїй дарилъ невѣсшъ своей. Высокая и огромная кареша сія, усшроенная на Русскій образецъ, сверху была покрыша алымъ золошымъ глазешомъ, а внутри обита соболями и вся вызолочена. У колесъ ступицы были золоченыя, а спицы лазоревыя съ золошыми звѣздами. Спереди вмѣсто колесъ стояли два золоченые ангела, держащіе въ рукахъ розаны. Верхъ карешы украшался золошымъ орломъ, а на бокахъ испещряли ее драгоцѣнные камни, жемчугъ и позолоша. Ее везли десяшь чубарыхъ лошадей, въ хомушахъ изъ алаго бархаша, съ серебряными вызолоченными пражками и съ шелковыми поспромками. Каждую изъ лошадей велъ подѣ уздцы особый конюхъ. Когда Марина сѣла въ сію карешу, то началось шесшвіе. Впереди ѣхали Царскіе дворяне и Боярскіе дѣшпи, а за ними знашные Поляки, сопуществующіе Маринѣ, за конями ѣхалъ спарый Мнишекъ, на прекрасномъ аргамакѣ, въ багряно-парчевомъ кафшанѣ, подбешомъ собольнымъ мѣхомъ; шпоры и спремена его были изъ лишаго золоша съ бирюзами. Ему при-

служивалъ Арагъ, богато одѣтый по - Персидски. Пошомъ слѣдовала великолѣпная кареша, въ косѣ въ большомъ мѣшкѣ сидѣла Марина, а напрошивъ ея шароспина Тарлова. При карешѣ находились шесть гайдуковъ, въ зеленыхъ бархатныхъ кафшанахъ, съ золотымъ позументомъ и въ алыхъ суконныхъ плащахъ. Нѣсколько поодаль, также по обѣимъ сторонамъ карешы, шли Нѣмецкіе шлюхранители и сѣрѣльцы, близъ моста ожидавшіе прибывшія невѣсты. За первую карешою слѣдовала другая, въ кошорой невѣста выѣхала съ ночлега, и кошора, обитая снаружи краснымъ бархатомъ, а внутри красною парчею, была везена восемью бѣлыми лошадьми въ красныхъ бархатныхъ шорахъ, конми правили возничіи, въ красныхъ апласныхъ жупанахъ и фезяхъ. Кареша сія ѣхала пустая, хопя и спояли въ ней чепыре спула, богато позолоченные и покрытые красною парчею. Въ прешней карешѣ, также запряженной восьмью бѣлыми лошадьми, въ красныхъ бархатныхъ шорахъ съ серебряною позолоченною оправою, сидѣли Княжна Косырская, Хоронжна Тарлова и паньи Гербуршова и Казановская. Возничіи ихъ были въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ и въ красныхъ апласныхъ фезяхъ. Пошомъ ѣхали двѣ линейки: одну, раззолоченную, рѣзной работы, обитую краснымъ бархатомъ съ золотомъ

Часть I.

14

бахрамою, везли шесть чубарых лошадей въ бархашныхъ зеленыхъ шорахъ, съ возничими въ зеленомъ апласномъ плашвѣ; другая, обичная чернымъ бархашомъ съ вызолоченными украшеніями, была запряжена шестью карими лошадьми съ возничими въ черныхъ камчашныхъ фрезяхъ. Въ первой линіи сидѣли двѣ паньи, а во второй компанья дѣвушки Марины. Кромѣ того было еще нѣсколько карешъ, съ спарыми паньями и горничными, за конми ѣхали Польскіе гусары Мариной свисы, и наконецъ двѣ шысячи конныхъ Русскихъ стрѣльцовъ замыкали шествіе.

Когда Марина черезъ Куряшныя воропа въѣхала въ Кишай-городъ, шо загремѣли, посшавленные на подмосккахъ близъ Кремлевской стѣны, 73 барабанщика и столько же прубачей. Сія нескладная музыка продолжалась до шѣхъ поръ, пока невѣста не вступила въ Вознесенскій монастырь, гдѣ до свадьбы своей она должна была жить при Царицѣ Марѣ.

Народъ съ безпокойствомъ замѣпилъ, что во время шествія Марины черезъ городъ поднялась буря, подобная той, кошорая въ день вступленія Лжедимишря въ столицу уже принята была за худое предзнаменованіе для его царшвованія. Московскіе жишели, подозрительно смотрѣвшіе на многочисленную вооруженную свису Польскихъ

Беръ.

пановъ, были еще болѣе встревожены. Когда Тар-
ляки, по прибытіи на опведенные имъ дворы,
спали съ безразсудною гласностію выбирать имъ
повозокъ своихъ ивожесиво привезеннаго имъ
оружія.

Самое разгнѣваніе по кварширавъ сѣкъ непріят-
ныхъ гостей служило поводомъ къ новому оппо-
ченію Русскихъ. Для воеводы Сандомирскаго на-
значили бывшій домъ Бориса Гадучова къ Кремлю. Домъ
Уарши. Другимъ же панамъ ошвели по близости Кремля
лучшіе дворы не только кущевъ и дубинитъ Дубинитъ.
званія лицъ, но даже вельможъ и саней знатныхъ
родспвенниковъ Царя, Нагихъ Ходова, высту-
денные ушупишь жилища свои ивожеслауъ, не
безъ досады переносили причинаемыя имъ раз-
спройшва и оскорбленіе.

3-го Мая Ажедимипрій торжественно прие-
малъ на шронъ сперва Полковъ Маринской ста-
шы, а попомъ Королевскихъ Пословъ. Приств-
спивя первыхъ обошлись съ должнымъ приличіемъ, Домъ
Маринск.
но при приемъ Пословъ произошли неумѣстныя
распри. Послы, извѣщенные створовою, что Аже-
димипрій гошоваише опшвергнушь Королевское къ Домъ
Пославъ.
нему письмо, попому что на надписи ему не да-
валось Цесарскаго пишуга, просили испрѣдѣннѣн-
госа съ ними въ сѣлахъ грамования паланы вое-
воду Сандомирскаго, чтобы онъ постарался убѣ-

дипш нарѣченнаго зяпя своего, не дѣлашь неумѣспныхъ возраженій. Мнишекъ обѣщаль имъ упопрѣбншь на сіе всѣ возможныя усилія, и они вошли въ палашу. Думный дворянинъ Микулннъ, копорый ввелъ ихъ, подойдя съ ними къ прону, произнесъ слѣдующія слова: *Всепресвѣтлѣйшій и могоущественнѣйшій Самодержецъ, Великій Государь Дмитрій Иоанновичъ, Божіею милостію Великій Цесарь, Князь всея Россіи, многихъ Татарскихъ Царствъ и Государствъ, Московской державы подластныхъ, Государь, Царь и обладатель! Всепресвѣтлѣйшаго и Великаго Государя Сигизмунда третьяго, Божіею милостію Короля Польскаго Великаго Князя Литовскаго, Послы Николай Олесницкій и Александръ Гонсвѣскій, быють челомъ у престола Вашего Царскаго Величества. Тогда Олесницкій, поклонившись сказалъ: Всепресвѣтлѣйшій, Великій Государь Сигизмундъ третій, Божіею милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Лифляндскій, Эстляндскій и другихъ, наслѣдннй Король Шведскій, Готоскій, Вандальскій, Князь Финляндскій и иныхъ земель, благовомишь послать насъ, пословъ своихъ, меня Николая Олесницкаго изъ Олесницы, Капителяна Малагоскаго, и Пана Александра Корвина Гонсвѣскаго, Секретаря и дворянина своего, Старосту Велижскаго, полмѣщика Конюховскаго съ тѣмъ, чтобы именемъ Его Коро-*

левскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя нашего, Вашему Государскому Величеству, Божіею милостію, всепресвѣтлѣйшему, Великому Государю, Дмитрію Іоанновичу, Князю всея Россіи, Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и другихъ многихъ земель Царю, отдать братскій поклонъ, освѣдомиться о здравіи Вашего Государскаго Величества, поздравить васъ съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ и засвидѣтельствовать Вашему Государскому Величеству братскую любовь его Королевскаго Величества. Когда посолъ произнесъ слова «Князь», вмѣсто Цесаря, шо Лжедимишрій вспалъ съ мѣша, и подозревавъ одного боярина, велѣлъ снять съ себя корону, намѣреваясь самъ говорить, но въ ту минуу воздержался. Олесницкій, окончивъ рѣчь, подалъ Королевское письмо государспвенному дяку Власеву, копорый шихо прочишалъ Самозванцу надпись, и попомъ по приказанію его, сказалъ посламъ: Николай и Александръ! Вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому, и великому Самодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго Сигизмунда, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго письмо, въ коемъ нѣтъ титула Цесарскаго Величества. Оно писано къ нѣкоторому Князю всея Россіи, а Дмитрій Іоанновичъ есть Цесарь въ своихъ преславныхъ Государствахъ.

И такъ возьмите сіе письмо обратю и отвезите къ своему Государю. Олесницкій горделиво ошвъчалъ: Съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ коимъ вручили мы Аванасью Иванову письмо его Королевскаго Величества, пріемлемъ' оное обратю, чтобы возвратить Государю нашему, когда ваше Государское Величество гнушается имъ. Изъ вѣстьхъ Государей христіанскихъ только ваше Царское Величество не признаетъ древняго титула Его Королевскаго Величества и, не принимая отъ насъ письма, оскорбляетъ Его Королевское Величество и всю Рѣчь Посполитую. Возгъвъ на тронъ сей дивнымъ Божиимъ промысломъ, по милости Его Величества Короля, при помощи народа Польскаго, Ваше Государское Величество скоро забыли сіе благодаріе! И не только Его Королевское Величество, Государь, нашъ, вся Рѣчь Посполитая, мы послы ея, но и вѣсь сіи знаменитые Поляки, столицѣ предъ очами Вашего Государскаго Величества, оскорблены униженіемъ достоинства нашего Государя и Рѣчи Посполитой. И такъ мы не можемъ исполнить Королевскихъ порученій, о коихъ Ваше Государское Величество узнали бы изъ письма, Вами отвергнутаго. Просимъ дозволенія возвратиться на квартиру. Тогда Лжедимишрій, не воздерживая болѣе врожденную въ немъ словоохотливоспъ, самъ пуспился въ неприличное преніе и сказалъ огвдующее: Несобыкновенное и неслыханное дѣло, чтобы Монархи, возгъдал на тронъ, спорили

съ послами; но Король Польскій, опуская наши титулы, принуждаетъ насъ къ сему. Удивляемся, что насъ Король, его милость, братомъ и другомъ своимъ именуется, а насъ какъ бы въ голову ударяетъ, унижая насъ и отнимая собственный нашъ титулъ, который дарованъ намъ отъ самаго Бога, который и мѣль не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, и на употребленіе котораго на Римляне, на другіе древніе Монархи не могли больше насъ и мѣть права. Иисъ и мѣняютъ Императоромъ по тѣмъ же прикинамъ, по коимъ и ихъ такъ именовали, ибо не только кромѣ Бога нѣтъ никого выше насъ, но мы также имѣемъ власть законодательную, и, что еще важнѣе, сами законъ въ великомъ Государствѣ нашемъ, что и означаетъ Монарха или Императора. Мы, по милости Божіей, пользуемся такою же властію, какою пользовались Цари Ассирійскіе, Мидійскіе и Персидскіе. Мы также сами повелѣваемъ нѣсколькими Царями Татарскими, а потому и не усматривается, почему бы мы теперь были хуже Великаго Хана, котораго есть Историки называютъ Татарскимъ Императоромъ? Впрочемъ многіе и насъ такъ называютъ, и сами Его Цесарское Христіанское Величество и святѣйшій Отецъ никогда не стыдились въ письмахъ своихъ насъ, или предковъ нашихъ, именовать Цесарями. Посланникъ нашъ къ Его Королевскому Величеству, Аонасій Ивановичъ Власъевъ, придворный нашъ Казначей, имѣлъ на то при себѣ до

Отвѣтъ Александра
Дмитріа
Польскаго
посла, въ
рукописяхъ
бывшей Пу-
лавской би-
бліотекѣ.

статочныя доказательства. Мы хорошо знаем, что предки нашего сего титула не употребляли и онаго не требовали, но сіе не можетъ служить для насъ прпятствіемъ, ибо молчаніе Монарховъ или неупотребленіе ими дозвѣимаго титула не составляетъ никакой давности, и отъ безпечности предковъ насльдники въ семъ случаѣ не утрачиваютъ своихъ правъ. Къ тому же должно вспомнить, что всякое Государство начинается съ простоты и грубости, и только со временемъ все болѣе и болѣе получаетъ образованности въ нравахъ, обычаяхъ и даже самыхъ рѣчахъ. Такъ мы читаемъ, что въ вѣкъ простоты Цари назывались Пастырями, судьями и другими не пышными именованіями, и сіе замѣчается при началѣ вѣсхъ Государствъ. Въ слѣдствіе, нисколько не удивительно что въ прежнія времена поступали неосмотрительно не только предки наши, но и другіе Государи. Ибо ежели правда, какъ о Короляхъ Польскихъ пишутъ Польскіе Историки, что они получили отъ Императора Оттона корону и титулъ Короля, хотя прежде того уже были и именовались Монархами, то они приняли отъ равнаго себя то, что имѣли отъ Бога, и навѣрное нынѣ того бы не сдѣлали. Сверхъ того каждый Государь можетъ называть себя, какъ хочетъ. Такъ у Римлянъ многіе Императоры называли себя народными Трибунами, Консулами, Авегурами, и оставляли свой титулъ по произволу. Всѣмъ также извѣстно, что съ начала

*Римскіе Императоры именовались только Привади-
пами. Августъ Императоръ не хотѣлъ называться
Господиномъ, хотя дѣйствительно былъ таковымъ,
ибо сами Римляне особеннымъ закономъ предостави-
ли ему полную повелительную власть, освободивъ его
отъ всѣхъ законовъ. Самые предки Короля, его ми-
лости, назывались Князьями, Монархами и только
наконецъ Королями. По силѣ пригнали, мы объяв-
ляемъ силѣ Королю, его милости, что мы не только
Господарь, Царь, но и Императоръ, и не намѣрены по
напраску терять сей титулъ Государствѣ нашего.
Если Король, его милость, почитаетъ насъ братомъ
и другомъ, почему же отказываетъ въ достойнѣ
нашемъ: ибо тотъ болѣе мнѣ врагъ, кто умаляетъ
преимущества и украшенія моего Государства, ко-
торья Монархи берегутъ, какъ зѣнницы глазъ, чѣмъ
кто посянетъ на мое имѣніе. Самая высшая спра-
ведливость есть воздавать каждому, что ему при-
надлежитъ. Иное дѣло было, кѣгда предки находи-
лись въ враждѣ съ Польскою державою. Тогда при-
стойно было унижать другъ друга, какъ сіе и въ
другихъ Государствахъ дѣлалось и дѣлается. Но въ
дружбѣ должно поступать иначе; почему мы и на-
дѣлялись, что Король, его милость, будучи старѣй-
шій, самъ направитъ насъ ко всему, клонящемуся
къ добру и чести нашей и государства нашего.*

По выслушаніи сего многословнаго изъясненія, Дневникъ по-
словъ.
Олесницкій возразилъ: *Ваша пресвѣтлѣйшая гос-*

подарская милость въ началъ своей рѣчи упомяну-
ли, что необыкновенное дѣло Монархамъ, судящимъ
на тронѣ, спорить съ послами. Точно такъ: столь
же необыкновенно, чтобы послы осмѣливались гово-
рить о томъ, чего не предписано въ данномъ имъ
наказѣ. Но какъ Ваше Государское Величество сами
къ тому принуждаете меня, то я хотя и не имѣю
дара безъ приготовленія отвѣчать на сіи рѣчи Ва-
шему Государскому Величеству, однакожъ какъ По-
лякъ, человекъ народа вольнаго, привыкъ говорить
свободно. Вспомните, Ваше Государское Величество!
или прикажите справиться въ коронныхъ канцелярі-
яхъ, въ Литовской и въ своей Московской, даже спро-
сите сихъ престарѣлыхъ думныхъ бояръ, какой ти-
туль употребляли предки Вашего Государскаго Ве-
личества? всепресвѣтлѣйшіе Короли, Государи наши
никогда не приписывали имъ Цесарскаго титула,
который Ваше Государское Величество неправильно
себѣ присвоете. Предки ваши никакого Цесарства
подъ свою державу не покорили, и употребляли тотъ
самый титуль, который признаетъ чрезъ насъ Его
Королевское Величество, всепресвѣтлѣйшій и непобѣ-
димый Государь. Развѣ иначе писывалъ къ вамъ Ко-
роль Польскій, когда онъ, обласкавъ въ своихъ владѣ-
ніяхъ Ваше всепресвѣтлѣйшее Государское Величе-
ство, съ усерднымъ желаніемъ помогая вамъ отыс-
кать прародительскій вѣнецъ? И теперь, оставаясь
въ прежней искренней пріязни, не тѣмъ ли болѣе
доказываетъ ее Вашему всепресвѣтлѣйшему Госпо-

дарскому Величеству, когда Вы видите свидѣтельство оной не въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Между тѣмъ всякому очевидно, какъ вы платите за все сіе Его Королевскому Величеству! Скоро забыли Ваше пресвѣтлѣйшее Государское Величество, что на сей престолъ Вы взошли чудеснымъ образомъ, благодію Божіей, по милости Его Королевскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя нашего, съ помощію нашихъ братьевъ, Поляковъ, проливавшихъ кровь свою за Ваше всепресвѣтлѣйшее Государское Величество! Вы платите вѣстью благодарности неблагодарностію, вѣстью пріязни непріязнію; доброе расположеніе и дружелюбіе Его Величества, Государя нашего, пренебрегаете, и сами даете поводъ къ разлитію крови человѣческой. Съ чрезвычайною горестію пріемля участіе въ таковой Его Королевскому Величеству обидѣ, мы свидѣтельствуемъ предъ вами, всепресвѣтлѣйшій Господарь! самимъ Богомъ и всеми думными боярами, что не Король Польскій, Государь нашъ, а Ваше Государское Величество разрываете дружбу съ Его Величествомъ и Ръчью Посполитою. Теперь мы готовы возвратиться съ силами къ нашему Государю, и просимъ проводить насъ на квартиру.

Если бы Лжедмитрій умѣлъ сохранятьъ достоинство своего сана, по, услышавъ споль дерзкія

нарѣканія, немедленно велѣлъ бы выслать посла. Выше того, продолжая съ нимъ преніе, онъ говорилъ слѣдующее: *Я знаю, какіе титулы имѣли наши предки, и показалъ бы ихъ на бумагѣ, но теперь не время. Вы сами увидите ихъ, когда великихъ нашихъ думныхъ бояромъ вступитъ съ вами въ переговоры. Король же, умалявая употребляемый нами титулъ, оскорбляетъ не только насъ, но самаго Бога и все христіанство. Если бы кто нибудь не называлъ васъ паномъ Олесницкимъ, вы вѣрно не отвѣчали бы тому? Равнымъ образомъ и я не могу принять сего письма, потому что въ надписи онаго нѣтъ моего полнаго титула. Мы обѣщали Королю быть для него братомъ и такимъ другомъ, какого до сихъ поръ не имѣла держава Польская; а теперь мы должны остерегаться Короля болѣе, чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ Государей. Знаю, что нѣкоторые изъ вашихъ единоплеменниковъ убѣждаютъ Его Величество, Короля, не признавать нашихъ титуловъ; но мы не хотимъ вступать съ вами въ дальнѣйшіе споры. Посольство отвѣчалъ: Не желаемъ и мы на сей разъ продолжать разговоръ съ Вашимъ Государскимъ Величествомъ. Вы обѣщали повелѣть думныхъ бояромъ переговорить съ нами о своемъ титулѣ: тогда будетъ время подробно разсудить о семъ предметѣ, вмѣстѣ съ другими поруганіями Его Королевскаго*

Величества. За симъ, послы гошвились выпши, но Лжедимишрїй, снова обращаясь къ Олесницкому, сказалъ ему: *Панъ Малогоскій!* Испытавъ въ областяхъ Польскихъ вашу ко мнѣ привязанность, и зная, что вездѣ вы желали мнѣ добра, хочу принять васъ въ государство моею не какъ посла, а какъ прїятеля моего. Подойдите къ рукъ нашей. Посоль не пронудя съ мѣспа и возразилъ: *Всепресвѣтлѣйшій, Великій Государь!* низжайше благодарю за милость, которую Ваше Государское Величество изъявляете моему лицу; но какъ вы принимаете меня не посломъ, то я не могу оного пользоваться, и прошу Ваше Государское Величество не оскорбиться моимъ отказомъ. Осыпанный милостями Вашего Государскаго Величества, я старался доказать вамъ въ Польши свою доброжелательную услужливость: да позволено мнѣ будетъ доказать теперь свою преданность и вѣрность Его Королевскому Величеству. Хотя разсприга и повпорилъ приглашеніе, Олесницкій только поклонился и опозвался, что не можешь исполнить царскаго желанія. Смущенный спойкою посла, Лжедимишрїй наконецъ воскликнулъ: *Подойди, вельможный панъ, какъ посоль!* Олесницкій и пушъ упорсповалъ и опвѣчалъ: *Подойду, если Ваше Государское Величество возьметъ письмо Королевское.* — *Возьму,* сказалъ Самозванецъ. Тогда оба посла по-

цѣловали его руку. Власевъ принялъ письмо и прочишалъ его передъ трономъ. Потомъ, по приказанію Лжедмитрія, сказалъ послать: *Хотя Королевскаго письма безъ Цесарскаго титула принимать не слѣдовало бы; однакожь Его Цесарское Величество, для свадьбы своей забывая обиду, нанесенную опущеніемъ титуловъ своихъ, принимаетъ сіе письмо и васъ, пословъ Короля Польскаго. По возвращеніи же къ Государю своему, вы должны сказать ему, чтобы впредь онъ не присылалъ подобныхъ писемъ, не прописавъ въ нихъ полного титула Цесарскаго. Его Цесарское Величество именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь ни отъ Короля Сигизмунда, ни отъ кого либо другаго никакихъ писемъ безъ полного Цесарскаго титула онъ принимать не прикажетъ. Теперь же, если имѣете какое-либо порученіе отъ Короля Сигизмунда Государя своего, исполняйте долгъ посольства предъ Цесарскимъ престоломъ.*

Послы отправляли посольство обыкновеннымъ порядкомъ. Олесницкій въ рѣчи своей объяснилъ, что онъ съ шоварникомъ своимъ, присланы отъ Короля, дабы вмѣстѣ его особы присунствовашъ на свадьбѣ Лжедмитрія. Гонсвскій же сказалъ, что имъ поручено также войти въ сношеніе съ думными боярами, по предмету взаимныхъ требованій Польши и Россіи, дабы съ благополучнымъ

окончаніемъ сихъ дѣлъ можно было прислушавшись ^{Дневникъ Марии.} къ шѣсному союзу прошить Турекъ. Въ оныхъ на сіи рѣчи Власевъ объявилъ, что Государь прикажешъ боярамъ начашъ предлагаемые переговоры.

Послы замѣтили, что по старинному обряду Россійскіе Государи всегда спрашивали о здоровьи Короля, вспавъ съ своего мѣсна. Лжедимитрій, услышавъ сіе, спросилъ не вспавая съ мѣсна: *Его Королевское Величество, Государь вашъ, въ добромъ ли здоровьи!* Олесницкій отвѣчалъ: *Его Королевское Величество, Государь нашъ былъ въ добромъ здравіи и счастливо царствовалъ, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Но Вашему Царскому Величеству надлежало привстать, спрашивая о здравіи Его Королевскаго Величества.* Лжедимитрій отвѣчалъ: *Панъ Малогоскій! У насъ обыкновеніе вставать, спросивъ прежде о добромъ здравіи, и приподнявшись не много присовокупилъ: Мы радуемся, что Король, вашъ Государь, а нашъ другъ, находится въ добромъ здравіи.*

По поднесеніи Послами подарковъ, Власевъ сказалъ имъ: *Цесарское Величество жалуется васъ* ^{Дневникъ послать.} *своимъ обидомъ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи ихъ на посольскій дворъ, Чашникъ Василій Бушуринъ прибылъ къ нимъ съ различными яствами и напишками, принесенными въ золотыхъ сосудахъ. Въ сей день разсприга*

огорчилиъ и Поляковъ и Русскихъ; суеславныя наспоянiя его о шишулѣ возбудили негодование Поляковъ, а Русскiе, хотя и не одобряли наспоянiй сихъ, но не менѣе того досадывали, когда увидѣли, что онъ, какъ будто успрашенный рѣшимостию Посла, согласился опспашъ опъ оныхъ. Также сказанное Гонсѣвскимъ о взаимныхъ пребованiяхъ обвixъ Государспвъ, много поспревожило Русскихъ, копорымъ казалось сiе подспвержденiемъ уже носившихся слуховъ о обвцанной Самозванцемъ Королю успупки городовъ, хотя Лжедимишрiй, извѣщенный о сей молвѣ, и увѣрялъ, что ни единой пяди Русской земли никогда не опдастъ Польшѣ.

Никоновская
Лѣтопись.

Марина, вмѣсто того, чтообы въ кельяхъ монастырскихъ вести жизнь скромную и уединенную, номышляла только объ удовольствованiи своихъ прихошей, въ чемъ не получала опсказа опъ жениха. Напримѣръ такъ какъ ей не по вкусу были приносимыя изъ дворца яспва, то Лжедимишрiй приказалъ гоповишь для нея кушанье Польскимъ поварамъ, и опдастъ имъ ключи опъ царскихъ запасовъ и погребовъ. Для увеселенiя же невѣспы своей Самозванецъ вводилъ къ ней въ монастырь скомороховъ, скрыпачей и пѣсенниковъ, копорые шумными забавами нарушали мирную пищину свяшой обихели, къ большому соблазну

Лѣтопись
Марины.

Legende.

набожныхъ Москвитянъ. Разсприга также безъ мѣры дарилъ невѣсту. Онъ прислалъ ей ларецъ, съ разными драгоценными вещами, цѣною на 500,000 Никоновская Лѣтопись. рублей (два милліона съ половиною нынѣшнихъ серебряныхъ) и дозволилъ ей раздавать изъ оныхъ, что кому пожелаешь. Кроме того старый Мнишекъ получилъ на заплашу долговъ своихъ въ Польшу 100,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Счишаютъ, что Самозванецъ на одни дары Маринѣ и Полякамъ расплатилъ до 800,000 рублей (до четырехъ милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ.) Дѣя Польскія.

Разсприга, какъ бы во всѣхъ случаяхъ изыскивая вѣрнѣйшій способъ раздражить Русскихъ, назначилъ для свадьбы и вѣнчанія на царство Марини Четвергъ 8-го Мая. Уставъ православной церкви не позволяющъ совершать обрядъ бракосочетанія ни подъ Пяшницу, ни подъ всякій праздникъ. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ нарушалось правило, ибо 9-е число было не только въ Пяшницу, но и Николинъ день.

Для избѣжанія давки на Царской площади, Марина поздно вечеромъ въ Среду, переехала во дворецъ, при свѣтѣ множесва факеловъ. Дѣяніе Марини. Дѣши боярскіе и Нѣмецкіе алебардчики шли передъ ея карешою. Тогда же было жаркое преніе у Самозванца съ Боярами. Поляки хотѣли, чтобы Мари-

Часть I. 15

Беръ. на вѣнчалась въ Польскомъ плащѣ подъ предлогомъ, что она не привыкла къ нному; Джемимпрій и въ томъ желалъ угодить имъ, но Русскіе сановники требовали непременно, чтобы она одѣлась по-Русски. Непреклонность ихъ убѣдила наконецъ разспригу, что опсшупленіе въ семь предметѣ опъ старинныхъ обычаевъ, сочшено было бы ими за оскорбленіе чести народной. Не смотря на обыкновенную вѣтренность свою, онъ сказалъ: *Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе Бояръ и обычай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замъшляю великія перемъны. Одинъ день ничего не значить!*

Разряди. Свадебные обряды того времени были соблюдены въ точности. Посажеными опцемъ и маперью назначены Князь Мспиславскій съ супругой. Тысяцкимъ былъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, а друзьями у жениха были Бояре: Князь Димпрій Ивановичъ Шуйскій и Григорій Федоровичъ Нагой, а у невѣсты: бояринъ Михайло Александровичъ Нагой и панъ Тарло. Свахами какъ у жениха, такъ и у невѣсты были супруги ихъ друзей. Въ повъздѣ находились двадцать одинъ знатныхъ Московскихъ дворянъ, а въ сидѣчихъ шесть бояринъ, семнадцать бояръ, четверо окольныхъ два думныхъ дворянина, четыре думныхъ дьяка, Поспелъничій и два спряпчихъ съ ключемъ. Въ

назначенный часть Марину ввели въ столовую избу ея отецъ и Княгиня Мстиславская. Передъ невестою шли дружки и Рожесивенскій Пропоіерей въ энипрахили и поручахъ, съ свясою водою и креспомъ, а за нею слѣдовали свахи и боярыни сидячія. Марина была въ красномъ бархашномъ Русскомъ плащѣ, съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ подкованныхъ сапогахъ, но все на ней было пакъ усыпано алмазами, лалами и жемчугомъ, чпо не видно было ни бархаша ни сафьяна. Головной уборъ ея сосполялъ изъ богашаго кокошника. Пропоіерей и дружки пошли за женихомъ, который немедленно съ ними опсправился въ столовую, взявъ еще съ собою шолько однихъ *польжанъ*. Одежда его покрывалась червяенною бархашною маншією, унизанною жемчугомъ и драгоценными каменьями, а на головѣ сіала корона; въ одной рукѣ онъ держалъ скипешръ, а въ другой державу, осыпанную алмазами. По прибышій его въ столовую началось обрученіе по Русскому обряду. Пропоіерей говорилъ приличныя молишвы, дружки рѣзали короваи и подносили ширинки. Послѣ обрученія, женихъ и невеста пошли поспелельнымъ крыльцомъ въ грановишную палашу, гдѣ ождали ихъ *сидячіе* и гдѣ изгоповленъ былъ возгъ Царскаго шрона другой, поменьше, для Маривы. Лжедимишрїа вели подѣ руки Воевода Сендомирскій и

Брачный обрядъ при Лжедимишрїевой свадьбѣ съ Мариною. Дневникъ Польскихъ Пословъ. Паерле.

Князь Мспиславскій, а Марину Княгини Мспиславская и Шуйская. За нею шли знашныя Польки, обѣ Тарловы, Гербуршова и Казановская. Войдя въ грановишную палату, Лжедимириій сѣлъ на шронѣ, а пысяцкій Князь Шуйскій подоидя къ Маринѣ, произнесъ слѣдующія слова: *А наяснѣйшая и Великая Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Марья Юрьевна всея Руссїи! Божьимъ праведнымъ судомъ, и за изволеніемъ наяснѣйшаго и непобѣдимага Самодержца, Великаго Государя Дмитрія Ивановича, Божією милостію, Цесаря и Великаго Князя всея Руссїи, и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Цесарское Величество изволимъ васъ, наяснѣйшую Великую Государыню взять себѣ въ Цесареву, а намъ въ Государыню, и Божією милостію, обручанье ваше Цесарское нынѣ совершилось; и вамъ бы наяснѣйшей и Великой Государыни нашей, по Божьей милости и по изволенію Великаго Государя нашего, Его Цесарскаго Величества, вступить на свой Цесарской маетатѣ и быть съ нимъ Великимъ Государемъ на своихъ преславныхъ Государствахъ. Послѣ сей рѣчи, Прошюіерей осѣнилъ креспомъ малый шронѣ, копорый и заняла Марина. Тогда ввели въ палату Польскыхъ Пословъ и другихъ знашныхъ Поляковъ. Всѣ сѣли, какъ иноземцы, шакъ и Русскіе, кромѣ повѣжанъ. Ожидали большой короны, живо-*

шворящаго креста и бармовъ, за копорыми послано было на казенный дворъ. По принесеніи сей Царской ушвари, принялъ ее Бояринъ Михайло Федоровичъ Нагой и поднесъ Лжедимитрію, копорый приложился ко креспу и поцѣловалъ корону. То же сдѣлала и Марина. Послѣ чего Благовѣщенскій Пропоіерей, покрывъ пеленою ушварь, опнесъ ее на головѣ своей въ Успенскій Соборъ, и былъ встрѣченъ у дверей Папріархомъ, копорый положилъ ушварь на изготовленномъ посреди церкви налоѣ. Когда донесли Лжедимитрію, что все готово для священнодѣйствія, то онъ чрезъ красное крыльцо опсправился въ соборъ. Впереди шли спольники, спряпчіе, знашные Поляки и Королевскіе Послы, а за ними поѣздъ. Попомъ несъ скипепръ Бояринъ Князь Васкій Васильевичъ Голицынъ, и державу Бояринъ Басмановъ. За Басмановымъ слѣдовалъ въ эписрахили Благовѣщенскій Пропоіерей, крѣпяцій свяною водою передъ женихомъ и невѣсною, копорые шли рядомъ одинъ подлѣ другаго. Лжедимитрія подѣ правую руку поддерживалъ Воевода Сендомирскій, а Марину подѣ лѣвую Княгиня Мешиславская. За ними шли Бояре, Дворяне, думные и приказные люди и прочіе Поляки изъ Мнишковой свипы. Пушь успланъ былъ сукномъ, а по оному фіолешовымъ бархапомъ. Охраненіе порядка было поручено на красномъ

крыльцѣ и опѣ онаго до собора шеспи головамъ спрълецкимъ, двадцати сошникамъ, да премѣ спшамъ спръльцамъ. Кромѣ шого спшояли еще въ ружѣ Нѣмецкіе шѣлохранишели и нѣсколько спръльцовъ. Въ соборѣ устроено было чершольное мѣсто, обшное краснымъ сукномъ о двѣнадцати спшупеняхъ. На ономъ спшоялъ шронъ для Лжедимшрїа, Персидскїй, золоченый съ каменьями *, а по обшвѣ спшоронамъ онаго находились спшульа; на правой спшоронѣ, поменьше для Папшрїарха, а на лѣвой большой золоченый для Марины. Войдя въ церковь, Лжедимшрїй и Марина прикладывались къ иконѣ Владимірской Божїей Машери и къ ракамъ чудопшворцевъ. Пошомъ проводили ихъ на чершольное мѣсто Папшрїархъ и Мишпрополишъ Новгородскїй. Тогда, къ изумленїю Русскихъ, началось коронованїе Марины, не шолько прежде опшрѣченїа ея опѣ папешспва, но даже прежде брачнаго обряда. Уклончивый Папшрїархъ не усумнился возложишъ живопшворящїй крешъ, бармы и Царскїй вѣнецъ на иновѣрную Польскую дѣвицу. По окончанїи коронованїа, Папшрїархъ служилъ обшдяю, кошорую Лжедимшрїй слушалъ съ обшкновеннаго Царскаго мѣста, а Марина сначала

* *Примѣанїе.* Тронъ сей, присланный въ 1605 году Шахомъ Аббасомъ Царю Борису, еще теперъ находится въ Оружейной палатѣ, въ Москвѣ.

опошла въ придѣлъ Димитрія Селунскаго съ свѣтами и нѣкопорыми Боярами, а послѣ херувимской подошла къ Царскимъ дверямъ, гдѣ Папріархъ помазалъ и причастилъ ее въ явное посмѣянiе православiя. Когда опошла обѣдня, то послали изъ церкви всѣхъ незнапныхъ людей и припустили къ брачному вѣнчанiю, которое исправлялъ Благовѣщенскій Прощеіерей. Сими окончились церковные обряды, и Лжедимитрій съ Мариною вышли изъ собора, и отправились въ споловую избу при звукѣ трубы и лишавръ, колокольномъ звонѣ и пушечной стрѣльбѣ. На рундукъ собора и при дверяхъ споловой Князь Мстиславскій осыпалъ разспригу въ каждомъ мѣспѣ по три раза, золотыми монетами цѣною отъ 5 до 20 червонцевъ. Въ споловой Лжедимитрій и Марина съли обѣдашь, съ Воеводою и его родспвенниками и весьма малымъ числомъ Бояръ. Сидѣли только до прешьяго кушанья, а попомъ новобрачные пошли въ новый деревянный дворець, куда повздъ провожалъ ихъ до поспельныхъ комнашь, а Воевода и пысацкiй до самой поспели.

На другой день, былъ шоржеспвенный пиръ въ грановишой палапѣ. Лжедимитрій съ Мариною сидѣли на пронѣ за особеннымъ споломъ. Разсприга былъ одѣпъ по гусарски, а Марина по Польски. За другими сполоами обѣдали родспвен-

Дисциплина
Пословъ.
Брачный
обрядъ.

Дисциплина
Марины.

Дневникъ
Пословъ.

ники Марины съ ихъ свншою. Королевскіе послы также были приглашены, но не поѣхали, пошому что Самозванецъ не хотѣлъ посадить ихъ за собшвеннымъ споломъ своимъ. Основываясь на шомъ, что въ Краковѣ Власевъ сидѣлъ за собшвеннымъ Королевскимъ споломъ, они домогались, чтобы по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ была оказана шаковая же почешъ. Разсприга поручилъ Власеву уговаривашъ ихъ, но Власевъ въ душѣ ненавидѣлъ Поляковъ и воспользовался случаемъ, чтобы неприличными рѣчами еще болѣе раздражить пословъ. Такъ напримѣръ, онъ говорилъ имъ, что если дѣйствительно въ Краковѣ сажали его самого за Королевскій сполъ, то иначе и бытъ не могло, пошому что за швмъ же споломъ имѣли мѣшо послы Цесарскіе и Папскіе, а Русскій Государь выше всѣхъ Монарховъ Хрисціанскихъ и каждый попъ у него папа. Сполъ спранныя разсужденія не могли убѣдить Пословъ; они и въ Субботу отказались вхашъ на обѣдъ къ Лжедмитрію. Старый Мнишекъ всемѣрно спарался посредничешвомъ своимъ миролюбно окончить сіе дѣло; но видя непреклонность зашя своего, онъ обратился къ посламъ и предспавилъ имъ, что въ Польшѣ мяшежная шляхта, недовольная швснымъ союзомъ Сигизмунда съ Авспрією, гошовишся къ междоусобной войнѣ, что въ сихъ смущенныхъ

обстоятельстввахъ благоразуміе пребуешъ не сорипшься ~~съ~~ обладашелемъ Московскаго престола, опшъ коего при дружелюбныхъ его расположеніяхъ, можно ожидать большаго пособія, и что попому слѣдуешъ попѣшишь его въ разсужденіи Посольскаго мѣспа, шѣмъ паче, что въ день пріема, заспавивъ его пріянь Королевское письмо безъ присвоемаго имъ пишупа, довольно уже пронупи его шщеславіе. Послы не оспоривали основапелъности сихъ замѣчаній, но ихъ удерживало то, что въ данномъ имъ наказѣ именно посспавлено было имъ въ обязанность насспавивать о полученіи мѣспа за Государевымъ споломъ хотя одному изъ нихъ. Они шолько тогда рѣшились уступитъ, когда воевода вызвался ходашайшвовашъ за нихъ у Короля, и когда Лжедимитрій согласился выдать имъ письменное свидѣшельство въ шомъ, что они нарушили предписаніе о мѣспѣ единшвенно въ слѣдшвіе обѣщаній его о досспавленіи Рѣчи Посполншой важныхъ выгодъ. Въ Воскресенье 11-го числа, послы обѣдали у Лжедимитрія въ грановишпой палашѣ. Олесницкій, какъ спаршій, сидѣлъ одинъ по правую руку шрона, за особеннымъ споликомъ, а Гонсѣвскій занялъ первое мѣспо за споломъ, гдѣ находились прочіе Поляки, и Русскіе боярыни. 13-го Марина угощала Пословъ и знаныхъ Поляковъ; изъ Русскихъ никого не было кро-

Дневникъ
Марини.

мъ Князя Масальскаго и Власьева. Спогъ и услуга были въ Польскомъ вкусъ. Послѣ обѣда долго плясали, и разъѣхались только послѣ захода солнца. На другой же день, у Марины былъ пиръ для однихъ Русскихъ.

Беръ.

Показанія
Бучинскихъ.

Но среди сихъ шоржествъ составлялся опасный для разсприги заговоръ, въ коемъ участвовала уже почти вся Москва. Всѣмъ Русскимъ, безъ различія сословій, казались неспершимыми безпутство Самозванца и наглость Поляковъ. Если бы гости сѣи силою оружія овладѣли столицей, то и шупъ не могли бы хуже обходиться съ жителями оной. Въ особенности во время свадебныхъ веселій безчинство ихъ достигло до высочайшей степени. На пирахъ во дворцѣ они ругали Русскихъ и даже самыхъ знатнѣйшихъ, смѣялись надъ всѣми ихъ обрядами и поступками и въ хвастливѣйшихъ выраженіяхъ превозносили собственную свою храбрость, спрашась коей, Русскіе, по словамъ ихъ приняли опъ ихъ руки Царя. Многіе изъ нихъ, разгоряченные виномъ, возвращаясь изъ дворца, рубили саблями встречающихся людей, и вышаскивая изъ кармановъ знатныхъ боярынъ, безчестили ихъ. Самая святыня мало уважаема была ими. Они ходили по церквямъ съ собаками, а во время коронованія въ соборъ, именитѣйшіе изъ нихъ, иные сидѣли, другіе

громко издѣвались надъ иконами, и дремали при-
слонясь къ онымъ. Сін непростойности шакъ
озлобили Русскія сердца, что все ожидали съ не-
шерпѣніемъ удобнаго часа для месши, и что про-
шивъ пріятеля Поляковъ, разсприги, воссавали
даже и шѣ, которые были главнѣйшими зачин-
щиками измѣны въ пользу его. Изъ самыхъ при-
ближенныхъ его, оспался ему преданнымъ только
одинъ Басмановъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ боль-
шимъ прилежаніемъ слѣдилъ за безпреспанно воз-
распающею народною ненавистью къ Самозванцу,
и съ радостію убѣдился, что она достигла до
высочайшей спепени, и что настала часъ для
избавленія опечеспва опъ поноснаго подданства,
и для наказанія дерзкаго пришельца, осмѣливша-
гося положить вельможную голову его на плаху,
ибо, по еспешвенной склонности человѣческаго
сердца, онъ болѣе хранилъ въ памяти своей сей
позоръ, чѣмъ дарованное ему прощение. Въ едино-
мысли съ нимъ были знатнѣйшіе люди въ Госу-
дарствѣ, и въ числѣ оныхъ не только находился
убійца Царя Феодора Борисовича, Князь Василій
Васильевичъ Голицынъ, но даже сей Бояринъ, съ
Княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ, были Сказанія еже
содѣяся.
главнѣйшими помощниками Шуйскаго. Подвизаясь
на дѣло опечеспвленное, они хошѣли опспранишѣ

опъ себя вредное вліяніе личныхъ страстей, могущихъ поселить раздоръ между самыми сообщниками ихъ, и потому всѣ шрое дали обѣщаніе другъ другу непременно извѣсть разспригу, а кошорому изъ нихъ приведется бытъ Царемъ послѣ него, опнюдь не мспнишь никому за прежнія вины, и управляшь Государспвомъ общимъ совѣщомъ. Изъ всей Боларской думы одному Князю Мспнславскому не ввѣрили шайну заговора, опасаясь извѣснаго его малодушія.

Увѣрившись въ синклишѣ, Шуйскій обратился и къ нижнимъ сословіямъ, кошорыми, какъ уже сказано выше, былъ весьма уважаемъ. Созвавъ въ Беръ. домъ свой уговоренныхъ болръ, да еще купцевъ и городскихъ сопниковъ и пяшидесятниковъ, онъ предспавилъ собранію печальную карпину Россіи въ рукахъ Поляковъ, и Москвы, наполненной опасныхъ для спокойспвія ея иноземцевъ. Онъ напомнилъ, что хотѣлъ предупредить зло, но что Москвичи его не поддержали, и что онъ самъ едва не оставилъ головы своей на плахѣ. Въ опношеніи къ Самозванцу онъ далъ замѣшить, что вообще признали его за Царевича, дабы избавишься ненавистнаго владычеспва Годуновыхъ, и въ надеждѣ найши въ юномъ вишазѣ храбраго защитника православной Вѣры и опшечеспвенныхъ обычаевъ; но что сіе ожиданіе не обшлось и напрошивъ шого, Лжедимитрій обращаетъ

ся какъ насполицій Полякъ, любилъ только иноземцевъ, не читилъ святыхъ, оскверняешъ храмы Божіи дозволеніемъ входилъ туда некрещенымъ Ляхамъ, да еще и съ собаками, изгоняешъ пастырей душъ изъ домовъ ихъ, кошорые опдаешъ Нѣмцамъ, наконецъ и самъ женился на поганой Полькѣ. Изложивъ все сіе, Шуйскій присовокупилъ, что если благовременно не примушся мѣры къ прекращенію неисповснвъ, то должно ожидать пущихъ бѣдъ, что онъ для спасенія православія снова не пожалѣешъ себя, только помогали бы ему съ усердіемъ и вѣрностію, что каждый сопникъ долженъ убѣдилъ своихъ подчиненныхъ въ самозванствѣ Царя, замышляющаго новыя злодѣйства съ своими Поляками, и что Московскимъ обывателямъ предспонилъ посовѣповашься между собою, какимъ образомъ избавилъсь опъ него, что за свяпую Русь могутъ воспашь болѣе спа тысячъ людей, а за Самозванца останушя только 5,000 Поляковъ, и по разсѣянныхъ по цѣлому городу, и что спонилъ единспвенно назначилъ день, чтобы избилъ ихъ вмѣстѣ, съ гнуснымъ обманщикомъ. Опшуская опъ себя сопниковъ, Шуйскій убѣждалъ ихъ не медилъ дѣломъ и увѣдомишъ его на что рѣшашя граждане.

Разгашенія сопниковъ подѣйспвовали такъ успѣшно на проспой народъ, выведенный изъ

пергѣнія поспутками Лжедимишрїя и Поляковъ, что вышло и не помыслилъ заступаться за Самозванца, котораго менѣе года тому принимали съ воспоргомъ. Напрошивъ всѣ жаждали видѣшь конецъ его негѣпаго власшвованїя.

Уже 12-го Мая, громко говорили на рынкахъ, что Лжедимишрїй измѣнилъ православію, что онъ рѣдко посѣщаетъ Божїи храмы, вводитъ чужїе обычан, ѣстъ скверную пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣдѣ, не кладетъ поклоновъ предъ Иконами и послѣ свадьбы ни разу, съ поганою женою своею, не мылся въ банѣ. Нѣмецкіе алебардчики схватили одного изъ дерзкихъ болшунновъ и предспавили во дворецъ. Разсприга велѣлъ допроситъ его; но Бояре, комъ поручено было исполнитъ сіе, донесли Самозванцу, что виновный врагъ съ пшшу, что впрочемъ и въ презвомъ видѣ онъ не умѣе бываетъ по природной проеспотѣ, и что Государю не слѣдуетъ шревожитъся научивчеспвомъ Нѣмцевъ, пошому что у него довольно силы для усмиренїя мятежа, если бы какой безумецъ и зашгвалъ подобный.

Но и безъ сихъ лукавыхъ внушенїй не легко было увѣритъ разспригу въ угрожаемой ему опасности. Безпечность его основывалась не только на врожденной самонадѣянности, но еще на какомъ-то предсказанїи, обѣщавшемъ ему шридца-

увзришь народъ, что Лжедимишрїй замышляешъ не пошъху, а избїеніе знаменишвїйшихъ Москвишянъ, дабы попомъ безпрекословно внесъ въ Россїю папешство *.

Дневникъ
Марини и
пословъ.

Между швѣтъ, ожешпоченіе Московскихъ обывашелей на Поляковъ было шакъ велико, что многіе изъ нихъ не дождавшисъ, чтобы начальники заговора назначили день для дружнаго возшпанїя, вздумали сами собою присшупишъ къ дѣйшвию. Въ ночи съ 14-го на 15-е, многочисленныя шолпы бродили по улицамъ, ругая Поляковъ. Въ особенности до чешырехъ шысячъ чешовѣкъ собралось близъ кварширы Князя Вишневецкаго, кошпорый надменностїю своею болъе всѣхъ прочихъ Ляховъ вооружилъ прошивъ себя Русскихъ. Но шакъ какъ никшо изъ вождей не явилсѣя, шо предпрїятїе ограничилось бесплоднымъ шумомъ и съ разсвѣшпомъ всѣ разошлсѣя по домамъ.

* *Примѣанїе.* Если вѣрїть показанїямъ Бучинскихъ, отобранныхъ отъ нихъ Секретарей разштриги, послѣ его смерти, дѣйствительно онъ имѣлъ намѣренїе, во время потѣхи, велѣть Полякамъ убить двадцать знатнѣйшихъ Боярь, въ томъ числѣ Мстиславскаго и обвнхъ Шуйскихъ, дабы потомъ по своей волѣ перемѣнить вѣру и обычай народныя. Теперь, не имѣя ни какихъ другихъ данныхъ, трудно рѣшить, Бучинскїе оклеветали ли изъ низкаго подобострастїя память благодѣтеля своего, въ угодность торжествующимъ его врагамъ, или въ самомъ дѣлѣ Самозванецъ надвѣлся злодѣйскимъ подвигомъ отстранить всѣ, доселѣ встрѣчаемыя имъ противности.

Сіе бездѣйственное покушеніе вмѣсто того, чтобы предосперечь Самозванца, кажешся, умножило еще его безопасность, внушивъ ему пагубную мысль, что его пакъ всѣ спрапашся, что ни у кого не доспанешъ духу въ самомъ дѣлѣ воспашъ прошивъ него. Въ семъ предубѣжденіи, онъ успокоился совершенно и занялся дѣломъ государспвеннымъ. Упромъ, 15-го числа, Польскіе послы были приглашены во дворець, гдѣ нашли Лжедимишрїя, сидящаго въ голубой одеждѣ, въ высокой шапкѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Онъ опсправилъ ихъ въ особенную палашу, куда прибыли пакже назначенные для переговоровъ съ ними Бояре, Князь Дмитрїй Шуйскїй и Князь Рубецъ-Мосальскїй, думный дворянинъ Тапищевъ и думные дѣяки Власевъ и Грамошинъ. Послы сказали, что Король, усердствуя раздѣливъ съ Царемъ славу войны прошивъ Поршны, просилъ объявить имъ, когда и съ какою силою Царь намѣренъ ополчиться на невѣрныхъ, послѣ чего и они въ сосшояніи будущъ изъяснишъ, что и Польша можешъ предприняшъ съ своей спороны. Тапищевъ опспвчалъ имъ, что Царь, намѣревался воевашъ съ Турками, имѣешъ только въ виду ревность къ славѣ Божїей и свяшой вѣрѣ, а что Поляки намѣками своими даюшъ поводъ подозрѣвашъ, что желаюшъ единспвенно вывѣдашъ мысли Московскаго Государя, чтобы по-

Часть I. 16

помъ найши предлогъ самимъ уклониться отъ содѣйствія. Послы обидились такимъ упрекомъ, въ доказательство несправедливости коего приводили, что всегда предлагающій предпріятіе обязывается первый объяснить, какими мѣрами надеется достигнуть желаемой цѣли. Тогда Русскіе сановники пошли доложить Самозванцу о слышанномъ ими. Тапищевъ, Власевъ и Грамошинъ возвратились съ такимъ отчетомъ, что Царь приказалъ думнымъ людямъ своимъ, заняться изложеніемъ мыслей своихъ по предмету нужныхъ средствъ для замышляемыхъ дѣйствій, и что онъ въ непродолжительномъ времени самъ будетъ о семъ совѣщаться съ послами, въ присутствіи своихъ Бояръ.

Изъ дворца Послы поѣхали обѣдать къ пану Тарло, куда приглашены также были Князь Вишневецкій, панъ Немоевскій, оба Спашницкіе и другіе паны. Гости по тогдашнему Польскому обыновенію порядкомъ подпили. Когда послѣ обѣда они занялись пляскою, то пришли сказать имъ, что Поляки подрались съ Русскими. Непривычные паны смутились нѣмъ болѣе, что имѣли еще на умѣ скопища прошлой ночи. Въ сіе время ударили къ вечернѣ. Оробѣвшіе гости приняли сей зовъ за набатъ, и разбѣжались. Послы носившіи возвратились домой, и извѣстили единоземцевъ сво-

ихъ, чшобы въ случаѣ опасности искали убѣжища на посольскомъ дворѣ. Но скоро узнали, что вся шревога произошла только опть шого, что хмьль-ный гайдукъ Князя Вишневецкаго прибилъ Русскихъ, и въ свою очередь былъ прибитъ ими. Лжедимишрїй двукратно присылалъ къ посламъ Секретаря Бучинскаго, успоковалъ ихъ и сказалъ имъ, что онъ пакъ хорошо принялъ въ руки Государшво, что безъ воли его ничего произойши не можешъ. Не смонря на увѣренїя сїи, послы посшавили спражу у себя на дворѣ, а Воевода Сендомирскїй и сынъ его расположили, на занимаемыхъ ими дворахъ, всю прибывшую съ ними Польскую пѣхошу съ хоругвями и барабанами.

Спража въ Кремль пакже бодрешвовала и схватила ночью прокравшихся въ крѣпость шесшь подозрительныхъ челошкъ, кошорыхъ приняли за лазупчиковъ. Трехъ изъ нихъ умершвили, а оспальныхъ избили.

Въ Пятшницу 16-го числа, уже въ Русскихъ Légende. лавкахъ, оппказывали продавалъ Полякамъ порошъ и всякое оружїе. Сполъ явная непрїязнь встревовала Польскихъ Жолнеровъ. Они объявили о предшоящей опасности Воеводу Сендомирскому, кошорый донешъ о шомъ Самозванцу. Но разсприга смѣялся надъ сими разсказами, и дивился малодушїю Поляковъ. Впрочемъ для успокоенїя ихъ, вс-

лѣтъ на слѣдующую ночь разспавишь по улицамъ караулы изъ Спрѣльцовъ. Кажется, что онъ весьма полагался на приверженность къ себѣ сего войска, и что на сей увѣренности наиболѣе основывалась его безопасность. Онъ разсчитывалъ, что 10,000 Спрѣльцевъ, 5,000 Поляковъ и 300 Нѣмцевъ достапочно для обузданія неспройныхъ скопищъ Московской черни.

Такъ какъ Пяшница прошла спокойно, то сами недовѣрчивые Поляки начали думать, что волненіе народное утихло, и въ семъ предположеніи они беззаботно предалися сну. Но въ сіе самое время мятежъ готовился разразиться. Князь Шуйскій съ поварищами, видя, что народное стремленіе опереживаетъ принимаемыя ими мѣры, почли неумѣспнымъ дальнѣйшее оплагательство, и рѣшились приступишь немедленно къ исполненію своего предпріятія. Хотя разсприга сидѣлъ еще на Московскомъ престолѣ, но все Русское уже безпрекословно повиновалось имъ однимъ. По повелѣнію ихъ, осьмнадцати-тысячное войско, споявшее въ семи верспахъ за городомъ и долженствовавшее слѣдовать къ Ельцу, ночью съ 16-го на 17-е, введено въ столицу разными воропами. Въ ту же ночь всѣ двѣнадцать городскихъ воропъ были заняшы посланными ошъ Болръ дружинами, кошорыя не пропускали никого въ столицу, ни

изъ оной. Такъ, какъ самые приближенные придворные принимали участіе въ заговорѣ, то Шведскіе шѣлохранители, изъ коихъ всегда по спущеніи человѣкъ находилось во дворцѣ, получили отъ нихъ приказаніе именемъ Самозванца, иные въ Пятницу вечеромъ, а другіе въ Субботу рано по утру, разошлись по домамъ, шакъ чшо всего оспалось на спржаѣ при дворцѣ только шридцать алебардщиковъ. Московскіе обыватели провели всю ночь въ ожиданіи набаша; они, по сдѣланной имъ повѣстки, съ первымъ звономъ колокола должны были спешиться на Красную площадь.

Сказаніе еше содѣяся.

Въ Субботу, около чешырехъ часовъ утра, ударили въ колоколь, сперва у Ильи Пророка близъ госпинаго двора, и пошчасъ же набашъ раздался по всему городу. Со всѣхъ концовъ, тысячи людей съ ружьями, саблями, шопорами и рогатицами спремались къ Красной площади, гдѣ сидѣли уже на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ въ полномъ вооруженіи. На шревогу выбѣжали изъ домовъ своихъ и шѣ изъ Москвитянъ, которые неизвѣсны были о заговорѣ; имъ говорили, чшо Липва бѣешъ вельможъ Русскихъ, и они спѣшили за прочими, на помощь знашнымъ единокровнымъ своимъ.

Дневникъ
Пословъ.

Начальникъ заговора, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, видя, чшо Москва дружно возшашецъ за

Legende и
сказаніе.

Русь, не дождавшись, чшобы вся чернь собралась на площади, предложилъ дворянамъ немедленно напасъ на дворець, дабы не дашь времени Самозванцу опомниться и можетъ бышь скрыпсья. Всъ согласились, чшо благоразуміе прѣбовало не мѣшкашь. Шуйскій, съ креспомъ въ одной рукѣ, и съ мечемъ въ другой въхалъ въ Кремль чрезъ Спасскія вороша, въ сопровожденіи заговорщиковъ. Подъхавъ къ Успенскому собору, онъ слѣзь съ коня, приложился къ иконѣ Владимірской Богоматери, и обращаясь къ шолпившемуся уже передъ соборомъ народу, воскликнулъ: *Во имя Божіе идите на злого еретика!* Все хлынуло ко дворцу.

Дневникъ
пословъ.

Лжедимитрій, ни мало не предвидя гоповащейся для него бѣды, всю ночь провелъ въ пированіи, и съ разсвѣтомъ вышелъ освѣжиться на крыльцо. Услышавъ набатъ, онъ спросилъ, для чего звонятъ. *Пожаръ*, ошвѣчали ему *, и онъ, не подозрѣвая ничего, спокойно воропился въ чершогн свои. Но вскорѣ грозный вопль приближающихся буншовщиковъ снова вспревожилъ его. Онъ вы-

* *Примчаніе.* Въ дневникъ Польскихъ Пословъ сказано, что отвѣтъ сей данъ Самозванцу Княземъ Димитріемъ Шуйскимъ, но нѣтъ вѣроятія, чтобы сей Князь находился при разстригѣ, въ то самое время, когда родной братъ его собиралъ уже народъ для нападенія на дворець. Развѣ Князь Димитрій не былъ ли въ числѣ гостей, пировавшихъ ночью съ Лжедимитріемъ?

слать почевашаго во дворць Басманова узнашь, чпо происходишь. Басмановъ уже нашель весь Беръ. дворъ наполненнымъ вооруженными людьми, кошорые на спросъ его, чего хопяшь и чпо за звонъ, ошвѣчами ему ругательными словами, и шребовали, чпобы онъ имъ выдалъ Самозванца. Тогда Басмановъ кинулся назадъ, и приказавъ алебардщикамъ не впускать никого во дворець, поспѣшилъ къ разспригъ и сказалъ ему: *Мятежь! я умру,* Дисшикъ пословъ. *а ты спасайся!* Въ самомъ дѣлѣ, Лжедимишрій однимъ бѣгствомъ могъ избавишься опъ угрожающей ему опасности. При немъ находилось шолько шридцать алебардщиковъ и нѣсколько Польскихъ слугъ и музыкантовъ, и слѣдшвенно не было дошашочныхъ средствъ для обороны. Алебардщики, видя свое малолушество, шакъ оробѣли, чпо даже Беръ и Пешей. допустили, чшобы одинъ изъ дворянъ, бывшихъ въ числѣ заговорщиковъ, пробрался между ими и вбѣжалъ въ покой, гдѣ находился Лжедимишрій съ Басмановымъ. Увидѣвъ Самозванца, дворянинъ закричалъ: *Ну, безвременный Царь! проспался ли ты? За шель не выходишь къ народу и не даешь ему отгета.* Но дерзновенный сей посшупокъ имѣлъ пагубныя слѣдшвія для пылкаго дворянина; озлобленный Басмановъ схватилъ висѣвшую на шпѣлѣ саблю и разсѣкъ ему голову. Самъ Лжедимишрій, не опшожившій еще своего самонадѣянія,

не перялъ надежды присущспвіемъ своимъ укро-
пипъ мяшежъ. Вбѣжавъ въ переднюю, гдѣ споя-
ли алебардчики, онъ выхватилъ мечъ у Курлянд-
ца Шварцгофа, вышелъ въ сѣни и, грозя мечемъ
народу, крнчалъ: *Я самъ не Борисъ!* Но вспрѣчен-
ный выспрѣлами, онъ спѣшилъ удалиться во вну-
шренніе покои. Мужеспвенный Басмановъ сдержалъ
данное имъ Самозванцу слово,—жершвовашъ собою
для его спасенія. Оспавшись въ сѣняхъ, онъ спалъ
уговаривашъ Бояръ, чшобы помнили свою присягу
и удержали народъ опъ своевольсшва. Въ опшвѣшъ
ему, избавленный имъ опъ ссылки, думный дворя-
нинъ Тапищевъ зарѣзалъ его ножемъ, и шрутъ
его былъ боярами сброшенъ съ крыльца. Такимъ
образомъ, необыкновенный мужъ сей, прежде из-
мѣнившій законному Государю своему, не опказал-
ся запечашгѣшъ собспвенною кровію върносъ
свою къ шому, кого самъ въ дружескихъ бесѣдахъ
признавалъ за Самозванца. Сіе объясняешся шоль-
ко шѣмъ, чшо главнѣйшая спрасъ его была че-
сполоубіе, къ удолешворенію коего гибель Царя
Ѳеодора Годунова опкрывала ему пущъ, какъ на-
прошивъ шого съ паденіемъ Лжедимишріа исчеза-
ла для него всякая надежда сохранишъ свое могу-
щество.

По смерти Басманова, ничшо уже не удержи-
вало буйныя шолпы; Нѣмцы алебардчики, ни мало

не расположенные послѣдовавъ его великодушному примѣру, положили оружіе, и народъ не только разломалъ двери, но даже вырубилъ нѣсколько бревенъ въ стѣнѣ и наводнилъ дворець. Лжедимишрїй съ досады рвалъ на себѣ волосы, и побѣжалъ объявивъ Маринѣ о бунтѣ, а попомъ поспѣшилъ черезъ ея покои пробраться въ каменный дворець, но и шупъ не надѣясь найши возможности укрыться, онъ выскочилъ изъ окна на подмоспки, устроенныя для свадебнаго празднества. Съ однихъ подмоспковъ онъ хопѣлъ перепрыгнувъ на другія, но оступился, упалъ съ 15-ти саженой вышины на жишный дворъ и вывихнулъ себѣ ногу.

Писрле.

Марина, едва пробудившаяся отъ сна, была не одѣта; наскоро надѣвъ юбку, она въ безпамятствѣ сбѣжала внизъ подъ своды, но не находя тамъ безопасности, ворошила на верхъ. Среди общаго замѣшательства, и при помощи ея слишкомъ простаго наряда, ее не узнали и сполкнули съ лѣспницы. Однако она добралась до своего покоя и тамъ оспалась съ женскою свишою своею. Вскорѣ люди, преслѣдовавшіе разспригу изъ комнаты въ комнату, спали ломившись и въ покой, гдѣ находилась Марина. Камердинеръ ея Осмульскій, желая оспановить ихъ, упорно защищался въ дверяхъ. Многія полученныя имъ раны не поколебали его рѣшимо-

Дневникъ
Марины.

Дневникъ
пословъ.

спи, и онъ продолжалъ отиспанивать дверь до шѣхъ поръ, пока ружейный выстрѣлъ не положилъ его на мѣсѣ. Спрѣля въ него, Русскіе случайно ранили смертельно находящуюся въ комнатѣ спарую панью Хмелевскую. Москвичи бросились грабить Марину и бывшихъ при ней женщинъ, и оставили ихъ въ однихъ сорочкахъ. Можешь бышь, ихъ ожидала еще и горшая участь, но геройская преданность Осмульского не совѣтъ осталась для нихъ бесполезною. Она дала время Боярамъ присѣсть на выручку ихъ. Бояре разогнали буйствующихъ людей, отвели Марину и женщинъ ея въ особую комнату, къ кошорой приставили спражу, а вещи ихъ, опечашанныя, приказали положить въ кладовую.

Между шѣмъ нѣсколько десятковъ спрѣльцовъ, споящихъ на спражѣ близъ того двора, на кошорый упалъ Лжедмитрій, нашли его лежавшимъ безъ чувствъ, оплили водою и перенесли на каменный фундаментъ, сломаннаго по приказанію его деревяннаго дворца Царя Бориса. Придя въ себя, Самозванецъ спалъ умолять Спрѣльцовъ, чпобы обороняли его, обѣщая имъ въ награду женъ и помѣстья Бояръ. Обольщенные Спрѣльцы рѣшились споять за него и опюгнали ружейными выстрѣлами первыя нолны людей, обѣжавшихся къ шому мѣсѣу, гдѣ находился разспрага. Но

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій убѣждалъ еди- Паерле.
нотышленниковъ своихъ докончивъ начатое и го-
ворилъ имъ: *Мы имѣемъ дѣло не съ такимъ чело-
вѣкомъ, который могъ бы забыть малѣйшую оби-
ду; только дайте ему волю, онъ запоетъ другую
пѣсню: предъ своими глазами погубить насъ въ
жесточайшихъ мукахъ! Такъ мы имѣемъ не про-
сто съ каварнымъ плутомъ, но съ свирѣпымъ ку-
довищемъ; задушимъ, пока оно въ ямѣ! Горе намъ,
горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если бѣстія вы-
ползетъ изъ пропасти! Тогда въ народѣ завопи-
ли: Поидемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ
сѣмейства стрѣльцовъ, если они не хотѣтъ выдать
измѣнника, плута, обманщика! Сею угрозою усп-
рашенные стрѣльцы бросили ружья свои, и не
препятствовали Боярамъ схвативъ Лжедимишрїя Беръ.
и внесъ его въ дошолъ занимаемые имъ покои
деревяннаго дворца, кошорые вмѣсто прежняго
великолѣпія являли уже отвращительныя сѣды
грабительства и разоренія. Въ передней Самозва-
нецъ прослезился, увидѣвъ алебардчиковъ своихъ
споявшихъ безъ оружія и съ поникшею головою.
Одинъ изъ нихъ, Ливонецъ Фиршенбергъ, сжалив-
шись надъ нимъ, пробрался въ комнапу, куда по-
ложили его, вѣроятно въ намѣреніи прислуживашъ
ему. Но преданность Фиршенбергова содѣлалась
для него самою гибельною; одинъ изъ дворянъ*

заговорщиковъ закололъ его. Попомъ всѣ обступили Самозванца, на котораго вмѣсто сорванного съ него плаща, надѣли кафшанъ пирожника. Озлобленные люди безжалостно вымѣщали на немъ за понесенныя ошъ него обиды. Тѣ, копорые довольствовались руганъ его, оказывались милосердыми, въ сравненіи съ другими, ударявшими его. Вообще домогались, чшобы онъ самъ сказалъ, ошкуда онъ родомъ. Но несчастный зналъ, что только упорствуй въ самозванствѣ, можешъ нѣкоторыхъ людей оспавить въ сомнѣніи и шѣмъ сохранишь слабую надежду къ спасенію своей жизни. Въ семъ убѣжденіи, онъ не прешавалъ увѣрять, что дѣйствительно сынъ Царя Іоанна Васильевича и ссылался на свидѣтельство матери своей, копорую просилъ допросить. Въ семъ ему не ошказали, и

Пасрае. Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, съ чепырью другими сановниками, ошправились въ Вознесенскій монастырь, и именемъ опечества шребовали ошъ Царицы чиспосердечнаго признанія. Царица съ раскаліемъ объявила, что сынъ ея, пораженный въ Угличѣ по повелѣнію Бориса, почно умеръ у нея на рукахъ, а что сего ей невѣдомо ошкуда пришедшаго, злодѣя согласилась принять за своего сына только по женской слабости спраха ради. Нагіе шакже подтвердили ся слова. Князь Голицынъ, ворошнвшись во дворець, сказалъ разспри-

Дала Польскія, Де Ту, Пасрае и Беръ.

гъ, что мнимая мать опраекается отъ него. Сра-
женный сею вѣспію, Самозванецъ спалъ просипъ,
чтобы его вывели на лобное мѣсто, общаясь
шамъ всенародно объяснишь истину. Слова сіи
были приняты въ видѣ косвеннаго признанія. На-
роду, толпившемуся подъ окнами на дворѣ, и при-
лежцо освѣдомляющемуся о всѣхъ рѣчахъ Лжеди-
митрія, объявили, что онъ винишся. Тысячи го-
лосовъ завопили: *Бей его, руби его!* Тогда между
наполняющими царскіе чершогі людьми, пропѣс-
нился Боярскій сынъ Григорій Валуевъ, и сказавъ:
Чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю
Польскаго свистуна, ружейнымъ выстрѣломъ изъ-
нодъ армяка убилъ разспригу. Присутствующіе
въ ожесточеніи своемъ, саблями свѣли бездушный
шрупъ и сбросили его съ крыльца на пѣво Бас-
манова, говоря: Ты любилъ его живаго, не расста-
вайся и съ мертвымъ. Нѣсколько времени спустя,
чернь, обнаживъ оба шрупа, повлекла ихъ чрезъ
Спасскія ворота на Красную площадь. Тѣло Лже-
дмитрія шамъ положили на сполъ, длиною въ ^{Маржереть и}
аршинъ, шакъ, что свѣсившіяся ноги касались груди ^{Длевникъ по-}
^{словъ.}
Басманова, положеннаго на скамѣ, нодъ споломъ.
Прискакавшій верхомъ изъ Кремля дворянинъ съ Петрей,
волынкую и маскою, всунулъ волынку разспригъ
въ рошъ, а маску положилъ на брюхо и связалъ:

Ты, негодяй, часто насъ заставлялъ дудить; теперь самъ дуди въ нашу забаву.

Местъ народная еще не удовлетворялась убіе-
ніемъ Лжедмитрія. Оспавалось раздвѣляться съ
Поляками, не менѣе его ненавистными. Изъ най-
денныхъ во дворцѣ Польскихъ музыкантовъ 17-тъ
человѣкъ были убиты, а оспальные восемь оспа-
влены за мершво. Чернь, упоенная буйствомъ и
подспрекаемая переодѣтыми монахами и попами *,
бросилась къ домамъ, занимаемымъ Поляками. Вез-
дѣ, гдѣ по малолюдству своему иноземцы сіи или
вовсе не оборонялись, или оборонялись безуспѣшно,
ихъ безцадно убивали или грабили, а женъ и до-
черей уводили. Въ особености кровопролитіе бы-
ло ужасное на Никитской улицѣ, гдѣ жили Мари-
нины служители. Ожеспоченные Москвитяне не
оказывали должнаго праводушія даже и въ отно-
шеніи къ шѣмъ, кои опдавались имъ на вѣру.
Пашъ Тарло, запершись въ домѣ своемъ съ супру-
гою своею, съ панькою Гербурповою и паномъ
Любомирскимъ, гоповился защищаться; но по убѣж-
денію бывшихъ при немъ женщинъ, согласился по-
ложить оружіе, въ замѣнъ даннаго ему оптъ напа-

Дневникъ по-
словъ, Днев-
никъ Мари-
ны, Беръ и
Пасрал.

* *Примчаніе.* О семь содѣйствіи Русскихъ духовныхъ лицъ, свидѣтельствуеть, впрочемъ, только Полякъ, писавшій дневникъ Марины.

дащелей клятвеннаго обѣщанія, что не будетъ ему причинено ни малѣйшаго вреда. Но лишь только онъ выдалъ имѣющіяся у него въ домъ ружья и сабли, то народъ вломился къ нему, убилъ тридцать изъ его служителей, другихъ переранилъ и все имущество разграбилъ. Съ самаго пана Тарло сорвали всю одежду до послѣдней рубахи. Той же участи подверглись супруга его, панья Гербуршова и панъ Любомирскій. Впрочемъ, среди исповснвъ самоуправія, чувствво состраданія не во всѣхъ сердцахъ угасло; нѣкоторыя изъ Поляковъ были спасены хозяевами занимаемыхъ ими домовъ, которые дали имъ способъ укрыться. Также опспоялись дома воеводы Сендомирскаго, сына его и Князя Вишневецкаго, обороняемые многочисленными служителями. Первымъ ударамъ подверглася воевода по случаю сосѣдства занимаемаго имъ Годунова дома опъ дворца, но самое обспояпельство сіе послужило къ его спасенію, ибо дало возможность находящимся во дворцѣ дворянамъ во время прскаканья на его выручку. Уже народъ осыпалъ камнями дворъ и подвезъ пушки для разгроменія прочныхъ стѣнъ дома, но дворяне удержали чернь и шребовали, чннобы воевода высылалъ опъ себя довѣреннаго къ Боярамъ. Министру, колебався, опасаясь подвергнушь гибели высланнаго, но когда дворяне предложили ему принять въ

аманашы одного спрълецкаго голову, по онъ рѣшился пересадить черезъ заборъ старшаго служившаго своего Гоголинскаго. Призванный въ думу Боярскую, Гоголинскій убѣдился, что Русскіе сановники не раздѣляютъ свирѣпой ярости своихъ соопечесивенниковъ противъ Поляковъ. Тапищевъ опъ имени прочихъ членовъ думы сказалъ ему: *Всемогущій Богъ взираетъ на всѣ царства, и по воли своей располагаетъ ими; безъ воли же Его ничто не можетъ быть. Сіе должно сказать о нашемъ столицемъ происшествіи. Господь не восхотѣлъ, чтобы хищникъ, не царской крови, овладѣлъ нашимъ Государствомъ, доле утѣшался своею добычею. Господство его кончилось. И твой панъ, по всей справедливости заслуживаетъ равную участь: онъ покровительствовалъ Самозванцу, привелъ его въ наше Государство, былъ виною всѣхъ минувшихъ бѣдствій и кровопролитія; наконецъ въ спокойной землѣ нарушилъ миръ и произвелъ мятежъ. Но Богъ сохранилъ его до настоящаго часа; да восхвалятъ теперь благодать Господню: опасность его миновала. Иди и возвѣсти о семъ господину твоему. Сін слова, изъясняющія справедливое негодованіе, удержанное въ предѣлахъ приличія и умѣренности, успокоили воеводу. Для вѣщаго охраненія его, Бояре приславили къ дому спражу изъ спръльцовъ.*

Изъ всѣхъ пановъ только одинъ Князь Вишневецкій дѣйствительно находился гошовымъ къ оппору, ибо зналъ, что былъ предметомъ злобы Москвичей. На занимаемомъ имъ обширномъ дворѣ Господаря Волошкаго, онъ держалъ въ сборѣ 200 копѣйщиковъ своихъ. Бояре также прислали для охраненія его небольшой спрѣлецкій опрядъ, но оный не въ состояннн былъ удержашъ подспушившія многочисленныя толпы, копорыя ворвались было на дворъ, но были опогнаны ружейными выспрѣлами Поляковъ. Тогда Москвичи подвели пушку и съ новымъ ожеспоченіемъ бросились къ двору. Вишневецкаго люди защищались храбро. Сраженіе сдѣмалось упорное; однихъ Русскихъ пало до 300. Со спороны Поляковъ уронъ дополъ былъ незначипельнъ; спрѣля изъ-за спѣнъ, они лишились только 18-ни человекъ. Но должно было предвидѣнъ, что имъ долго не успоашъ пропнвъ непомѣрнаго числа нападающихъ на нихъ обывашелей.

Между шѣмъ Бояре, съ сокрушеніемъ видѣвннѣ, что поржеспво дѣла опечеспвеннаго запляпнвашся кровопролнпемъ бесполезнымъ, прилагали всѣ возможныя уснлія къ прекращенію онаго. Они скакали изъ улицы въ улицу, унимая народъ. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій и Иванъ Никипьевичъ Романовъ явились передъ домомъ Вишневец-

каго, уговаривали его не продолжаясь бесполезнаго сопротивленія и кляшвенно обѣщали, что онъ останеся невредимъ, если повѣришь имъ свою участь. Вишневецкій согласился на сіе и выпустилъ ихъ къ себѣ. Шуйскій прослезился, увидѣвъ дворъ, успанный Русскими трупамн. Вишневецкаго, для спасенія его отъ ярости народной, отослали въ другой домъ; но чернь разграбила имущество и обобрали людей его.

Дневникъ
Пословъ.

Бояре присущесвиемъ своимъ спасли также Маринина брата, спароспу Саноцкаго. Впрочемъ на домъ его не сильно напиралъ народъ, попому что оный только одною улицею отдѣлялся отъ Посольскаго двора, гдѣ находилось въ сборѣ довольно значительное число вооруженныхъ Поляковъ.

При первомъ слухѣ о мяшежѣ, Послы заперли дворъ свой и обсадили гайдуками заборъ, въ намѣреніи защищаться до послѣдней крайности. Но болѣе чѣмъ оборонительными мѣрами, охранялись они народнымъ правомъ, споль священнымъ для Москвичей, что доспапочно было увѣщаній находящихся при послахъ приспавовъ для удержа- нія отъ неврізненныхъ дѣйсвій шоплящихся около двора людей. Бояре, съ своей стороны желая успокоить пословъ, послали къ нимъ дво- рянина Нащокина съ шоварищемъ. Гонсѣвскій, вы- шедшій для свиданія съ ними, спалъ въ воро-

шахъ. Нащокинъ не слѣзая съ коня, сказалъ: Князь
Федоръ Ивановичъ Мстиславскій да Князь Василій
и Князь Дмитрій Ивановичи Шуйские, и другіе О убійствѣ
Бояре товарищи ихъ, велѣли сказать вамъ, По- Дмитрія Го-
сламъ Сигизмунда, Короля Польскаго и Великаго сударя Мо-
Князя Литовскаго: Въ областяхъ Государя ваше- сковскаго, въ
го извѣстно было, что послѣ смерти Царя Ивана рукописяхъ
Васильевича остался малолѣтнѣй сынъ Дмитрій, Пулавской
и жилъ въ Угличѣ. Но, по грѣху нашему и по библиотекн.
воля Божіей, Дмитрій Ивановичъ, законный Царе-
вичъ нашъ, лишился жизни дѣйствіемъ злыхъ лю-
дей. Долгое время спустя, Гришко Богдановъ сынъ
Отрепьевъ, монахъ дьяконъ, вдавшись въ ересь и чер-
нокнижество, и опасаясь за то наказанія, бѣжалъ въ
область вашего Государя въ Литву, и тамъ назвав-
шись Царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, обманулъ
и насъ и васъ. Единоземцы ваши вступили съ нимъ въ
Государство Московское. Потомъ и мы взбунтовав-
шись послѣ смерти Царя Бориса Федоровича, при-
няли его себѣ въ Государя. Сѣвъ на престолъ, онъ
разорялъ Государство, жилъ безчинно, хотѣлъ ис-
требить нашу христіанскую вѣру и ввести ерети-
ческую. Царица, которую онъ называлъ матерью,
изоблигла его передъ Боярами, и какъ всѣ убѣди-
лись въ обманъ, то долѣе его терпѣть не хотѣ-
ли. Теперь не стало вора. Однако жъ такъ какъ вы
Послы, присланы отъ вашего Государя, отъ земли

къ землѣ, то вамъ опасаться нечего. Болре прика-
зали тщательно оберегать жизнь вашу. Только
предостерегаютъ васъ, чтобы вы и люди ваши не
лыбиались съ Старостою Саноцкимъ, съ его люди-
ми и съ другими, не при васъ находящима, ибо
ни вы къ нимъ, ни они къ вамъ ни по чему не при-
надлежите. Они прѣехали съ воеводою Сендомир-
скимъ, съ надеждою завладѣть Московою, и прили-
чили много зла Русскимъ людямъ. Гонсѣвскій оп-
вѣчалъ по Русски: Правда, извѣстно было у насъ,
что послѣ великаго Государя вашего Ивана Ва-
сильевича остался сынъ Дмитрій! Также слышно
было и о томъ, что Борисъ Годуновъ велѣлъ его
убить измѣннически. Но потомъ, когда сей чело-
вѣкъ явился въ Государствѣ Короля, его милости,
разсказывая, что онъ именно тотъ Дмитрій Ива-
новичъ, и что Богъ чудесно спасъ его отъ гибели, то
люди наши, жалѣвшіе прежде о смерти Дмитрія,
порадовались видя его въ живыхъ. Да и вы сами радо-
вались, считая его истиннымъ Царевичемъ Дмитрі-
емъ Ивановичемъ. Ваши же Русскіе люди и самые
думные Болре посадили его на престолъ. Нынѣ, какъ
сказываешь ты, узнавъ, что онъ самозванецъ, убили
вы его. Намъ до того дѣла нѣтъ — пусть Богъ по-
можетъ вамъ по правдѣ вашей. Мы послы весьма
покойны по предмету нашей безопасности, ибо не
только съ Христіанскихъ Государствъ, но даже

и въ бусурманскихъ, особа Пословъ неприкосновенна.
Однакожь мы благодаримъ Бояръ за ихъ доброжелательство. Что же касается до пана Старосты Саноукаго и до другихъ подданныхъ Короля, его милости, прибывшихъ сюда съ панолю воеводою, то и они приѣхали не на войну и не для того, какъ вы говорите, чтобы завладѣть Моеквою, а на свадьбу, по приглашенію того, кто былъ у васъ Государемъ, васъ самихъ и всей земли вашей, чрезъ посредство посланника вашего. Они вовсе не вѣдали, чтобы Государь вашъ не былъ истиннымъ Дмитріемъ, и неистовствъ также никакихъ не дѣлали. Если же кто изъ служителей причинилъ кому обиду, то на то есть судъ: за виновнаго никто не стоитъ, только за вину одного не должны страдать всѣ. И такъ поблагодаривъ дульныхъ Бояръ за пріязнь, которую черезъ васъ намъ изъявляютъ, просите ихъ нашимъ именемъ, строго наблюдать, чтобы не проливать кровь людей Короля, его милости ни въ чьей не виновныхъ и охраняемыхъ существующимъ между обоими Государствами миромъ. Упаси Господи, если станутъ убивать ихъ передъ нашими очами! Тогда не только не въ состояніи мы будемъ удерживать челяди нашей, но сами не будемъ равнодушно смотрѣть на кровь братьевъ нашихъ, и согласимся лучше всѣ влиять погибнуть. Какія же отъ того могутъ быть послѣдствія, легко рассу-

дять думьныи Болрамъ и ванъ самими! Нащокниъ донесъ Болрамъ о слышанномъ имъ. Они для надежнѣйшаго предохраненія Пословъ, почли необходимымъ пославши на спражъ при ихъ дворъ

Дневникъ
пословъ.

Польскіе Жолнеры не подали ни малѣйшей помощи погибающимъ соопечеспвенникамъ своимъ. Ромы Юрія и Яна Мнишковыхъ хопя сначала и показывали нѣкопорую гошовность иппи на вырчку своихъ пановъ и сѣли на коней, но шакъ какъ заговорщики успроили завалы на улицѣ, ведущей къ занимаемому ими двору, шо они не опважились преодолѣшь сіе препятствіе, и до шаккой степени упали духомъ, што безъ всякаго сопрошвненія, позволили заперешъ себя на своемъ дворѣ, гдѣ у нихъ ошобрали оружіе, лошадей и все имущество ихъ. Самозванцева ропя, по крайней мѣрѣ, не покорилась шакъ постыдно. Она выѣхала изъ города въ поле, и шамъ заключила договоръ, по коему получила дозволеніе возвращишься въ Польшу, но съ упрашою всего имущества своего.

Пасраж.

О убійствѣ
Дмитрія.

Пасраж.

Наконецъ за часъ до полудня, прекрапилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ. Современники не согласуюцца въ исчисленіи жершвъ сего кроваваго упра. Если вѣришь Де-Ту, основывающему разсказъ свой на словахъ Капишана Маржерета,

Поляковъ пало 1,200, а Русскихъ 400. Поляки уменьшаютъ уронъ своихъ единоземцевъ и весьма увеличиваютъ таковой же Русскихъ. Напропивъ этого Нѣмецкій Паспоръ Беръ увѣряетъ, что однихъ Поляковъ убило 2,135.

Казалось, что посредствомъ мятежа порже-спвующая чернь не скоро возвратится къ законному порядку и что должно было еще опасаться новыхъ своевольствъ и насилій. Но Москва отличилась явленіемъ необыкновеннымъ. Жители ея, наказавъ справедливо, но свирѣпо и самоуправно обидчиковъ опечесства, мирно предалися опдохновенію и домашнимъ зачатіямъ своимъ. Въ слѣдующую ночь цѣлый городъ былъ погруженъ въ глубочайшее молчаніе и тишину; также и на другой *Légende*. день не было ни малѣйшей тревоги.

Но важныя заботы ожидали еще Русскихъ. Царскій престолъ, очищенный огъ *vora*, находился празднымъ. Церковь также не имѣла главы; ибо поповникъ папешства, Игнашій, не могъ оставаться Папріархомъ; его опослали подъ начальство въ Чудовъ монастырь. Престарѣлый Папріархъ Іовъ, во время ссылки своей ослѣпъ, и потому нельзя было ему снова вручить управление церкви. Предстояло избрать и новаго Царя и новаго Папріарха.

Начальникъ народнаго возстанія, Князь Васи-

лій Ивановичъ Шуйскій, споялъ уже на такой высокой степени могущества и знаменитости, что и безъ имени Царскаго казался насюющимъ Государемъ, и что вѣнецъ прародителя его Момоха какъ бы самъ собою ложился на главу его. Но сіе самое ошвращало опть него Бояръ, желавшихъ, чтобы избранный ими, имъ же, а не самому себѣ былъ обязанъ своимъ величіемъ. Къ тому же должно замѣнить, что въ самомъ дѣлѣ, не смотря на знатность его происхожденія и чрезвычайныя способности устойчиваго и обширнаго ума, воцареніе его не обѣщало Россіи той прочности, въ коей въ особенностяхъ она нуждалась послѣ претерпѣнныхъ ею бѣдствій. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ онъ былъ бездѣльнымъ, и слѣдственно должно было опасаться или новыхъ смутъ, съ упраздненіемъ престола сопряженныхъ, или, что наслѣдуетъ по немъ братъ его, Князь Дмитрій, коего за неспособность и злонавіе вообще презирали и ненавидѣли. Въ сихъ обстоятельствахъ, не удивительно, что многіе вельможи показывали склонность принять Государя изъ дома Голицыныхъ, которые послѣ Шуйскихъ и Мстиславскаго, рѣшительно не желавшаго престола, считались первѣйшими людьми въ Государствѣ. Совершеннолѣтнихъ Князей Голицыныхъ было тогда четверо: три брата родныхъ—Василій, Иванъ

и Андрей Васильевичи, и двоюродный ихъ братель Иванъ Ивановичъ Шпакъ. Сей послѣдній, хотя старшій въ родѣ, былъ опечерченъ по причинѣ его ничтожности. Также не полагали чтобы приличіе дозволяло вручить державу, Князю Василю Васильевичу, споль обезславившему себя злодѣйскими дѣйствіями своими прошивъ Царя Ѳедора Борисовича. Попому всѣ помышленія друзей Голицыныхъ успремались къ избранію Князя Ивана Васильевича. Но въ первомъ пылу народной признательности къ Князю Шуйскому, не легко было бы убѣдить Московскихъ гражданъ предпочесть кого бы то ни было сему Князю, который раздѣлялъ съ ними труды и опасности мятежа и копората всѣ признавали первымъ виновникомъ избавленія опечерства. Для того, прошивники его почли необходимымъ медлить избраніемъ. Ими направляемая дума Боярская разсудила, что въ споль великомъ дѣлѣ нужно сослаться со всѣмъ Государствомъ и предославить Великой Земской Думѣ возвестить на престолю, кого цѣлая Россія признаетъ достойнѣйшимъ.

Но Шуйскій съ своей стороны не оставался въ бездѣйствіи. Понимая, что мнѣніе Бояръ, по видимому основанное на суцей справедливости, внушаемо было имъ однимъ недоброжелательствомъ къ его лицу, онъ ни сколько не располо-

Беръ. Женъ былъ спокойно дожидаться, чтобы охладилась признательность народная къ нему, и пошому рѣшился немедленно обратиться къ суду Москвитянъ. Спараніемъ его приверженцевъ, 19-го числа въ 6 часовъ утра, купцы, разношники и ремесленники, спекались на Красную площадь. Бояре, встревоженные симъ скопищемъ, вышли также на площадь, въ сопровожденіи знающаго духовенства; намѣреніе ихъ было, отвлечь народъ отъ избранія Царя, предложивъ ему заняться выборомъ Патриарха, а между тѣмъ разослать грамоты во все города Россійскаго государства, чтобы выборные люди съѣзжались въ Москву, для назначенія Государя общимъ совѣтомъ. Но народъ возопялъ, что для исцѣленія опеченченыхъ язвъ Царь нуженъ Патриарха, и что пошому сперва слѣдуетъ избрать Царя, который уже самъ назначитъ Первосвященника. Тогда клеветы Шуйскаго стали разглашаться, что никто не можетъ имѣть болѣе права на престолъ, какъ *мужественный и благородный обличитель и посягатель нечестиваго Отрепьева*, присовокупляя къ тому, что самъ Князь Василій Ивановичъ происходитъ отъ ближайшей отрасли древняго царственнаго дома. Въ отвѣтъ имъ, со всехъ сторонъ площади, закричали: *Да будетъ надъ нами надо естли Князь Василій Ивановичъ*, Вельможи не посмѣли проши-

Рукопись
Филарета.

вишься общему побужденію, и сами провозгласили Шуйскаго Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи.

Новый Царь прямо съ площади повхалъ въ Успенскій Соборъ. Хотя не Бояре возводили его на престолъ, не менѣе того не желая раздражить первое сословіе въ Государствѣ, онъ не отказался исполнить даннаго обѣщанія своимъ прежнимъ товарищамъ, во время соспавленія заговора прощивъ разсприги. Прежде нежели кто либо изъ Русскихъ присягнулъ ему, онъ самъ торжественно въ соборъ цѣловалъ крестъ по изготовленной записи на шомъ, чптобы никого не казнили смертію безъ суда боярскаго, чптобы не опнимаъ имѣнія у невинныхъ женъ и дѣшей изобличенныхъ преступниковъ и чптобы, не давая вѣры пайнымъ донощикамъ, спавишь ихъ съ очей на очи съ оговоренными, и въ случаѣ клеветы подвергати такому же наказанію, какое законъ опредѣлялъ за взводимое ими преступленіе. На другой день списки съ сей важной записки посланы были во всѣ города Россійскіе вмѣстѣ съ извѣстительною грамошою о восшествіи на престолъ новаго Царя и съ образцовою подкрешною записью, по коей повелѣвалось приводить къ присягѣ вѣхъ людей Московскаго Государства. Также разослали

повсюду и грамошу Царицы Марѣы, удостовѣряющую о самозванствѣ Отрепьева *.

Первымъ спараніемъ новаго правительсва было очищеніе Московскихъ улицъ опъ лежавшихъ на оныхъ Польскихъ шруповъ, обезображенныхъ псами и площаднымн лекарями, вырѣзывавшими изъ оныхъ жиръ для соспавленія мнимоцѣлебныхъ мазей. Тѣла сін были вывезены за городъ и похоронены на убогомъ домѣ. Басмановъ былъ схороненъ уже у церкви Николы Мокраго, спараніемъ брата его своднаго Князя Ивана Васильевича Голицына. Но шрупъ Отрепьева оставался еще на площади предметомъ поруганія черни. Въ ночи съ 19-го на 20-е число, показалось сперегуцимъ оной людямъ, что они видящъ около спола, на коемъ лежало тѣло, свѣшъ, который исчезалъ, когда они подходили, и снова просіявалъ, коль скоро они удалялись. Мечпа ли по была ихъ суевѣрнаго предубѣжденія, или дѣйствительно являлся фосфорическій свѣшъ, часпо сопровождающій, посредствомъ гнилости производящееся распвореніе органическихъ тѣлъ; но еспешвенное исполкованіе явленія не было бы сообразно духу тогдашняго времени. Всѣмъ каза-

* Смотри Приложенія № XIV и XV.

лось несомнѣннымъ, что свѣпъ сей означалъ чародѣйство покойника, въ чемъ еще болѣе убѣдились въ слѣдующее утро, когда по приказанію начальства повезли тѣло въ убогій домъ за Серпуховскія ворота. Лишь только миновали ворота сіи, какъ поднялась жестокая буря, которая сорвала крышу съ одной изъ прехъ башень, на воротахъ находящихся, и повалила деревянную городскую стѣну до Калужскихъ воротъ. Къ довершенію убѣжденія народнаго въ чернокнижесствѣ Опрепьева, съ 18-го по 25-е Мая настали силь-Маржереть. ные морозы, повредившіе не только деревья и хлѣбъ, но даже луговую траву. Для прекращенія дальнѣйшихъ злопворныхъ дѣйсвій умершаго колдуна, почли необходимымъ развѣять самый прахъ его. 28-го Мая тѣло его было вырыто и сожжено на кошлахъ. Пепломъ зарядили пушку и Никоновская
Летопись и
Дневникъ
пословъ. выстрѣлили по Смоленской дорогѣ, откуда Само-званецъ пришелъ въ Москву.

Хотя подробное изложеніе походовъ Лжедимишріа достаточно доказываетъ его самозванство, но такъ какъ въ Польшѣ и даже въ самой Россіи есть еще люди, сомнѣвающіеся въ сей истинѣ, то кажеся не лишнимъ представить въ совокупности и шцательнo взвѣснть всѣ доводы, на коихъ могло бы основываться мнѣніе о подлинности перваго Димишріа. Писатели, под-

держивающіе оное, говорятъ: 1-е, что Русскимъ гвѣпописцамъ и Шведскому посланнику Петрею, единогласно утверждающимъ самозванство Ош-репсва, не лзя давать вѣры, потому что Рускіе писали подъ вліяніемъ шоржеспвующей враждебной Димитрію спороны, а Петрей также долженъ былъ ненавидѣть сспественнаго союзника изгнаннаго Шведами Короля Сигизмунда; 2-е, что не заслуживаютъ большаго вниманія и свидѣльство многихъ знаменитыхъ людей въ Польшѣ, какъ по Замойскаго, Жолкѣвскаго и прочихъ, опзывающихся о немъ, какъ о Самозванцѣ, понеже не безызвѣстно никому, въ какой враждѣ Польскіе вельможи жили другъ съ другомъ, пакъ что доспапочно было того, что Вишневецкіе и Мнишекъ принимали Димитрія за истиннаго, чтобы Замойскій и Жолкѣвскій оглашали его подложнымъ; 3-е, что напрошивъ того, современники: Маскѣвичъ, Товянскій, Маржеретъ и Паерле неукоснительно признають его за истиннаго сына Царя Іоанна Васильевича, а Товянскій даже подробно объясняетъ, какимъ образомъ онъ спасся отъ изгопвляемой ему Годуновымъ гибели; 4-е, что невѣроятно, чтобы Король Сигизмундъ рѣшился вспуниться за бродягу, а Мнишекъ выдать за него дочь свою, а также, чтобы Россійское войско и Московскіе бояре поддались ему,

если бы дѣйствительно онъ не имѣлъ ни какого права на присвоемое имъ имя; 5-е, что необыкновенные на пѣлѣ признаки являютъ его насполицимъ Царевичемъ Димитріемъ; 6-е, что если бы онъ былъ бѣднымъ дѣякономъ, то не гдѣ бы ему доспашъ богатый крестъ, который онъ показывалъ Князю Вишневецкому, будучи еще у него въ услуженіи, и наконецъ, 7-е, что Царица инокня Марѳа не согласилась бы признавъ бѣлаго инока за своего сына, и по крайней мѣрѣ при первомъ свиданіи, съ нимъ происходившемъ при великомъ сшеченіи народа, не могла бы оградиться опъ невольнаго содроганія, если бы вынужденною находилась участвовашъ въ богомерзкомъ обманѣ *. На все сіе можно возразить слѣдующее: 1-е, что не всѣ Русскіе лѣтописцы писали въ одномъ духѣ. Напримѣръ Псковская лѣтопись очевидно не благопріятствуетъ ни Шуйскому, ни съ воцареніемъ Романова поржествующей спороцѣ, но и

* *Примѣчаніе.* Большая часть сихъ доводовъ приведены въ доказательство подлинности Царя Димитрія, известнымъ Польскимъ писателемъ Нѣмцевичемъ, который въ Исторіи Царствованія Сигизмунда III размысканія свои о семъ предметѣ дѣлалъ съ такимъ легкомысліемъ, или пристрастіемъ, что не усумнился присокупить еще къ сямъ доводамъ письмо Харлецкаго, въ коемъ сей Польскій Шляхтичъ убѣждаетъ неизвѣстнаго пріятеля своего вѣрить, что Самозванецъ, въ службѣ коего онъ находится, есть истинный Димитрій. Но письмо сіе, въ подлинникъ при-

сія лѣтопись свидѣтельствуесть о самозванствѣ Отрепьева; 2-е, что гадательно приписывать одной, ничѣмъ впрочемъ не доказанной, ненависти къ Мишкѣ и Вишневецкимъ мнѣніе Государственныхъ мужей, каковыми были Замойскій и Жолѣвскій, ошнудь не сообразно съ правилами здравой критики; 3-е, что Польскіе шляхичи Маскѣвичъ и Товянскій, Французъ Маржеретъ, приближеннѣйшій изъ слугъ Самозванца, и Аугсбургскій купецъ Паерле, упртавившій въ Москвѣ во время мятежа привезенные имъ подѣ покровительствомъ Поляковъ повары, ни сколько не могутъ починяться безприсрасными свидѣтелями, и что напрошивъ того, по еспешвенной наклонности къ Самозванцу, они должны были выдавать его за истиннаго Царевича; къ тому же Товянскій въ разказѣ своемъ очевидно баснословишь, ибо увѣряесть, что Димитрій, спасенный отъ убіенія въ Угличѣ, нашелъ убѣжище на

веденное самимъ Нѣмцевичемъ, вовсе не относится до Отрепьева, ибо писано въ Октябрѣ 1607 года, то есть семнадцать мѣсяцовъ послѣ смерти перваго Самозванца. Въ ономъ Харлецкій домогается выдать за истиннаго Димитрія втораго Лжедимитрія, въ лѣтописяхъ Русскихъ называемаго Тушинскимъ воромъ, въ самозванствѣ коего никто, никогда, ни въ Россіи, ни въ Польшѣ не сомнѣвался. На такихъ - то достовѣрныхъ свидѣтельствахъ основывался Польскій Историкъ !

Украинъ, у жившаго памѣ въ ссылкѣ опца своего крестнаго, Князя Ивана Федоровича Мспиславскаго, хопя Князь сей никогда на Украину ссылаемъ не бывалъ, и умеръ въ Кирилловскомъ монастырѣ, въ 1586 году, шо есть за пять лѣтъ до несчастнаго Углицкаго происшествія; 4-е, что Король Польскій, увлеченный Езуитами, могъ полагашъ, что Государственная польза претовала ошъ него поддерживать соперника Годунова, хопя и безъ внушрениаго убѣжденія о дѣйствительности правъ сего соперника. Мнишекъ шакже не долженъ былъ оказывать большой разборчивости, въ признаніи Царскаго происхожденія въ помѣ, што дочь его сажалъ на Московскій престолъ; впрочемъ замѣчательно, что старшій воевода въ душъ своей не сомнѣвался въ самозванствѣ своего зятя, ибо въ противномъ случаѣ онъ не успилъ бы еще въ Самборѣ совершить бракъ Марины, и шакимъ образомъ упрочить на главѣ ся Царскій вѣнецъ, въ случаѣ успѣха зятя, пѣтъ паче, что если бы даже и неудача постигла Дмитрія, шо и тушь для Марины большая бы честь была осавашься супругою или вдовою Московскаго Царевича. Но видимъ, что Мнишекъ не иначе допустилъ бракъ дочери, какъ по воцареніи Самозванца въ Москвѣ. Что же касается до подданства Россійскаго войска и шаковаго жъ

Московскихъ бояръ, что первое было дѣломъ не убѣжденія, а имѣны Басманова, поддерживаемой вообщею независимью къ дому Годуновыхъ, а второе вынуждено возмущеніемъ прельщенныхъ или заспращенныхъ жиделей столицы; 5-е, что одинакіе признаки на шнѣхъ часто всмѣрчаются на людяхъ, не имѣющихъ никакого сродства между собою, и сія игра природы могла бы только подкрѣпить другія доказательства, если бы шакоты существовали, а нисколько не замѣняютъ совершенный недоспашокъ оныхъ; 6-е, что богатымъ крестомъ легко могли снабдить Самозванца направлявшіе его Езуиты; и наконецъ, 7-е, что Царица Марѳа, по собственному объявленію своему, признала Самозванца за своего сына единственно спреха ради, и что впрочемъ первое свиданіе ея съ Опреньевымъ происходило не всенародно, а наединѣ, въ шандрѣ съ глазу на глазъ.

Объяснивъ неосновательность всѣхъ приведенныхъ доводовъ въ пользу Лжедмитрія, оспаривая еще напомнивъ два важныя обстоятельство, каторья, кажется, доспащично оспариваютъ всякое возможное сомнѣніе на счетъ самозванства его. Первымъ мы обязаны самому Опреньеву. Возсѣвъ на Московскомъ престоли и спокойно обладая всѣмъ Государствомъ, онъ неминуемо обязанъ былъ обнаруживать всѣ подробности своихъ во-

хожденій, и какъ справедливо замѣчаетъ знаменитый сочинитель Исторіи Государства Россійскаго, указавъ своихъ воспитателей и хранителей и мѣсна своего убійца въ печеніи двѣнадцати лѣтъ. Не сдѣлавъ сего, онъ самъ предъ современниками и попомощвомъ изобличилъ себя въ обманѣ. Нельзя полагать, чтобы сіе обнародованіе имъ было дѣлано, но до насъ не дошло; ибо если бы и допустишь, что хощя прочіе манифесты Лжедимирія уцѣляли въ нашихъ архивахъ, но что именно сей любопытнѣйшій изъ вѣхъ актовъ утратился, то по крайней мѣрѣ Польскіе Послы не упустили бы сослаться на оный въ преніяхъ своихъ съ Русскими Боярами. Другое обстоятельство, почти равносильное первому, открываетъ намъ Беръ. Сей, жившій въ Москвѣ Нѣмецкій Паспорть, очевидно недругъ Русскимъ и пріятель Полякамъ, сознаетъ однако самозванство Лжедимирія и основываетъ мнѣніе свое на достоверномъ свидѣтельствѣ Голландскаго аптекаря, Клаузенда, служившаго сорокъ лѣтъ при Царскомъ дворѣ, Ливонской дворянкѣ Тизенгаузенъ, бывшей повивальною бабкою у Царицы Марѣи и даже самаго Боярина Басманова. Клаузендъ говорилъ Беру, что Царевичъ походилъ на мать свою, и въ особенности смуглоснѣю лица, а въ Лжедимирія никакого не видно было сходства съ Царицею. Тизенга-

узенова же, безоплучно при Царицѣ находившаяся, съ своей спороны увѣряла его, что сама видѣла Димитрія мершвымъ въ Угличѣ, и что будучи ежедневно съ нимъ, не могла бытъ обмануша никакимъ подмѣномъ. Наконецъ Паспоръ удосповѣряешъ, что самъ, въ присупствіи одного Нѣмецкаго купца, спрашивалъ по довѣренности Басманова: *Ильетъ ли всемилоствѣйшій Государь нашъ право на престолъ Россійскій?* и что Басмановъ опвѣчалъ: *Вы, Нѣмцы, ильете съ немъ отца и брата; онъ жалуетъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Государи; молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною! Хотя онъ и не истинный Царевичъ, однако жъ Государь нашъ: ибо мы ему присягнули, — да и лучшаго Царя найти не можемъ.* При сполъ ясныхъ и безкорыстныхъ свидѣтельспвахъ, подкрѣпленныхъ всѣми извѣсными обспоятельспвами похождения Лжедимитрія, самозванство его не можетъ оставашься предметомъ неразрѣшеннаго еще вопроса.

Впрочемъ многіе даже изъ числа убѣжденныхъ въ самозванствѣ Лжедимитрія, не ввряшъ однако чтобы онъ былъ Опрепьевъ! Нѣкопорые изъ Поляковъ, прибывшихъ съ нимъ въ Москву, увѣряли что онъ былъ побочный сынъ Короля Польскаго, Стефана Баторія; но сіе извѣстіе вполнѣ опровергаешъ пѣмъ, что Польскаго Короля сынъ съ самого рожденія своего находился бы въ Папеж-

ской вѣрѣ, и пошому не было бы ни какой нужды Езуишамъ перекрещивашъ его, какъ они по собственному признанію своему сдѣлали сіе съ Лжедимитріемъ, отпраляя его въ Россію; къ шому же Бапоріевъ сынъ не могъ бы шакъ хорошо знашъ Русскій языкъ, и шакъ худо Лапинскій. Сомнѣніе непризнающихъ, чшобы Самозванецъ былъ Опретьевъ, главнѣйше основывается на свидѣтельствѣ Маржерета, увѣряющаго, чшо онъ зналъ разспригу Опретьева, которій былъ совсѣмъ другой человекъ, чѣмъ Лжедимитрій, и шолько съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ Москву. Но сіе показаніе Француза Капишана объясняется извѣстіемъ, въ Морозовской лѣтописи помѣщеннымъ, изъ коего видимъ, чшо Самозванецъ приказалъ весьма ему преданному монаху Пимену называшься Опретьевымъ, въ надеждѣ шакимъ образомъ зашмишь правду. Напрошивъ шого доказательства, чшо онъ самъ Опретьевъ, ни чѣмъ доспашочно опведены бышь не могутъ. Ибо если онъ не Опретьевъ, шо почему оставилъ безъ наказанія злословящую его мнимую мать свою, Варвару Опретьеву, и почему ни разу не вошелъ въ Чудовъ монастырь, когда священная обитель сія всегда посѣщаема была благоговѣющими къ ней Русскими Царями, и когда ему самому шполь важно было отпраинишь ошъ себя опасную молву, гласившую,

чно онъ спрашивая предъ глазами
ми иноками, прежними поварницами своими.

И такъ добросовѣстный разборъ различныхъ
мнѣній о распригѣ, неминуемо ведетъ къ заклю-
ченію, что первымъ Лжедмитріемъ въ Россіи
былъ Опрепьевъ и противорѣчить еще ему свой-
ственно было бы только шѣмъ, кои, увлекаясь
суешнымъ мудрованіемъ, шѣщались опровергать всѣ
историческія истины, единственно чтобы мы-
слили иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшествен-
ники *.

* *Примчаніе.* Такъ какъ находившійся между Польски-
ми рукописями Пулавской библіотеки дневникъ пана Бор-
ша, никогда напечатанъ не былъ, но вошелъ въ число упо-
требленныхъ нами матеріаловъ, то полагаемъ необходимымъ
представить оный въ Русскомъ переводѣ. Смотри прило-
женія № XVII.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

=

№ 1.

УКАЗЪ

О ПЯТИЛѢТНЕЙ ДАВНОСТИ НА ОТЫСКАНІЕ БѢГЛЫХЪ
КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣта 7106, Ноемврія въ 21 день, Царь и Великій Князь
Феодоръ Іоанновичъ всея Русіи указалъ, и по его Государе-
ву указу Бояре приговорили: Которые крестьяне изъ-за Бо-
яръ и изъ-за дѣтей Боярскихъ и приказныхъ людей, изъ по-
мѣстей и отчинъ изъ Патріарховыхъ, Митрополничихъ, и Вла-
дычничихъ и монастырскихъ отчинъ выбѣжали до нынѣшняго
106 года за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ
побѣгъ, и на тѣхъ помѣщиковъ и отчинниковъ, за кѣмъ они
живутъ, отъ тѣхъ, изъ-за кого они выбѣжали судъ давати и
сыскивати накрѣпко, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ
женами и дѣтьми и со всеми ихъivotы отвозить назадъ,
гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до сего ука-
за лѣтъ за 6, и за 7, и за 10 и больше, а тѣ помѣщики, или
отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣг-
лыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгъ и на тѣхъ, за кѣмъ они жи-
вутъ по нынѣшній 106 годъ лѣтъ за 6 и болѣе Царю и Ве-
ликому Князю Феодору Іоанновичу не били челомъ, и Го-
Ч. I. Прилож. 1

сударь Царь и Великій Князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянѣхъ въ ихъ побѣгѣ на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати, и назадъ ихъ, кто гдѣ жилъ, не возити, а давати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянахъ, которые отъ нынѣшняго году бѣжали за 5 лѣтъ. А которыя дѣла въ бѣглыхъ крестьянахъ засужены, а до нынѣшняго Государева Царева указа не вершены, и тѣ дѣла вершити по суду и по сыску и по сему уложенію.

№ П.

У К А З Ъ

О ХОЛОПЯХЪ КРѢПОСТНЫХЪ И КАБАЛЬНЫХЪ.

Лѣта 7105, Февраля въ 5 день, Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи приговорилъ со всеми Бояры, о холопѣхъ, о полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ людехъ, которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ въ холопствѣ у Бояръ, и у Князей, и у Дворянъ, и у приказныхъ людей, и у дѣтей Боярскихъ и у всякихъ служилыхъ людей, и по полнымъ и по крѣпчимъ, и по докладнымъ, и по всякимъ крѣпостямъ, и по кабаламъ по старымъ и по новымъ записнымъ, и отъ кого которые полные и кабальные холопы побѣжали, и Бояре имена своихъ холопей, и на нихъ крѣпости прислати, а Княземъ и Дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтямъ Боярскимъ, и всякимъ служивымъ людямъ, и гостемъ, и всякимъ торговымъ людямъ своихъ холопей имена и на нихъ крѣпости принести въ холопей приказъ, да тѣхъ холопей имена, которые Государей своихъ служатъ, и которые холопы отъ нихъ побѣжали, и на нихъ крѣпости старыя и полныя, и купчія и докладныя и всякія крѣпости и кабалы записывати въ холопѣвъ приказъ въ книги; а тѣмъ всякимъ холопьямъ крѣпостнымъ людскимъ книгамъ быти за Дьячьею рукою большою для укрѣпленія; а пошлннъ съ старыхъ кабалъ и отъ всякихъ крѣпостей не имати; а приговорилъ Государь и всеми Бояры Московскими Государства всякимъ людямъ холопья имена и на нихъ крѣпости всякія записывати съ нынѣшняго уложенія, без-

срочно; а ближнихъ городовъ Дворяномъ и дѣтемъ Боярскимъ, и всякимъ служивымъ людямъ имена холопы, и на нихъ крѣпости всякія писати въ годъ; а которые Князи и Дворяне и всякіе служивые люди на Государевыхъ на дальнихъ службахъ, въ Астрахани, и на Теркахъ, и на Суншехъ и въ Сибирскихъ городѣхъ, и тѣмъ Княземъ и Дворяномъ и всякимъ служивымъ людямъ въ именахъ холопныхъ, и въ крѣпостяхъ дати сроку на три года; и которые люди служатъ въ холопствѣ у Бояръ и у Князей и у Дворянъ и у приказныхъ людей, и у всякихъ людей по полнымъ и по купчимъ и по ряднымъ полные люди, и тѣ люди и жены ихъ и дѣти въ холопствѣ тѣмъ своимъ Государемъ и ихъ дѣтемъ по прежнему Государеву уложенію Судебнику; а у кого на холопа, или на рабу была полная и докладная, или у кого по ряднымъ и по докладнымъ, или по духовнымъ грамотамъ и по инымъ стариннымъ крѣпостямъ холопи служили, а тѣ будетъ у нихъ полныя и докладныя и рядныя и даныя и всякія старинныя крѣпости, въ Московской пожаръ въ прошломъ во 79 году, и послѣ того въ иные пожары погорѣли или буде инымъ какимъ обычаемъ тѣ у нихъ крѣпости утерялися, и въ томъ у нихъ даваны явки сыщутъ, а тѣ крѣпости на тѣхъ людей нѣтъ, и тѣмъ людямъ на тѣхъ своихъ крѣпостныхъ и на всякихъ старинныхъ людей по прежнему Государеву приговору 101 году Марта имати въ службѣ новыя крѣпости; а которыхъ всякихъ крѣпостныхъ холопей Государь ихъ, отходя свѣта, отъ себя велѣлъ отпустить, и отпускныя имъ даны: и тѣ холопи по тѣмъ отпускнымъ впредь свободны, и женамъ и дѣтемъ ихъ впредь до тѣхъ холопей дѣла нѣтъ; а которые люди до Государева уложенія въ прошлыхъ годѣхъ до лѣта 7094 года Іюня до 1 числа били челомъ въ службу Бояромъ, и Дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтемъ Боярскимъ и всякимъ служивымъ людямъ, и всякимъ торговымъ людямъ, и кабалы служилыя на себя давали, а въ книги того года въ приказѣ Холопья суда тѣ служивыя кабалы не писаны, и которые люди съ Государева уложенія лѣта 7094 году Іюля съ перваго числа, били челомъ въ службу, Бояромъ, и Княземъ, и Дворяномъ, и при-

казнымъ людямъ, и кабалы служивыя на себя давали на Москвѣ съ докладу холопья суда и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ записныхъ въ Московскихъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ тѣ служивыя кабалы записываны до нынѣшняго уложенія 95 году Февраля по 1 числу, и которые люди впередъ лѣта 7105 году Февраля съ перваго числа били челомъ, и впредь учнутъ бить челомъ въ службу всякимъ людямъ, съ докладу Холопья суда и во во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ Московскихъ въ записныхъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ у приказныхъ людей тѣ служивыя кабалы будутъ записаны и тѣ всѣ люди и жены и дѣти у тѣхъ служивыхъ людей въ кабалы писаны, въ службу Государемъ своимъ по тѣмъ служивымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ быти въ холопствѣ какъ и докладнымъ, а отъ Государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служивымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, а челобитья ихъ въ томъ не слушати, по старымъ кабаламъ, а выдавати ихъ тѣмъ Государемъ по тѣмъ кабаламъ до ихъ смерти; а котораго запись новую кабалнаго человека, котораго кабала старая и новая по новому уложенію записана въ книги, а въ томъ кабалномъ холопствѣ у кого родится сынъ, или дочь, и тѣхъ дѣти тѣмъ своимъ Государемъ въ холопи противъ докладныхъ людей, и по Государей своихъ смерти какъ и отцы ихъ; а женамъ послѣ мужей своихъ, и дѣтей послѣ отцовъ своихъ до тѣхъ кабалныхъ записныхъ людей, и до ихъ дѣтей, которые дѣти въ кабалахъ писаны, и которые дѣти въ кабалномъ холопствѣ родятся, дѣла нѣтъ, и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабалныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ не указывати; а которая служивая кабала на холопа и на рабу у котораго Государя старѣе, или буде тѣ оба Государя живуть въ одномъ мѣсгѣ, возметъ на негожъ кто вѣдая новую кабалу, будетъ украдомъ тое кабалу и въ книги запишетъ, и тѣхъ людей и жены и дѣти по тѣмъ по старымъ служивымъ кабаламъ отдавати прежнимъ ихъ Государемъ, а по новой кабалѣ денегъ не имати; а которой Государь поймавъ, приведеть къ Холопью суду своего кабалнаго человека или

рабу, а кабала будетъ Холопья суда въ записныхъ книгахъ записана, и того холопа и рабу по записной кабаль отдавати въ холопство тому его Государю, а въ сносъ дати судъ; а которые кабальные люди учнутъ на себя полныя и докладныя давати, и тѣхъ кабальныхъ людей отсылати, статьями и съ кабалами къ Постельничему, и Намѣстнику трети Московскія; а которые кабальные люди ставъ скажутъ, что они служили прежь сего по кабаламъ, а нынѣ на себя полныя и докладныя, да постомъ, тутъ же скажутъ, что полныя на себя не дають и тѣхъ кабальныхъ людей присылати въ Холопей приказъ, и записавъ въ книги, отдавати тѣхъ кабальныхъ людей по прежнему въ холопа по ихъ кабаламъ, по которымъ повинятся старымъ ихъ Государемъ; а о вольныхъ людѣхъ Государь приговорилъ со всеми своими Болры: которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ у кого добровольно, и тѣхъ вольныхъ людей ставити въ Холопѣй приказъ съ тѣми людьми, кто у кого служитъ добровольно, да тѣхъ вольныхъ людей распрашивати, сколь давно кто у кого служитъ, и кабалу на себя дастъ ли, и которые люди вольные послужили у кого недѣль 5, 6, а кабаль на себя давати не хотять, и тѣхъ людей отпущати на волю; а кто скажетъ, послужилъ у кого добровольно съ полгода, или больше, а кабала на себя дати не хочеть, а сыщутъ то, что тотъ добровольно холопъ у того человека съ полгода, и на тѣхъ вольныхъ холопей служивыя кабалы давати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати по тому, что тотъ человекъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ; а которой Государь того добровольнаго человека приметъ, одлично, того ни кому мимо того Государя ни какъ не примати; а кто того добровольнаго холопа мимо нынѣшнее новое Государево уложеніе приметъ, тѣхъ добровольныхъ холопей сыскавъ, отдавати со всемъ старымъ ихъ Государемъ, у кого кто жилъ добровольно, а въ сносъ давати судъ и управу по Государеву указу.

№ III.

ГРАМОТА УТВЕРЖДЕННАЯ

ОБЪ ИЗВРАНИИ ЦАРЕМЪ БОРИСА ФЕОДОРОВИЧА ГОДУНОВА.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго и всеильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтъ непреступнѣмъ, въ превелицей, и въ премысочайшей, и велемъннѣй и святѣй славъ величества своего, сѣдящаго на престола херувимствѣмъ, съ превѣчнымъ и едиnorodнымъ своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ, и съ божественнымъ и животворящимъ своимъ Духомъ, Имъ же вся освящаются, единосущныя и нераздѣльныя Тронца, равнобожественныя, и равночестныя, и равносопребстольныя, и равносильныя, и равносовѣтныя, и равнодѣйственныя, и равносущныя, и соприносущныя, и собезначальныя, и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ тріехъ составѣхъ единого Божества, Царя царствующимъ и Господа господствующимъ, непреодолимаго и всякія силы крѣпчайшаго, Имъ же царіе царствуютъ и велицыи величаются: сего въ Троицы приснославимаго Бога нашего, недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ, всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создается, и отъ несущихъ въ существо приводится, и отъ рода въ родъ лѣтами исчисляются, отъ него же пріемше, земля наша Руская своими Государи обладаема быти. Ихъ же великихъ Государей, Царей Російскихъ корень изведе отъ превысочайшаго цесарскаго престола, и прекрасновѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладавшаго вселенною. Первый Князь Великій

Рюрикъ содержаша скифетръ великаго Російскаго государства въ Великомъ Новѣгородѣ. По немъ дерзосердый въ храбрскихъ ополченіяхъ сынъ его Князь Великій Игорь, послушны себѣ учинилъ царствующаго града Константинополя Греческихъ царей, на нихъ же и дань взимаше, и изъ Великаго Новагорода въ преславный градъ Кіевъ преселися. По Игорѣ содержаше Російское государство въ Кіевѣ сынъ его Князь Великій Святославъ, исполненъ храбрскаго подвига, и по Дунаю восемьдесятъ градовъ обладалъ. Сіе тріе Російскіе Государя быша до крещенія, понеже Руская земля пребываше во тмѣ невѣрія и омрачена прелестію кумирслуженія. По Святославѣ возсія пресвѣтлая звѣзда, великій Государь сынъ Князь Великій Владиміръ Святославичъ, тму невѣрія просвѣти и прелесть кумирслуженія отгна и всю Рускую землю просвѣти святымъ крещеніемъ, иже Равноапостолень наречеса и, расширенія ради своихъ государствъ, Самодержавны именованъ бысть, нынѣ же отъ всѣхъ покланяемъ и прославляемъ. По великомъ Государѣ по Владимерѣ, самодержства воспримъ скифетръ Російскаго государства сынъ его Князь Великій храбрый Ярославъ Владимеровичъ, иже Болеслава короля побѣди и Грековъ послушныхъ сотвори. По немъ на Російскомъ государствѣ съде сынъ его, Князь Великій Всеволодъ Ярославичъ, иже надъ Половцы и надъ Печенѣги преславную побѣду показа и государство свое крѣпцѣ соблюде. По Всеволодѣ примъ скифетръ, во обдержаніе Російскаго государства, сынъ его Князь Великій Владимеръ Всеволодовичъ, и своимъ храбрскимъ подвигомъ Оракію Царяграда поплъни, и превысочайшую честь царскій вѣнецъ и діядиму отъ Греческаго царя Костантина Мономаха воспримъ, сего ради и Мономахъ наречеса, отъ него же вси Російскіе великіе Государя царствія вѣнцемъ вѣнчахуся. По великомъ Государѣ Владимерѣ Мономахѣ примъ скифетръ Російскаго царствія сынъ его Князь Великій Юри Владимеровичъ Долгорукой, и благочестіемъ просія и все христіанство въ покоѣ и въ тишинѣ соблюде. По немъ съде на Російскомъ государствѣ въ Володимерѣ сынъ его Князь Великій Всеволодъ Юрьевичъ, рачитель благочестію, крѣпкій поборникъ за святыя церкви

и о святой православной христiанствѣ вѣрѣ. По Всеволодѣ содержаше скифетръ Російскаго государства сынъ его Князь Великій Ярославъ Всеволодовичъ, его же соблюде Богъ отъ Батыя въ Великомъ Новгородѣ и съ дѣтми, и по плѣвленіи безбожнаго Батыя, святую и непорочную христiанскую вѣру распространи и святыя церкви паки обнови. По немъ великаго Російскаго государства воспримъ скифетръ сынъ его, храбрый Князь Великій Александръ Ярославичъ, иже надъ Германы показа преславную побѣду на Невѣ; и на крестьянскую вѣру безбожнаго Беркая царя лвояростный гнѣвъ въ Ордѣ укроти и по смерти даромъ чудесы отъ Бога прославленъ. По великомъ Государѣ Александрѣ Невскомъ, сынъ его Князь Великій Даниль Александровичъ отъ Владимира преселися на Москву, и царствiя скифетръ на ней утверди и превысочайшій престолъ царствiя въ ней устрои, иже суть и до нынѣ Богомъ хранимо и соблюдаемо. По немъ воспримъ скифетръ царствующаго града Москвы сынъ его, Князь Великій Иванъ Даниловичъ, всякими добродѣтелями и благочестіемъ украшенъ и немущимъ неоскудную руку всегда простираше, желаше бо вмѣсто пресвѣтлыхъ палатъ воспріяти вѣчное блаженство небснаго царствiя. По Великомъ Князѣ Иванѣ Даниловичѣ, съде на Російскомъ государствѣ сынъ его Князь Великій Иванъ же Ивановичъ, и отъ безбожныхъ Ординскихъ царей вѣру крестьянскую крѣпцѣ соблюдаше и все православіе въ покоѣ и тишинѣ устрои. По немъ воспримъ скифетръ царствiя сынъ его Князь Великій Дмитрій Ивановичъ, достохвальный въ храбрскомъ подвизѣ и преславный въ побѣдѣ именованный Донской, иже побѣди безбожнаго Мамая на Дону и всю Рускую землю въ тихости и немятежи устрои. По великомъ Государѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ, воспримъ въ содержаніе хоругви великаго Російскаго государства сынъ его Князь Великій Василей Дмитріевичъ, и добродѣтельнаго ради его житiя прослави его Богъ, а Рускую землю все православіе помилова отъ нахоженiя безбожнаго Темираксака, пришествіемъ чудотворнаго образа пречистыя своея матери, его же богогласный Лука написа. По немъ съде на Москвѣ сынъ его Князь Великій Василей

Васильевичъ , и Російскую землю отъ иновѣрныхъ крѣпче соблюдаше, и за истинную крестьянскую вѣру, и за святые церкви и за все православіе, отъ безбожныхъ Агарянъ въ плѣнъ лѣтъ бысть, и пакы на свое государство возвращенъ бысть. По Великому Князю Василію, воспринимъ скипетръ великаго Російскаго государства великій Государь сынъ его, Князь Великій Иванъ Васильевичъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и осмотрчивіемъ свое великое государство распространи, Російскаго государства древніе многіе города, которые послѣ Батыева плѣненія къ Польскому королевству отошли, пакы къ себѣ привлече, и отчину свою Великій Новгородъ крѣпко и недвижно устроилъ и Самодержецъ именованъ бысть. По великомъ Государе Иванѣ, хоругви великаго Російскаго государства воспріять сынъ его Князь Великій Василій Ивановичъ, и бодро-опаснымъ своимъ обдержательствомъ всю Рускую землю въ покои и въ тишину отъ иновѣрныхъ содержаше, и прародителей своихъ отчину, великое княжество Смоленское, отъ Польскаго королевства отторже и къ себѣ привлече и послушны сотворилъ. А по великомъ Государе Васильѣ Ивановичѣ, принимъ скипетръ великаго Російскаго государства сынъ его, храбрый великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Руси Самодержецъ, благочестію рачитель, и по крестьянской вѣрѣ крѣпкій поборникъ, и въ своихъ государственныхъ чинѣхъ и въ поведеніяхъ премудръ, и высочайшую честь и вышехвальную славу Царствія вънець на главу свою воспріять, его же взыска отъ древнихъ лѣтъ отъ прародителя своего великаго Государя отъ Владимира Мономаха, и отъ премудраго его разума и отъ храбрскаго подвига вси окрестныя государства имени его трепетали, зане знаменитъ бѣ и храбръ и въ побѣдахъ страшенъ, и мусульманскіе государства: царство Казанское и царство Астроханское подъ свою высокую руку покори и въ плѣну держимыхъ крестьянъ тмочисленныхъ свободы, но и паче же отъ потрясенія меча Германскимъ родомъ устрашишася. По великомъ Государе Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси Самодержцѣ, отъ его царскаго прекраснотѣвущаго корени пресвѣтлая и преславная вѣтвь процвѣте, сынъ

его Государь нашъ, благовърный великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, воспріимъ скипетръ Російскаго царствія, и своимъ царскимъ бодроопаснымъ осмотрѣніемъ во всемъ своемъ въ великомъ Російскомъ царствѣ благочестіе крѣпцѣ соблюзаше, и все православное крестьянство въ покоѣ и въ тишинѣ и благоденственномъ житіи тихо и немятежно устрои, и во всѣхъ его царскихъ великихъ государствахъ Російскаго царствія радостная и свѣтлая и веселія вездѣ исполнена баше; царствующій же градъ Москва тогда возвеличися и преумножися, и всеми благами на вселенней цвѣтлшше, превыше всѣхъ великихъ государствъ; и славно бысть имя великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, во всей вселеннѣй чести и слава величествія его возвыся и прославися, и всѣ великіе государи крестьянскіе и мусульманскіе ему великому Государю любочестныя дары приношаху, по его Царскаго Величествія достоаінію, и въ дружбѣ и въ любви съ его Царскимъ Величествомъ быти желяху; а которые его Царскаго Величества окрестныя недруги и непослушники, тѣ всѣ у его премысочайшія царскіе степени Величества послушны и въ рабскомъ послуженіи учинилися; и великаго его Російскаго царствія отторженныя грады отъ его великаго государства многими лѣты, паки во своя возврати, и ради добродѣтельнаго его житія и милостиваго царскаго нрава въ своихъ государствахъ ко всѣмъ челоукомъ неоскудныя рѣки милосердіа изливаше, по своему Царскому милосердому обычаю, и во всемъ бысть земный ангелъ и небесный пресвѣтлаго рай житель. И грѣхъ ради нашихъ всего православнаго христіанства Російскаго царствія, Господь Богъ, праведнымъ своимъ судомъ, премысочайшаго и преславнаго корени Августа Кесаря Римскаго прекрасноцвѣтушую и пресвѣтлую вѣтвь въ наслѣдіе великаго Російскаго царствія не произведе: едину бо вѣтвь царскаго своего изращенія, отъ своея богозаконныя супруги благовърныя и Христолюбивыя великія Государыни Царицы и Великія Княгини Ирины Ѳеодоровны, всеа Русіи, имѣяше дщерь благовърную Царевну и Великую Княжну Ѳеодосію,

и сія Вседержителя Господа Бога святымъ Его праведнымъ судомъ, преже преставленія его Царьскаго Величества, въ будущей некончаемый вѣкъ небснаго царствія отыде; царствова же великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на своихъ великихъ государствахъ Російскаго царствія, 14 лѣтъ. А послѣ себя великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ скипетродержавія Російскаго царствія, оставь свою благовѣрную великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳедоровну всеа Русіи, а душу свою праведную приказалъ отцу своему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи, и шурину своему царьскому, а великіе Государыни нашей брату, Государю Борису Ѳедоровичю. И благовѣрная великая Государыни наша Царица и Великая Княгиня Ирина Ѳедоровна всеа Русіи, по преставленіи великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи Самодержца, на великихъ своихъ государствахъ Російскаго царствія не изволила быти, а изволила по своему обѣщанію и къ Богу по великой вѣрѣ и душевному желанію, оставити превъсочайшую честь и славу и высоту великаго Російскаго государства, и воспріяти иночески ангельскій образъ, будущихъ ради благъ превъчнаго царствія воздаяніе. Первопрестольнѣйшій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, Архимариты и Игумены и со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре, и дворяне, и приказные люди, и Христолюбивое воинство, и гости, и всѣ православные крестьяня царствующаго града Москвы и всея Рускія земли, съ женами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, великую Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳедоровну всеа Русіи молили, милости просили и били челомъ, чтобъ Государыня по своему царьскому милосердому обычаю положила на милость, ихъ бы сырыхъ до конца не оставила, была на государствѣ въ содержаніи скипетра великихъ государствъ Російскаго царств-

віа, а правити велѣла брату своему царьскому шурина Государю Борису Федоровичю: а блаженные памяти при великомъ Князѣ Федорѣ Ивановичѣ, всеа Русіи Самодержцѣ, по его царьскому приказу, правилъ онъ же Государь Борисъ Федоровичъ. И многажды о томъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, со вѣсѣмъ вселенскимъ соборомъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣхъ чиновъ всенародное множество, били челомъ и молили и просили со слезами безпрестанно по вся дни въ день и въ ночь, чтобъ великая Государыня Царица и Великая Княгиня Ирина Федоровна всеа Русіи, положила на милость, великіе свои Государства все праведное христіанство не оставила сирыхъ. И великая Государыня Царица и Великая Княгиня Ирина Федоровна всеа Русіи, отцу своему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всему вселенскому собору, и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служивымъ людямъ, и гостемъ, и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ и всему православному христіанству отказала, что ей великой Государынь, по своей къ Богу вѣрѣ и по душевному желанію, обѣщаніе свое исполнити и воспріяти иночески Ангельскій образъ, а въ содержаніе скипетра на своихъ великихъ государствахъ быти не изволила; и послѣ преставленія блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича, всеа Русіи Самодержца въ 9 день, оставя превысочайшую царскую честь и славу и высоту, изыде отъ своихъ царскихъ пресвѣтлыхъ полатъ, и вниде въ пречестную и великую обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія Новаго дѣвеча монастыря, тихое и безмолвное иноческое житіе изволила пріяти, земное царство премънивъ, а благолѣпнымъ премъненіемъ единого Христа возлюбилъ и воспріемъ пресвѣтлый ангельскій образъ, наслѣдія ради будущихъ вѣчныхъ благъ небеснаго царствія. Великій же первопрестолникъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня со вѣсѣмъ народомъ всея земля Ро-

сїйскаго государства, прошенїя своего отъ великія Государыни не получиша, со многою скорбію и съ стованїемъ и слезнымъ рыданїемъ отойдоша. И потомъ святѣйшїй Іевъ Патріархъ, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и съ Игумены, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и съ боляры, и съ дворяны, и съ приказными и служивыми людьми, и съ гостми, и все православное христїанство, прїидоша въ Новой дѣвичь монастырь со многимъ плачемъ и рыданїемъ мнозъмъ, благословенїя и милости прошаху у благовѣрныя великіе Государыни Царицы и Великіе Княгини, иноки Александры Ѳедоровны всеа Русїи, глаголюще: « О благовѣрная, милосердая Царица! Ты вмѣсто земнаго царствїя блаженную жизнь избрала еси, красоту жъ и свѣтлость превысокаго Царьскаго Величества мимотекущее житїе возненавидѣ, небеснаго ради царствїя безсмертнаго Христа отъ всея души возлюбила еси, въ слѣдъ того невозвратно пойдѣ прїимъ ангельскїй святолюбный образъ, а насъ оставила еси сирыхъ, безгосударны и безпомощны, неутѣшно плачущихъ и вопїющихъ по вся дни и въ нощи, и великое ваше отечество Росїйское государство небрегомо и беззаступно, а Государя намъ благовѣрнаго Царя въ свое мѣсто не благословила. И нынѣ, о боголюбивая Государыни благовѣрная Царица, инока Александра Ѳедоровна, всеа Русїи! призри на насъ нищихъ своихъ богомольцовъ, и на своихъ рабъ на царскїй сїгкнїть, и на толикое многочеловѣческое христїанское множество; услыши всенародный вопль и рыданїе, утѣши плачь неутѣшный людїи своихъ; воздвигни пакы на царство ваше и отечество ваше возвеличи, христїанскїй же рогъ возвыси; понеже бо нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, царство ваше вдовствуетъ и отечество ваше сиротствуетъ, пресвѣтлыи же превысокіи царскїи престолъ плачетъ сѣдѣщаго на себѣ Царя царствующаго не имый, земля же вся малая съ великими и съ сущими младенцы толицъмъ безчисленнымъ плачемъ вопїетъ: милосердуй о насъ, Царице благопрїятная, не остави насъ погибающихъ, не дай всѣхъ крестьянъ въ расхищенїе, дондеже не увѣдятъ многихъ странъ невѣрнїи языцы, яко царствїе ваше безгосударно и возрадуютъ

ся враги вашего царствія. Тѣмъ же пощади, пощади, пощади, благовѣрная Царице, благослови и даждь Богомъ избраннаго Царя на царство, всѣмъ намъ благонадежнаго Государя всему Російскому царству Самодержца, а брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича: а блаженные памяти при великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, всеа Русіи Самодержцѣ, великіе ваши государства Російскаго царства онъ же великій Государь нашъ Борисъ Ѳедоровичъ правилъ и содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ, по вашему царьскому приказу.» Тако же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и весь вселенскій соборъ, Митрополиты и Архіепископы, и Епископы и Архимариты и Игумены, и царскій сигклитъ, бояре и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и все православное крестьянство Російскаго царства, многіи били челомъ и со слезами милости просили у Государя Бориса Ѳедоровича, глаголюще: «Великій Государь Борисъ Ѳедоровичъ! Тебе единаго предъизбра Богъ и соблюде до нынѣшняго времени, и остави истиннаго правителя Російскому государству, христіанского поборника, святымъ Божиимъ церквамъ теплаго заступника, царьского корени по сочтанію законнаго брака благорасленный цвѣтъ, Государевъ шуринь и ближней пріятель: тѣмъ благосерденъ буди о насъ, пріими моленіе своихъ богомольцовъ и царьского сигклита и всея земля, толикаго многаго христіанскаго множества вопль безвременный и рыданіе и плачь неутѣшный: буди намъ, милосердый Государь, Царемъ и Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всеа Русіи, по Божіей волѣ воспріими скипетръ православія Російскаго царствія; не дай истинные православные вѣры въ поправіе и святыхъ Божиихъ церквей во оскверненіе и всѣхъ православныхъ христіанъ въ расхищеніе.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, таковое къ себѣ непреложное моленіе святѣйшаго Іева Патріарха, и всего вселенскаго собора и всего народнаго множества слышавъ, непреклоненъ бысть къ моленію ихъ, отрицашеся со многими слезами и рыданіемъ, глагола: «Не мните себѣ того, еже хотѣти мнѣ царствовать, но ни въ ра-

зумъ мой приде о томъ, да и мысли моеи на то не будетъ. Какъ мнѣ помыслити на таковую высоту царствія и на престоль такого великого Государя моего пресвѣтлаго Царя? Нынѣ бы намъ промышляти, какъ устроити праведная и безпорочная душа пресвѣтлаго Государя моего Царя и Велико-го Князя Федора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, а о государствѣ и о земскихъ дѣлахъ радѣти и промышляти и правити бы государство тебѣ Государю моему отцу, святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи, и съ тобою бояромъ; а будетъ моя работа пригодится, и язъ за святѣя Божія церкви и государства Московского за одну пядь земли, и за все православное христіанство и за сущихъ младенецъ, радъ кровь свою изліати и голову свою положити.» Святѣйшій же Іевъ Патріархъ, моляше Государя Бориса Федоровича, глаголя: « Милосердый Государь Борисъ Федоровичъ! Не буди противенъ вышняго Бога промыслу, повинися святой волѣ Его, никто же бо праведенъ бываетъ, вопреки глаголя судбамъ Божиимъ. И прежніи убо Цари предъизбраніи Богомъ царствоваху, и сихъ убо благочестивый корень и по-ся-мѣста ведеса, даже до благочестиваго Государя нашего великого Государя Царя и Велико-го Князя Федора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, на немъ же и совершися и конецъ прія; въ него же мѣсто сію царскую честь на тебя возлагаеть и на твои Государевы дѣти, яко по свойству сродственному царьсково сѣмени богонбранный цвѣтъ: его же бо Богъ предъизбра, того и возлюби, и его же пронарече, сего и оправда, его же оправда, того и прослави. Яко же рече божественный Апостоль: его же бо хочу, рече Богъ, тово и помилую, и его же ущедрю, того и ущедрю: мой бо есть даръ; ему же хочу предамъ его. Яко же Пророкъ рече: Жребій убо Божій Царское Величество: на него же возложитъ Богъ, на томъ и совершится. Яко же рече святой Деонисей Ареопагитъ: Превысокою, рече, дражайшею честію предпочтилъ есть Богъ человѣчскій родъ, еже рече предпочтениемъ царскимъ: его же бо дарованіемъ симъ одаритъ Богъ восхоцеть, на семъ уже во чревѣ матери честь сію возложитъ и изъ младенства

на сіе предустроить. Тѣмъ же тебе убо превеликій Государь Борисъ Федоровичъ, не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угодію предъизбираемъ, но по праведному суду Божию: послѣдуемъ христіянскихъ царей древнимъ преданіемъ, яко искони мнози христіянстїи цари, недовѣдомыми судбами Божїими, и не хотяше скифетр царствїя придержаще царствоваху, Богу на се наставляющу народъ единогласіе имѣти, о немъ же Богъ во умъ положитъ имъ, яко же пишеть: гласъ народа гласъ Божїй. Приводитъ же къ сему и свидѣтельство отъ древнихъ божественныхъ Нисанїй, еже глаголетъ о велицѣмъ царѣ Давидъ: сей убо царствїя рогомъ помазанъ бысть, царь силенъ и славенъ во Израили предъизбранъ Богомъ и толикъ преславленъ бысть, яко именемъ его весь Израиль хваляшеся, и въ толикую высоту достиже, яко Христу прародитель бысть и богоотецъ наречеса; тако жъ Іосифъ Прекрасный отъ праведнаго съмени Авраамля произыде, еще и неволею влекома, но судьбами Божїими царствова во Египтъ, и нехотящимъ Египтяномъ. И сія убо отъ начала въ древнихъ до Христа по плоти съ небесе сошествїя. По Христовъ же на землю пришествїи, во благодати православіемъ сіяющихъ наипаче обрѣтаются по степенемъ въ Римскихъ и Греческихъ крестьянскихъ преданїяхъ. Отъ нихъ же первый, православіемъ сіяя яко солнце равноапостоломъ Константинъ, сынъ великаго Консты кесаря Римскаго, иже прежебывшаго тирона, еже есть воинъ при Діоклитїанъ и Максимїанъ царема Римскама; сей убо великій первый крестьянскїй царь Константинъ, во царѣхъ первый къ Богу правовѣріемъ просїя яко солнце, тщанїе же и изысканїе о крестѣ Христовъ толика показа, яко же ннѣ никтоже, и обрѣте его, много же и святыхъ мощей произыска и собра, идолскїя же требы до конца разори и много ина исправленїя по Вozъ показа, и съ небесе свидѣтельствованъ знаменїемъ креста Господня, отнюду же побѣду вземъ враги добѣждаше, и многи языцы во Христа вровати приведе; и сего ради отъ Бога не земнымъ токмо царствїемъ, но и небеснымъ одарованъ бысть, и во крестьянскихъ царѣхъ первый и въ ликъ апостольскїй учиненъ. Потомъ второй царь,

благочестія поборникъ, нечестія обличитель, Феодосій Великій, не тлеснымъ точію видомъ, но и славою предмною высокъ, иже отъ Гратыяна царя въ порфиру царскую одѣянь бывъ и вѣнцемъ царствія вѣнчанъ, отъ сиклита предъизбранъ; при немъ же второй святой Вселенскій соборъ бысть. Подобенъ же сему Великому Феодосію царю и Маркіанъ, великій царь благочестіемъ и вѣрою, храбрѣею же и мудростію изыщенъ зѣло, преже въ чину воинственномъ бысть, потомъ Феодосіемъ царемъ Малымъ на царство возведенъ, по извѣщенію Ивана Богослова; при семъ бысть четвертый святой Вселенскій соборъ. Подобенъ же симъ царемъ Феодосію и Маркіану, Іустинъ Малый и Тивирій: царствующу убо сему Іустину Малому въ Царьградѣ, супружницу имѣя зѣло милостиву, подобну своему праю, яко же и самъ милостивъ есть, именемъ Софію, не бѣ же има сына ни дщери; у него же бѣ совѣтникъ Тивирій, благоваренъ зѣло, красенъ видомъ, лицемъ свѣтелъ, милостивъ и долготерпѣливъ, въ воинствѣ храбръ вели; красоты же ради его и храбрости, царь Іустинъ возлюбилъ его пріемъ во усыновленіе; и первіе украшаетъ его кесарскимъ вѣнцемъ, потомъ же собравъ Патріарха и сиклитъ свой и весь народъ, и поучивъ довольно скиетроцарствія самодержавствія вѣнцемъ вѣнча его, еще живъ сый въ житіи семъ; Іустинъ же царь, вѣнчавъ Тивирія на царство, успе сномъ вѣчнымъ; по умертвіи же Іустиновъ, благочестивый царь Тивиріе, богодатную свою мать царицу Софію жену Іустинову, зѣло почте и яко мать себя имѣя, подѣ областію же его сущимъ недугующимъ и стражущимъ и нищимъ отверзъ сокровища своя, старымъ бысть вождь, печальнымъ утѣха во всѣхъ бѣдахъ помощникъ, и толико яко всѣмъ людемъ прехвально вопити о немъ: втораго, рече, Августа Римскаго кесаря далъ намъ Богъ днесь. Бѣ же у него двѣ дщери, едину даде за Маврикія: той, убо, Маврикій въ воинствѣ храбръ зѣло, его же сочтанія ради дщере своея, Тивирій царь, въ кесарскій санъ устроилъ; помалѣ же, по преставленіи своемъ, и царство свое вручилъ ему. Любезно же чтущи божественная Писанія, многихъ во царѣхъ обрящутъ скиетроцарствія имущихъ, въ порфиру государственную

облачащихся, добръ правящихъ царственная по Бозь, благочестно и праведно, понеже бо Господь достойная приемлетъ, недостойныхъ же вонь измещеть: мнози, убо, звани, мало же избранныхъ. Рече бо Господь: Не всякъ глаголай ми: Господи! Господи! внидетъ въ царство небесное, но творя волю Отца моего, иже есть на небесяхъ. Его же бо судъ обыдетъ Божій, будетъ ему; мнози бо и нехотящии приидоша въ не же звани быша отъ Бога: не вы бо дѣйствующе сія, но творяй въ васъ Духъ Святой. Яко же пишетъ: Всяко добро бываемо, кромъ Бога не сотворится, ниже сотворится можетъ; яко же рече Господь: Безъ мене не можете сотворити ничесоже. «По семъ же убо святѣйшему Іеву Патріарху отъ божественныхъ Писаній свидѣтельствовавшу, Государю же Борису Ѳедоровичю отнюдь къ моленію непреклонно пребывшу, и по вся дни многижда святѣйши Іевъ Патріархъ наединъ съ Государемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ особъ молаше со слезами и прещаше ему Государю, дабы не ослушался повелѣнія Божія и утолилъ бы плачь и рыданіе и вопль многонародный, и воспріялъ бы скифетродержавіа Російскаго царствія; Государь же Борисъ Ѳедоровичъ никакоже повинужа глаголемымъ, но всячески слезнымъ рыданіемъ отрицашеся. И паки святѣйши Іевъ Патріархъ съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы, и съ Архимариты, и съ бояры, и весь царскій сигклитъ, по многи дни моляху Государя Бориса Ѳедоровича со слезами, не презрѣти слезъ ихъ моленія и всенароднаго множества плача и рыданія. Государь же Борисъ Ѳедоровичъ никакоже преклонися къ ихъ моленію. Дворяне же, и приказные люди, и дѣти боярскіе, и служивые люди, и гости и торговые люди, и все православное христіанство, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, безотступно со многимъ слезнымъ рыданіемъ у Государя Бориса Ѳедоровича милости прошаху, чтобъ надо всемъ православнымъ христіанствомъ милость показалъ, не далъ ихъ въ расхищеніе, былъ имъ милосердымъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ, по тому же, какъ ихъ всѣхъ православныхъ христіанъ своимъ милосердымъ правительствомъ содержалъ, при великомъ

Государь Царь и Великому Князю Федору Ивановичю всеа Русии; и святѣйшему Геву Патріарху и всему вселенскому собору, безпрестани неотходно въ день и въ ночь со слезами вопіяху, чтобы святѣйшій Гевъ Патріархъ и весь вселенскій соборъ молили Государя Бориса Федоровича и милости просили, чтобы ихъ не оставилъ сирыхъ и не далъ бы ихъ въ расхищеніе. Государь же Борисъ Федоровичъ не преклонися никакоже къ моленію ихъ. Святѣйши же Гевъ Патріархъ Московски и всеа Русии, о семъ положи на Бога упованіе и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чудотворцовъ, дондеже исполнится Четырдесятница блаженные памяти благовѣрнаго Царя и Великого Князя Федора Ивановича, всеа Русии Самодержца, и до времени какъ съядутся со всею землей Російскаго государства Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, еже на велицѣхъ соборѣхъ бывають, и съядутся государскіе дѣти розныхъ великихъ государствъ, которые подъ царскою высокою рукою были, служили Великому Государю Царю и Великому Князю Федору Ивановичю всеа Русии, и весь Царскій ситклицъ всякихъ чиновъ, и царства Московскаго служивые и всякіе люди; и посла по Митрополитовъ, и по Архіепископовъ, и Епископовъ, и по Архимаритовъ, и по Игуменовъ, и по бояръ, и по воеводъ, и по дворянъ, и по приказныхъ, и по служивыхъ, и по всякихъ людей; и всего Російскаго государства Митрополитомъ же, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и всему освященному собору, и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служивымъ людямъ, и гостямъ, и всемъ православнымъ крестьяномъ всего Російскаго государства, которые на Москвѣ, приказалъ, чтобы все единодушно молили Господа Бога и Пречистую Его Матерь и всехъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ устроилъ всему православному крестьянству полезная, яко же вѣсть святая Его воля, и помыслили бы все обще кому у нихъ Государемъ быти. Минувше Четырдесятницъ по Великому Государю Царю и Великому Князю Федору Ивановичю всеа Русии Самодержцу, и всемъ вкупъ сошедшимся въ царствующій градъ Москву, Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ и всему освя-

ценному собору, и бояромъ, и дворяномъ, и всякимъ чиновнымъ людямъ, и Христолюбивому воинству, и гостемъ, и всенародному множеству, Февраля въ 17 день, въ пятокъ на мясопустной недѣль, святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, велѣлъ у себя быти на соборъ о Святѣмъ Дусѣ сыновомъ своимъ, пресвященнымъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и Архимаритомъ и Игуменомъ, и всему освященному собору вселенскому и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служилымъ людямъ, всему Христолюбивому воинству, и гостемъ, и всемъ православнымъ крестьяномъ всѣхъ городовъ Російского государства. И говорилъ имъ на соборъ: что по преставленіи блаженныя памяти, святаго, и праведнаго, и милостиваго, и храбраго, и счастливаго, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, били челомъ и со слезами молили благовѣрную Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳедоровну всеа Русіи, чтобы она Государыня милость показала, скипетроцарствія содержала, а насъ бы нищихъ и сирыхъ не оставила; и великая Государыня, аки крѣпкій адамантъ душею, не изволила престоль свой содержати, а изволила пріяти святый иноческій ангельскій образъ; и мы били челомъ ей Государынѣ, чтобы она Государыня показала намъ нищимъ богомолцомъ своимъ и всему православному христіанству милость, благословила въ свое мѣсто на царство намъ Государя брата своего, Государя нашего Бориса Ѳедоровича; и Государыня Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, за умноженіе грѣховъ нашихъ, милости не показала жъ, брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на царство не благословила; а Государю Борису Ѳедоровичю тако жъ били челомъ, и молили и просили слезнымъ рыданіемъ по многіе дни безотступно, чтобы намъ былъ милосерднымъ Государемъ; и Государь Борисъ Ѳедоровичъ не пожаловалъ, о государствѣ отказалъ; и язь Іевъ Патріархъ и со мною весь освященный вселенскій соборъ, да и вы, бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣхъ чиновъ и всякіе люди всея земли, о томъ о великомъ дѣлѣ положили на Божію волю и отсрочи-

ли до Четырдесятницы; и нынѣ, по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, по великомъ Государь Царь и Великомъ Князь Ѳедоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержцъ, Четырдесятница совершилася, а святая его царская праведная душа въ вѣчное блаженство небеснаго царства со всеми святыми вселися: и вы бы, преосвященные Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и бояре и дворяне, и приказные люди, и гости, и дѣти боярскіе, и всѣхъ чиновъ всякіе люди царствующаго града Москвы и всеа Російскія земля, всѣ православные крестьяны, о томъ о великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государствѣ Государемъ быти? А у меня Іева Патріарха, и у Митрополитовъ, и у Архіепископовъ, и у Епископовъ, и у Архимаритовъ, и у Игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ и у служивыхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо Государя Бориса Ѳедоровича иного Государя никого не искати и не хотѣти. Слышавше же сія Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и всѣ православные крестьяне, которые пріѣхали изъ дальнихъ городовъ въ царствующій градъ Москву, велегласно едиными усты глаголаху: Нашъ совѣтъ и желаніе то жъ единомысленно съ тобою, отцемъ нашимъ великимъ господиномъ, Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всеми освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ дворяны, и со всеми православными крестьяны, еже неотложно бити челомъ Государю Борису Ѳедоровичю, а опричь Государя Бориса Ѳедоровича на государство никого же не искати. И сіе во свидѣтельство приводяще: «По Божію жъ изволенію и по своему милосердію, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, сочталъ за сына своего за великаго Государя нашего Царя и Велико-

го Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳедоровну всеа Русіи, благозаконнымъ бракомъ, а взявъ ее Государыню въ свои царскія полаты не въ совершенномъ возрастѣ семи лѣтъ, и была питома въ его царскихъ полатахъ до сочетанія брака; а Государь нашъ Борисъ Ѳедоровичъ при его царскихъ пресвѣтлыхъ очѣхъ былъ всегда безотступно по тому же не въ совершенномъ возрастѣ, и отъ премудраго его царскаго разума царственнымъ чиномъ и достоянію навѣкъ. И по преставленіи великаго Государя Царевича Ивана Ивановича, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, Государю нашему Борису Ѳедоровичю говорилъ: что Божіими судьбами, а по его грѣху, Царевича Ивана не стало, и онъ въ своей кручинѣ не часть себя долгого живота: и я полагаю сына своего Царевича Ѳедора и Богомъ дарованную дочь свою Царицу Ирину на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на великихъ Чюдотворцовъ, и на тебя Бориса, и тыбъ объ ихъ здоровьѣ радѣлъ и ими промышлялъ: какова мнѣ Богомъ дарованная дочь Царица Ирина, таковъ мнѣ и ты, Борисъ, въ нашей милости какъ еси сынъ. Да и последнее на Государь нашемъ Борисѣ Ѳедоровичѣ свое царское милосердіе, по своей царской милости, учинилъ мимо прежніе обычаи: егда же восхотѣвшу Богу во онъ вѣкъ безконечный преставити отъ житія сего Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, тогда повелѣлъ приити къ себѣ духовнику своему Архимариту Ѳеодосью, хотя ему исповѣдати последнее исповѣданіе и пречистыхъ Христовыхъ таинъ отъ него комкаться; и въ то время былъ Государь Борисъ Ѳедоровичъ предстоя у его царскаго одра; тогдажъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, представляя во свидѣтельство духовника своего Архимарита Ѳеодосья, слезъ очи свои наполнивъ, глагола Государю нашему Борису Ѳедоровичю: тебѣ приказываю сына своего Ѳедора и Богомъ дарованную дочь свою Ирину; ты же соблюди ихъ отъ всякихъ золъ: аще ли не соблюдеши, ихъ воздаси о нихъ отвѣтъ предъ Богомъ;

на тебѣ възыщеть Богъ душа ихъ. И егда же, по Божіей милости и по благословенію отца своего, Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Богомъ вѣнчанъ бысть и восприя державу скипетро Російского царства: тогда Государь Борисъ Ѳедоровичь, помня приказъ Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, ихъ государское здорovie хранилъ аки зѣнницу ока, и попеченіе объ нихъ веліе имѣлъ, и великіе ихъ государства отовсюду оберегалъ съ великимъ радѣніемъ и со опасеніемъ и попеченіемъ многымъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и бодроопаснымъ содержаниемъ учинилъ ихъ царьскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ ихъ государствамъ много пространствіе и расширеніе, во всемъ прибыли, во вѣки въ превѣчную славу и похвалу учинилъ, и превысокого ихъ царьского степени величества окрестныхъ прегордыхъ непокорныхъ царей, ихъ царскимъ приказомъ, а своимъ храбрскимъ и премудрымъ промысломъ и радѣніемъ ко всему православному христіанству, благопослушны и повинователны сотворилъ, и побѣдилъ прегордо хвлящагося царя Крымскаго, и непослушника короля Свейскаго подъ государеву царьскую высокую десницу привелъ, и города, которые были за Свейскимъ Королевствомъ, поймалъ; а къ нему къ царьскому шурину къ Государю къ Борису Ѳедоровичю, о любви, и о дружбѣ, и о мирномъ постановленіи, и о покоѣ, и о тишинѣ, цесарь хрестыанскій, и самтанъ Турскій и шахъ Персидской, и короли изо многихъ государствъ, пословъ своихъ присылали со многою честію; и всѣ великіе государства Російскаго царствія тихи и не мятежны устроилъ, и воинственной чинъ въ призравніи, и во многой милости, и въ строеніи учиненъ, а все православное христіанство въ покоѣ и въ тишинѣ, а бѣдныя вдовы и сироты въ милостивомъ въ покровеніи и въ крѣпкомъ заступленіи, и всемъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія изливались, и вся Руская земля во облеченіи учинена, и святая наша и непорочная христіанская вѣра сіяеть во вселеннѣй выше всѣхъ, яко же подъ небесемъ пресвѣтлое солнце; и славно бысть благо-

вѣрнаго Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и его благовѣрныя Царицы и Великія Княгини Ирины Ѳедоровны всеа Русіи, ихъ Царьскаго Величества имя, отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя. А какъ Крымской Казыгррей царь приходилъ на Рускую землю, со многимъ воинствомъ хваляшеся, хотя православную и непорочную христіанскую вѣру разорити, а святыя церкви во оскверненіе предати и святыню въ пограніе положить, и православное христіанство съ ихъ женами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы Російскаго царствія безъ милости нещадно мечю предати хотѣлъ; и по Божьей милости, а по Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи Самодержца по повелѣнію, его Царьскаго Величества шурина Государя Бориса Ѳедоровича отъ его премудраго разума и храбрскаго подвига, Крымской царь побажень и преодолень и премногое его воинство побѣдено бысть и съ великимъ срамомъ во своя возвратился; и сиецаваго ради подвига и знаменитаго храбрства Государь Борисъ Ѳедоровичъ сподобленъ бысть отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, отъ его царскихъ рукъ на выю свою возложенія чепи отъ злата Аравійска, и царскіе багрянцы его царскихъ плечъ, и судна златаго, зовомый Мамай, прародителя своего великаго Государя Дмитрія Ивановича Донскаго, которые взялъ у безбожнаго Мамаю, какъ его побѣдилъ.» Болре же, и дворяне, и приказные, и всѣхъ чиновъ всякіе люди всея Рускія земля, и гости, и все православное христіанство, со многими слезами и съ великимъ воплемъ святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи били челомъ, чтобы святѣйшій Іевъ Патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ; великую Государыню Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Русіи, и ее брата Государя нашего Бориса Ѳедоровича, молили и милости просили со слезами, чтобы великая Государыня пожаловала благословила брата своего, а нашего Государя Бориса Ѳедоровича, на свои великія государства Російскаго царствія Государемъ, а Государь бы Борисъ Ѳедоровичъ, для слезъ и

возмѣрнаго плача всея Рускія земля, положили на милость, на тѣхъ великихъ государствахъ Російскаго царствія быти Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всея Русіи Самодержцемъ. И святѣйшій Іезъ Патріархъ Московскій и всея Русіи, слышавъ ихъ челобитье и слезное рыданіе, толикаго множества народа всея земли крѣпкій советъ и единомышленіе, рѣки слезъ отъ очію испусти, глаголя: «Благословенъ Богъ, советъ благъ давшему во всенародное се множество и единомысліемъ утвердившему.» И о семъ положи упованіе на Бога и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чюдотворцовъ, глаголя: Яко же Господеви годъ, тако и будетъ. Тако же святѣйшій Іезъ Патріархъ, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты, и съ Игумены, и съ бояры, и съ дворяны, и съ приказными, и съ служивыми людьми, и съ гостями, и со всемъ православнымъ крестьянствомъ, советуется, чтобы въ субботу Мясопустную, Февраля въ 18 день, на первомъ часу дни, всему освященному собору и всемъ бояромъ и дворяномъ и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ царствующаго града Москвы и всея Рускія земля, быти въ великую соборную апостольскую церковь Пречистые Богородицы, и молити всесильнаго Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іону и всѣхъ великихъ Чюдотворцовъ Рускихъ и всѣхъ Святыхъ, чтобы милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, устроилъ полезная всему православному христіянству и желаніе сердца ихъ исполнилъ; и во уреченный день исправивъ молебная во святѣй величѣй апостольствѣй церкви, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы всенароднаго множества въ Новой-дѣвичь монастырь ити, и съ Божіею помощію всемъ единогласно, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, милости просити у великіе Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всея Русіи, и у брата ее у Государя у Бориса Ѳедоровича; и будетъ Государыня Царица положить на милость, насъ пожалуетъ, благословитъ брата своего, а Государя нашего, Бориса Ѳедоровича на государство всея великія Росіи, и Государь Борисъ Ѳедоровичъ насъ пожалуетъ, будетъ на госу-

дарствъ : и намъ богомолцѣмъ ихъ, и съ нами всему освященному вселенскому собору, во святѣй величѣй соборной апостольскѣй церкви совершити молебная пѣнія, а вамъ бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ царствующаго града Москвы и всея Рускія земли; и будетъ вашъ советъ съ нами единомыслень, и язъ васъ благословляю, со всемъ вселенскимъ соборомъ. И бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и всѣхъ чиновъ всякіе люди, и все православное крестьянство всея Рускіе земли, выслушавъ патріарши рчи, единогласно со слезами и съ воплемъ всѣ патріаршѣ и всего вселенскаго собора советъ похвалили и били челомъ, чтобы они неотложною мыслию и крѣпкимъ советомъ утвердили; а ихъ бояръ и дворянъ, и приказныхъ и служивыхъ людей, и всего православнаго христіанства всея Рускія земли, советъ и хотѣніе то же : кто похочетъ мимо Государя нашего Бориса Ѳедоровича, и сына его Государя нашего Ѳедора Борисовича и тѣхъ дѣтей, которыхъ ему Государю впредь Богъ дастъ, иного Государя искати и хотѣти, или какое лихо кто похочетъ учинити и умышляти на Государя Бориса Ѳедоровича, и на Государыню нашу Марью Григорьевну, и на ихъ дѣтей на Ѳедора Борисовича и на Ксенью Борисовну, и на тѣхъ дѣтей, которыхъ ему Государю впредь Богъ дастъ : и намъ Бояромъ, и окольнымъ, и дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дьякомъ, и гостемъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людямъ, извѣстити на того извѣнника святѣйшему Іеву Патріарху, и Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ и всему освященному вселенскому собору, и стояти на того государева извѣнника всею землею обще заединъ; а мнѣ Іеву Патріарху, и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и всему вселенскому собору, того извѣнника проклятію предати и отлучити отъ церкви Божіи, и предати градскому суду. Слышавъ же крѣпкій советъ и хотѣніе всея земля, святѣйшіи Іевъ Патріархъ Московскій и всея Русіи, со всемъ вселенскимъ соборомъ, воздавъ славу и благодареніе Господу Богу и пречистой Его Матери, и глагола благодарственной стихъ Богородицъ: До-

стойно есть; и призвавъ Бога въ помощь и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ и всѣхъ Святыхъ, благословилъ ихъ, что имъ съ нимъ со святѣйшимъ Іезомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, быти единомышленно на томъ на всемъ, какъ они приговорили; и совѣщавшеса вси вкупѣ и нарекоша день итти въ Новой въ дѣвичь монастырь въ понедѣльникъ Сырныи недѣли, и бити челомъ Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ и Государю Борису Ѳедоровичю всѣмъ единодушно; и въ субботу Мясопустную, и въ недѣлю и въ понедѣльникъ Сырныи недѣли, по три дни пѣше молебная во святѣй величѣй соборнѣй апостольствѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, моливше Господа Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іону и всѣхъ Святыхъ, о всѣхъ же на пользу стронимыхъ всему православному крестьянству, чтобъ подаровалъ намъ Господь Богъ, по прошенію нашему, благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, всему Російскому государству Самодержца. И въ той же понедѣльникъ Февраля въ 20 день, святѣйшій Іезъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и со всѣми бояры и со всенароднымъ множествомъ, идоша въ пречестную обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрія въ Новой-дѣвичь монастырь, и Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Ѳедоровичю всеа Русіи, и Государю Борису Ѳедоровичю, со слезами били челомъ и много молихомъ; и грѣхъ ради нашихъ, Государыни благовѣрная Царица и Великая Княгини инока Александра Ѳедорона, всеа Русіи, на милость не положила, брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на государство не пожаловала; а Государь Борисъ Ѳедоровичъ милости не показалъ же, а говорилъ святѣйшему Іезу Патріарху: «Какъ тебѣ государю и отцу своему и всему вселенскому собору, и бояромъ и дворяномъ и всему православному крестьянству, говорилъ прежде сего, и нынѣ то же говорю: не мните себѣ того, что мнѣ помѣлать на такого Великаго Государя пресвѣтлаго и праведнаго

Царя превысочайшую царскую степень на высоту царствія его.» И много о томъ со многими слезами моляше Патріарха, а говорилъ, что ему о томъ и въ разумъ не придетъ Первопрестольнѣйши же святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и Митрополиты и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и все православное христіанство, о семъ въ недоумѣніи мнозъ бысть и во мнозѣй скорби и въ плачи неутѣшимомъ, отойдоша со мною скорбію отъ великія лавры въ царствующій градъ Москву. И пакы святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи созываетъ къ себѣ о Святѣмъ Дусѣ сыновей своихъ пресвященныхъ Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимаритовъ и Игуменовъ, и весь освященный вселенскій соборъ, и бояръ, и дворянъ, и приказныхъ и служивыхъ людей, и гостей, и всѣхъ православныхъ крестьянъ, съ ними же благъ совѣтъ совѣтуетъ, чтобъ божественное празнество соборнъ сотворити пресвятѣй пречистѣй и пренорочнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ во святѣй величѣй соборнѣй апостолстѣй церкви, идѣ же многочисленныя мощи Петра и Іоны и прочихъ пресвященныхъ Митрополитовъ Московскихъ и всеа Русіи, и по всѣмъ святѣмъ церквамъ и по честнымъ монастыремъ; также повелѣ праздновати и въ честномъ монастыри пречистыя преславныя Владычица нашей Богородицѣ и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, идѣже изволи жити великая Государыни благоверная Царица и Великая Княгини ивока Александра въ Новомъ дѣвичь монастырѣ, вечерня и всенощное пѣти; и сотворше во святыхъ церквахъ всепразнественная, взяше честныя и животворящія кресты и великія чудотворныя образы, пречистыя Богородицы Владимерскіе чудотворную икону, юже богогласный Лука написа, и чудотворную икону пречистыя Богородицы Донскіе, иже надъ безбожнымъ Мамаемъ побѣду показа, и чудотворцова Петрова писма пречистыя Богородицы образъ, и отъ прародителей государскихъ чудотворный образъ Одегитрія

пречистые Богородицы, еже есть въ Вознесенскомъ дѣвичь монастырѣ, и иные многіе чудотворные образы, итти въ Новой дѣвичь монастырѣ на утрю во вторникъ Сырныя недѣли Февраля въ 21 день, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и съ царьскими свѣтлыи, и со всенароднымъ безчисленнымъ множествомъ всея земля великого Російского государства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, молити всемилоствяга въ Троицы славимаго Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ, о вселенскомъ устроении и о благостоянии святыхъ Божіихъ церквей и утвержении святыхъ православныхъ нашея христіанскіе вѣры, и дабы Господь Богъ умилосердился на насъ, послалъ дхновеніе Святаго Духа въ сердца великія Государыни нашея Царицы и Великія Княгини иноки Александры Ѳеодоровны всея Русіи, и брата ея Государя нашего Бориса Ѳеодоровича, умягчилъ бы ниву сердцу ихъ, чтобъ они великіе Государи слезъ моленія нашего не презрѣли; и молебная пѣнія и божественную литургію совершивше, молити и бити челомъ великой Государыниъ благовѣрной и Христолюбивой Царицы и Великой Княгиниъ иноки Александрѣ Ѳеодоровицѣ всея Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Ѳеодоровичю, чтобы Государыни благовѣрная Царица на милость положила, на царство брата своего Государя нашего Бориса Ѳеодоровича, а Государь бы Борисъ Ѳеодоровичъ милость показалъ, былъ намъ благонадежный великій Государь Царь и Великій Князь, всея Русіи Самодержецъ: егда како услышитъ милосердый Богъ, и пречистая его Мати пренепорочная Владычица и Приснодѣва Марія преславная Богородица умилосердився призрѣти на смиреніе наше, и молитвъ нашихъ не презрѣти и толикаго всенароднаго безчисленнаго множества безвременныхъ слезъ и вопля безрестаннаго, и извѣститъ имъ милосердый Богъ о насъ, яко же вѣсть святая Его воля. Къ сему же святѣйшій Іевъ Патріархъ въ духовнѣ особы тайнѣ совѣтъ совѣцваетъ со всеми сыновы своими, съ Митрополиты и съ Архіепископы и Епископы, и съ Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и межъ собою кратко утвердиша себе на томъ: Будетъ великая Государы-

ни Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи, положить на милость и насъ пожалуетъ, для пришествія честныхъ крестовъ и многихъ чудотворныхъ святыхъ иконъ, брата своего Государя нашего Бориса Федоровича на великіе государства Російскаго царьствія благословить, а Государь нашъ Борисъ Федоровичъ на милость будетъ положить, всему Російскому государству будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ: и язъ богомолецъ ихъ смиренный Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ вами сыновы своими со всемъ освященнымъ соборомъ, по даннѣй намъ благодати отъ пресвятаго и животворящаго Духа, прося у Бога милости, Государя Бориса Федоровича прощаемъ и разрышаемъ, что онъ Государь подъ клятвою со слезами говорилъ, что у него у Государя нашего у Бориса Федоровича желанья и хотѣнья на государство нѣтъ, а намъ должная о его Государевъ здоровъ Бога молити. А будетъ великая Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи положить на милость и насъ пожалуетъ, брата своего Государя нашего Бориса Федоровича на великіе государства Російскаго царьствія благословить, а Государь будетъ Борисъ Федоровичъ на милость не положить и о государствѣ откажетъ по прежнему: и язъ богомолецъ ихъ, по даннѣй намъ благодати отъ пресвятаго и животворящаго Духа, по совету съ вами сыновы своими съ Митрополиты и съ Архіепископы и съ Епископы и съ Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ соборомъ, Государя Бориса Федоровича запретимъ и отъ церкви Божіи и святыхъ таинъ пречистаго тѣла и крови Христа Бога нашего отлучимъ, и благословеніе съ него съемемъ, а что учинится святыня въ пограніе, а крестьянство въ разореніи, а многочисельный Богомъ собранный народъ всего народнаго множества съ ихъ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы въ безгосударное время небрегоми погибнуть, и межусобная брань воздвигнется и неповинныя крестьянскія крови отъ того прольются, и того всего възыщетъ Богъ, въ день страшнаго и праведнаго суда, на немъ на Государь нашемъ Борисъ Федоровичъ. А будетъ

великая Государыни наша благовърная Царица и Великая Княгиня инока Александра Фодоровна всеа Русіи, и братъ ее Государь нашъ Борисъ Фодоровичъ, на милость не положить, а насъ не пожалуютъ и о государствѣ конечно откажутъ, и быти на государствѣ Государь Борисъ Фодоровичъ не восхоцеть; и язъ богомолецъ ихъ, и со мною о святѣмъ Дусѣ всѣ вы сынове мои Митрополиты и Архіепископы и Епископы, саны святителскіе съ себя сойдемъ и понаген сложимъ и облечемся во мнишеская, тамо въ монастырѣ и честныя кресты и чудотворные образы оставимъ, и для ихъ ослушанія престанутъ во святыхъ церквахъ божественныя службы и святыхъ таинъ литургисанія, пѣнія же хвалы и благодарственное славословіе, и того Господь Богъ възыщеть на нихъ, на великой Государынѣ и на братъ ея на Государь нашемъ на Борисъ Фодоровичъ. И сія, убо, вкупъ много совѣтовахомъ и утвердившеса и глаголаху вси единогласно: инако преложити невозможно, развѣ сего яко же глагола ты, святый владыко и отецъ нашъ Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи. И Февраля въ 21 день, во вторникъ Сырныя недѣли, по прежнему своему соборному уложенію и по приговору всея земли, святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, о Святѣмъ Дусѣ съ сыновы своими съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, молебная всепразднество свѣтло сотворше пречистѣй и пренепорочнѣй и преблагословеннѣй Владычицъ нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, съ честными кресты и съ чудотворными образы пречистые Богородицы Владимирскіе, и пречистые образъ Донскіе, и живописанный образъ пречистые Богородицы великого святителя Петра, да чудотворный образъ пречистыя Богородицы Одегитрія, еже есть въ Вознесенскомъ двѣичѣ монастырѣ, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны, и иные многіе чудотворные образы, еже въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и призвавше въ помощь въ Троицѣ славимаго всемилостиваго Господа Бога вседержителя и пречистую Богоматерь и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, идоща со

тщаниємъ въ Новой дѣвичь монастырь, идѣ же изволи жити, по пріятіи ангельского образа, великая Государыня наша благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Книгиня Александра Ѳеодоровна всеа Русіи, въ пречестную и великую обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрія, и идуще пояху безпрестанно молебная пѣнія. Егда же великій святѣйши Іевъ Патріархъ, вкупѣ о Святѣмъ Дусѣ и сынове его Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и служивые люди, и гости, и весь православные крестьяня, и съ сущими младенцы и всенародное множество, придоша съ честными и животворящими кресты и съ чудотворными образы къ великой лаврѣ дѣвича монастыря: тогда въ той честной обители быша звоны великіе для пришествія честныхъ и чудотворныхъ иконъ, и воздвигшеся изыде иже въ той честной обители пребывающе пречистыя Богородицы чудотворный образъ честнаго и славнаго Ея Одегитрія Смоленскія, во слѣдъ же того чудотворнаго образа пречистыя Богородица Смоленскія прииде великій Государь Борисъ Ѳеодоровичъ. И егда прииде къ чудотворному образу пречистыя пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія Владимерскія: тогда слезъ многихъ исполнился, гласомъ великимъ возопивъ, глаголя: «О милосердая Царице пречистая Богородице, Мати Христа Бога нашего! почто толикъ подвигъ сотворила еси, и чудотворный свой образъ воздвиге съ честными кресты и со иными множества чудотворныхъ образовъ? Тѣмъ, пречистая Богородица, помолися о мнѣ и помилуй мя.» И сія вопія и глаголя, со многимъ рыданіемъ и плачемъ паде на землю предъ чудотворнымъ образомъ пречистыя Богородицы Владимерскія, и лежа слезами землю мочаше на многъ часъ. Возставшу же Государю Борису Ѳеодоровичю, со многимъ плачемъ и рыданіемъ, и пришедъ знаменався припаде къ подножію того чудотворнаго образа, слезы точа отъ очію яко же рѣки, припадаетъ же прилагаяся и къ прочимъ честныхъ иконъ чудотворнымъ образомъ, со слезами многими. Тако же пришедъ къ отцу своему къ первоначальствующему Іеву Патріарху Московско-

Ч. I. Прилож.

3

му и всеа Русіи, со слезами глагола ему: «О святѣйшій отецъ и государь мой Іевъ Патріархъ! по что чудные чудотворные иконы пречистые Богородицы и честные кресты воздвиглъ еси и толикъ многотрудный подвигъ сотворилъ еси?» Великій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, благослова Государя Бориса Ѳедоровича животворящимъ крестомъ, съ ксликми слезами глагола ему: «Не буди одержимъ печалію, Богомъ возлюбленный сыну, по утѣши сердце свое упованіемъ Божиимъ и пречистые Богородицы милостию и великихъ Чудотворцовъ. Еже глаголеши, яко толикъ подвигъ азъ воздвигохъ; повѣмъ же ти, сыну, истину глагола: не азъ сей подвигъ сотворихъ, яко же глаголеши, но пречистая Богородица съ превѣчнымъ своимъ Младенцомъ, Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ, и съ великими Чудотворцы, возлюби тебе, и воздвигхеса и изволи притти и святую волю Сына своего Бога нашего исполнити на тебѣ Государя нашемъ. Тѣмъ же, сыну, устыдися пришествія Ея, послушай, якоже Богъ изволи и пречистая Богородица и великіе Чудотворцы, и не буди противепъ воли Божіей, повинися святой воли Его, и симъ ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Его.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, слышавъ пастырево увѣщаніе, отъ очію рѣки слезъ проліяше, паки благословеніе пріять. И потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ честными кресты и съ чудотворными образы поиде во святую церковь пресвятыя Богородицы; а Государь Борисъ Ѳедоровичъ поиде къ сестрѣ своей благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ инокъ Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи; а бояре и дворяне и приказные и служилые люди, и гости, и весь православные крестьяня всего Російского государства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы; въздоша на монастырь, а которые не възщахуся въ монастырь, тѣ весь около монастыря стоящи, со многимъ слезнымъ рыданьемъ и воплемъ молаху Государя Бориса Ѳедоровича. Святѣйши же Іевъ Патріархъ, во святѣй божественнѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія, божественную литоргію соборнѣ совершивше, со всеми сыновы своими съ Митроцоляты, и съ

Архієпископы, и Епископы, и всѣ Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ соборомъ, во всѣхъ священныхъ одеждахъ, въ чемъ служажу божественную литургію, идоша въ келью къ великой Государынѣ благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, посяще съ собою честный и животворящій крестъ и чудотворные образы; съ ними же вкупѣ и бояре и весь царскій сигклитъ. А дворяне, и приказные люди, и гости, и Христолюбивое воинство, и всѣ православные крестьяни и всенародное множество Російскаго государства, стояху у кельи и по всему монастырю; а елицы не вмѣщажуся въ монастырь, и тѣ всѣ внѣ монастыря стояще, вси купно падше главы своя повергше на землю, съ великимъ плачемъ и рыданіемъ мнозъмъ велегласно вопіху на многъ часъ: «О благочестивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи! милосердуй о насъ, Царица, пощади, пощади, благовѣрная и Христолюбивая Государыня, благослови и даждь благовѣчаннаго Царя на царство всемъ намъ благонадежнаго Государи всему Російскому государству Самодержца, брата своего Государи нашего Бориса Ѳедоровича!» Тако жъ и брату ея Государю нашему Борису Ѳедоровичю били челомъ и молили со многимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ многимъ прилжно, чтобъ онъ Государь пожаловалъ своихъ богомольцовъ, и бояръ, и Христолюбивое воинство и все православное христіанство, скифстроцарствія царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ былъ, царствующему жъ граду Москвѣ и всему Російскому государству Самодержецъ, а намъ Государь благонадежный. И великая Государыня благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, и братъ ея Государь нашъ Борисъ Ѳедоровичъ, къ моленію нашему никако же быша преклонны и не восхотѣша насъ пожаловати. Первопрестольный же Іевъ Патріархъ, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре и весь царскій сигклитъ, били челомъ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Ѳедоровичю, со слезами на многъ часъ; падше предъ царь-

скими ногами ея; а всевародное безчисленное множество вся православные крестьяня, у кельн, съ великимъ плачемъ отъ души единогласно глаголюще: «Милосердая Царица благородная и Христолюбивая! не презри пришедшихъ въ честную сію обитель пречистые Богородицы Владимирскіе и Донскіе, и Чудотворца Петра живописаннаго пречистые образа, и Одегитрія пречистые Богородицы чудотворные Вознесенскіе и всѣхъ чудотворныхъ образовъ, и угодниковъ Ея великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и всѣхъ Святыхъ благоугодившихъ, и для закланія святаго Агнеца Божія, изліявшаго за весь міръ кровь свою: положите на милость, не оставте насъ сырыхъ и безгосударныхъ.» Великая же благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, слышавъ сія таковая прошенія и моленія, на многъ часъ въ недоумѣніи бывъ и умилися душею, слезъ многихъ исполнися, глаголя: «О отецъ нашъ святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, и весь вселенскій соборъ, и Боляр! Изволеніемъ Божиимъ, и грѣхъ ради монхъ и всего православнаго крестьянства, великаго Государя моего свѣта праведнаго и благочестиваго и милосердаго, пресвѣтлаго Царя, праведная его и безпорочная душа отойде въ вѣчное блаженство; а нынѣ на таковую высоту царствія и на престоль такого великаго Государя просите у насъ брата нашего Бориса: и у меня нѣ то мысли никакъ нѣтъ, а у брата нашего у Бориса по тому же никакъ мысли и хотѣнія на то нѣтъ же, свидѣтель и сердце наша зреть Богъ. А будетъ на то святая его воля будетъ, яко же годъ Господеви, тако и буди: воля бо Его никто же можетъ противиться; а безъ вышняго и всемогущаго Господа Бога промысла и святой Его воли, вмѣсто скорби и сътованія, утѣшеніе ко исполненію вашего прошенія и моленія совершити невозможно.» Святѣйши же Іевъ Патріархъ, и съ нимъ весь вселенскій соборъ и боляре, многое моленіе и челобитье, съ неутѣшнымъ плачемъ, къ великому Государю Борису Ѳедоровичю простираху; а окрестъ кельи и по всему монастырю и за монастыремъ, все православное крестьянство всеа Русскія земля съ женами и съ дѣтми, вели-

кій плачь и рыдательный гласъ и вопль много испущаху, отъ горести сердца и отъ многого сътованія жены сущихъ своихъ младенецъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху, вси единогласно яко единими усты вопіяху, у великого Государя у Бориса Ѳедоровича милости просяще, чтобъ великій Государь Борисъ Ѳедоровичъ положилъ на милость и не оставилъ ихъ сирыхъ, для пришествія честныхъ и животворящихъ крестовъ и святыхъ чудотворныхъ иконъ былъ на великихъ государствахъ Російского царствія Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ. Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ святѣйшему Іеву Патріарху говори: «О Государь мой отецъ святѣйшій Іевъ Патріархъ! престани ты, и съ тобою весь вселенскій соборъ, и бояре, престаните отъ таковаго начинанія: возлагаете на меня такое великое бремя, царьски превысочайшій престолъ. Ими ми вѣру: видѣвъ толикій вашъ многотрудный подвигъ, скорблю душею и болзною сердцемъ; а прошеніе ваше совершиться не можетъ. Какъ мнѣ на великій престолъ царствія Государя моего, свѣта праведнаго и милостиваго и пресвѣтлаго Царя състи? А гдѣ будетъ моя работа всему православному крестьянству пригодится, и язъ, за святія Божія церкви, и государства Московского за едину пядь земли, и за все православное крестьянство, и за сущихъ младенцовъ, радъ кровь свою изліати и голову свою положить, и съ тобою Государемъ моимъ святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ и съ бояры о земскихъ дѣлахъ радѣти и промышляти учну.» И о государствѣ со многимъ слезнымъ рыданіемъ отказалъ. Святѣйши же Іевъ Патріархъ, и весь вселенскій соборъ великую Государыню Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Русіи молили со многими слезами, а бояре били челомъ съ неутѣшнымъ плачемъ, а все православное крестьянство всея Рускіе земли, съ великимъ воплемъ и слезнымъ рыданіемъ и со многимъ стenanьемъ, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, милости просили, чтобъ великая Государыня положила на милость и ихъ бѣдныхъ пожаловала и не оставила сирыхъ, дала бѣ брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на великое Російское госу-

дарство; и вси яко единьми усты вопіяху: «Сія ли угодно вамъ, тебѣ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокъ Александра Фѣдоровнѣ всеа Русіи, и брату твоему Государю нашему Борису Фѣдоровичю, что насъ бѣдныхъ не пощадити и сирыхъ оставить? И услышавъ о томъ окрестные государи порадуются, что мы сиры и безгосударны, чтобъ святая наша и непорочная крестьянская вѣра въ поприаніе не была, а мы всѣ православные крестьяне отъ окрестныхъ государей въ расхищеніи не были.» И толики плачь и вопль и рыданіе испущаху, яко и воздуху наполнился вопля и рыданія отъ неутѣшнаго плача отъ стовавія. Великая же Государыня Царица и Великая Княгиня инока Александра Фѣдоровна всеа Русіи, видяще святѣйшаго Іева Патріарха и всего вселенскаго собора не отложное моленіе, и боярское чедобитъе, и всенароднаго множества всего православнаго крестьянства много плача и рыданія и стенанія, царское сердце на милость преложи и слезные источники со многимъ духовнымъ умиленіемъ испущая, глаголаше: «Вѣдй еси Ты, Господи, и чудна дѣла Твоя! Кто бо разумѣ разумѣ Твой Владыко, или кто когда совѣтникъ Тебѣ бысть? Но яко же хочещи, тако и твориши, и воли бо Твоей никто же можетъ противитися: твориши бо елико хочещи.» И глагола святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору и бояромъ: «Для ради всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога нашего и пречистые пренепорочные Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріа, крѣпкіе крестьянскіе наше надежи и заступницы, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны Московскихъ и всеа Русіи, и для чудотворныхъ образовъ воздвигнутія и закланія ради святаго Агнца Божія спасенія ради нашего, и тебѣ отца нашего Іева Патріарха и Митрополитовъ и Архіепископовъ и Епископовъ и всего освященнаго вселенскаго собора толикаго подвига, и бояръ нашихъ и дворянъ и всея земля всего православнаго крестьянства и ихъ женъ и дѣтей и ссущихъ младенцовъ и ихъ многого вопля и рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, Богу вседержителю и пречистой его матери и великимъ Чудотворцомъ Петру и Алексѣю, и Іонѣ

и всѣмъ Святѣмъ, просіявшимъ въ Русіи, и тебѣ первопрестольнику отцу нашему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору, и вамъ болроумъ нашимъ и всему православному крестянству, даю вамъ своего единокровнаго брата свѣта очію моего единокровнаго суца: да будетъ вамъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ, въ содержаніе скифетра нашего царствующаго града Москвы и всѣхъ нашихъ великихъ государствъ великого Російскаго царствія.» Великій же Государь Борисъ Оедоровичъ, изъ глубины сердца воздохнувъ, съ слезнымъ рыданіемъ глаголаше: »Сіа ли угодно Твоему челоуѣколюбію, Владыко, и тебѣ моей великой Государынѣ, иже такое великое бремя на меня возложила еси, неудобъ мною носиму быти, и на толикій превысочайшій царскій престолъ предаши меня, о немъ же мысли моея не было и на разумъ мой не възде? Всевидящій сердца челоуѣческая зритель Богъ свидѣтель на меня, да и ты моя великая Государыня, что въ мысли моея о томъ нѣтъ и на разумъ мой не възде: азъ всегда при тебѣ хочу быти, и святое пресвѣтлое равноангельское лице твое зрѣти.» Великая же Государыня Царница и Великая Княгиня инока Александра Оедоровна всеа Русіи, во мноземъ душевномъ умиленіи и тихости, брата своего великаго Государя нашего Бориса Оедоровича, со утѣшеніемъ увѣщеваше, глаголя: «Еже противу всемогущаго Бога воли кто можетъ стояти или не повинуется вопреки глагола? всемогущенъ бо есть и всесиленъ, творить бо елико хощеть: и ты бы, братецъ мой, безо-всякаго прекословія повинулся воли Божіи, былъ всему православному крестянству Государемъ.» Великій же Государь Борисъ Оедоровичъ, со многими слезными рыданіемъ отрицаяся, не хотяше быти на государствѣ. Благовѣрна же великая Государыня глаголаше брату своему великому Государю нашему Борису Оедоровичю: Слыши, братецъ мой единокровный! Божіе бо есть дѣло, а не челоуѣческо; вышняго промыслъ, а не челоуѣческой разумъ: аще бо на то будетъ воля Божія, буди такъ и сіе сотвори.» Великій же Государь Борисъ Оедоровичъ, по многоуважателнымъ и премудрымъ умилнымъ словесемъ

сестры своей великие Государыни, аще и не хотяше на царствіе, повинулся воли Божіи со многимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ глаголя: «Господи Боже мой, милостивый и прещедрый и челолюбивый, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ! аще угодно сіа Твоему челолюбію, Владыко, буди святая твоя воля: Твой бо есмь рабъ, спаси мя по милости Твоей и соблюди по множеству щедротъ Твоихъ: на Тя бо уповахъ, спаси мя.» И потомъ глагола ко отцу своему святѣйшему Іеву Патріарху, и всему вселенскому собору, и бояромъ: «Аще будетъ на то воля Божіа, буди такъ.» Святѣйшій же Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимаріиши и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, слышавше милосердый царскій глаголъ, на землю падше радостными слезами благодарственная всемилостивому Богу возсылаху: слава и благодареніе всещедрому и челолюбивому Богу, не презрѣвшу моленія и слезъ нашихъ и пославшу святой Духъ въ сердце великой Государыни Царицы и Великой Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, и Государю Борису Ѳедоровичю: сердца бо ихъ въ руцѣ Божіи. И благословилъ святѣйши Іевъ Патріархъ Богомъ избраннаго Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, и Государыню Царицу и Великую Княгиню Марью, честнымъ и животворящимъ крестомъ, и знаменовалъ чудотворнымъ образомъ пречистые Богородицы честнаго Ея Одегитрія, юже написа великій Святитель Петръ. Потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, вышедъ отъ Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, возвыщаетъ дворяномъ и приказнымъ и служивымъ людемъ, и всему православному крестьянству, всеилнаго Господа Бога милость, что по Его святой воли великая Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, и братъ ея Богомъ избранный Государь нашъ Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи Самодержецъ, на милость положили, пожаловалъ хочеть быти на великомъ Російскомъ государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Само-

держцемъ. Дворяне же, и приказные и служилые люди, и гости, и все православное крестьянство, слышавъ отъ святѣйшаго Іева Патріарха всецарнаго Господа Бога милость, и Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, и Богомъ избраннаго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, милосердіе и жалованье, многіе радости духовныя исполнишеса, руцѣ на небо воздвѣвъ, вси единогласно яко единѣми усты славу и благодареніе Богу возопиша, глаголя: Слава, слава единому всемогущему и вся содершашему въ Троицы славимому Богу нашему, что не презрѣвъ моленія нашего и не оставилъ насъ сирыхъ, по своей святой милости и по нашему моленію и прошенію далъ намъ великаго Государя Царя правды и милость. Богомъ дарованный же и Христолюбивый великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, иде во святую божественную церковь пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегистріа, съ нимъ же отецъ его первопрестолнѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и дворяны, и съ Христолюбивымъ воинствомъ, и съ гостми, и со всемъ православнымъ крестьянствомъ, вшедъ во святую церковь и въ той божественной церкви радостная молебная пѣнія совершивъ. И великій господинъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всеми сыновы своими съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и со всемъ освященнымъ соборомъ, по благодати даннѣй отъ пресвятаго и животворящаго Духа, у чудотворныхъ образовъ, на государство Владимирское, и Московское, и Новгородское, и Казанское, и Астороховское и на весь великіе государства Російскаго царства, честнымъ и животворящимъ крестомъ благословилъ великаго Государя Богомъ дарованнаго Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца; и совершивъ молебная, святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты, и Игумены, и

сѣя и Іоны и всѣхъ Святыхъ, не презръ моленія нашего, плачь и рыданіе наше услыша и на радость печаль нашу преложи, и дарова намъ такова благонадежнаго милосердаго Государя Царя, правды и милости, соблюдати святыя Божія церкви и крестьянскую святую и непорочную вѣру и все православное Христіанство, его же со слезами по вся дни и нощи и много время просихомъ.» И посемъ, Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и весь освященный соборъ, и бояре и весь царскій синклитъ, и Христолюбивое воинство, и гости, и все православное христіанство, веле Богу благодареніе возсылаху, излівшему на весь родъ крестьянскій неизреченное свое милосердіе и совершившему сіе великое и преславное дѣло, еже, по прошенію всего православнаго крестьянства, избравъ и давшѣ сего великаго Государя, благочестиваго и Христолюбиваго милостиваго и храбраго, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца. Великій же апостольскій сопредстолникъ святѣйшій Ісвъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ вселенскимъ соборомъ, божественную литургію литургисавше соборнѣ во святѣй величїи апостольскїи церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія; благочестивый же Богомъ дарованный великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, въ той апостольскїи величїи соборнѣй церкви божественную литургію слушалъ. По совершеніи же божественныя литургіи, идяше во святую божественную великую соборную церковь соборъ святаго Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, идѣ же лежатъ прежеодшедшіе отъ житія сего къ Богу великіе Государи, благовѣрніи Цари и Великіе Князи; и тамо пришедъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, знаменается у чудотворныхъ иконъ, и потомъ же приходитъ къ гробу великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и ко отцу его великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу,

всѣа Русіи, и къ Царевничю Князю Ивану Ивановичю, и ко всѣмъ великимъ Государемъ Царемъ Російскимъ; къ нимъ же любезно припадаетъ, глаголя со слезами: «О великіе Государи! аще и тѣломъ отъ своихъ великихъ государствъ отошли есте, но духомъ всегда пребываете неотступно и, предъ Богомъ предстояще, молитву творите: помолитесь и о мнѣ и помозите ми.» Оттуду же благовѣрный Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, идяще во святую великую божественную соборную церковь преславная и преблагословенная Владычицы нашей Богородица и Приснодѣвы Маріа честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія, гдѣ же царьской приходъ бываетъ къ божественному пѣнію; и тамо такожде къ божественнымъ образомъ любезно припадаѣя, милости прося. Совершивъ же молебная во святыхъ церквахъ, иде во свои царскія полаты; потомъ же повдѣ къ сестрѣ своей къ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокъ Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, въ Новой дѣвичь монастырь; и оттуда возвратися, и иде въ домъ пречистые Богородицы и великихъ Чудотверцовъ Петра и Алексѣя и Іоны, къ отцу своему святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи; его же верьчаетъ отецъ его Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, со всемъ освященнымъ соборомъ, яко же подобаетъ Царскому Величеству; благочестивый же Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, со отцемъ своимъ наединѣ бесѣдовавъ не мало время, прощеніе и благословеніе отъ него получи; тако жъ и самъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, отцу своему прощеніе подаетъ; и призываетъ къ себѣ благочестивый Государь богомолцовъ своихъ, Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимаритовъ, и Игуменовъ и честныхъ монастырей соборныхъ старцовъ, и весь священный соборъ; и Митрополиты, и Архіепископы и Епископы благословиша его и прощеніе подаша ему, и Архимариты и Игумены и честные старцы тако же прощеніе подаша ему, и отъ него прощеніе купно вси получиша; получивъ же

людей, и гостей, и все Христолюбивое воинство, благословлю со всем освященным собором на томъ, что вамъ великому Государю нашему, Богомъ избранному и Богомъ возлюбленному, Царю и Великому Князю Борису Федоровичю, всеа Росіи Самодержцу, и его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ благороднымъ чадамъ, благородному Царевичю Князю Федору Борисовичю и благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, служити вѣрою и правдою, а за некоторыми дѣлами на нихъ Государей нашихъ не думати и не измѣнати ни въ чемъ, какъ ести имъ Государемъ нашимъ души свои дали у пречистые Богородицы Чудотворного ея образа и у цѣлебносныхъ гробовъ великихъ Чудотворцовъ Петра и Іоны, животворящей крестъ цѣловали.» Бояре же и дворяне и весь царскій ситклить, и приказные люди и гости, и всѣ православные крестьяни, велегласно вси святѣйшему Іову Патріарху и всему вселенскому собору, яко единими усты, вопія глаголюще: «Цѣловали есмя святѣй животворящій крестъ и обътъ дали, и нынѣ обътъ даемъ Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и небеснымъ Силамъ и великимъ Чудотворцомъ Петру и Алексѣю и Іонѣ и всемъ Святымъ, тебѣ великого Государя святѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи, и весь освященный вселенскій соборъ, во свидѣтельство представляемъ, что за великого Государя, Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго, Царя и Великого Князя Бориса Федоровича, всеа Русіи Самодержца, и за его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и за ихъ Царскихъ дѣтей, за благовѣрнаго Царевича Князя Федора Борисовича и за благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ксенью Борисовну, и которыхъ имъ Государемъ дѣтей впредь Богъ дастъ, души свои и головы положить и служити Государемъ нашимъ вѣрою и правдою всемъ душами своими и головами, иного Государя, или Государей своихъ, Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича, всеа Росіи Самодержца, и сына его Государя нашего благовѣрнаго Царевича Князя Федора Бори-

совича всеа Русіи , не искати и не хотѣти : а кто похочеть , мимо Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича , всеа Русіи Самодержца , и сына его Государя нашего Царевича Князя Ѳедора Борисовича всеа Русіи , и тѣхъ дѣтей , которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ , иного Государя искати и хотѣти , или какое лихо кто похочеть учинить : и намъ , бояромъ и околничимъ и дворяномъ и приказнымъ людямъ , и гостемъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людямъ , на того измѣнника извѣстить тебѣ святѣйшему Іеву Патріарху и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и всему освященному вселенскому собору , стоять на того измѣнника всею землею за одинъ на всемъ на томъ , что въ цѣловальныхъ записяхъ писано : цѣловали есмя честный и животворящій крестъ , у иконы пречистые Богородицы Владимерскіе и у святыхъ цѣлебоносныхъ мощей Петра и Іоны , что имъ Государемъ безъ измѣны служити сердцемъ и правдою , душою добра имъ хотѣти во всемъ , а лиха не хотѣти никако же ; также намъ великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи , всему сикляту , бояромъ , и околничимъ , и княземъ , и воеводамъ , и дворяномъ и приказнымъ людямъ , не по отечеству и не по своему достоинству свыше своего отечества и службы , мимо царского повелѣнія , чести о себѣ никако не хотѣти и не искати , и быти въ государскихъ дѣлахъ , по его Государеву крестному цѣлованью , безъ прекословія , и по сей утвержденной грамотѣ , во всякихъ Государевыхъ дѣлахъ и во всякихъ чиновныхъ людяхъ несупротивну быти ; и вамъ Государевымъ богомолцомъ , тебѣ святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи , и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ , со всемъ освященнымъ вселенскимъ соборомъ , на такого преслушника , кто учнетъ супротивлятися царской власти и повелѣнію , положить на такого клятву и неблагословеніе ваше святителское , по сей утвержденной грамотѣ ; а намъ Государевымъ Царевымъ и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи , бояромъ всѣмъ , и околничимъ , и воеводамъ , и дворяномъ , и приказнымъ и служивымъ людямъ , того беречи и на того стояти всѣмъ за

Ч. I. Прилож.

4

одинъ: какъ кому Государь Царь и Великій Князь Борисъ Федоровичъ всеа Русіи, на своей Государевъ службѣ и у всякого дѣла гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти; также намъ Бояромъ, и приказнымъ людемъ и дьякомъ, межъ собою того смотрѣти накрѣпко, чтобы къ Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичю, всеа Русіи Самодержцу, въ розрядныхъ и въ земскихъ дѣлахъ кручины не приносить некоторыми дѣлы, некоторою хитростью, по прежней цѣловальной записи, на чѣмъ есмь Государю своему Царю и Великому Князю Борису Федоровичю, всеа Русіи, и его благоверной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ дѣтемъ Государемъ своимъ, Царевичю Князю Федору Борисовичю и Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, души свои давали и животворящій крестъ цѣловали, по сей утвержденной грамотѣ, крѣпко держати неподвижно.» Великій же пресвятѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всемъ вселенскимъ освященнымъ соборомъ, слыша отъ нихъ сія, паки глаголетъ къ нимъ: «Елма убо о семъ толикъ объѣтъ предъ Богомъ полагаете и общаетесь; что вамъ толикимъ и таковымъ Государемъ нашимъ, къ благочестивому Царю Государю и Великому Князю Борису Федоровичю всеа Русіи, и его благоверной и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ царскимъ дѣтемъ, Государю Царевичю Князю Федору Борисовичю и Государынѣ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, единодушно быти: тѣмъ же подобаетъ намъ и грамоту утвержденную написавше утвердиться, и вся яже глаголемая и дѣйствуемая въ настоящее время въ ней написавше, намъ Государевымъ богомолцомъ руки свои приложить и печати свои привѣснати, а вамъ Царьского Величества бояромъ, и околничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворяномъ, и всякимъ приказнымъ людемъ и дьякомъ, и гостемъ, руки свои приложить на болшее утверженіе и единомышленіе, да будетъ впредь крѣпко и неподвижно и стоятелно во вѣки, какъ въ сей утвержденной грамотѣ написано будетъ и на чѣмъ по

болшой записи , преже сего , крестъ животворящій цѣлова-
ли.» Сія же слышавъ отъ святѣйшаго Іева Патріарха, Ми-
трополиты и Архіепископы и Епископы , и весь вселенскій
соборъ , бояре и дворяне , и приказные люди и дѣяки , и
гости , и Христолюбивое воинство , и все православное кре-
стьянство , вси единогласно глаголаху : «Благословенъ глаголь
твой отъ Бога , Святитель первопрестолнѣйши Іевъ Патрі-
архъ отецъ нашъ великій , пастуше душамъ нашимъ ! Свя-
того Духа преисполнени вси глаголи устъ твоихъ , Владыко !
Подобаеть тако быти , яко же глаголеши.» Слышавъ же
сія святѣйши Іевъ Патріархъ приговоръ о утвержденной гра-
мотѣ , всего освященнаго собора и Государевыхъ бояръ и
весь царскій сигклить и Христолюбивое воинство , повелъ
списати сію утвержденную грамоту , и да незабвенно будетъ
писано въ ней въ роды и роды ; ея же по малъ времени на-
писавше , принесоша къ святѣйшему Іеву Патріарху ; свя-
тѣйшій же Іевъ Патріархъ повелъ прочести сію утвержен-
ную грамоту на вселенскомъ соборѣ , и выслушавъ , на бол-
шее во вѣки укрѣпленіе , о святѣмъ Дусѣ со всеми сыновы
своими съ Митрополиты и съ Архіепископы и Епископы ,
руки свои приложили и печати свои привѣсили ; а бояре , и
околничіе , и дворяне и дѣяки думные , руки жъ свои при-
ложили на томъ , какъ въ сей утвержденной грамотѣ написа-
но , съ совѣту всего освященнаго вселенскаго собора и бо-
ляръ и дворянъ и всѣхъ чиновъ вслкихъ людей царствующа-
щаго града Москвы и всея Рускія земли , всему инако не
быти , а быти такъ во всемъ по тому , какъ въ сей утвер-
женной грамотѣ писано , по приговору и по уложенію свя-
тѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи , и всего
освященнаго собора , и бояръ и дворянъ и весь царскій си-
гклить , и всего Російского государства съ православными
крестьяны ; аще же кто убо и не хочеть послушати сего
соборнаго уложенія , его же Богъ благоизволи , и начнетъ
глаголати и молву въ людехъ чинити : таковой , аще отъ
священныхъ чину и бояръ отъ царскихъ сигклить и воин-
ственныхъ , или инъ кто отъ простыхъ людей и въ какомъ
чину нибуди , по священнымъ правиломъ святыхъ Апостолъ

и вселенскихъ седми соборовъ святыхъ Отець и помѣстныхъ, и по соборному уложенію нашего смиренія первопрестолника Іова Патріарха Московскаго и всеа Русіи и всего освященнаго собора, чину своего извержень будетъ и отъ церкви отлученъ и святыхъ Христовыхъ таинъ приобщенія, яко раскольникъ церкви Божіа и всего православнаго христіанства мятежникъ и разоритель закону Божію, а по царскимъ закономъ несть воспріиметь, и нашего смиренія и всего освященнаго собора не буди на немъ благословенія отнынѣ и до вѣка, понеже не восхотѣ благословенія и соборнаго уложенія послушанія, тѣмъ и удался отъ него и облечеса въ клятву: аще бо и дерзо рещи, таковый да будетъ проклятъ въ сій вѣкъ и въ будущій. Егда же написавше совершихомъ сію утвержденную грамоту, и совершивше святителскими руками укрѣпльше и печати своими утвердивше, вкупѣ и боярскими руками и честныхъ монастырей Архимаритовъ и Игуменовъ и соборныхъ старцовъ и всего освященнаго собора, непреложнаго ради и непремѣннаго утвержденія: тогда великій святитель Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, совѣтъ полагаетъ о святѣмъ Дусѣ со всеми сыновы своими съ Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и со всеми бояры, съ Архимариты и Игумены и соборными старцы и со всеми освященнымъ соборомъ, и съ дворяны и съ приказными людьми, яко да вкупѣ духовный совѣтъ сотворше соборнѣ, изберуть мѣсто и повѣдятъ вкупѣ, въ немъ же аще сохранны утврдивше положити сію утвержденную грамоту, да будетъ твердо и неразрушно въ предъидущіе лѣта въ роды и роды и во вѣки, и не преидеть ни едина черта или ота едина отъ написанныхъ въ ней ничесоже. И тако вси купно совѣщавшеса твердымъ согласіемъ святогѣ Духа, положиша ю въ хранила царскіе къ докончальнымъ и утвержденнымъ грамотамъ. А на соборѣ были съ первопрестолнѣйшимъ пресвятѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, о святѣмъ Дусѣ сынове его: Варлаамъ Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, Ермогенъ Митрополитъ Казанскій и Астараханскій, Варлаамъ Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, Геласья

Митрополитъ Сарскій и Подонскій, Иона Архіепископъ Вологодскій и Великопермскій, Галактіонъ Архіепископъ Суздальскіи и Туровскій, Ѳеодосей Архіепископъ Смоленскіи и Брянскіи, Варламъ Архіепископъ Рязанскіи и Муромскіи, Захарей Архіепископъ Тверскіи и Кашиинскіи, Арсеней Архіепископъ Архангельскіи, Генадей Епископъ Псковскіи и Изборскіи, Іосифъ Епископъ Коломенскіи и Коширскіи, Селивестръ Епископъ Корельскіи и Оръшскіи; Архимариты и Игумены: Троицкой Сергіева монастыря Архимаритъ Кириль, изъ Володимеря Рожественнаго монастыря Архимаритъ Елеазаръ, Спаса Новаго монастыря Архимаритъ Закхей, Чюдовской Архимаритъ Паѳотей, изъ Великаго Новагорода Юрьева монастыря Архимаритъ Іоакимъ, Симановской Архимаритъ Иона, Свѣжской Архимаритъ Сергѣй, Ондриковской Архимаритъ Васьянъ, Казанской Архимаритъ Арсеней, изъ Нижняго Новагорода Печерской Архимаритъ Трифонъ, изъ Великаго Новагорода Хутынской Игумень Аркадей, Кириловской Игумень Корнилей, изъ Переслава Залъскаго Горицкой Архимаритъ Ѳеодосей, изъ Можайска Лужецкой Архимаритъ Селивестръ, изъ Ростова Богоявленской Архимаритъ Ѳеодосей, Богоявленской что на Москвѣ за ветошнымъ рядомъ Игумень Іевъ, изъ Ярославля Спаской Архимаритъ Ѳеодиль, изъ Боровска Паѳотьевской Игумень Іоасафъ, Іосифова монастыря Игумень Галася, изъ Суждаля Спаской Архимаритъ Левкей, изъ Великаго Новагорода Антоньевской Игумень Трифонъ, изъ Пскова Печерской Игумень Іакимъ, Соловецкой Игумень Исидоръ, изъ Смоленска Борисоглѣбской Архимаритъ Ѳеодосей, съ Рязани Спаской Архимаритъ Иона, Тихвинской Игумень Іосифъ, съ Вологды Спаской Каменскаго монастыря Архимаритъ Иона, изъ Твери Отроча монастыря Архимаритъ Ѳеодосей, съ Волока Возницкой Архимаритъ Васьянъ, изъ Переслава Залъскаго Даниловской Архимаритъ Иона, Ѳерапонтова монастыря Игумень Иона, Борисоглѣбскаго монастыря съ устья Игумень Петръ, съ Рязани Солотчинской Архимаритъ Андрейанъ, съ Вологды Прилуцкой Игумень Гурей, изъ Дорогубужа Живоначальныя Троицы Болдина монастыря Игумень

Фегность, изъ Великого Новагорода Вежицкой Игуменъ Филаретъ, изъ Великого Новагорода Духовской Игуменъ Фегнасть, изъ Звенигорода Сторожевского монастыря Игуменъ Боголапъ, съ Вологды Павловской Игуменъ Иониль, съ Вологды Глушицкой Игуменъ Андреянъ, изъ Кашина Колязина монастыря Игуменъ Левкей, съ Вологды Корнильевской Игуменъ Юсифъ, изъ Переславы Залъского Никицкой Игуменъ Никонъ, изъ Можайска Колоцкой Игуменъ Никандръ, съ Угрюши Николской Игуменъ Тихонъ, съ Дины Сійского монастыря Игуменъ Иона; соборные старцы: Троецкой Сергіева монастыря старецъ Варсоноей Якимовъ, келарь старецъ Акакей, казначей старецъ Илья, старецъ Мисайло Безнинъ, Троецкого подворья Строитель Еустафей Головкинъ, архидьяконъ старецъ Алимпей, Патріаршъ казначей старецъ Арсеней, старецъ Серапіонъ Марковъ, Ипацкого монастыря строитель Гурей Ступишинъ, Чюдова монастыря келарь старецъ Феодосей Креницынъ, казначей старецъ Юсифъ, старецъ Васьянъ Торжневъ, старецъ Германъ Щербатой, Кирилова монастыря старецъ Леонидъ, Кирилловского подворья строитель старецъ Елеуфрей Братцовъ, старецъ Юсифъ Монастыревъ, изъ Боровска Пахнотьева монастыря келарь старецъ Геласья, казначей старецъ Иона Наумовъ, Юсифова монастыря старецъ Мойсей Неплюевъ, старецъ Тихонъ Ржевской, старецъ Левкъя, Спаской изъ Ярославля строитель старецъ Мисайло, Соловецкого монастыря старецъ Васьянъ; бояре: князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской, князь Василей Ивановичъ Шуйской, конюшей бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ, князь Федоръ Михайловичъ Трубецкой, бояринъ и дворецкой Степанъ Васильевичъ Годуновъ, бояринъ Иванъ Васильевичъ Годуновъ, князь Дмитрей Ивановичъ Шуйской, Богданъ Юрьевичъ Сабуровъ, князь Никита да князь Тимошей Романовичи Трубецкіе, Федоръ Никитичъ Романовъ, князь Михайло Петровичъ Катыревъ-Ростовской, Александръ Никитичъ Романовъ, князь Иванъ Михайловичъ Глинской, князь Олександръ Ивановичъ Шуйской, князь Борисъ Камбулатовичъ Черкаской, князь Василей Кардануковичъ Черкаской; околничіе: Яковъ Михайло-

вичь Годуновъ, Семень Никитичь Годуновъ, князь Ондрей Ивановичь Хворостининъ, Михайло Никитичь Романовъ, Дмитрей Ивановичь Вельяминовъ, Матей Михайловичь Годуновъ, Степанъ Степановичь Годуновъ, кравчей Иванъ Ивановичь Годуновъ, Михайло Глбовичь Салтыковъ, Оома Ооонасьевичь Бутурлинъ, Ондрей Петровичь Клешнинъ, Семень Оедоровичь Сабуровъ, князь Василей Дмитриевичь Хилковъ, Михайло Михайловичь Салтыковъ, Богданъ Яковлевичь Бѣлской, у Государыни Царицы и Великіе Книгини Марьи у твствы князь Ондрей Ивановичь Гундуоровъ, казначей Игнатей Петровичь Татищевъ; печатникъ и посолской діакъ Василей Яковличь Шолкаловъ; дворяне думные: князь Петръ Ивановичь Буйносовъ Ростовской, Остафей Михайловичь Пушкинъ, постелничей Истома Осиповичь Безобразовъ, стряпчей съ ключемъ Кузма Безобразовъ, на земскомъ дворѣ бояринъ Григорей Борисовъ сынъ Василчиковъ, соколничей Иванъ Олександровъ сынъ Жеребцовъ, яселничей Михайло Игнатевъ сынъ Татищевъ; дяки думные: Елизарей Вылузгинъ, Сапунъ Аврамовъ, Иванъ Олександровъ сынъ Нармацкой, Ооонасей Ивановъ сынъ Власевъ; столники: князь Юрьи князь Никитинъ Трубецкой, Иванъ Никитинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ князь Никитинъ сынъ Одоевской, Иванъ Никитинъ сынъ Романовъ, князь Ондрей князь Ондреевъ сынъ Телятевской, Василей Никитинъ сынъ Романовъ, Петръ Оедоровъ сынъ Басмановъ, князь Иванъ князь Михайловъ сынъ Катыревъ Ростовской, Иванъ Михайловъ сынъ Годуновъ, Олександръ Яскинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ князь Семеновъ Куракинъ, Александръ Романовъ сынъ Плещеевъ, князь Иванъ да князь Никита князь Ондреевы дѣти Хованскіе, Богданъ Семеновъ сынъ Сабуровъ, Замятня Ивановъ сынъ Сабуровъ, князь Оедоръ князь Ивановъ сынъ Лыковъ, князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Курлетевъ, князь Иванъ князь Борисовъ сынъ Черкасской, Михайло Борисовъ сынъ Шенинъ, князь Иванъ князь Дмитриевъ сынъ Хворостининъ, князь Ондрей князь Васильевъ сынъ Сицкой, князь Данило князь Ивановъ сынъ Мезецкой, князь Юрьи князь Петровъ сынъ Ушатой, Петръ Дмитриевъ сынъ Вельяминовъ, князь Романъ князь Оедоровъ сынъ

Троекуровъ, князь Борисъ князь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Юрьи князь Даниловъ сынъ Пріимковъ, Петръ Григорьевъ сынъ Сабуровъ, Григорей Семеновъ сынъ Сабуровъ, князь Иванъ меншой князь Одреевъ сынъ Хованской, князь Иванъ князь Петровъ сынъ Буйносовъ, князь Ондрей князь Одреевъ сынъ Хованской, князь Ондрей князь Даниловъ сынъ Сицкой, князь Василей князь Петровъ сынъ Тростенской, князь Олексѣй князь Юрьевъ сынъ Сицкого, Семень Дмитреевъ сынъ Вельяминовъ, князь Иванъ князь Ѳедоровъ сынъ Хованской. Ѳедоръ Савиновъ сынъ Плещеевъ, князь Борисъ князь Одреевъ сынъ Хилковъ, князь Микита князь Михайловъ сынъ Мезецкой, князь Иванъ князь Васильевъ сынъ Хилковъ, Сила да Борисъ Михайловы дѣти Вельяминова, Ѳедоръ Тулуповъ сынъ Вельяминовъ; діяки по приказомъ : Ондрей Арцыбашевъ, Григорей Клобуковъ, Иванъ Вахромеевъ, Семень Косткинъ, Ондрей Татлянинъ, Иванъ Невловъ, Петръ Невловъ, Истома Ъвской, Смирной Васильевъ, Государыни Царицы и великіе Княгини Марьи дьякъ Тимоѳей Чриковъ; дворяне: Степанъ Александровъ сынъ Волоской, князь Иванъ да князь Ондрей князь Васильевы дѣти Голицына, Петръ Васильевъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ меншой князь Никитинъ сынъ Одоевской, Василей Петровъ сынъ Морозовъ, Верига Петровъ сынъ Сабуровъ, князь Семень да князь Михайло князь Одреевы дѣти Куракины, князь Ондрей князь Дмитреевъ сынъ Хилковъ, князь Борисъ князь Петровъ сынъ Татевъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Шереметевъ, Михайло Богдановъ сынъ Сабуровъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Басмановъ, князь Иванъ князь Петровъ сынъ Ромодановской, князь Иванъ да князь Ѳедоръ да князь Семень князь Одреевы дѣти Татева, князь Василей князь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Романъ князь Васильевъ сынъ Олхябининъ, князь Михайло князь Ѳедоровъ сынъ Гвоздевъ, князь Данило князь Борисовъ сынъ Пріимковъ, Елизарей да Тимоѳей Ивановы дѣти Сабурова, князь Василей князь Петровъ сынъ Туренинъ, Михайло да Юрьи Михайловы дѣти Вельяминова, Иванъ да Микита Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Никифоръ Васильевы дѣти Траханиотова, князь Александро князь

Федоровъ сынъ Жирово Засѣкинъ, Василей Яковлевъ сынъ Волинской, Леонтей Ивановъ сынъ Аксаковъ, Максимъ Кирьяновъ сынъ Сабуровъ, князь Федоръ да князь Дмитрей князь Васильевы дѣти Ноздроватого, князь Михайло князь Васильевъ сынъ Ноздроватой, Иванъ Степановъ Злобинъ, Василей Яковлевъ сынъ Кузминъ, князь Александръ князь Васильевъ сынъ Репнинъ, князь Григорей князь Ивановъ сынъ Долгорукой, князь Михайло князь Григорьевъ сынъ Темкинъ, князь Володимеръ да князь Федоръ да князь Григорей князь Тимошеевы дѣти Долгоруково, князь Петръ князь Ивановъ сынъ Борятинскаго, князь Ондрей князь Васильевъ сынъ Хилковъ, князь Петръ да князь Лаврентей князь Борисовы дѣти Засѣкина, князь Володимеръ князь Васильевъ сынъ Солнцовъ Масалской, Богданъ Ивановъ сынъ Полевъ, Олексѣй Фоминъ сынъ Третьяковъ, Иванъ Осиповъ сынъ Полевъ, князь Лука князь Осиповъ сынъ Щербатого, Ондрей Яковлевъ сынъ Измайловъ, князь Иванъ князь Ондреевъ сынъ Солнцовъ Засѣкинъ, князь Володимеръ князь Дмитреевъ сынъ Шестуновъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Волинской, князь Петръ да князь Миронъ князь Михайловы дѣти Шаховскіе, князь Федоръ князь Ондреевъ сынъ Звенигородской, Василей Борисовъ сынъ Сукинъ, Ондрей Васильевъ сынъ Замыцкой, князь Иванъ да князь Семень князь Григорьевы дѣти Звенигородскаго, Тихонъ Ивановъ сынъ Траханиотовъ, Семень да Василей Романовы дѣти Олферьева, Володимеръ Ивановъ сынъ Вельяминовъ, Третьякъ Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, князь Володимеръ князь Ивановъ сынъ Клобуковъ Масалской, князь Иванъ князь Даниловъ сынъ Клобуковъ Мосалской, князь Федоръ князь Семеновъ сынъ Друцкой, Семень Федоровъ сынъ Блудовъ, князь Михайло да князь Иванъ князь Ондреевы дѣти Щербатого, Григорей Игнатеевъ сынъ Вельяминовъ, князь Иванъ князь Даниловъ сынъ Мосалской, князь Ондрей князь Романовъ сынъ Волковской, Василей Ооонасеевъ сынъ Вельяминовъ, князь Василей Михайловъ сынъ Тюфякинъ, Степанъ Осиповъ сынъ Безобразовъ, Яковъ Ивановъ сынъ Старковъ, Тимошей Васильевъ сынъ Грязной, Давило Меншого сынъ Истлень-

евъ, Григорей Ооонасеевъ сынъ Нащокинъ, князь Борисъ да князь Семенъ княжъ Семеновы дѣти Бѣлоглазова Лыкова, Матвѣй Васильевъ сынъ Бутурлинъ, князь Василей да князь Олексѣй княжъ Григорьевы дѣти Долгорукаго; у жинцовъ: Ондрей Васильевъ сынъ Безобразовъ, князь Фодоръ да князь Яковъ да князь Иванъ да князь Михайло княжъ Петровы дѣти Борятинскаго, Иванъ Микитинъ сынъ Салтыковъ, князь Иванъ княжъ Львовъ сынъ Масалской, Иванъ Шестого сынъ Бибииковъ, Олексѣй Остафьевъ сынъ Пушкинъ, Фодоръ Ивановъ сынъ Козминъ, Михайло Фодоровъ сынъ Аксаковъ, Михайло Самсоновъ сынъ Дмитреевъ, Петръ Григорьевъ сынъ Сошинъ; страпчїе съ платьемъ: Яковъ Васильевъ сынъ Зюзинъ, Гаврило Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Пилъемовъ, Григорей Ондреевъ сынъ Плещеевъ, Бахтеяръ Образцовъ сынъ Клещинъ, Григорей да Юрьи Игнатевы дѣти Татищева, Михайло да Иванъ Остафевы дѣти Пушкина, Ооонасей Ивановъ сынъ Пушкинъ; Петръ Васильевъ сынъ Щепина Волинской, Иванъ Васильевъ сынъ Щелкаловъ, Фодоръ Васильевъ сынъ Щепина Волинской, Василей да Михайло Игнатевы дѣти Вельяминова, князь Микита княжъ Петровъ сынъ Борятинской, Василей Савинновъ сынъ Плещеевъ, Ондрей Богдановъ сынъ Полевъ, князь Дмитрей княжъ Михайловъ сынъ Пожарской; изъ городовъ выборъ: князь Иванъ княжъ Юрьевъ сынъ Морткинъ, Семенъ Ивановъ сынъ Чемодановъ, князь Иванъ княжъ Михайловъ сынъ Борятинской, Ондрей Игнатевъ сынъ Вельяминовъ, Микифоръ Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Иванъ Ондреевъ сынъ Татищевъ, Кирило Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Ортемей Васильевъ сынъ Измайловъ, Игнатей Ондреевъ сынъ Измайловъ, Григорей Микитинъ сынъ Ржевской, Калининъ да Олексѣй Ивановы дѣти Зюзина, Яковъ Ондреевъ сынъ Охотинъ Плещеевъ, Леонтей да Ивашко Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Степанъ Микифоровы дѣти Ченчугова, князь Григорей княжъ Леонтьевъ сынъ Болговской; головы страпчїе: Посникъ Огаревъ, Смирной Маматовъ, Леонтей Лодыжинской, Ратманъ Дуровъ, Темиръ Засвцкой; изъ городовъ же выборъ: Ондрей Михай-

ловъ сынъ Окинфовъ, Константинъ Тимоеевъ сынъ За-
мыцкой, Наумъ Михайловъ сынъ Плещеевъ, Долмать
Ивановъ сынъ Милуковъ, Алексѣй Ондриевъ сынъ Писем-
ской, Судокъ Ондреевъ Мясной, Володимеръ Игнатъевъ сынъ
Вешняковъ, Тимоеей да Фодоръ Петровы дѣти Совина, И-
ванъ Фодоровъ сынъ Хрулевъ Наумовъ, Семень Борисовъ
сынъ Погожево, Семень Ооонасеевъ Отаевъ, Юрьи Григоръ-
евъ сынъ Ловчиковъ, Юрьи Григоръевъ сынъ Тутолминъ,
Борисъ Микифоровъ сынъ Давыдовъ, Семень Васильевъ сынъ
Чередовъ; бараши: Ооонасей Александровъ сынъ Жеребля-
тичевъ, Верига Фодоровъ сынъ Давыдовъ; ключники двор-
цовые: погребной ключникъ Иванъ Омельянской, кормоваго
дворца Кузма Урпеневъ, Пантелей Усовъ, князь Василей
князь Юрьевъ сынъ Мезецкой, Заматня Ондреевъ сынъ Без-
стужевъ, Юрьи Яковлевъ сынъ Строжиловъ, Леонтей Ива-
новъ сынъ Застолбской, Тимоеей Меншого сынъ Змиевъ, Се-
мень Ивановъ сынъ Жеребцовъ, Фодоръ Яковлевъ сынъ Ши-
шмаревъ, Кирило Фодоровъ сынъ Шишмаревъ, Дмитрей
Юрьевъ сынъ Пушечниковъ, Матвѣй Юрьевъ сынъ Пушеч-
никовъ; жилицы: князь Иванъ князь Микитинъ сынъ Прим-
ковъ Ростовской, князь Борисъ князь Микитинъ сынъ При-
нниковъ Ростовской, князь Иванъ князь Володимеровъ сынъ
Колцовъ Мобалской, Иванъ Елесеевъ сынъ Плещеевъ, Ла-
заръ Семеновъ сынъ Безобразовъ, Фодоръ Семеновъ сынъ
Вельяминовъ, князь Василей князь Ахамашуковъ сынъ Чер-
каской, Михайло Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Миронъ Он-
дреевъ сынъ Вельяминовъ, Иванъ Юрьевъ сынъ Меледин-
ской, князь Фодоръ князь Фодоровъ сынъ Мещерской, Дми-
трей Семеновъ сынъ Погожево, Григорей Ивановъ сынъ Зу-
бовъ, Тимоеей Микифоровъ сынъ Безобразовъ, Иванъ Ива-
новъ сынъ Волинской, Яковъ Яковлевъ сынъ Вельяминовъ,
Степанъ Степановъ сынъ Исленьевъ, Сергѣй Ивановъ
сынъ Мятлевъ, Фодоръ Ивановъ сынъ Погожево, Василей
Ивановъ сынъ Волинской, Бьяница Мирославовъ сынъ Зю-
зинъ, Игпатаей Дружининъ сынъ Петелинъ, Степанъ Ондре-
евъ сынъ Татьянинъ, князь Лука князь Матвеевъ сынъ
Лвовъ, князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Козловской, князь

Петръ князь Одреевъ сынъ Козловской, Малота Семеновъ сынъ Тургеневъ, Иванъ Ивановъ сынъ Милюковъ, Федоръ Ивановъ сынъ Милюковъ, Обросимъ Ивановъ сынъ Лодыженской, Леонтей Леонтьевъ сынъ Лодыженской, Михайло Микитицъ сынъ Пушкинъ, Василей Одреевъ сынъ Измайловъ, Тимошей Васильевъ сынъ Измайловъ, Микита Васильевъ сынъ Измайловъ, Петръ Ивановъ сынъ Внуковъ, Иванъ Константиновъ сынъ Наумовъ, Василей Петровъ сынъ Наумовъ, Федоръ Ратмановъ сынъ Дуровъ, Степанъ Меншого сынъ Волинской, Леонтей Ивановъ сынъ Мятлевъ, Иванъ Одреевъ сынъ Сербинъ; діяки по приказомъ: Иванъ Карповъ, Игнатей Созоновъ, Василей Нелюбовъ, Дороеей Бохинъ, Богданъ Власевъ, Нечай Федоровъ, Второй Поздеевъ, Иванъ Тимоеевъ, Семейка Сумороковъ, Истома Карташевъ, Шеметь Ивановъ, Нечай Перфирьевъ, Михайло Унковской, Иванъ Ефановъ, Тимошей Осиповъ, Степанъ Твердиновъ, у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны всеа Русіи діякъ Иванъ Федоровъ; гости: Иванъ Михайловъ сынъ Чюркинъ, Петръ Васильевъ сынъ Мякотинъ, Григорей Ивановъ сынъ Твердиновъ, Оеонасей Ивановъ сынъ Юдинъ, Иванъ Юрьевъ, Меншой Семеновъ сынъ Булгаковъ, Богданъ Семеновъ сынъ Булгаковъ, Степанъ Ивановъ сынъ Котовъ, Олексій Костянтиновъ сынъ Патрушинъ, Бажень Ивановъ, Иванъ Фалелеевъ, Богданъ Трофимовъ сынъ Порыкинъ, Иванъ Семеновъ сынъ Кошуринъ, Василей Дмитреевъ сынъ Чулковъ, Федоръ Созоновъ сынъ Скробовицкого, Кирило Созоновъ сынъ Скробовицкой, Сотникъ Игнатъевъ, Василей Коптевъ, Юрьи Болотниковъ, Тимошей Выходецъ, Третьякъ Фаворовъ; гостиные сотни староста Селивестръ Онаньинъ; суконные сотни староста Третьякъ Герасимовъ сынъ Косаткинъ; черныхъ согемъ соцкіе: Дмитровскіе сотни соцкой Иванъ Онаньинъ сынъ Коробановъ, Покровскіе сотни соцкой Митя Семеновъ сынъ Окошкинъ, Ординскіе сотни сотникъ Степанъ Григорьевъ сынъ Морсочникъ, Ростовскіе сотни соцкой Филипъ Патракъевъ сынъ Красяникъ, Ржевскіе сотни сотникъ Нечай Васильевъ сынъ Рыбкинъ, Новгородскіе сотни соцкой Петръ Федоровъ сынъ Масляникъ,

Стрѣтенскіе сотни соцкой Кузма Васильевъ Сухой, Устюжскіе полусотни соцкой Ѳедоръ Ларіоновъ сынъ Рыбникъ, прибылые полусотни соцкой Первой Доросеевъ сынъ Пищалникъ, Кожевницкой полусотни соцкой Григорей Гавриловъ сынъ Кожевникъ, четверти митрономъ сотни соцкой Васка Оюнасьевъ сынъ Житниковъ, Арбацкой четверти сотни соцкой Осипъ Семеновъ сынъ Ноздринъ, Черторьскіе четверти сотни соцкой Ѳедоръ Ивановъ сынъ Подпружникъ. А уложена бысть и написана сія утверженная грамота, за руками и за печатми великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и сына его Государя нашего Ѳедора Борисовича всеа Русіи, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ первое лѣто царства ихъ, отъ созданія міру лѣта 7106, индикта 11, мѣсяца Августа въ 1 день.

А назади у обѣихъ утверженныхъ грамотъ, что у Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца въ его царской казнѣ, и что въ патріарховъ ризницѣ, руки приложили:

«Великій господинъ Іевъ Патріархъ руку приложилъ.

Варлама Митрополита Новгородскаго.

Гермогена Митрополита Казанскаго.

Варлама Митрополита Ростовскаго.

Геласви Митрополита Сарскаго.

Іоны Архіепископа Вологодскаго.

Галактіона Архіепископа Суждальскаго.

Ѳеодосья Архіепископа Смоленскаго.

Варлама Архіепископа Резанскаго.

Захарья Архіепископа Тверьскаго.

Арсенія Архіепископа Геласонскаго.

Генадыя Епископа Псковскаго.

Іосифа Епископа Коломенскаго.

Селивестра Епископа Корелскаго.»

Великого жъ господина Іева Патріарха и митрополитчи и архіепископи и епископи, у тоѣ утверженныя грамоты 14 печатей: патріархова печать золотая, а митрополитчи 4 печати, да архіепископа Вологодскаго, и тѣхъ 5 печатей, се-

ребрыны позолочены, а 8 печатей архієпископли и єпископли серебряныя печати непозолочены. А у меншіе грамоты, что у Патріарха въ ризницѣ, у тоѣ грамоты Патріархова печать и митрополичьи печати воскъ красной, архієпископли и єпископли печати черныя.

Да у утвержденныхъ же грамотъ руки :

«Троецкого Сергѣева монастыря Архимарита Кирила.

Изъ Володимеря Рождественскаго монастыря Архимарита Елеазара.

Спаскаго Новаго монастыря Архимарита Захей.

Чюдовскаго Архимарита Паѳотья.

Изъ Великаго Новагорода Юрьева монастыря Архимарита Іоакима.

Симанова монастыря Архимарита Іоны.

Изъ Свіязска Богородичина монастыря Архимарита Сергѣя.

Ондронникова монастыря Архимарита Васьяна.

Изъ Казани Спаскаго монастыря Архимарита Арсенья.

Изъ Нижняго Печерскаго монастыря Архимарита Трифона;

Спаса Хутыни монастыря Игумена Аркадыя.

Вмѣсто Кирилловскаго Игумена Корнѣя Кирилловскаго соборнаго старца Леонида Ширшова.

Изъ Переславля Горницкаго Архимарита Феодосья.

Съ Костромы Ипацкаго Архимарита Іоакима.

Изъ Можайска Лужецкаго монастыря Архимарита Селивестра.

Изъ Ростова Богоявленскаго монастыря Архимарита Феодосья.

Спаскаго монастыря изъ Ярославля Архимарита Феодана.

Богоявленскаго монастыря изъ-за торгу Игумена Іева.

Изъ Боровска Пахнотьева монастыря Игумена Іасафа.

Іосифова монастыря Игумена Галасея.

Изъ Суждала Спаса Еуаншьева монастыря Архимарита Левкеня.

Вмѣсто Антоньевскаго Игумена Трифона изъ Великаго Новагорода Вежицкой Игуменъ Захей.

Вмѣсто Печерскаго Игумена изъ Пскова Іакина Генадья Єпископа Псковскаго.

Изъ Смоленска Борисоглѣбскаго монастыря Архимарита Деонисья.

Съ Резани Спаскаго монастыря Архимарита Іоны.

Изъ Твери Отроча монастыря Архимарита Θεодосья.

Вмѣсто Тихвинскаго Игумена Іосифа изъ Великаго Новгорода Вяжицкой Игуменъ Закхей.

Изъ Переславля Даниловскаго монастыря Архимарита Іоны.

Изъ Ростова Борисоглѣбскаго монастыря съ устья Игумена Петра.

Съ Резани Солочинскаго монастыря Архимарита Андреяна.

Изъ Великаго Новгорода Вяжицкаго монастыря Игумена Закхей.

Волока Ламскаго Возмицкаго Архимарита Васьяна.

Изъ Великаго Новгорода Духова монастыря Игумена Огнана.

Сторожевскаго монастыря Игумена Богольпа.

Съ Вологды Прилуцкаго монастыря Игумена Гурья.

Павлова монастыря Игумена Іоиля.

Вмѣсто Болдинскаго Игумена Θεоктиста того жъ Болдина монастыря старца Герасима.

Колязина монастыря старца Левкѣи.

Съ Вологды Корнильева монастыря Игумена Іосифа.

Изъ Переславля Зальскаго Никицкаго Игумена Никона.

Колоцкаго Игумена Никандра.

Селижарова монастыря Игумена Марка.

Угрѣинскаго монастыря Игумена Тихона.

Николы чудотворца Пѣсношскаго монастыря Игумена.....

Соборные старцы :

Троецкаго Сергѣева монастыря старца Варсоноѣя Якимова.

Казначей старца Ильи.

Старца Акакія.

Старца Мисаила Безинна.

Старца Еустафья Головкина.

Чюдова монастыря келаря старца Θεодосья.

Ипацкаго монастыря строителя старца Гурья.

Патріархова архидьякона Алимпія.
Іосифова монастыря старца Моисея Неплюева.
Изъ Дмитрова Медвѣдевы пустыни Игумена Арсенья.
Патріархова казначея старца Арсенья.
Старицкого Архимарита
Кирилова монастыря старца Леонида Ширшова.
Старца Іосифа.
Чюдова монастыря старца Васьяна Ржевского.
Кириловского подворья строителя старца Елеуферья Брат-
цова.
Соловецкого старца Васьяна Наполского.
Изъ Переславля Залѣскаго Борисоглѣбскаго монастыря
строителя Гермогена.
Паенотьева монастыря келаря старца Галаси.
Казначея старца Іоны Наумова.
Патріарша чашика старца Еуеимья Лазарева.
Спаской строитель изъ Ярославля старца Мисаила.
Чюдова монастыря старца Германа Щербатова.
Протопопы :
Богородицкаго протопопа Еуеимья.
Благовѣщенскаго протопопа Семіона.
Архангилскаго протопопа Дмитрія.
Спасаго протопопа съ двorca Пантелеимона.
Стрѣтенскаго протопопа Григорья.
Вознесенскаго протопопа Семіона.
Николскаго протопопа Гостунскаго Степана.
Рождественскаго протопопа Прохора, что подъ колоколы
бывшаго.
Покровскаго протопопа Дмитрея, и въ сына своего про-
топопово Гаврилово мѣсто.
Черниговскаго протопопа Ивана.
Пречистые Донскіе Игумена Гурья.
Даниловскаго Игумена Діонисья.
Николы Старого Игумена Варлама.
Стрѣтенскаго Игумена Маркеда.
Съ Костромы Богоявленскаго монастыря Игумена Ісаія.
Изъ Казани Илантова монастыря Игумена Антонья.

Изъ Нижнего Амбросьева монастыря Дудина Игумена
Еуонья.

Изъ Вязмы Федоровскаго монастыря вместо Игумена Геор-
гя, Болдинскаго монастыря старца Герасима.

Болре :

Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской.

Князя Василья Ивановича Шуйскаго.

Конюшего Дмитрея Ивановича Годунова.

Во князь Федорово мѣсто Михайловича Трубецкаго, бра-
та его князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Дворецкаго Степана Васильевича Годунова.

Ивана Васильевича Годунова.

Князя Дмитрея Ивановича Шуйскаго.

Богдана Юрьевича Сабурова.

Князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Князя Тимофея Романовича Трубецкаго.

Федора Никитича Романа.

Князя Михаила Петровича Катырева.

Александра Никитича Романа.

Князя Александра Ивановича Шуйскаго.

Князя Бориса Камбулатовича Черкасскаго.

Въ бояриново мѣсто князя Ивана Ивановича Голицына,
брата его князя Ондрея Ивановича Голицына.

Князь Федоръ Ивановичъ Ноготковъ.

Въ брата своего боярина князя Ондрея Васильевича Тру-
бецкаго мѣсто, князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Князя Ивана Ивановича Шуйскаго.

Князя Федора Ивановича Хворостинина.

Князя Ондрея Петровича Куракина.

Въ бояриново князя Василья Кардануловича Черкасскаго
мѣсто, околничего Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Околничие: въ околничьево мѣсто Якова Михайловича Году-
нова, околничего Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Семена Никитича Годунова.

Михайла Никитича Романа.

Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Ч. I. Прилож.

- Околицкого Матвея Михайловича Годунова.
Околицкого Семена Федоровича Сабурова.
Степанъ Степановичъ Годуновъ.
Кравчей Иванъ Ивановичъ Годуновъ.
Михайло Глзбовичъ Салтыковъ.
Фомы Оеонасьевича Бутурлина.
Ондрей Петровича Клешина.
Семена Федоровича Сабурова.
Въ отца своего мѣсто околицкого князя Василья Дмитреевича Хилкова, сына его князя Ондрея.
Михайла Михайловича Салтыкова.
Богдана Яковевича Бѣлского.
Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны дворецкого князя Ондрея Ивановича Гундурова.
Казначея Игнатія Петровича Татищева.
Печатника и посолского дѣла Василья Яковлича Щолкова.
Думного дворянина Остаѣя Михайловича Пупкина.
Постелничево намѣстничево трети Московскіе Истомы Осиповича Безобразова.
Стряпчево съ влючешъ Кузмы Безобразова.
Земского двора боярина Григорья Борисовича Василчкова.
Въ соколничево въ отца своего мѣсто Ивана Олексеева сына Жеребцова, сына его Семена.
Яселничево Михайла Игнатьева сына Татищева.
Думного дѣла Елизарья Данилова сына Вылузгина.
Думного дѣла Сапуна Аврамова.
Думного дѣла Ивана Олексеева сына Нармацкого.
Думного дѣла Оеонасья Власьева.
Стольники :
Князя Юрья князь Никитина сына Трубецкого.
Ивана Никитина сына Годунова.
Въ столниково мѣсто брата своего князя Ивана князь Микитина сына Оеоевского, братъ его князь Иваць.
Стольника Ивана Никитича Романофа.

Стольника князя Ондreja княжь Никитина сына Телятвскаго.

Въ столниково мѣсто брата своего Василья Никитина Романова брата его Ивана.

Петра Федорова сына Басманова.

Князя Ивана Михайлова сына Катырева Ростовскаго.

Въ столниково мѣсто Ивана Михайлова сына Годунова столника Силы Михайлова сына Вельяминова.

Въ столниково мѣсто Алексѣя Иванова сына Годунова, Силы Михайлова сына Вельяминова.

Стольника князя Иванова сына Куракина.

Олексѣя Романова сына Плещеева.

Въ столниково мѣсто брата своего князя Ивана княжь Ондреева сына Хованскаго, князь Никиты Ондреева сына Хованскаго.

Замятни Яковлева сына Сабурова.

Князя Федора княжь Иванова сына Лыкова.

Князя Ивана княжь Иванова сына Курлетева.

Князя Ивана княжь Борисова сына.

Михайла Борисова сына Шенна.

Князя Ивана княжь Дмитреева сына Хворостинина.

Въ столниково дѣди своего мѣсто князя Ондreja княжь Васильева сына Сицкаго, князя Олексѣя Сицкаго.

Князя Данила княжь Иванова сына Мезецкаго.

Князь Юрья княжь Петрова сына Ушатого.

Петра Дмитреева сына Вельяминова.

Стольника князь Бориса княжь Михайлова сына Лыкова.

Князя Юрья княжь Данилова сына Примкова.

Петра Григорьева сына Сабурова.

Въ столниково мѣсто князь Иванова мѣсто князь Ондреева сына Хованскаго, брата его князя Ивана княжь Федорова сына Хованскаго.

Князя Ивана княжь Петрова сына Буйносова Ростовскаго.

Князя Ондreja княжь Ондреева сына Хованскаго.

Князя Ондreja княжь Данилова сына Сицкаго.

Князь Василья княжь Петрова сына Ростовскаго.

Князя Олексѣя княжь Юрьева сына Сицкаго.

Семена Дмитреева сына Вельяминова.
Князя Ивана князь Федорова сына Хованского.
Федора Савинова сына Плещеева.
Въ столниково мѣсто Ивана Дмитреева сына Полева, Фе-
ора Плещеева.
Князя Бориса князь Ондреева сына Хилкова.
Князя Микиты князь Михайлова сына Мезацкого.
Князя Ивана князь Васильева сына Хилкова.
Силы да Бориса Михайловыхъ дѣтей Вельяминова.
Федора Тулупова сына Вельяминова.
Дѣлки по приказомъ:
Дѣлка Ондreja Арцыбашева.
Дѣлка Григорья Клобукова.
Дѣлка Ивана Вахромеева.
Дѣлка Ондreja Татьянина.
Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьев-
ны дѣлка Тимоея Чирикова.
Дѣлка Петра Невлова.
Дѣлка Истома Евского.
Дѣлка Семена Косткина.
Дѣлка Ивана Неждова.
Дворяне:
Степана Александрова сына Волоского.
Князя Ивана князь Васильева сына Голицына.
Князя Ондreja князь Васильева сына Голицына.
Вмѣсто Петра Васильева сына Годунова, Елизарья Сабурова.
Въ Дмитреево мѣсто Иванова сына Волоского, князя Ми-
хайла Мезецкого.
Василья Петрова сына Морозова.
Въ Веригино мѣсто Сабурова, Михайла Сабурова.
Боярина князя Ондreja Петровича Куракина, и въ дѣтей
своихъ мѣсто князь Семеново да князь Михайлова.
Въ отца своего мѣсто князя Ондreja князь Дмитреева, кн-
на Хилкова, сына его князя Бориса.
Князя Бориса князь Петрова сына Татеева.
Федора Иванова сына Шереметева.
Михайла Богданова сына Сабурова.

Ивана Федорова сына Басманова.

Князя Ивана князь Петрова сына Ромодановского.

Князя Василья Буйносова Ростовского.

Князя Ивана князь Тимоеева сына Татеева.

Князя Федора Татеева.

Князя Семена князь Ондреева сына Татеева.

Князя Василья князь Михайлова сына Лобанова.

Во княже Романово мѣсто Ожлябинина, князя Данила.

Во княже Михайлово мѣсто, князя Данила.

Елизарья Сабурова.

Тимоея Сабурова.

Во Жданово мѣсто Сабурова, Тимоея Сабурова.

Богдана Степанова сына Сабурова.

Князя Василья Петрова Туренина.

Михайла Вельяминова.

Ильи Вельяминова.

Ивана Михайлова сына Пушкина, и въ брата своего Никитино мѣсто.

Ивана Траханиотова.

Никифора Траханиотова.

Василья Яковлева сына Волынского.

Сына его Федора.

Леонтья Аксакова.

Во Максимово мѣсто Сабурова, Тимоея Сабурова.

Князя Василья Туренина, и въ дѣтей своихъ мѣсто во княже Федорово да во князь Дмитреево.

Во князь Михайлово мѣсто Ноздроватого, князя Семена Звенигорѣцкаго.

Во Иваново мѣсто Злобина, Тихона Траханиотова.

Василья Яковлева сына Кузмина.

Во князь Александрово мѣсто Рыпинина, князя Володимера Долгорукаго.

Во отца своего князя Григорьево мѣсто Долгорукаго сына его князя Олексыя.

Князя Володимера Долгорукаго, и въ брата своего во княже Федорово мѣсто князь Григорьева сына.

Во князь Михайлово мѣсто Темкина, князя Ондreja Хилкова.

Князя Петра Борятинского.

Князя Ивана князь Васильева сына Хилкова.

Во князь Петрово мѣсто да во князь Лаврентьево Засѣ-
киныхъ, Богдана Полева.

Во князь Володимерово мѣсто Мосалского, князя Луки
Щербатого.

Богдана Полева.

Алексѣя Фомина Третьяка.

Ивана Полева.

Князя Луки Щербатого.

Ондreja Измайлова.

Во князь Иваново мѣсто Солнцева Засѣкина, князя Ники-
ты Засѣкина.

Ивана Вросланского.

Во князь Петрово да во князь Смирного мѣсто Шахов-
скихъ, племянника ихъ князя Ивана Солнцева.

Во князь Федорово мѣсто Звенигородского, князя Семена
Звенигородского.

Тихона Траханіотова.

Семена Олѣерьева.

Василья Олѣерьева.

Третьяка Вельяминова, и въ брата своего мѣсто Володими-
рово.

Князя Володимера Клобукова Мосалского, и въ племянни-
ка своего мѣсто во князь Иваново.

Князя Федора Друцкого.

Семена Блудова.

Во князь Михайлово да во князь Иваново обонихъ мѣсто,
князя Олѣксыя.

Григорья Вельяминова.

Во князь Одреево мѣсто Волковского, князя Никиты За-
сѣкина.

Василья Вельяминова.

Въ Яковлево мѣсто Старкова, Василья Кузмина.

Въ Степаново мѣсто Безобразова, князя Василья Тюбя-
кина.

Въ Данилово мѣсто Истленьева, князя Федора Борятинского.

Въ Григорьево мѣсто Нащокина, Ивана Бибикова.
Во князь Борисово мѣсто князь Семенова сына, Матвѣя
Бутурлина.
Въ Тимоеѣево мѣсто Грязного, Василья Кузмина.
Князя Олексѣя Долгорукого, и въ брата своего, во князь
Васильево мѣсто.
Ондрея Безобразова.
Князя Ѳедора Борятинского, и въ братьи своей мѣсто во
князь Яковлево да во князь Иванова да во князь Михай-
лово.
Ивана Самтыкова.
Во князь Иваново мѣсто Мосалского, Василья Кузмина.
Ивана Бибикова.
Олексѣя Пушкина.
Въ Ѳедорово мѣсто Кузмина, дяди его Василья Кузмина.
Михайла Аксакова.

Стряпчіе съ платьемъ :

Якова Васильева сына Зюзина.
Гаврила Вельяминова.
Въ Юрьево мѣсто Пилъемова, Гаврила Вельяминова.
Григорья Плещеева.
Въ Бахтеярово мѣсто Клешина Григорья Плещеева.
Григорья Татищева.
Юрья Татищева.
Михайла Пушкина.
Ивана Пушкина.
Оеонасья Иванова сына Пушкина.
Петра Волынского.
Печатника и посолского дьяка Василья Яковича Щолка-
лова, въ сына своего Ивана мѣсто.
Ѳедора Волынского.
Михайла Вельяминова, и въ брата своего Васильево мѣсто.
Князя Никиты Борятинского.
Василья Савинова сына Плещеева.
Князя Михайла Мезецкого.
Князя Дмитрея Пожарского.
Данила Вельяминова, и въ брата своего Степаново мѣсто.

Изъ городовъ выборъ :

Во князь Иваново мѣсто Морткина, Семена Погожего.
Во Семеново мѣсто Чемоданова, Темира Засыцкого.
Князя Ивана Воротинского.
Ондreja Вельяминова.
Ивана Татищева.
Во Кирилово мѣсто Вельяминова, Ивана
Ортема Измайлова.
Во брата своего мѣсто Калининкова, Олексѣя Зюзина.
Яковъ Плещеевъ.
Во Леонтьево да въ Иваново мѣсто, Яковъ Плещеевъ.
Во князь Александрово мѣсто Засыкина, Ивана Чепчугова.
Ивана Чепчугова.
Степана Чепчугова.
Князя Юрья Болковского.
Михайла Дмитріега.

Головы Стрѣльцкіе :

Посникъ Огаревъ, и въ Смирного Маматова и въ Левонтьево мѣсто Лодыженского.
Ратмана Дурова.
Темира Засыцкого.
Во Михайлово мѣсто Косицкого, Ратмана Дурова.
Ондreja Никифорога.

Выборъ изъ городовъ :

Наума Плещеева.
Игнатѣя Измайлова.
Во Долматово мѣсто Милюкова, Иванъ Чепчуговъ.
Олексѣя Писемского.
Костянтина Замыцкого.
Во Володимерово мѣсто Вешнякава, Павла Морышкина.
Алексѣя Совина.
Семена Погѣжево.
Во Юрьско мѣсто Ловчикова, Семена Погожего.
Федора Совина.
Во Семеново мѣсто Отлева, Ивана Богданова.
Григорѣя Ржевского.
Исана Федорога сына Наумова.

Юрья Тутолмина.
Петра Совина.
Бориса Богданова.
Семена Чередова.
Судока Мясного.
Бараши :
Оеонася Жеребятичева.
Вериги Давыдова.
Князя Юрья Приимкова.
Въ Пантелеймоново мѣсто Усова, Оедора Шишмарева.
Ключникъ Иванъ Омелянской.
Кормового дворца ключника Кузмы Урпенева.
Во княжъ Иваново мѣсто княжъ Юрьева сына Мезецкого,
братъ его княжъ Данило Мезецкой.
Ивана Внукова.
Давыда Жеребцова.
Кирила Шишмарева.
Семена Жеребцова.
Тимоея Змьева.
Въ Леонтьево мѣсто Застолбского, князя Оедора Мезецкого.
Въ Юрьеево мѣсто Сгромилова, Третьяка Карсакова.
Дмитрея Пушечникова.
Жилцы :
Князя Бориса княжъ Никитина Приимкова и въ брата сво-
его мѣсто княжъ Иваного.
Князя Оедора княжъ Оедорова сына Мещерского.
Князя Ивана княжъ Володимерова сына Солнцева Мосал-
ского, и въ брата своего родного мѣсто княжъ Ондреево.
Ивана Елисѣева сына Плещеева.
Михайла Вельяминова.
Мирона Ондреева сына Вельяминова.
Князя Ивана княжъ Иванова сына Козювского.
Василья Иванова сына Вольнского.
Якова Вельяминова.
Князя Луки княжъ Матѣева сына Люга.
Ивана Милюкова.
Оедора Милюкова.

Лазаря Семенова сына Безобразова.
Князя Петра Ахамашукова сына Черкасского.
Федора Семенова сына Вельяминова.
Ивана Иванова сына Волинского.
Тимофея Никифорова сына Безобразова.
Василья Одрьева сына Измайлова.
Михайла Пушкина.
Тимофея Васильева сына Измайлова.
Микиты Васильева сына Измайлова.
Князя Петра князь Одрьева сына Козловского.
Григорья Зубова.
Степана Иванова сына Истленьева.
Дмитрея Погожево.
Бялиницы Зюзина.
Федора Погожево.
Игнатъя Пелнна.
Степана Татьянина.
Малюты Тургенева.
Обросима Лодыжинского.
Левонтья Левонтьева сына Лодыжинского.
Петра Внукова.
Ивана Наумова.
Василья Наумова.
Федора Дурова.
Ивана Сербина.
Степана Волинскаго.
Діяки по приказомъ :
Діякъ Иванъ Карповъ.
Діякъ Игнатей Софоновъ.
Діякъ Василей Нелюбовъ.
Діякъ Нечай Федоровъ.
Діякъ Дороеей Бохинъ.
Діякъ Богданъ Власьевъ.
Діякъ Иванъ Тимоеевъ.
Діякъ Второй Поздвевъ.
Діякъ Семейка Сумороковъ.
Діякъ Михайло Унковской.

Діакъ Истома Карташевъ.
Діака Василья Тороканова.
Діака Матвѣя Коробейникова.
Діака Тимоѳея Петрова.
Діака Шемета Иванова.
Діака Нечая Перфирьева.
Діака Тимоѳея Осипова.
Гости :
Ивана Михайлова сына Чюркина.
Петра Васильева сына Мякотина.
Григорья Иванова сына Твердикова.
Оеонасыя Иванова сына Юдина.
Ивана Юрьева меншого Семенова сына Булгакова, и въ брата своего въ Богданово мѣсто.
Степана Иванова сына Котова.
Олексѣя Костянтинова сына Патрушина.
Въ Баженово мѣсто Иванова, Ивана Кошурина.
Ивана Фалелѣва.
Богдана Трофимова сына Порывкина.
Ивана Кошурина.
Василья Дмитреева Чуолкова.
Федора Созонова сына Скробовицкого, и въ брата своего Кирилово мѣсто.
Въ Игнатьево мѣсто въ Сотниково, Федора Скробовицкого.
Въ Васильево мѣсто Коптева, Ивана Фалелѣва.
Въ Юрьево мѣсто Болотниково, Василья Чуолкова.
Въ Тимоѳеево мѣсто Выходца, Третьяка Фаворова.
Третьяка Фаворова.
Ивана Кобелева.
Втораго Тыртова, во всей Шоломенскіе пятины.
Гостинные сотни :
Ивана Чихачова, и въ старожилцовъ мѣсто и во всей гостинные сотни мѣсто.
Микита Лвовъ, и въ Вотцкіе пятины мѣсто.
Суконные сотни тяглець Ларивонъ Мининъ, и въ старостинно въ Третьяково мѣсто Косаткина.
Дартуша Дивовъ, и во всѣхъ Ржевнчъ мѣсто.

Черные сотни соцкіе :

Дмитровскіе сотни тяглець Оома Лазаревъ, въ соцкого въ Иваново мѣсто Козобаново и во всей сотни.

Микита Мотоловъ, и во всѣхъ Ярославля Малаго сотни.

Ондрей Ивановъ, и во всѣхъ Блянь мѣсто.

Покровскіе сотни тяглець Семень Шоринъ, въ соцкого Микиты Иконникова и во всей сотни мѣсто.

Ордынскіе сотни соцкой Степанъ Григорьевъ, и во всей сотни мѣсто.

Ростовскіе тяглець Іеъ Федоровъ, въ соцкого въ Филипово мѣсто Красилникова и во всей сотни мѣсто.

Ржевскіе сотни соцкой Нечай Рябъ, и во всей сотни мѣсто.

Ноугородскіе сотни тяглець Ондрей Насоновъ, въ соцкого мѣсто Петроло Масленика и во всей сотни мѣсто.

Стрѣтенскіе сотни тяглець Василей Юрьевъ, въ соцкого отца своего Юрьеву мѣсто Ножевниково и во всей сотни мѣсто.

Мясницкіе сотни тяглець Максимъ Филатьевъ, въ соцкого въ Кузино мѣсто Сухово и во всей сотни Мясницкіе мѣсто.

Устюжскіе полусотни тяглець Иванъ Обросьевъ, и во всей полусотни мѣсто.

Прибылые полусотни въ соцкого Первого Пищаликова и во всей полусотни мѣсто, тоъ же полусотни тяглець Дружина Плесянинъ.

Кожевницкой полусотни въ соцкого Григорья Кожевника и во всей полусотни мѣсто, Ордынскіе сотни тяглець Степанъ Григорьевъ.

Четверти митропольи сотни въ соцкого Василья Житникова и во всей четверти мѣсто, тоъ же четверти сотни тяглець Василей Трофимовъ сынъ Серебряникъ.

Арбацкіе сотни четверти въ соцкого Осипа Семенова сына Ноздрина, тоъ же Арбацкіе четверти сотни тяглець Бажень Ивановъ Замочниковъ.

Черторьскіе четверти въ соцкого Федорова Исанова сына мѣсто Подружникова, тоъ же Черторьскіе четверти тяглець Сидоръ Григорьевъ сынъ Папкинъ.

№ IV.

У К А З Ъ

ОБЪ ИЗЪЯТІИ ОТЪ ЗАПРЕЩЕНІЯ ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣто 7110 Ноемвриа въ 21 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Феодоровича всея Русіи указу, память Окольничему Василию Петровичу Морозову: Въ нынѣшнемъ по сто десятомъ году Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Феодоровичъ и сынъ его Государь Царевичъ Князь Феодоръ Борисовичъ пожаловали го всемъ своему Московскомъ Государствѣ отъ налогъ и отъ продажъ охраняя, велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ Дворяномъ, которые служатъ изъ выбора, и Жильцомъ, которые у Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича, и которые у Государя Царевича Князя Феодора Борисовича, и дѣтемъ Боярскимъ, дворовымъ и городовымъ прикащикамъ, всѣхъ же городовъ иноземцамъ еслкимъ, и большаго двора дворовымъ людѣмъ есѣхъ чиновъ, степеннымъ и путнымъ ключникамъ, стряпчимъ, сытникамъ и подключникамъ, Конюшеннаго приказа столповымъ прикащикамъ, конюшеннымъ, конюхомъ, стремяннымъ и стряпчимъ, ловчаго пути корытникомъ, охотникомъ и коннымъ псаремъ, сокольнича пути кречетникомъ, сокольниковомъ, ястребинникомъ, трубникомъ (трубачамъ) и сурначеемъ, и Государыни Царицы Маріи Григорьевны всея Русіи дѣтѣмъ Боярскимъ, и всѣхъ приказовъ преднимъ подъячимъ канцеляристамъ), стрѣлецкаго приказа сотникомъ стрѣleckимъ и головамъ козачьимъ, Посольскаго приказа переводчикомъ и толмачамъ, Патріаршимъ и Митрополчнимъ и

№ V.

ЗАПИСЬ

ДЖЕДИМИТРИЯ ГРИШКИ ОТРЕПЬЕВА ДАВНАЯ ЮРЬЮ МНИШКЪ О БРАКОСОЧЕТАНІИ СЪ ДОЧЕРЬЮ ЕГО МАРИНОЮ И О ПРЕДОСТАВЛЕНІИ ЕЙ ГОСУДАРСТВЪ НОВГОРОДСКАГО И ПСКОВСКАГО.

Мы Дмитрей Ивановичъ, Божею милостию, Царевичъ великон Русні, Углетцкіи, Дмитровскіи и иныхъ, Князь отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ Государь и дядичъ.

Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только по примѣру иныхъ Монарховъ и предковъ нашихъ, но и всѣхъ Христіански живущихъ, за приравніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а жена и смерть бываетъ отъ негожь, усмотрели есмя и улюбили себя, будучи в Королевстве в Полскомъ, в дому честнемъ, великаго роду, житія честнаго и побожнаго приятеля и товарищи, с которыми бы мнѣ, за помощю Божию, в милости и въ любви непремѣняемой житіе свое проводити ясневелеможную панну Марину с Великихъ Кончиць Мнишковну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Львовскую, Самборскую, Меденицкую и проч., дочь ясневелеможнаго пана Юрья Мнишка съ Великихъ Кончиць, воеводы Сендомирскаго, Львоваго, Самборскаго, Меденицкаго и проч. старосты жуць Рускихъ жуника, котораго мы испытавши честность, любовь и доброжелательство (для чего мы взяли его себя за отца); и о томъ мы убдительно его просили, для большаго утверждснїа взаимной нашей любви, чтобы выщереченную дочь свою панну Марину за насъ выдать въ замужство. А что тепере мы есть не на Государствахъ своихъ,

и то тепере до часу: а какъ дастъ Богъ, буду на своихъ Государствахъ жити, и емубъ попомнѣти слово свое прямое, емъсте с панною Мариною, за присягою; а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо объма здержати, и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемъся. А впредъ, во имя пресвятыя Троицы, даю ему слово свое прямое Царское: что женюсь на панне Марине; а не женюсь, и язъ проклятво на себя даю, утверждая сіе слышующими условіями, Первое: конъ часъ доступлю наследственнаго нашего Московскаго Государства, азъ пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысячъ злотыхъ Польскихъ, какъ его милости самому для ускоренія подъема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ея панны Марини, будущей жены нашей, изъ казны нашей Московской выдамъ клѣннотовъ драгоценнѣйшихъ, а равно и серебра столоваго къ снаряду ея; буде не самому ея панни отцу, въ небытность его по какой либо причинѣ, то посламъ, котораго ея милость пришлетъ, или нами отправленнымъ, какъ выше сказано, безъ замѣдленія дать, даровать нашимъ Царскимъ словомъ общаемъ. Другое то: какъ вступимъ на нашъ Царскій престолъ отца нашего; и мы тотъ часъ пословъ своихъ пришлемъ до наиснѣйшаго Короля Польскаго, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое нынѣ промежъ насъ, было ему въдожо и позволилъ бы то намъ здѣлати безъ убытка. Третье то: той же прежь реченой панне женѣ нашей дамъ два Государства великія, Великіи Новгородъ да Псковъ, со всеми утзды, і з думными людьми, и з дворяны, и з детми боярскими, и с попы и со всеми приходы, и с пригородки, и с вѣсты и с селы, со великимъ владѣньемъ, и с повоинностью, со всеми с тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствами владѣли и указывали; а мы въ тѣхъ въ обныхъ Государствахъ, въ Новгородѣ і во Псковѣ, ничѣмъ не владѣти, и в нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣпимъ, и даруемъ ей панне то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помощью Божию, с нею венчаемъся; и мы то все, что въ нынѣшнемъ нашемъ писмѣ написано, отдадимъ ей, и въ Канцаріи нашей

сі то въ вѣки напишемъ, и печать свою Царскую к тому приложимъ. А будетъ у нашеі жены, по грѣхомъ, с нами детеі не будетъ, и тѣ обои Государства еи приказати на-мѣстникомъ своимъ владѣти ими и судити, і волно еі будетъ своимъ служилымъ людемъ помѣстья и вотчины давати, и купити і продавати; также волно еи, какъ ся еи полюбитъ, что въ своихъ въ прямыхъ удѣльныхъ Государствахъ монастыри і костелы ставити Римские, і Бискупы и попы Латынские, и школы поставляти и ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити; а самой жити с нами; а попы свои себѣ держати, сколько еі надобе, также набоженство своеи Римские вѣры держати безо всякие забороны, якожь и мы сами, з Божиею милостию, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все Государство Московское в одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костелыбъ Римские устроить. А того Боже намъ не даи, будетъ тѣ наши рѣчи въ Государствахъ нашихъ не полюбятца, і в годъ того не здѣлаемъ: ино будетъ вольно пану отцу и панне Марине со мною развестися, или пожалуютъ побольши того подождутъ до другого году. А язъ тепере в томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою, с крестнымъ цѣлованьемъ, что мнѣ то все здѣлати по сему писму, и присягою на томъ на всемъ при святкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сеі записи здержати крѣпко, і всѣхъ Рускихъ людеи въ вѣру Латынскую привести. Писана в Самборе, мѣсяца Маія 25 дня, лѣта 1604.

Царевичъ Дмитрій.

Истинной Записи приложена печать подъ кустодіею воеводал. Бумага сія, равно и слѣдующія Польскія, сложена пакецомъ.

На оборотъ написано:

Постановленіе и ассекрація Дмитрія Царя Московскаго данная господину Мнишкѣ, воеводу Сендомирскому.

Къ сему присоединена послѣ угиненная приписка:

Въ Пятницу, на другой день праздника Успенія пресвятыя Дѣвы Маріи, лѣта Господня 1668.

Ч. I. Прилож.

Рукопись сію провінціальний Королевскій главный надзиратель Лаврентій Каткевичь Соноклескій представилъ для приобщенія къ дѣламъ староста.

Принято и записано.

№ VI.

Г Р А М О Т А

ДМИТРИЯ ОТРЕПЬЕВА, ДАННАЯ ЮРЬЮ МНИШКЪ НА УСТУПКУ ЕМУ
И КОРОНЪ ПОЛЬСКОЙ, СМОЛЕНСКОЙ И СЪВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ.

Димитрій Ивановичъ, Божією милостію, Царевичъ великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій, и проч. и проч., Князь отъ колына предковъ своихъ, всѣхъ Государствъ, къ Московской Монархіи принадлежащихъ, Государь и дѣдичъ. Объявляемъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что мы ясневельможному господину Юрью изъ Великихъ Кончицъ Мнишкови, воеводѣ Сендомирскому, Львовскому, Самборскому, Меденицкому и проч. старостѣ, жупникови жупъ Рускихъ, за любовь, милость, доброжелательство и склонность, которую намъ явилъ и являть не престаеть, въ вѣчныя времена дали мы ему и наследникамъ его Смоленское и Съверское Княжество въ Государствѣ нашемъ Московскомъ со всѣмъ, что къ онымъ Княжествамъ принадлежитъ, съ городами, замками, селами, подданными и со всѣми обоего полу жителями, какъ о томъ въ данномъ отъ насъ его милости особливомъ привиліи ясно изображено и написано, дали, подарили и записали. А для извѣстныхъ и важныхъ причинъ, и для самой нашей любви и доброжелательства къ пресвѣтлѣйшему Королю Польскому и всему Королевству, въ предбудущія вѣчныя времена, для согласія и миру между народомъ Польскимъ и Московскимъ, Смоленской земли другую половину съ замками, городами, городками, уздами, селами, рѣками, озерами, прудами (оставляя при его милости господинъ воеводѣ самой замокъ съ городомъ Смоленскомъ и со всѣмъ что къ половинѣ онаго принадлежитъ)

дали, подарили и записали, какъ о томъ въ особомъ привиліи изображено, Королямъ Польскимъ и Ръчи Посполитой Польской шесть городовъ въ Княжествѣ Сѣверскомъ со всемъ, что къ онымъ принадлежитъ, съ доходами и прибытками, и на все сіе уже совершенной отъ насъ привиліи данъ есть; и дабы о исполненіи всего того его милость господинъ воевода былъ благонадеженъ, присягою тѣлесною подтвердили мы. И изъ другова Государства, близъ Смоленской земли, еще много городовъ, городковъ, замковъ, земель и прибытковъ опредѣляемъ ему господину воеводѣ даровать, присовокупить, записать въ вѣчныя времена, какъ скоро насъ Господь на престолъ предковъ нашихъ посадить, дабы равные и меньшіе какъ съ Смоленскаго, такъ и съ Сѣверскаго Княжества, съ городовъ, замковъ, городковъ, селъ, боровъ, льсовъ, рѣкъ, озеръ, прудовъ всякіе имѣлъ доходы, то мы ему обѣщаемъ и ручаемъ; и что уже мы однажды присягою подтвердили, то и нынѣ ни въ чемъ неотмѣнно и ненарушимо подтверждаемъ все вышешисанное его милости господину воеводѣ содержать и исполнить. А для большаго увѣренія и важности, сей листъ нашъ, при подписаніи собственною рукою нашею, печатью утвердить повелѣли. Данъ въ Самборѣ, Іюня 12 дня, 1604 года.

Димитрій Царевичъ.

Къ сей грамотѣ, писанной на пергаментѣ, прилѣпленъ на голубомъ шелковомъ сукнѣ изъ желтаго воску круглый ковчегъ, въ немъ втиснута восковаяжъ красная печать.

На оборотѣ написано:

Привилегія, данная в. Сендомирскому на владѣніе половиною земли Сѣверской.... Р. П. шестью город....

№ VII.

Г Р А М О Т А

ДЖЕДИМИТРІА КЪ МОСКОВСКИМЪ ОБЫВАТЕЛЯМЪ О ПРАВАХЪ ЕГО НА
ПРЕСТОЛЪ РОССІЙСКІЙ.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, бояромъ нашимъ, Князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, да Князю Василью да Князю Дмитрею Ивановичемъ Шуйскимъ, и всемъ бояромъ, и околничимъ, и дворяномъ болшимъ, и столникомъ, и стряпчимъ, и жилцомъ, и приказнымъ людемъ, и дьякомъ, и дворяномъ изъ городовъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ и торговымъ лутчимъ людемъ, и среднимъ, и вслкимъ чернымъ людемъ. Цѣловали есте крестъ блаженныя памяти отцу нашему, великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ чадомъ его, что было опричь нашего государьского роду на Московское государство иного Государя никого не хотѣти не искати; и какъ, судомъ Божіимъ, отца нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи не стало, а на Російскомъ государствѣ учинился братъ нашъ, великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи, и насъ великого Государя, измѣнники наши послали на Угличъ и толкое утѣсненіе нашему Царьскому Величеству дѣлали, чего и поданнымъ дѣлати было негодно, присылали многихъ воровъ и вельми насъ портити и убити: и милосердый Богъ насъ великого Государя отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрылъ, оттолъ даже до лѣтъ возраста нашего въ судьбахъ своихъ сохранилъ; а вамъ, бояромъ нашимъ, и околничимъ,

и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людемъ, измѣнники наши вмѣщали, будто насъ великого Государя не стало и похоронили будто насъ великого Государя на Угличъ въ соборной церкви у всемилостиваго Спаса. И какъ, судомъ Божиимъ, брата нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи не стало, и вы, не въдаючи про насъ, прироженнаго Государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову, не въдаючи его злокозненнаго права и бояся того, что онъ блаженный памяти при братъ нашемъ Царь и Великомъ Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи владѣлъ всѣмъ государствомъ Московскимъ, и жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ; а про насъ есте прироженнаго Государя своего не въдали, а чаяли насъ отъ измѣнниковъ нашихъ убитого. А какъ про насъ великого Государя учалъ быти слухъ во всемъ Російскомъ государствѣ, что съ Божіею помощію, мы великій Государь идемъ на православный престолъ прародитетей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ и хотѣли есмь государства нашего доступати безъ крови, и вы, бояре наши и воеводы и всякіе служилые люди, противъ насъ великого Государя стояли невѣдомостію и бояся отъ измѣнника нашего смертнаго казни; а про насъ великого Государя говорить не смѣли: и азъ христіанскій Государь, по своему Государьскому милосердому обычаю, въ томъ на васъ нашего гнѣву и опалы не держимъ, потому что есте учинили невѣдомостію и бояся казни. А нынѣ мы великій Государь на престолъ прародителей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ, идемъ съ Божіею помощію вскорѣ, а съ нами многія рати Рускія и Литовскія и Татарскія; а города нашего государства нашему Царьскому Величеству добили челомъ и противъ насъ не стояли, и крестъ цѣловали, помня свои души и крестное цѣлованье, намъ Великому Государю служить и противъ измѣнниковъ нашихъ храбръ и мужественно стояти хотѣть, а о томъ и сами подлинно въдаете. А Повольскіе города намъ великому Государю добилизъ челомъ и воеводъ къ намъ привели; и Астороханскихъ воеводъ Михайла Сабурова съ товарищи, къ нашему Царьскому Ве-

личеству ведутъ, а нынѣ они въ дорогѣ на Воронежѣ. Да къ намъ же писалъ Большой Нагай Ищерекъ Князь и изъ Казыева улусу мурза, что они нашему Царьскому Величеству помогати хотятъ: и мы, христіанскій Царь, не хотя видѣти во христіанствѣ разоренія, Нагайскимъ людямъ до нашего указа ходити не велѣли, жалѣя нашего государства, и велѣли кочевати Нагайскимъ людямъ близко Царева города. А измѣнники наши, Марья Борисова жена Годунова да сынъ ея Федоръ, о нашей земли не жалуютъ, да и жалѣти было имъ нѣчего, потому что чужимъ владѣли, и отчину нашу Сиверскую землю и иные многіе города и увзды разорили и православныхъ христіанъ не въ винѣ побили: только того мы, христіанскій Государь, въ вину вамъ болромъ нашимъ и служилымъ людямъ не ставимъ, для того, что есте учинили невѣдомостію и бояся отъ измѣнниковъ нашихъ смертныя казни. А и то было вамъ пригоже знати, какое утѣсненіе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ бояромъ нашимъ, и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и наносимыя вамъ, чего и отъ инопороднаго терпѣти было невозможно; и вамъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ разореніе и ссылки и муки не стерпимыя были, чего и плѣннымъ дѣлати негодно; а вамъ гостемъ и торговымъ людямъ, и въ торговлѣ вашей, волности не было и въ пошлинахъ у васъ, что треть животовъ вашихъ, а мало не всѣ иманы, а тѣмъ есте злокозненнаго нрава его укротити не могли; и вы въ винахъ своихъ посяжѣсть не познаетесь и насъ, прирожденнаго Государя своего, знати не можете, а праведнаго суда Божія не помните, и хотите проливать кровь неповинныхъ христіанъ, чего не токмо намъ дѣлати не годится, и иноземцы о вашемъ разореніи скорбятъ и болѣзнуютъ, и узнавъ насъ, христіанскаго, кроткаго, милосерлаго Государя, намъ служатъ и крови своей за насъ не щадятъ. И мы, христіанскій Государь, не хотя видѣти въ христіанствѣ кроворазлитіа, пишемъ вамъ, жалѣя васъ и о душахъ вашихъ, чтобъ вы, помня Бога и православную вѣру и свои души, на чемъ есте блаженныя памяти отцу нашему великому Государю Царю и Великому Князю

зю Ивану Васильевичу всеа Русіа, и намъ чадомъ его крестъ цѣловали, намъ прироженному Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всеа Русіа доби́ли челомъ и милости просити къ нашему Царьскому Величеству прислати Митрополитовъ и Архіепископовъ, и бояръ, и околничихъ, и дворянъ болшихъ, и діяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и лутчихъ людей; а мы великій Государь, по своему царьскому милосердому обычаю, всягъ васъ пожалуемъ: и вамъ, бояромъ нашимъ, честь и повышеніе учинимъ, а отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ, къ тому и еще прибавимъ и въ чести васъ держати будемъ; а васъ, дворянъ и приказныхъ людей, въ нашей царьской милости держати хотимъ; а васъ, гостей и торговыхъ людей всего Московского государства, пожалуемъ, въ пошлинахъ и въ податяхъ велимъ во лготъ и во облегченіи учинити, и все православное христіанство въ тишинѣ и въ покоѣ и во благоденственномъ житіи учинити хотимъ. А не добьете челомъ нашему Царьскому Величеству и милости просити не пошлете, и вы то можете разсудити, что вамъ въ томъ дати отвѣтъ въ день праведнаго суда Божіа, иже воздасть кому-ждо по дѣломъ его, и отъ Божіа праведнаго гнѣва и отъ нашіа царьскія руки нигдѣ не избыти. А съ Божіею помощію намъ великому Государю преславныхъ государствъ своихъ достигати.

На концѣ грамоты находится отлѣтка: Привезли на Москву Гаврило Пушкинъ да Наумъ Плещіевъ, Іюня въ 1 день.

№ VIII.

Г Р А М О Т А

Лжедмитрія Отрепьева въ Пелымъ о возшествіи его на Всероссийскій престолъ.

Отъ Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи в Сибирь в Пелымской городъ Олексю Ивановичю Зузину, да Максиму Ивановичю Радилову. Богъ намъ, Великому Государю, наше Московское Государство поручилъ, и Иевъ Патриархъ Московскіи і всеа Русіи, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы і весь освященный соборъ, и бояре, и околничие, и дворяне болшіе, и столники, и стряпчие, и жилцы, и приказные люди, и дворянежь, и дѣти боярскіе всего Російского Государства, и гости и торговые всякіе люди, узнавъ прироженнаго намъ Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, в своихъ винахъ доби́ли челомъ; выбъ о нашей матери Великой Государине Царице і Великой Княгине иноке Марее Федоровне всеа Русіи, и о нашемъ многолѣтномъ здравье, в Пелымскомъ городе по всемъ церквамъ, велѣли Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ, и того берегти накрепко, чтобъ в людехъ шатости и грабежю и убивства не было некоторыми дѣлы, и жили бы есте съ великимъ береженьемъ, и нашимъ дѣломъ промышляли и вестен провѣдывали; а каковы вѣстен у васъ будутъ, и выбъ о всякихъ вѣстехъ писали к намъ почасту. Писана на Москвѣ, лѣта зрѣи, Іюня въ аѣ день.

На оборотъ надпись:

В Сибирь в Пелымской городъ Олексю Ивановичю Зузину, да головъ Максиму Ивановичю Радилову.

№ IX.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

Джедмитрія къ Сибирскимъ воеводамъ , о приводѣ ему къ
присягѣ всякаго званія людей, съ приложеніемъ образца
присяги.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича вся Русіи въ Сибирь на Верхотурь Неудачъ Остафьевичу Плещеву, да головъ Матвѣю Степановичу Хлопову. Божіимъ прозволениемъ и Его крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника , отъ Бориса Годунова , хотящаго насъ злой смерти предати , и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго промысла исполнити , и меня , Государя вашего прироженнаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ Своихъ сохранилъ. И я Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ вся Русіи нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божією помощію, сѣлъ на престолъ прародителей своихъ, на Московскомъ Царствѣ и на всѣхъ Государствахъ Россійскаго Царствія; и на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ бояре наши, и окольничіе, и приказные люди, и дѣлки, и дворяне, и дѣти боярскіе, и всякіе приказные люди всего нашего Государства, и иноземцы намъ, прироженному Государю своему, крестъ цѣловали; и мы ихъ пожаловали, вины ихъ имъ отдали. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбѣ, наши прирожденные Неудача и Матвѣй, помня православную Христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованье, на чемъ есте крестъ цѣловали отцу нашему, блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу вся Русіи, и намъ чадамъ его, прироженному

Государю своему, крестъ цѣловали, и дѣтей болгарскихъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей, и воротниковъ, и посадскихъ и всякихъ людей и пашенныхъ крестьянъ къ крестному цѣлованью привели по записи, какова къ вамъ послана; а Татаръ и всякихъ иноземцовъ привели къ шерти, примѣрясь къ той же записи и къ прежнимъ шертовальнымъ записямъ. А какъ къ крестному цѣлованью приведете, и мы васъ и ихъ пожалуемъ великимъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумъ нѣтъ. А кого именемъ ко кресту, и Татаръ и всякихъ иноземцовъ къ шерти приведете, и выѣ о томъ отписали, и книги именныя прислали къ намъ къ Москвѣ, а велѣли отдать въ приказъ Казанскаго дворца дьяку нашему Нечаю Федорову. Писана на Москвѣ, лѣта зрѣга, Іюня въ аѣ день. За скръпою дьяка Нечаю Федорова.

Образецъ присяги:

Цѣлую крестъ Государине своей Царице і Великой Княгине иноке Марѣ Федоровне всеа Русии, і прироженному Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии, на томъ: служити мнѣ имъ, Государемъ своимъ, і правити і добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякие хитрости; лиха мнѣ Государине своей Царице і Великой Княгине иноке Марѣ Федоровне всеа Русии і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии не хотѣти никакова, ни мыслити, ни думати которыми дѣлы. Также мнѣ надъ Государинею своею Царицею і Великою Княгинею инокою Марфою Федоровною всеа Русии и надъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ всеа Русии въ естве і в питье, ни в платьѣ и в ѣдномъ ни в чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово и кореня не давати: а хто мнѣ учнетъ зелье и коренъ лихое давати, или мнѣ учнетъ хто говорити, чтобъ мнѣ надъ ними, Государи своими, какое лихо учинити, или хто похочетъ портити, и мнѣ того чловѣка не слушати, и зелья лихово и кореня у того чловѣка не имати. Также мнѣ, опрочъ еѣ Государини своей Царицы і Великой Княгини иноки Марѣ Федоровны всеа

Русни і Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русни, на Московское Государство иного Государя не искати, и не хотѣти и не мыслити, и не измѣнити имъ Государемъ ни въ чемъ; и с-ызмѣнники ихъ, с Ѳедкою Борисовымъ сыномъ Годунова, и съ его матерью, и съ ихъ родствомъ и с советники не ссылатися писмомъ никакими мѣрами, и не измѣнити Государине своей Царице і Великой Княгине иноке Марѣе Ѳедоровне всеа Русни і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русни ни въ чемъ, и Государства подъ ними Государи не подыскивати. А гдѣ Государиня Царица і Великая Княгиня Марѣа Ѳедоровна всеа Русни і Государь Царь і Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всеа Русни велѣтъ быти на свои Царской службѣ, и мнѣ: будучи на ихъ Государевыхъ службахъ, имъ, Государемъ своимъ, служить и прямиати безо всякие хитрости, и измѣны некоторые не учинити, и ис походовъ и ис полковъ никуда не отъѣхати и не измѣнити, и скопомъ и заговоромъ і всякимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити и никою, безъ ихъ Государева вѣдома, не убити; а у кого съдаю скопъ, или злое которое умышленье и советъ на Государыню свою Царицу і Великую Княгиню Марѣу Ѳедоровну всеа Русни і на Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русни, какое лихое умышленье, и с тѣми людьми, хто будетъ в скопе и во всякомъ зломъ умышленьѣ, и мнѣ за нихъ Государей своихъ стояти и с-ызмѣнники ихъ битись до смерти. Такъ же мнѣ, отъ Государыни своей Царицы і Великие Княгини Марѣы Ѳедоровны всеа Русни і отъ Государя Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русни, къ Турскому, и къ Цысарю, і к Литовскому Королю, і к Шпанскому, і ко Фрянцовскому, ни к Аглинскому, ни к Дацкому, ни к Свѣискому Королю, ни в Крымъ, ни въ Нагаи, ни в-ыные ни в которые Государства не отъѣхати, и не измѣнити имъ Государемъ ни в чемъ отнюдь никакими мѣрами.

Цѣлую сеи святыхи і животворящихи крестъ Господень на томъ: что мнѣ Государыне своей Царице і Великой Княгине

іноке Марѣе Федоровне всеа Русні і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русні служити, і прями́ти і добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякіе хитрости, по тому, какъ в сіи записе писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью; а не учну язъ Государыне своей Царице і Великой Княгине іноке Марѣе Федоровне всеа Русні і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русні по сему крестному цѣлованью, служити и прями́ти, или учну имъ Государемъ измѣнати, и не буди на мнѣ милость Божья и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ Московскихъ и благословение и прощение всѣхъ вселенскихъ седми соборовъ.

А се припись дворяномъ :

А козорые рѣчи услышу у своей Государыни Царицы и Великіе Княгини іноки Марѣы Федоровны всеа Русні и у сына ея, Государя своего Царя и Великого Князя Дмитрѣя Ивановича всеа Русні, и мнѣ тѣхъ рѣчей ихъ думы не приносить никому и до живота своего, и служить мнѣ своей Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ іноке Марѣѣ Федоровнѣ всеа Русні и сыну ея, Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрѣю Ивановичю всеа Русні, и ихъ землямъ добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякіе хитрости, по сему крестному цѣлованью.

А се припись подъячнмъ :

Такъ же мнѣ, будучи у Государыни Царицы и Великіе Княгини іноки Марѣы Федоровны всеа Русні и сына ея, Государя своего, Царя и Великого Князя Дмитрѣя Ивановича всеа Русні, дѣла всякіе дѣлати в правду и тайныхъ и всякихъ Государевыхъ дѣлъ и вѣстей никакихъ никому не сказывать, и Государевы казны всякіе и денегъ не красти, изъ книгъ изъ писцовыхъ и изъ отдѣльныхъ и изъ дачъ выписывать прямо, и мимо книгъ въ выписи ничего не написать никакихъ дѣлъ, по сему крестному цѣлованью.

№ X.

РОСПИСЬ

Московскимъ Сенаторамъ :

СОВѢТЬ ЕГО ЦЕСАРСКОЙ МИЛОСТИ ДУХОВНЫХЪ И СВѢТСКИХЪ ПЕРСОНЪ.

Совѣтъ Духовныхъ :

Святѣйшій отецъ Патріархъ, который сидитъ по правую руку его Цесарской милости, самъ одинъ.

По немъ засѣдаетъ въ первомъ мѣстѣ Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ.

Митрополитъ Казанскій и Свѣяжскій.

Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

Митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Архіепископъ Вологодскій и Велико-Пермскій.

Архіепископъ Суздальскій и Тарусскій.

Архіепископъ Рязанскій и Муромскій.

Архіепископъ Смоленскій и Брянскій.

Архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

Архіепископъ Архангельскій.

Архіепископъ Астраханскій и Терскій.

Епископъ Коломенскій и Коширскій.

Епископъ Псковскій и Изборскій.

Епископъ Корельскій и Орѣшскій.

Совѣтъ свѣтскихъ :

Перваго класса болре :

Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій.

Князья Василій и Дмитрій Ивановичи Шуйскіе, братья.

Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій.

Михайло Ѳедоровичъ Нагой, конюшій великій.

Князь Никита Романовичъ Трубецкій.

Андрей, Михайло и Аѳанасій Александровичи Нагіе, братья.
Князь Василій Михайлович Мосальскій, дворецкій великій.
Князь Иванъ Ивановичъ Пуговка-Шуйскій.
Князь Андрей Романовичъ Трубецкій.
Григорій Ѳедоровичъ Нагой.
Князь Иванъ Ивановичъ Шпакъ-Голицынъ.

Князья Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи Голицыны,
братья.

Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ.
Петръ Никитичъ Шереметевъ.
Князь Василій Кардануговичъ Черкасскій-Кабардинскій.
Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ.
Князь Андрей Петровичъ Куракинъ.
Князь Борисъ Петровичъ Татевъ Стародубскій-Ряполов-
скій.

Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ.
Иванъ Никитичъ Романовъ.
Князь Ѳедоръ Ивановичъ Хворостининъ-Ярославскій.
Михайло Глябовичъ Солтыковъ.
Князь Иванъ Никитичъ Большой Одоевскій.
Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, оружейничій великій.
Князь Андрей Андреевичъ Телятевскій.
Михайло Богдановичъ Сабуровъ.
Князь Семень Андреевичъ Куракинъ.
Князь Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Мосальскій.
Князь Данило Борисовичъ Примковъ-Ростовскій.
Князь Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Долгорукій.
Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, мечникъ
великій.

Составъ другихъ окольныхъ :

Михайло Борисовичъ Шейнъ.
Василій Петровичъ Морозовъ.
Князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ-Ярославскій.
Михайло Михайловичъ Салтыковъ.
Василій Яковлевичъ Щелкаловъ.
Князь Владиміръ Ивановичъ Клубковъ-Мосальскій.
Князь Григорій Борисовичъ Долгорукій.

Князь Александръ Ѳедоровичъ Жировый-Засѣкинъ.

Иванъ и Василій Петровичи Головинны, братья.

Князь Григорій Петровичъ Ромодановскій.

Иванъ Ѳедоровичъ Колычевъ.

Князь Иванъ Ивановичъ Курлятевъ-Оболенскій, подчашій великій.

Алексѣй Романовичъ Плещеевъ.

Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, кравчій великій.

Богданъ Ивановичъ Сутуповъ, печатникъ и секретарь великій.

Аванасій Ивановичъ Власеевъ, подскарбій надворный и секретарь великій.

Дворяне, которые также въ Советъ заседали :

Гаврило Григорьевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, Сокольничій великій.

Яковъ Васильевичъ Зюзинъ.

Василій Борисовичъ Сукинъ.

Григорій Ивановичъ Микулинъ.

Артемій Васильевичъ Измайловъ.

Андрей Матвеевичъ Воейковъ ясельничій.

Роспись сія, по Польски, писана рукою Самоуванцева Секретаря Яна Бугинскаго.

№ XI.

БОЯРСКИЙ ПРИГОВОРЪ

О БѢГЛЫХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

Лѣта 7114 Февраля въ 21 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи слову, бояре приговорили: которые бояре и дворяне и дѣти боярскіе, и владычныхъ и монастырскихъ вотчинъ, бьютъ челомъ Государю о судѣ въ бѣглыхъ крестьянѣхъ, до 110 году, до голодныхъ годовъ за годъ, на посады и въ Государевы въ дворцовые села и въ черныя волости, и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ приговорили сыскивая отдавати старымъ помѣщикомъ. А которые крестьяне бѣжали во 110 и во 111 году, въ голодные годы, съ животы, а прожити было имъ мочно, а пришли за иныхъ помѣщиковъ или за вотчинниковъ жити во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ сыскивая отдавати старымъ помѣщикомъ и вотчинникомъ. А которые бѣжали съ животы въ дальные мѣста изъ - за Московскихъ городовъ на Украйны, а съ Украйны въ Московскіе города, или изъ города въ городъ, версть за двѣсти и за триста и болши, а пошли отъ старыхъ своихъ помѣщиковъ съ животы и ростерявъ животы пришли къ инымъ помѣщикомъ въ бѣдности, и про то сыскати около тѣхъ помѣстей, откуда тотъ крестьянинъ пошелъ: да будетъ въ сыску околніе люди скажутъ, что онъ былъ не бѣденъ и сбѣжалъ отъ своего помѣщика или отъ вотчинника съ животы, а прокормитися было ему мочно, а нынѣ за камъ во крестьянѣхъ или у кого служить по кабаль, и того по сыску отдать старому помѣщику или вотчиннику, изъ за кого онъ сбѣжалъ, каковъ есть; а про которо крестьянина скажутъ, что онъ, въ тѣ голодные лѣта,

Ч. I. Прилож.

7

отъ помѣщика или отъ вотчинника сбрелъ отъ бѣдности, что было ему прокормиться не мочно, и тому крестьянину жнги за тѣмъ, кто его голодные лѣта прокормилъ, а испу отказати: не умѣлъ онъ крестьянина своего кормити въ тѣ голодные лѣта, а нынѣ его не пытай. А которые крестьяне, въ голодные лѣта, во 110 и во 111 году, и до 112 году, пришли въ холопи къ своимъ или къ стороннимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, и кабалы служилыя на себя подавали, а старые ихъ помѣщики или вотчинники учнутъ ихъ вытягивати изъ холопства по крестьянству, и того сыскивати накрѣпко: будетъ спелъ отъ бѣдности и животовъ у него не было ничего, и тѣмъ испамъ отказывати: въ голодные лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормитъ его не умѣлъ, а собою онъ прокормиться не въ мочь, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертию умереть, билъ челомъ въ холопи, а тотъ еѣ принялъ, въ голодные годы прокормилъ и себя истощилъ, проча себя, и нынѣ того крестьянина изъ холопства во крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лѣта прокормилъ, а не отъ самые бы нужи въ холопи онъ не пошелъ. А которые кабалные люди учнутъ оттягиватися, а учнутъ говорити, взялъ его помѣщикъ во дворъ съ пашни силно и взялъ кабалу, а ему было самому прокормиться не мочно, и о томъ сыскивати крепостныи, въ которое время и въ которыхъ годѣхъ кабалы писаны: будетъ на Москвѣ или въ городѣхъ въ книги писаны, и по тѣмъ кабаламъ въ холопи выдавати, потому, ималъ бы на него кабалу силно, и онъ бы о томъ у записки билъ челомъ, а которыя кабалы въ книги не записаны, и тѣмъ вѣрити не чего. А которые крестьяне изъ за кого бѣжали до 110 году, голодныхъ лѣтъ за годъ, и которые послѣ голодныхъ лѣтъ за годъ, во 113 году и въ нынѣшнемъ во 114 году, и про тѣхъ крестьянъ сыскивалъ, отдавати прежнимъ помѣщикомъ и вотчинникомъ; а въ чемъ будетъ споръ, и въ тохъ давати судъ. А которые крестьяне пошли въ холопи до голодныхъ лѣтъ, и тѣхъ сыскивая по крестьянству изъ холопей выдавати. А на бѣглыхъ крестьянъ, по старому приговору, далъ пяти лѣтъ суда не давати.

№ XII.

П И С Ь М О

Польскаго Короля Сигизмунда III къ Самозванцу Отрепьеву, привезенное Пяномъ Гонсвскимъ.

Отъ Найяснѣйшаго, Великаго, Божьею милостию Короля Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, Рускаго, Прускаго, Жмудскаго, Мазовецкаго, Подольскаго, Кіевскаго, Волынскаго, Инфляндскаго, Эстляндскаго, и наслѣдственнаго Короля Шведскаго, Готскаго, Вандальскаго, Князя Финляндскаго.

Великому Государю, Божьею милостию и Великому Князю Дмитрію Ивановичу Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Вятскому, Югорскому, Болгарскому и другихъ государствъ Государю поздравленіе и желаніе всѣхъ утѣшеній отъ Господа Бога на долгія лѣта при добромъ здравіи, къ пользѣ и утѣшенію всего христіанства и нашихъ государствъ.

Мы всегда оказывали доброе наше расположеніе къ Вамъ Великому Государю и желали, дабы Всевышній благополучно окончилъ начатое дѣло, наипаче когда находился въ угнѣтеніи, какъ Великій Государь увѣдомлялъ насъ, и какъ о томъ изъ другихъ мѣстъ доходили къ намъ извѣстія. Теперь слыша о благополучномъ ходѣ дѣлъ Вашихъ въ отчинномъ Вашемъ Государствѣ, мы не можемъ, какъ только очень тому радоваться и благодарить Бога. Желая же имѣть о томъ успѣхъ вѣрнѣйшее извѣстіе, посылаемъ нарочно Посла, дворянина и Секретаря Нашего Старосту Велижскаго Дворянина Александра Корвина Гонсвскаго, которому Великій Государь дай вѣру, что скажетъ отъ нашего имени, и черезъ него увѣдомь насъ о своемъ здравіи и о своихъ дѣлахъ. Писано въ Краковѣ 23 Августа 1605 года.

№ XIII.

Н А К А З Ъ ,

данный отъ Аждамитрія Отрепьева Папскому посланнику
Графу Рангони для донесенія Польскому Королю.

Первое сказать то наяснѣйшему Королю , что со многихъ мѣрь , также із грамотъ , которые к намъ ис Полши приходятъ , вѣдомо то , что его Королевская милость о нашей любви к себѣ і ко всему Королевскому Полскому и Великому Княжеству Литовскому нѣкакую невѣрность имѣеть ; а того невѣдаю , для какихъ причинъ то двлаетца , добръ тому дивился .

в е. Укажи и то его Королевскоі милости , что противъ нашего наказу не хочеть намъ писати титулы Цесарские его Королевская милость , и мнѣ то недобръ надобно . А не есть іная мѣра , толко нелюбовь і измѣна подданныхъ нашихъ , і догадываютца , с нѣкоторые потайные ссылки нашей съ его Королевскою милостью , что мы хотѣли отдать х Королевству нѣкоторые часті земли Государствъ ншихъ , і то , что хотѣли мы прилучитись х коруне Полской ; а такого умышленья і измѣны не возможно ныне оберегатися , доколе усмиримъ еще Государство то , і для нуи и измѣны подданныхъ такимъ обычаемъ являлся язъ Королю его милости , и въ сердце ничего іного нелюбовнаго не имѣли есмя , толко великую милость і любовь противъ его Королевские милости .

г е. Скажи то всему Королевству Полскому и Великому Княжеству Литовскому , а болші всѣхъ Королю его милости ,

что мы в добродѣтели его і в любви, которую намъ являлъ і в нашей потребе пособлялъ, не забыли, чтимъ его Королевскую милость не токмо въ брата мѣсто, за отца себя імью і почитаю, и ни в чемъ намъ такого не будетъ, чегобъ мы для его Королевские милости не учинили. А изменникъ Королевской Карлушъ Судерманъ вскоре над собою увидитъ, только жду подлинныя вѣсти отъ его Королевские милости, какъ с нимъ дѣлати похочеть.

д е. А о титуле нашемъ объявляю его Королевской милости, что мы о немъ говорить не перестанемъ, потому что намъ подобаетъ, а никакне не любви или воины для того титула съ его Королевскою милостью і с Великимъ Княжествомъ Литовскимъ начинати не хотимъ; а чаю того отъ Короля его милости і жду, что ко мнѣ, по своей братской любви і милости, в такомъ праведномъ дѣле намъ і самъ еще пособитъ.

з. е. О послѣхъ нашихъ великихъ, которыхъ хотѣли мы послати на большой сонъ; і прежь сего о томъ писали до Короля его милости; а ине то отсрочили на иное время, чтобъ намъ прежь с. велможнымъ паномъ съ Юрьемъ Мнѣшкомъ с воеводою Сендамирскимъ і с теми, которыхъ отъ Короля его милости ждемъ, о дѣлахъ поговорити о вѣчномъ перемирье и покое с Королевствомъ Полскимъ і с Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, толко отъ Короля его милости будетъ с нимі о томъ наказъ.

в. е. Просилъ насъ прежь сего неодинова Король его милость, чтобъ мы Густава, которой именуеть себя сыномъ Короля Шведского Ирика, задержали не какъ Королевича, но такъ какъ его уроженъ есть; и то мы являемъ его Королевской милости, что мы его, по его Королевской воле, держимъ и ждемъ, что болші того надъ нимъ велитъ его Королевская милость дѣлати.

А у сего писма, что послано с посланникомъ с Олександромъ, в низу приписъ ростригина по Полску: Дмитрен Царь.

А печать у писма таіная.

№ XIV.

РОСПИСЬ

ПОДАРКАМЪ ВРУЧЕННЫМЪ ВЛАСЬЕВЫМЪ ВЪ КРАКОВЪ МАРИНЪ МНИШКОВОЙ И ЕЯ ОТЦУ.

Маринъ:

Во первыхъ отъ Государыни матери, Царицы и Великія Княгини всея Руссіи, Инокнии Марѣы Ѳедоровны, благословеніе, Образъ пресвятыя Троицы, богато оправленный въ золотъ и съ камнями.

Отъ Государя Царя и Великаго Князя Димитрія:

1. Перстень золотой съ алмазомъ.
2. Крестъ съ немалыми алмазами и двумя большими жемчужинами, на ономъ лаловая змѣя, а подъ нею Моисей изпещренный разными каменьями.
3. Перо не малое оправленное въ золотъ съ лалами, на коемъ висѣли три весьма большія и драгоцѣнныя жемчужины.
4. Запона съ алмазами, лалами и крупнымъ жемчугомъ величиною съ малую грушу.
5. Сосудъ изъ чистаго драгоцѣннаго камня, изображающій птицу съ крыльями.
6. Чарка гяцинтавая, оправленная въ золотъ.
7. Волъ золотый съ каменьями стоящій на ногахъ, во внутренности коего находился разный домашній приборъ.
8. Крестикъ унизанный лалами и семью большими жемчужинами.
9. Чара большая золотая съ каменьями и жемчугомъ.
10. Золотой пеликанъ.

11. Сосудъ серебряный золоченый, изображающій чловѣка на оленѣ, у коего высокія рога изъ коралла.

12. Корабль многоцѣнный изъ каменьевъ, золота и жемчуга; вещь пріятная и удивленія достойная.

13. Пава золотая съ красиво распущеннымъ и раззолоченнымъ хвостомъ, коего перья тряслись какъ на живой птицѣ.

14. Часы, на коихъ слонъ съ башнею, золотые, и кои можно почестъ за диво. Играли по Московскому обычаю, разные штуки громко и внятно, били въ бубны, трубили изъ двѣнадцати трубъ и долго оглушали уши слушателей; потомъ играли на флейтахъ и наконецъ били часа два.

15. Чарка коралловая.

16. Шестнадцать сороковъ соболей, коихъ въ такомъ количествѣ не часто случается людямъ видѣть.

17. Нѣсколько штукъ Венеціанскаго бархату, алаго съ золотомъ.

18. Большая штука бѣлаго газета, въ коей до ста локтей.

19. Одна штука парчи золотой и другая серебряной.

20. Атласу желтаго съ каймою изъ золота и алаго и бѣлаго шелку.

21. Нѣсколько штукъ Турецкаго атласу, по серебряному дну, шелковыя узоры изображающія короны и мѣсяцы.

22. Нѣсколько штукъ Турецкаго атласу по лазоревому дну съ узорами шелковыми съ золотомъ.

23. Атласу желтаго на бѣломъ шелковомъ днѣ съ золотомъ и серебромъ.

24. Газету бѣлаго съ серебромъ гладкаго.

25. Газету вишневаго съ золотомъ.

26. Бархату алаго гладкаго.

27. Бархату лазореваго гладкаго.

28. Бархату зеленаго узорчистаго.

29. Четыре тысячи осьмнадцать лотовъ жемчугу.

Отъ Посла Московскаго:

Золототканый персидскій коверъ съ узорами съ обѣихъ сторонъ.

Одинъ сорокъ соболей.

Папу Восседъ

отъ Царя:

Конь въ яблокахъ; сядло алаго бархата въ золотой оправъ съ каменьями; при ономъ стремяна стальныя позолоченныя; оголовокъ алаго бархата съ оправою золотою и перломутровою, также и нашейникъ, наперсье и пахви.

Бунчукъ съ золотой головкой.

Булава золотая съ каменьями.

Чарка изъ золота съ каменьями.

Четыре Персидскихъ ковра.

Шуба чернолисыя.

Шапка чернолисыя.

Шесть сороковъ соболей.

Три кречета съ золотыми колокольчиками и жемчужными наголовками; для держанія ихъ рукавицы золотыя Турецкія.

Отъ Посла самаго:

Два сорока соболей.

№ XV.

Г Р А М О Т А

Царя Василья Иоанновича въ Пермь Великую, о возшествіи его на престолъ, съ приложеніемъ двухъ подкрестныхъ записей.

I. Отъ Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, Князю Семену Юрьевичу Вяземскому да подъячому Ивану Ѳедорову. Праведнымъ судомъ Божиимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестьянства, богоотступникъ, еретикъ, рострига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвавъ себя Царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ, омраченъемъ бѣсовскимъ прелстилъ многихъ людей, а иныхъ устралалъ смертнымъ убойствомъ, былъ на Московскомъ государствѣ Государемъ, и церкви Божіи осквернилъ, и хотѣлъ истинную крестьянскую вѣру попати и учинить Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненному умыслу всѣхъ крестьянъ хотѣлъ отъ Бога отвести: и Богъ милосердый, нехотя злокозненного помысла исполнити, всѣмъ людямъ его воровство и еретичество объявилъ, и за то Гришка, противъ своего злодѣйственнаго дѣла принялъ отъ Бога возмездіе, злѣе жизнь свой скончалъ; а насъ всѣхъ православныхъ крестьянъ милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла и отъ оскверненія избавилъ. А умыслъ его бѣсовской былъ таковъ: взяты въ хоромѣхъ его грамоты многія ссыдочныя, воровскія, съ Полшею и Литвою, о разореньѣ Московскаго го-

сударства, да тутожь грамота къ нему къ вору отъ Римско-го Папы, а въ грамотѣ писано, чтобъ онъ держалъ крѣпко свою Латинскую вѣру и дѣти бѣ его, которые будутъ впредь по немъ, также въ той вѣрѣ были; а для укрѣпленія Римскія вѣры прислалъ къ нему законника своего попа, а писалъ объ немъ, что онъ его вѣру утвердить, и тотъ Папинъ попъ, по своимъ дѣломъ, также злую смерть принималъ. Да послѣ смерти жъ того вора Гришки, объявилъ Полякъ, которой жилъ у него близко, что было тому вору ростригъ вести нарядъ пушечной большой съ города и изъ казны весь, для стрѣльбы, и вхатъ было ему за посадъ, а бояромъ и дворяномъ и всякимъ людемъ быти было съ нимъ же на стрѣльбѣ, а Литовскимъ людемъ всѣмъ, коннымъ и пѣшимъ, быти было съ нимъ же всѣмъ вооруженнымъ, съ копья и съ пищалями, будто для потѣхи, и прѣхавъ было къ наряду всѣхъ бояръ и думныхъ людей и большихъ дворянъ побить, и росписано было у него имяна всѣмъ, кому кого побить указано; а побивъ и прѣхавъ въ городъ роздавати было ему тестю своему, воеводѣ Сандомирскому, и его родству многіе города и наша царская казна, что осталась за его воровскимъ расточеньемъ, и всѣхъ было православныхъ крестьянъ приводити въ Люторскую и въ Латинскую вѣру; да по своему злодѣйскому умыслу, нарядъ весь пушечной вывезъ, и то знатно, что было такъ ему чинити. Да намъ же и Бояромъ нашимъ сказывалъ Золотой Квашнинъ, которой измѣнилъ, отъѣхалъ отъ великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Литву, умыслъ того вора Гришки, что онъ, будучи въ Литвѣ, поступился Королю Смоленска и Сѣверскія земли всеъ, а тестю своему воеводѣ Сандомирскому и родству его многіе города въ вотчину, и на томъ на всемъ ему присягалъ, и хотѣлъ разорити Московское государство. И мы, слыша и видя то, всеилному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства избыли. И послѣ того, прося у Бога милости, Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе люди Московскаго государства, избирали всѣмъ Московскимъ государст-

вомъ, кому Богъ изволить быти на Московскомъ государствѣ Государемъ: и били намъ челомъ Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, и бояря, и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и столники, и стряпчіе, и дѣти боярскіе, и гости, и торговые и всякіе люди Московскаго государства, чтобъ намъ быти на Московскомъ государствѣ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, по степени прародителей нашихъ, его жъ дарова Богъ великому Государю Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, отъ него же прародители наши на Суздальской удѣль по родству раздѣлишася. И мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, за волею Божіею и за прошеніемъ богомолцовъ нашихъ Митрополитовъ, и Архіепискуповъ, и Епискуповъ, и всего освященнаго собора, и за чедобитиемъ бояръ и околничихъ, и дворянъ, и всякихъ людей Московскаго государства, и по кольнеству нашему, учинились есмя на Московскомъ государствѣ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, и съ Божіею помощію хотимъ держати Московское государство потому жъ, какъ прародители наши великіе Государи Російскіи Цари; а васъ всѣхъ хотимъ жаловати и любити свѣше прежнего и смотря по вашей службѣ; на томъ на всемъ язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, въ соборной церкви Пречистыя Богородицы, предо всеми людьми цѣловалъ Животворящій крестъ всѣмъ людямъ Московскаго государства, а бояре наши, и дворяне, и дѣти боярскіе, и гости, цѣловали намъ крестъ по записи; а по которой записи цѣловалъ язь Царь и Великій Князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ вамъ. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тотъ часъ велѣли быти въ соборную церковь игуменомъ и всему освященному собору, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людямъ, и сю нашу грамоту велѣли бѣ естя вычесть всѣмъ людямъ въ слухъ, и о такомъ великомъ неизре-

ченномъ милосердѣ Божіи воздали бѣ естя хвалу всесилному въ Троицѣ славимому Богу, что насъ и васъ всѣхъ православныхъ крестьянъ не предалъ въ руки врагу и богоотступнику и что непорочная истинная наша крестьянская вѣра не порушилась; и пѣли бѣ естя молебны въ соборной церкви и по всему граду по три дни, съ звономъ, и молили бѣ естя всесилного и человеколюбивого въ Троицѣ славимаго Бога нашего и Пречистую Богородицу, нашу крестьянскую надежу и заступницу, и великихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ о устроеніи всего міра и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и о нашемъ многолѣтнемъ здравіи, и о всемъ православномъ крестіанствѣ, чтобъ Господь Богъ отвратилъ свой праведной гнѣвъ и подаровалъ миръ и тишину, и устроилъ бы всему православному крестіанству полезная, чтобъ церкви Божіи впередъ стояли неподвижно и истинная православная крестіанская вѣра была нерушима; и вычтчи наши грамоты всѣмъ въ слухъ, цѣловали бѣ естя намъ крестъ по той записи, по которой цѣловали бояре и вся земля, и впередъ бы естя намъ великому Государю служили и приняли и добра хотѣли такъ же, какъ естя обыкли служить прежнимъ великимъ Государемъ Царемъ Російскимъ, прародителемъ нашимъ; а мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, хотимъ васъ жаловать и любить свѣше прежнего. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7114 Маія въ 20 день.

II. «Божією милостию мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, щедротами и человеколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященнаго Російскаго собора, и по челобитью и прошенью всего православнаго христіанства, учинилися есмя на отчинѣ прародителъ нашихъ, на Російскомъ государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многи ми лѣты и до прародителя нашего Великаго Князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Російскомъ государствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздальской удѣлѣ роздѣлишася, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по

родству, яко же обыкли бошья братья на бошья мѣста садати: и нынѣ мы великій Государь, будучи на престола Російского царствія, хотимъ того, чтобъ православное христіанство было нашимъ царскимъ доброоопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и благоденствѣ, и поволѣлъ есмь язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ великому Государю всякого челоука, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будутъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хоти которой по суду и по сыску доидеть и до смертнаи вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будутъ съ ними они въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ великому Государю не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибли; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ осудится. На томъ на всемъ что въ сей записи писано, и язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи цѣлую крестъ всемъ православнымъ крестьяномъ, что мнѣ ихъ, жалуя, судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати, и ото всякого наслѣства оберегати.»

III. «Я нмѣрекъ цѣлую крестъ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу, всеа Русіи Самодержцу, и его Царицѣ и Великой Княгинѣ, и ихъ Царскимъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредъ Богъ дастъ, на томъ: служить мнѣ ему, Государю своему, и прѣинти и добра хотѣти во всемъ вправду, безо всякіа хитрости; а лихо мнѣ Государю своему, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи никакова не хотѣти, ни мыслити, ни думати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью; и въ ѣствѣ и въ питъѣ, ни въ платъѣ, ни въ иноу въ чемъ лиха никакова не учинити и не испортити, ни зелья лихова и

коренья не давати. А кто мнѣ учнетъ о какомъ лихѣ говорить на нихъ Государей, и мнѣ того человека не слушати, и зелья лихого и коренья у того человека не имати, и поймавъ того человека сказати про него Государю или его ближнимъ людямъ; а будетъ за которыми мѣрами поимать не лучится и мнѣ про того человека тотъ-часъ сказати Государю. Также мнѣ, опрочъ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, на Московское государство иного Государя и изъ иныхъ Государствъ и изъ своихъ ни кого не искати, и не хотѣти, и не мыслити, и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ; и съ измѣнники его, которые ему Государю служити не учнутъ, а учнутъ измѣнати, и съ ихъ родствомъ и советники ни на какое лихо не ссылатись писмомъ и нными никакими мѣры, и не измѣнити мнѣ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи ни въ чемъ, и государства подъ нимъ Государемъ не подыскивати, и скономъ и заговоромъ и всякимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити, и никого безъ Государева вѣдома не убить; а у кого свѣдаю скопы, или злое которое умышленье и советъ, на Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи какое лихое умышленье, и съ теми людьми, кто будетъ въ томъ скопѣ и во всякомъ зломъ умышленьѣ; и мнѣ за него Государя своего стоять и съ измѣнники ихъ битися до смерти. Также мнѣ отъ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи ни въ которое государство не отъѣхати и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ, отнюдь, никакими мѣрами, по сему крестному цѣлованью.»

«Цѣлую сей святой и Животворящій крестъ Господень на томъ, что мнѣ Государю своему, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, служити и прямиати и добра хотѣти во всемъ вправду, безо всякія хитрости, по тому, какъ въ сей записи писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью.»

№ XVI.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

отъ Царицы Марѣы Федоровны къ воеводамъ Сибирскихъ городовъ, о убиеніи Лжедмитрія и о избраніи Царя Василья Іоанновича.

Отъ Царицы и Великія Княгини иноки Марѣы Федоровны всея Русіи, въ Сибирь, въ Туринской острогъ воевода нашему Ивану Никитичу Годунову, и служивымъ и торговымъ и всякимъ людемъ. Судомъ Божиимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго Христіанства, богоотступникъ, еретикъ, рострига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ вдовствомъ и чернокнижствомъ, назвалъ себя сыномъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи, нашимъ Царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ, и омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшу и въ Литву многіхъ людей, и съ ними пришедь въ нашу Северскую землю, въ Митревскомъ и въ Черниговъ прельстилъ всѣхъ людей, а иныхъ устранилъ смертнымъ убивствомъ, да и не токмо васъ и бояръ нашихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и служивыхъ и жидетцкихъ людей, и насъ самихъ и съ родители нашими устранилъ смертію; былъ на Московскомъ Государствѣ и церкви Божіи осквернилъ, и вѣру Христіанскую хотѣлъ попрали, взялъ дѣвку изъ Польши Латынскія вѣры, и не крестилъ ее, вѣнчался съ нею въ соборной церкви пречистыя Богородицы, и позадъ ее муромъ и вѣнчалъ ее Царскимъ вѣнцомъ, и учинити хотѣлъ въ Россійскомъ Государствѣ Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненному умыслу, всѣхъ хотѣлъ отъ Бога отвести; и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго по-

мысла исполнити всѣмъ людямъ его воровство и еретичество объявилъ, и язъ бояромъ и дворяномъ и всѣмъ людямъ о томъ объявила прежь сего тайно, а нынѣ всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ Царевичъ Дмитрей, воръ, богоотступникъ, еретикъ; а сынъ нашъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ убитъ на Угличѣ передо мною и передъ братьею моею, отъ Бориса Годунова, а нынѣ онъ лежитъ на Угличѣ; и бояре и дворяне многіе про него выдають, а того вора и богоотступника Гришку многіежъ люди знали, только боялись смертнаго убивства. А нынѣ, по Божіей милости и Его праведными судьбами, тотъ воръ Гришка, по своимъ злодѣйственнымъ дѣламъ, возмездіе отъ Бога и казнь пріялъ, а какъ надъ нимъ по его дѣламъ учинилося, и я съ братьями всѣмъ людямъ Московскаго Государства подлинно сказывали, что сынъ нашъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ убитъ отъ Бориса и погребенъ на Угличѣ, а тотъ воръ назывался Царевичемъ Дмитріемъ ложно; а какъ онъ своимъ вадовствомъ и чернокнижствомъ прихалъ изъ Путиня къ Москвѣ, на Московское Государство, и онъ, выдавъ свое воровство, по насъ Великую Государыню не послалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобъ къ намъ ни кто не приходилъ, и съ намибъ объ немъ никто не разговаривалъ; а какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и иныхъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобъ мнѣ его не обличити, прета намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злыя смерти не навести, и посадилъ меня въ монастыръ, и приставилъ ко мнѣ по томужъ своихъ совѣтниковъ, и остерегати того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я для его пристрастья, объявити въ народъ его воровство явно не смѣла; а нынѣ насъ и васъ православныхъ Христіанъ всѣхъ милосердый Богъ, по Своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла и отъ оскверненія избавилъ, и по своимъ сквернымъ дѣламъ онъ и возмездіе отъ Бога и казнь пріялъ. И послѣ того, прося у Бога милости, язъ,

и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе люди Московскаго Государства избирали всѣмъ Московскимъ Государствомъ, кому Богъ изволитъ быти на Московскомъ Государствѣ Государемъ; и всеильный и въ Троицы славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость Свою показалъ, объявилъ Государя на Московское Государство Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи Самодержца, Государя благочестиваго, и по Божіей церкви и по православной Христіанской вѣрѣ поборателя, и отъ корени Великихъ Государей Россійскихъ, отъ Великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, и многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братьею своею во многія лѣта претерпѣли, а наипаче всѣхъ отъ того вора и богоотступника и еретика смертію пострадали. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбѣ тотъ часъ велѣлъ попомъ и дьякономъ, и всякимъ служивымъ и чернымъ людемъ быти къ соборной церкви; а какъ сберутся всѣ люди, и тыбѣ сю нашу грамоту велѣлъ вычестъ всѣмъ людемъ въ слухъ, и о такомъ великомъ милосердѣ Божьемъ воздали хвалу Богу, и молили о Царскомъ здравьѣ и о всемъ православномъ Христіанствѣ, чтобъ Богъ устроилъ полезная, и жилъ бы еси Туринскомъ острогѣ съ великимъ береженьемъ, и сумнѣнльбъ еси себѣ въ томъ никакого не держалъ, что по грѣхомъ насъ и васъ всѣхъ прельстилъ, то сдѣмалось по грѣхомъ по нашимъ, судомъ Божиимъ: а я и Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всея Русіи Самодержецъ хотимъ васъ жаловати нашимъ Царскимъ жалованьемъ свыше прежняго. Писана на Москвѣ, лѣта зрді, Маія въ ка день. Подлинная грамота за подписью дьяка Алексѣя Шпилова.

№ XVII.

Походъ Московскаго Царя Дмитрія въ Москву съ Юріемъ Мншкомъ Воеводою Сендомирскимъ и прочимъ рыцарствомъ.
1604 г.

Смотръ войска подъ Глинными. Съѣхавшееся туда рыцарство составило Коло и избрало изъ среди себя Гетманомъ Пана Воеводу Сендомирскаго, а Полковниками Пана Адама Жулицкаго и Пана Адама Дворжицкаго. На Колѣ постановили также статьи о походѣ. Потомъ съ Царевичемъ двинулись три роты: Пана старосты Саноцкаго, Пана Фредро и Царская. Пѣшихъ же 400 человекъ. Другія же роты направились сбоку и сзади и не прежде всѣ совокупились, какъ надъ Днѣпромъ за 2 мили отъ Кіева у Остржа при Московской границѣ. Идя къ Кіеву, мы опасались войска Князя Острожскаго Каштеляна Краковскаго, состоящаго изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Оно протягивалось надъ нами до самаго Днѣпра, и потому мы были въ осторожности; цѣлыя ночи не спали, и держали лошадей въ готовности.

Потомъ пришли къ Днѣпру. Панъ Краковскій приказалъ уничтожить всѣ перевозки, и потому мы оставались нѣсколькими днями надъ Днѣпромъ, ожидая пороховъ, и по милости Божьей переправились чрезъ Днѣпръ благополучно. Одинъ только товарищъ, бывъ долго боленъ лихорадкою, соскучился недугомъ, бросился съ порома въ воду и потонулъ.

Пройдя Днѣпръ, мы шли чрезъ дубровы, красивыя поля и луга, густою травою покрытые. Погода была хороша. Дорогою мы снабжали себя живностію.

Миновавъ Остеръ, граничный замокъ нашего Короля, шли мы къ Московскому замку Моравску. Въ 5 миляхъ отъ Моравска рыцарство уговорилось съ Паномъ Гетманомъ, дабы отправить впередъ нѣсколько Козацкихъ полковъ, а именно Белешка, который имѣлъ при себѣ 2000 Украинскихъ Козаковъ, Кудка и Швайковского.

Москали, узнавъ въ Моравскѣ, что Царь вступаетъ въ землю съ Польскимъ войскомъ, начали тревожиться и совѣтоваться; и болѣе отъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили пословъ къ Царю объявляя, что готовы сдаться. Мы подступили къ замку съ войскомъ въ порядкъ, и расположились обозомъ. Царь же съ Паномъ Воеводою въѣхалъ въ замокъ, и принялъ оный съ находящимися въ ономъ орудіями, а Москва тутъ же выполнила присягу на подданство. Снабдивъ какъ слѣдовало замокъ, двинулись мы къ Чернигову, лежащему въ 12 миляхъ отъ Моравска, надъ рѣкою Десною, которая течетъ и подъ Моравскомъ. Черниговъ замокъ весьма крѣпкій, и городъ очень достаточно снабженный орудіями. Козаки шли къ Чернигову передъ войскомъ и подъѣхавъ къ замку и къ городу, требовали, чтобы сдались Царю Дмитрію Ивановичу. Но ихъ не слушали: навротивъ того, стрѣляли въ нихъ и многихъ изъ нихъ убили. Узнавъ однакожъ, что Моравскъ сдался, Черниговцы собрались на совѣтъ, и положили поддаться Царевичу: одинъ только Воевода, Князь Иванъ, тому противился, но Москва его связала. Между тѣмъ Козаки штурмовали городъ, желая обогатиться грабежемъ, прежде чѣмъ войско подоспѣетъ. Тогда Москали послали къ Царевичу изъ Чернигова, прося его послать къ Козакамъ, дабы не грабили города, ибо они сдались добровольно. Извѣстіе сіе было прискорбно Царю и войску, и онъ отправилъ къ Козакамъ Пана Станислава Боршу, а Пана Пржедратовскаго, дворянъ и рыцарей своей роты: но до пріѣзда посланныхъ, Козаки городъ разграбили, и только пустыя коробки стояли передъ домами. На другой день Царь съ войскомъ стройно вошелъ въ Черниговъ, и увидѣвъ зло, учиненное Козаками, послалъ въ ихъ лагерь, весьма на нихъ досадуя, и приказалъ, чтобы возвратили взятое, въ особенно-

сти частное имущество. Въ противномъ случаѣ имъ угрожали, что Царь и прочее рыцарство раздѣляются съ ними съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Козаки прислали къ Царю и къ рыцарству просьбу, представляя, что у нихъ много убитыхъ и раненыхъ, и что они поспѣшили завладѣть городомъ, единственно имѣя въ виду услужить Царю, ибо опасались, чтобы Москва, усилившись, не вздумала противиться. Царь остановился у Чернигова на нѣсколько дней, и приказалъ возвратить отнятое. Козаки хотя и не все, но возвратили часть. Царь же съ Паномъ Воеводою стоялъ лагеремъ близъ самаго Чернигова.

Тутъ рыцарство просило у Царя денегъ, жалуясь на недостатокъ въ платьѣ и продовольствіи. Царь, взявъ 10,000 зл. изъ Черниговскаго замка, роздалъ ихъ рыцарству. Подъ Черниговымъ мы отдыхали недѣлю.

Оттуда мы двинулись къ Новогородку, за 36 миль отъ Чернигова. Лѣса по всей дорогѣ.

Козаки, подойдя къ Новогородку, надъ тою же рѣкою Десною, хотѣли тотъ часъ же сдѣлать приступъ; но опасались такого же гнѣва отъ Царя, какъ и въ Черниговѣ. А между тѣмъ Басмановъ, начальникъ замка, сжегъ городъ, а самъ заперся въ замкѣ.

Царевичъ, подойдя съ войскомъ въ порядкѣ, отправилъ къ замку 'для переговоровъ Пана Матвѣя Доморацкаго, Станислава Боршу, Бялоскурскаго, Старосту Остерскаго и пр., и съ ними вмѣстѣ и Моравскихъ Москалей. Москва однакожъ не хотѣла вступать въ переговоры; напротивъ стрѣляла по насъ еще сильнѣе и кричала, *а вы, блѣдны дѣти, вы пріѣхали съ ворогомъ за нашими деньгами.*

Когда войско стало лагеремъ надъ рѣкою Десною, въ четверти или полумили, отъ замка, велѣно было тотъ часъ, копать траншеи и плести туры. Выставивъ 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ, на колесахъ и винтахъ, стрѣляли по замку, испытывая, не сдадутся ли? Наши Гусары, покинувъ лошадей, кто хотѣлъ, шли на приступъ; другія же роты стояли въ полѣ; но Москва дважды, стрѣльбою своею, отразила нашихъ отъ замка. Въ третій разъ, подымавъ

деревянные на санях срубы, и подвигая их передъ собою, мы въ ночное время тихо пошли за ними, а еще позади насъ слѣдовали 300 человекъ съ соломою и хворостомъ, дабы потомъ зажечь солому и хворостъ подъ замкомъ. Дойдя къ замку, бросали хворостъ въ ровъ. Москали, увидѣвъ, стрѣляли изъ пушекъ и много нашимъ повредили. Штурмъ продолжался съ вечера до утра. Наши увидѣвъ, что не имѣя большихъ орудій, которыми бы можно сдѣлать проломъ, не лѣзя взять замка, отступили, потерявъ немалое число людей. Царевичъ былъ отъ того весьма смущенъ, такъ что отъ печали почти падалъ въ обморокъ, и негодуя на свое злополучіе и на Поляковъ, говорилъ: *я лучше судилъ о Полякахъ, но вижу они такіе же люди, какъ и другіе.* Услышавъ сіе, бывшіе тогда при Царевичъ отвѣчали: *не убавляй нашей доброй славы, ибо то всѣмъ народамъ извѣстно, что намъ не новость брать штурмомъ крѣпкіе замки. Хотя мы и не обязаны ходить на приступъ; однако мы поддерживая славу предковъ нашихъ отъ того по нынѣ не отказываемся, и отказываться не хотимъ; прикажите только сдѣлать проломъ, а когда намъ доведется сразиться съ врагами въ открытомъ полѣ, тогда Милостивый Царь увидишь храбрость и мужество Поляковъ, о которыхъ нынѣ отзывается такъ легко.* Малое время спустя наглядѣлся онъ на Польскую храбрость, и иначе сталъ судить о нихъ. Довелось нашимъ до того, что стали сомнѣваться подлинный ли онъ? Но на другой же день, по милости Всевышняго, получено утѣшительное извѣстіе, что идутъ посланные отъ города Путивля, лежащаго въ 15 миляхъ отъ Новогродка, съ объявленіемъ, что Путивляне готовы поддаться Царю. Сіе, при чудесной помощи Божіей, произошло слѣдующимъ образомъ: Москали Царскіе аллебардщики, пришедшіе съ Царемъ еще изъ Самбора, вздѣли за продовольствіемъ къ Путивлю. Вышедшіе Путивляне поймали ихъ и спрашивали: *Какіе вы люди?* Они отвѣчали: *мы братья ваши, идемъ въ отпѣну съ Дмитріемъ Ивановичемъ, Государемъ нашимъ природнымъ.* Не довѣряя разсказу, хотѣли было пытать ихъ, тогда они сказали: *Головы наши въ рукахъ вашихъ, можете дѣлать съ нами, что хотите, но мы не можемъ сказать ничего болѣе кромѣ того, что*

знаемъ, и что удостовѣрились, что онъ есть истинный племь, и вамъ советуемъ, ему поклониться. Они разсудивъ о томъ хорошо и посовѣтовавшись вмѣстѣ, связали Воеводу и привели ихъ въ лагерь подъ Новогородкомъ. Царевичъ и все рыцарство были тѣмъ весьма довольны, тѣмъ болѣе, что на третій или четвертый день послѣ того поддались замокъ Рыльскъ и Комарицкая волость.

Привезено потомъ изъ Путивля осадныхъ орудій 5, и по менше 8. Наши выставили ихъ въ траншеяхъ, прискавъ выгоднѣйшее мѣсто для дѣйствія и стрѣляли изъ нихъ по Новогородку весьма сильно. Въ первый день убили до 60 людей въ замокъ, ибо ядра пробивали стѣну насквозь. Стрѣльба сія продолжалась почти цѣлую недѣлю днемъ и ночью.

Потомъ дошли до насъ слухи, что великое войско Бориса, какъ сказывали до 200,000 человекъ, идетъ на насъ. Наши, по Божіей милости, того не побоялись. Изъ разныхъ ротъ собрались охотники, которые избравъ изъ среди себя начальниковъ, и взявъ съ собою Московскихъ провожатыхъ, пошли на встрѣчу Борисова войска, для наблюденія за движеніями онаго.

Москали также изъ войска Бориса отрядили передъ собою для открытія нѣсколько тысячъ Татаръ. Нашихъ не было болѣе 800. Встрѣтившись съ непріателемъ нечаянно ночью, мы сразились. По Божьей милости, Татары побѣжали, и мы гнали ихъ въ болото, гдѣ много ихъ потонуло. Пльнныхъ досталось намъ нѣсколько десятковъ; пытая ихъ, мы узнали, что войско превеликое.

Черезъ недѣлю потомъ, оное войско Борисово подошло къ намъ подъ Новогородокъ, къ самому почти лагерю, такъ что передовая стража наша убралась въ лагерь, давая знать, что народу много идетъ.

Панъ Воевода, въ качествѣ Гетмана, отправилъ связную стражу изъ лагеря, дабы стереглись до разсвѣта. На другой день, призвавъ въ помощь Господа Бога, и затрубивъ тихо подъ сурдиною, войско выступило изъ лагеря. Москва укрѣпилась и стояла охорашиваясь и гарцуя. Басмановъ не переставалъ дѣлать частыя вылазки изъ замка, стрѣлая въ на-

шихъ. Потому наши отрядили нѣсколько сотъ Козаковъ, приказавъ имъ удерживать его. Нѣсколько разъ Козаки по пятамъ его врубивались въ самый замокъ. Наступилъ вечеръ: сраженіе не было дано, потому что время прошло въ переговорахъ Царевича съ Москвою.

На другой день, когда переговоры не имѣли успѣха, войско Московское, весьма многочисленное, подступило къ самому лагерю. Наши, будучи готовы, вышли изъ лагеря въ порядкъ. Устроили войско какъ умѣли лучше, и потомъ велѣли вступить въ сраженіе ротѣ Пана Неборскаго, состоящей изъ 200 лошадей. Неборскій дрался хорошо, но былъ опрокинутъ Москвою. Отведя роту, онъ скоро опять возвратился на бой, и поскакалъ съ двумя ротами съ Крушиною и Былинскимъ. Въ тоже время Дворжицкій такъ мужественно наступилъ съ своею Петигорскою ротою, что почти успѣлъ привести Москву въ замѣшательство. Потомъ бросились на непріятеля двѣ роты Гусарскія, Пана Старосты Саночкаго и Пана Фредро. Третья Пана Шуки хорошо поддерживала. Наконецъ сразилась и четвертая Царская рота, изъ 200 лошадей состоящая, и много пособила, ибо тотъ часъ же большое Московское войско начало отступать. Были однакожь еще запасныя роты, которыя не сражались, ибо не было въ томъ надобности. Нѣсколько тысячъ стрѣльцевъ Борисовыхъ были такъ укрыты въ долу, что не скоро наши открыли ихъ. Польская пѣхота наша наступила на нихъ и съ помощью Божьею всѣхъ ихъ разбила. Такимъ образомъ, при помощи Божьей, мы отстояли поле и одержали побѣду. Войско Борисово отступило отъ насъ за двѣ мили, и подѣлало засѣки и прокопы въ лѣсу. Наши чуть чуть не взяли богатую хоругвь главнаго Московскаго войска.

На другой день, по Христіанскому обычаю, погребали тѣла убитыхъ Москалей. Три огромныя могилы вырыты были на полѣ сраженія, и тамъ схоронено до 6,000 труповъ. Царь, провзжая между мертвыми тѣлами, и видя столь много своихъ земляковъ убитыхъ, очень сожалѣлъ и плакалъ. Поляковъ же убитыхъ, изъ значительныхъ, было не болѣе 20, и они похоронены съ великою честью при церквѣ, бывшей по-

среди лагеря; другихъ же простыхъ людей нашихъ погибло до 100, и ихъ похоронили возлѣ Москалей, въ малой могилѣ. Между мертвыми найденъ Мстиславскій, весьма взрубленный.

Послѣ перваго сраженія рыцарство наше размыслило, что претерпѣваютъ недостатокъ, какъ сами, такъ и челядь ихъ. Иныхъ же, кажется, приводилъ къ смятенію страхъ ожидаемой большей опасности. Всѣ стали требовать отъ Царя денегъ, говоря, что если не получаютъ оныхъ, то тотъ-часъ же уйдутъ въ Польшу. Царевичъ убѣдительно просилъ, дабы обождали, и не отказывались довершить победы надъ сильно-разстроенымъ непріателемъ. Рыцарство ничего не слушало, и отвѣчало, что всѣ возвратятся въ Польшу, если не получатъ денегъ. Царевичъ, видя, что дѣло плохо, не зналъ на что рѣшиться, немнѣя, кажется, достаточно денегъ, чтобы всѣхъ удовлетворить. Тогда товарищи 3-ей роты Пана Фредро стали тайно говорить Царю: *Дай намъ однимъ деньгъ, такъ чтобы другія роты о томъ не знали: ибо роты сіи на насъ оглѣдываются; ежели мы останемся, то и онѣ останутся.* Несчастный Царевичъ дался въ обманъ, и въ ночное время послалъ къ нимъ деньги. Узнавъ о томъ, другія роты явно взбунтовались, упрекая Царевича, что одной ротѣ далъ деньги, а другія ничего не получили.

Панъ Воевода, который находился тогда въ болѣзненномъ состояніи, объявилъ, что дѣла его требуютъ присутствія его на Сеймѣ, и въ слѣдствіе сего онъ оставилъ лагерь Царевича, а съ нимъ и большая часть рыцарства. Царевичъ былъ очень огорченъ претерпѣнными имъ отъ рыцарства разными непріятностями. У него отняли было и хоругвь его, и сорвали даже съ него соболью шубу, которую потомъ однакожъ Москва выкупила за 300 злотыхъ. Многіе ругали его, и одинъ Полякъ сказалъ «*Ей ей, быть тебѣ на столбѣ,*» Царевичъ за сіе далъ ему пощечину. Несчастный Царевичъ скакалъ отъ одной роты къ другой, умоляя именемъ Бога не покидать его. Но онъ никонимъ образомъ не хотѣли оставаться, кромѣ нѣсколькихъ товарищей изъ разныхъ ротъ, такъ что при Царевичѣ всего Польскихъ людей осталось не болѣе 1,500.

Отправившееся съ Паномъ Воеводою войско испытало великія бѣдствія: холодъ и голодъ, какъ сами люди, такъ и лошади ихъ. И потому между ими одинъ на другаго слагалъ вину отъѣзда. Въ самомъ дѣлѣ имъ довелось переносить болѣе трудовъ, чѣмъ оставшимся при Царевичѣ людямъ.

Послѣ отъѣзда Пана Воеводы и отправившагося съ нимъ рыцарства, пришло 12,000 Козаковъ Запорожскихъ, коимъ Царевичъ давно послалъ хоругвь. Они имѣли при себѣ болѣе десяти малыхъ пушекъ. Царевичъ принялъ ихъ съ радостію, полагаясь много на ихъ мужество, ибо войско было значительное.

Собравшись съ ними и со всеми Поляками своими, онъ двинулся далѣе въ Московскую землю къ Комарицкой волости. Тамъ рыцарство, послѣ многихъ трудовъ, отдохнуло порядочно — 2 недѣли. Не хотя оставаться совсѣмъ въ бездѣйствіи, отряды дѣлали разъѣзды на 8 миль — Прежде еще, чѣмъ войско двинулось отъ Новгородка къ Комарицкой волости, Рыльскіе обыватели прислали къ Царевичу съ просьбою, дабы имъ далъ въ Рыльскъ Поляка, человека, къ которому бы самъ имѣлъ довѣріе: что и самому Царевичу показалось справедливымъ и нужнымъ. Онъ приказалъ немедленно Пану Боршу, своему Дворянину и Ротмистру, отправиться туда и осмотрѣвъ и снабдивъ замокъ продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ, возвратиться къ Царю. Боршъ, поднявъ хоругвь, набралъ до 200 товарищей. Борисово войско, узнавъ объ отъѣздѣ Пана Воеводы съ большею частію рыцарства, возмѣло отъ того великую противъ насъ отвагу, и придвинулось къ намъ на 6 миль. Царевичъ совѣтовался, что дѣлать, преимущественно съ Козаками, ибо на нихъ полагалъ всю свою надежду. Атаманъ и Полковники ихъ представляли, что должно наступать, не ожидая непріятельскаго нападенія. Нѣкоторые же изъ Поляковъ были того мнѣнія, что лучше выжидать непріятеля, избравъ выгодное для сраженія мѣсто; и стараться вестъ съ нимъ переговоры и медлить, не торопясь битвою. Послѣдствіе доказало, что сей совѣтъ былъ хорошъ. Сами Москаки потомъ говорили, что, видя значительное войско, наклонны были къ миру. Козаки однакожь, упорствуя въ сво-

емъ мнѣніи, совѣтовали наступать непременно. Царевичъ послушался ихъ и двинулся со всемъ войскомъ изъ Сѣвска, назначивъ себя въ Гетманы Поляка Пана Адама Дворжицкаго, что прежде былъ Полковникомъ. Подошли близко къ непріятельскому лагерю. Московское войско стояло въ порядкѣ, ожидая насъ : было его 30,000, болѣе чѣмъ подъ Новгородкомъ. Начальниками онаго были двоюродный братъ Годунова, Семень Годуновъ и два брата Шуйскихъ. Поляки выстроившись въ порядкѣ, двинулись противъ праваго крыла Московскаго войска. Козаки стали на нашемъ правомъ крылѣ. Поляки построили въ одинъ рядъ 7 ротъ копейщиковъ, смѣшанныхъ съ Пятигорцами, и оставили въ запасъ 200 Гусаръ подъ начальствомъ Пана Бялоскорскаго. Тогда, призвавъ Бога на помощь, роты сразились: Пана Дворжицкаго Гетмана, Пана Станислава Борни, Пана Вержбицкаго, П. Билинскаго, П. Тышкевича, и П. Микулинскаго, и бились такъ мужественно, что прогнали Москву въ лагерь. Тамъ приняли нашихъ очень сильнымъ огнемъ: пули Московскія летали на насъ градомъ, но по Божьей милости вредили не много, ибо перелетали черезъ головы. Дымъ отъ сей стрѣльбы повзвѣлъ на занимавшихъ правое крыло Козаковъ, которые, не сражавшись, побѣжали отъ одного дыма сего. Поляки, думая, что Козаки такъ же съ ними сражаются, сильнѣе еще тѣснили Москву. За дымомъ не видно было, что дѣлается у Козаковъ. Но тутъ нѣсколько Поляковъ прибѣжало съ извѣстіемъ, что Козаки уже утѣкли; тогда и мы стали отступать въ порядкѣ, отбиваясь и отражая Москву. Однакожъ Козачья пѣхота, бывшая при пушкахъ, сильно стояла противъ Москалей. Но мы, не будучи въ возможности противустоять столь превосходному числу непріятелю, все отступали въ ожиданіи, не возвратятся ли Козаки, и ни какъ не могли спасти Козачьей пѣхоты, которую Москали разбили и пушки взяли. Тогда тѣ изъ насъ, которые имѣли лучшихъ лошадей, поскакали за Козаками, уговаривая и умоляя ихъ, дабы не навлекали на себя такого безчестія. Но они, не внимая ни чему, постыдно разбѣгались въ разныя стороны. Царевичъ срубилъ нѣкоторымъ головы, нагоняя ихъ

въ сопровожденіи другихъ Поляковъ: и такъ мы слѣдовали за Козаками 18 миль безъ отдыха до самаго Рыльска. Прийдя въ Рыльскъ, мы отдохнули два дня.

Потомъ двинулись къ Путивлю, 12 миль отъ Рыльска къ Польской границѣ. Войско Борисово слѣдовало за нами, надеясь настигнуть насъ въ Рыльскъ. Они пришли къ Рыльску на другой день послѣ насъ, и расположились лагеремъ. Москаля тутъ же приказали плести туры и копать траншеи, которые подведя къ городу, выставили пушки и сильно стрѣляли по Рыльску. Рыльскіе обыватели такъ же упорно защищались, будучи обнадежены Царевичемъ, что пришлетъ имъ войско на помощь. Въ самомъ дѣлѣ онъ послалъ 2,000 Москалей и 500 Поляковъ, которые вошли ночью въ городъ такъ удачно, что ихъ Москва не примѣтила, и узнала объ нихъ тогда, когда они уже вошли. Царевичъ же еще увѣрялъ Рылянь, что скоро придетъ на выручку ихъ съ значительнымъ войскомъ. Извѣстившись о томъ, рать Годунова очень испугалась, а мы еще болѣе трепетали опасаясь, чтобы они на насъ не наступили, ибо насъ было весьма немного, такъ какъ послѣ сраженія подъ Сѣвскомъ нашихъ не только что много, но даже почти и всѣ отправились въ Польшу не распростившись. Тогда Царевичъ сталъ упрашивать Пана Ермолая Бялоскорскаго и Пана Станислава Боршу, дабы вѣхали за ними и ради Бога убѣждали ихъ возвратиться. Съ помощію Божіею, по ихъ увѣщанію, многіе возвратились, и малое только число отправилось въ Польшу. Возвратившись въ Путивль, мы опять размѣстили товарищей по хоругвямъ, ибо разбрелись было всѣ въ рознь. Паны Ротмистры снова устроили роты свои, приказавъ подымать какъ можно болѣе копій, въ которыхъ рыцарство терпѣло большой недостатокъ, ибо нѣкоторыя были переломаны въ сраженіи, а другія утрачены при отступленіи. Потомъ мы разнесли слухъ, что намъ въ помощь идетъ значительное Польское войско, а именно Панъ Жолкѣвскій, Гетманъ Полевой, хотя сіе было вовсе невѣроятно.

Москва Борисова, поймавъ Москаля изъ Путивля допрашивала его, что думаетъ Царевичъ и его войско? и онъ имъ

сказалъ: въ Путивль говорятъ, что большое войско идетъ въ помощь Полякамъ. Повѣривъ тому, весьма встревоженные Москали, отошли отъ Рыльска, и какъ будто гонимые, отступили отъ насъ на 40 миль отъ Рыльска къ Кромамъ, что насъ весьма обрадовало.

Потомъ Царевичъ отрядилъ изъ Путивля и Рыльска 4,000 Козаковъ Донскихъ и Москалей, на помощь Кромскимъ жителямъ. Сія такъ же вошелъ скрытно ночью въ городъ, Москва замѣтила ихъ тогда уже, когда послѣдніе входили, и дрались съ ними до тѣхъ поръ, пока и тѣ послѣдніе успѣли вступить въ городъ. Послѣ прибытія сего отряда въ Кромы, Борисово войско открыло жестокую пальбу изъ пушекъ и большихъ мортиръ, слѣдствіемъ коей было сожженіе Кромскаго замка. Но Кромскіе жители защищались неослабно. Войско отъ 7 до 8 недѣль стояло у Кромы, сильно добывая городъ.

Между тѣмъ доходили до насъ въ Путивль частые слухи, что городъ Кромы взять приступомъ. Слухи сіи тѣмъ болѣе тревожили насъ, что въ Путивль причиняли сильное негодованіе. Жены оплакивали мужей и сыновей своихъ: отъ того мы были въ опасеніи, не измѣнятъ ли намъ Путивляне, чтобы угодить Борису?

Въ сіе время пришло 500 стрѣльцевъ изъ Борисгорода и изъ Царяграда, которые передались Царю. Они имѣли красное платье, ибо находились прежде въ службѣ Бориса.

Скоро потомъ дошло до насъ несомнѣнное и для всѣхъ насъ весьма утѣшительное извѣстіе, о смерти Бориса. Тотъ же часъ жена Борисова изъ города Москвы послала къ войску, стоявшему подъ Кромами, чтобы присягали сыну ея Федору. Многіе присягнули. Однакожь отъ того произошло не малое замѣшательство.

Мы же, имѣя о всемъ достаточное свѣдѣніе, не дождавшись изъ Польши ни одного живаго человека въ помощь, двинулись противъ того войска съ Царевичемъ. У насъ было всего не болѣе 2,000 копѣйщиковъ, да Москалей могло быть до 10,000.

Двинувшись изъ Путивля, отправили впередъ 3 роты По-

ляковъ, давъ имъ въ начальники Пана Запорскаго; съ ними было также нѣсколько тысячъ Москалей.

Подходя уже близко къ Кромамъ, Панъ Запорскій придумалъ такую хитрость: написалъ письмо къ Кромскимъ обывателямъ слѣдующаго содержанія: *Извѣщая васъ, что идемъ къ вамъ на выручку съ сильными Польскими войсками*, и съ тѣмъ письмомъ отправилъ Москаля, взявъ его изъ Борисовой деревни Бильзовы. Показалъ ему нѣсколько ротъ и далъ рубль, дабы снесъ письмо къ Кромскимъ обывателямъ. Онъ былъ схваченъ людьми Борисовыми, и отведенъ въ лагерь Читали письмо, отправленное въ Кромы, и весьма встревожились. Въ то же время Московская передовая стража, Татары, разбитые Паномъ Запорскимъ, прибѣжали въ лагерь, сказывая, что народу очень много, ибо наши тогда выступали изъ лѣса, и Татарамъ число нашихъ показалось велико: Москва испугалась, ибо донесеніе ихъ согласовалось съ письмомъ, которое Панъ Запорскій отправилъ нарочно, дабы он о было перехвачено.

Тогда отъ страха, Москва отправила посланныхъ къ Пану Запорскому, объявляя, что все хотятъ бить челомъ Дмитрію Ивановичу, и что цѣлое войско уже ему крестъ цѣлуетъ.

Панъ Запорскій увѣдомилъ немедленно Царевича, и Москва сама вскорѣ прибѣжала къ нему, сказывая, что цѣлое войско цѣлуетъ крестъ тебѣ, а изменниковъ твоихъ мы связали. Царь и мы все, находившіеся тогда съ нимъ въ болѣшой опасности, весьма обрадованы были всѣмъ случившимся.

Потомъ пріѣхалъ Князь Голицынъ, бывшій между прочими начальникомъ и съ нимъ нѣсколько сотъ людей, которые донесли Царевичу, что цѣлое войско и вся земля въ его послушаніи. Рота Пана Борши стояла тогда на стражѣ и Поручикъ Пана Борши прислалъ ему сіе извѣстіе.

Мы, будучи уже тогда въ дорогѣ съ Царевичемъ, двинулись далѣе къ столицѣ. А къ Московскому войску послалъ Царевичъ, дабы разѣхались, ибо были изнурены; только знатнѣйшимъ приказалъ ожидать себя у замка Орла.

Потомъ пришли мы съ Царевичемъ подъ замокъ Орель.

Тутъ противъ насъ вышло войско Московское, числомъ, какъ сказывали, до 80,000 человекъ; и такъ мы провожали его, съ Божьею помощію, благополучно къ столицѣ. Царевичъ однакожъ, не доверяя Московскому войску, приказывалъ располагать оное за полъ мили, а иногда и за милю отъ себя. Мы же, Поляки, были всегда при немъ на квартирахъ и въ походѣ, до самой столицы, держа около него ночную стражу изъ ста человекъ.

Потомъ въ 15 миляхъ отъ Москвы, подъ замкомъ Серпуховомъ, учрежденъ былъ лагерь изъ шатровъ. Присланный изъ Москвы, для принятія Царевича, огромный и многодѣльный шатеръ, снабженъ былъ четырьмя воротами съ раскатами, такъ что походилъ на каменный замокъ. Комнаты въ немъ были богаты и красиво вышиты золотомъ: особенно столовая, въ коей Царь угощалъ насъ и Бояръ. Сидѣло за столомъ до 500 человекъ. Угощеніе было роскошное, ибо повара пріѣхали изъ Москвы со всемъ нужнымъ, а такъ же и другіе служители и ключники. Двѣсти лошадей вели въ поводу: оныхъ всегда до 500 находится въ Царской конюшнѣ, и также нѣсколько каретъ съ весьма красивыми шестернями. Такимъ образомъ мы шли къ Москвѣ; ежедневно Царя встречали Бояре, принося подарки, соболя, золото, серебро.

Съ помощію Всевышняго, вошли въ столицу при благопріятствующей погодѣ. Народу много стояло на крышахъ, смотря на Поляковъ.

Мы ввели его на самый дворъ въ замокъ, и стояли въ порядкѣ при хоругвяхъ, пока онъ не слѣзъ съ лошади и не ушелъ въ палаты.

Квартиры для всехъ нашихъ хоругвей отведены были на одномъ Посольскомъ дворѣ: тамъ было намъ очень тѣсно. Однакожъ потомъ нѣкоторые перешли на другія квартиры.

Короноваться Царь не хотѣлъ до пріѣзда матери, которая была въ дорогѣ. Ожидалъ ее 4 недѣли.

Тогда Шуйскіе, знатные люди, хотѣли ему и намъ учинить измѣну, подоживъ огонь ночью. Мы однакожъ снѣкнули, и Царевичъ приказалъ схватить ихъ и вывести на пло-

щадь. Однакожь по ходатайству некоторыхъ сенаторовъ, Царь даровалъ имъ жизнь, и отослалъ куда-то далеко отъ Москвы: но уже теперъ опять въ милости.

Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда его матери коронаваніе совершилось. На встрѣчу матери онъ шелъ пѣшкомъ полъ мили, выйдя изъ кареты, съ другими Поляками. А когда она вѣдала городомъ Москвою, то онъ шелъ пѣшкомъ при каретѣ.

Вскорѣ послѣ коронаванія произошло большое замѣшательство между Москвою и Поляками, по той причинѣ, что Москва, по маловажному поводу товарища нашего, Шляхтича Польскаго Липскаго, приказала палачамъ бить кнутомъ и водить по улицамъ на шесту оубиновенію. Увидѣвъ то, наши бросились на нихъ. Много оубитыхъ и много раненыхъ. Царь былъ весьма недоволенъ, и послалъ сказать Полякамъ, чтобы ему выдали виновныхъ, а то велитъ вывести пушки, разбить занимаемый нами дворъ основаніи, и потомъ ни малѣйшаго ребенка изъ нашихъ кортѣ не будетъ. Поляки такъ отвѣчали на сіе посланіе: *Такою оублажаемъ награду за кровавыя услуги наши, которыхъ мы для Царя не щадимъ: мы того не побоямся! пусть умремъ мучениками! Будетъ однакожь о томъ знать Панъ нашъ Король и братья наши. А мы покаместъ хотимъ погибнуть, какъ Рыцарскіе люди, и пока не умремъ, много вреда надѣлаемъ!* Намѣреніе рыцарства, было броситься на Москалей, коихъ было въ сборѣ нѣсколько десятковъ тысячъ; искали только священника, чтобы прежде исповдаться. Донесено было Царю, на что Поляки рѣшаются, и онъ, удивляясь великодушію ихъ, послалъ къ нимъ вторично, дабы не отказывались выдать виновныхъ, обѣщая, что имъ ничего не будетъ сдѣлано, лишь только бы оказали покорность для успокоенія Москалей. И такъ Рыцарство, получивъ отъ него сіе удостовѣреніе, выдало трехъ человекъ съ условіемъ, дабы не были наказываемы, такъ какъ они не болѣе прочихъ были виновны, ибо всѣ были, а что выдаются они только въ угожденіе Царской милости. Выданы были изъ роты Пана Борши одинъ товарищъ, Павелъ Держбицкій, изъ роты Пана

Вержбицкаго Щигельскій, изъ роты Пана Богухвала Шеллборскій, конхъ Царь обѣщаль возвратить безвредно. Однакожь они были въ большомъ страхѣ, ибо ихъ посадили въ тѣсную темницу, гдѣ около стѣнъ находились узкія скамейки, а подъ скамейками разные, желѣзные, острые крючки, лишь бы только который изъ нихъ сдремаль, то погибъ бы лютою смертію, и они намѣревались уже бѣжать, если бы имъ пришлось оставаться тамъ долже, но ихъ продержали только одинъ сутки.

Ротмистръ, провожавшіе Царя до столицы, были Паны Дворжницкій Гетманъ, Станиславъ Борша, Иваницкій, Бялоскорскій, Вержбицкій, Запорскій и Богухваль.

Сію Московскую исторію ~~сочинилъ~~ Палеъ Станиславъ Борша, Ротмистръ и дворжницкій Великаго Царя Московскаго, Дмитрія Ивановича Царя Божьаго 1606.

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Stanford University Libraries

3 6105 002 281 827

